

ВАРВАРА КОРСАРОВА

УЕЗДНАЯ
УЧИТЕЛЬНИЦА
МАГИИ

Annotation

Эрике грозит опасность. Она вынуждена бежать из столицы, поэтому принимает назначение на пост учительницы в захолустном городке. Она будет преподавать новый предмет... невежественные люди считают его магией, а Эрику — ведьмой! В городке Крипвуд творится немало странного. Суеверные горожане живут в страхе перед персонажем старой легенды, разбойником Иоахимом Граббом, который забирает неугодных к себе в лес, полный привидений. У Эрики появляется и реальный враг — местный богатей и глава попечительского совета Корнелиус Роберваль, мужчина с мертвым взглядом, дурным характером и большой тайной. Но как быть, если враг становится возлюбленным?

- [Варвара Корсарова](#)
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)

- [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)
 - [Глава 24](#)
 - [Глава 25](#)
 - [Глава 26](#)
 - [Глава 27](#)
 - [Глава 28](#)
 - [Эпилог](#)
-

Варвара Корсарова
Уездная учительница магии

Глава 1

Одинокая пассажирка

На крошечной станции, где поезд стоял лишь минуту, в купе вошла дама..

— Прошу, — кондуктор показал на свободную скамью и скрылся в тамбуре.

Появление попутчицы обрадовало меня. Последние четыре часа путешествия в одиночестве прошли мучительно. Сиденье было жестким, купе — душным, пейзаж за окнами не мог отвлечь от переживаний. Изредка мелькали небольшие города, деревни, да тянулся стеной дикий лес.

В другой ситуации я с интересом изучала бы новые места, поскольку никогда не выезжала в эту часть страны, но сейчас было не до наблюдений. И уснуть, чтобы скоротать дорогу, не удалось: в голове без конца крутились мрачные мысли и не давали забыться.

Я понятия не имела, что ждет меня там, куда я еду. Какие люди живут в городе, где проведу не менее года, будут ли они мне рады... Найду ли я друзей и, главное смогу ли скрыться так, что меня не найдут.

Или хотя бы найдут не сразу.

Дама поздоровалась и начала деловито копаться в саквояже.

Попутчица оказалась любопытной особой: по виду мещанка, средних лет, одета небогато, но за модой следит. Причем следит, не зная меры. Поверх ее зеленого платья с оборками надета кофта — тоже обильно украшенная оборками, а поверх кофты — плюшевый жакет.

Из-за многочисленных слоев одежды дама походила на кудрявую капусту. Сходство довершали локоны, торчащие во все стороны из-под шляпки — точь-в-точь подвядшие капустные листья.

Я представила, как уместно будет смотреться дама на овощной грядке, и невольно улыбнулась.

Дама искоса глянула на меня.

Я виновато опустила глаза.

«Эрика, хватит, — одернула я себя сердито. — Ты ведешь себя неприлично — так рассматривать незнакомку!»

Но дама не показала, что обиделась. Она дружелюбно кивнула, выудила из саквояжа теплый платок и немедленно укуталась.

— Как тут холодно! — пожаловалась новая соседка, нервно тербя край платка толстыми пальцами. — Душечка, будьте любезны, закройте форточку. Я ужасно боюсь простуд. В дороге подхватить их легче легкого.

Пришлось встать и с усилием потянуть тяжелую раму. В купе было жарко, печка раскалилась докрасна, но знаю я таких людей — им будет сквозить даже в адской котельной.

Однако спорить я не стала, поскольку рассчитывала завязать с дамой разговор.

Если она живет неподалеку от места моего назначения, можно расспросить ее о захолустном городишке под названием Крипвуд, где вскоре мне предстоит начать новую жизнь.

Словно подслушав мои мысли, капуста дама поерзала, устраиваясь поудобнее потом наклонилась вперед и выдала фразу, с которой уместно начать любую беседу:

— Прекрасная погода стоит этой осенью! Но, говорят, уже завтра можно ожидать дождей. Чем севернее, тем раньше они приходят. Вы впервые едете в нашу провинцию? — она пробежалась взглядом по моему тонкому жакету и пояснила свою догадку: — Одеты вы, милочка, не по сезону. Из столицы, небось?

— Да, из Сен-Лютерны. У нас еще лето.

Дама ждала, когда я назову цель своего путешествия, но я лишь вежливо улыбалась.

Меньше говори и больше слушай — вот мое правило номер один.

— А я всю жизнь прожила в провинции, — призналась дама. — И дальше чем на десять лиг от родного города не уезжала.

Я сочувственно покивала.

— Но, надо сказать, я никогда не хотела попасть в большой город. И уж тем более в Сен-Лютерну! В газетах пишут, у вас там в сумерки из дома спокойно не выйти. Душителы, карманники, бандиты... вот еще, пишут, объявился преступный гений. Как его... Химерас. Слышали про такого? Это правда, что он держит в страхе всю столицу?

— Журналисты любят преувеличивать, — заметила я с излишней суровостью — обсуждать газетные утки мне сейчас не хотелось. —

Химерас — такая же выдумка как грабители-попрыгунчики или гигантский крокодил в заливе.

Дама с сомнением покачала головой. Видимо, как многие провинциалы, она с удовольствием листала газеты из дешевой желтой бумаги и смаковала кричащие заголовки. И верила им до последнего слова.

— У нас тоже всякое бывает. На прошлой неделе в Шваленберге ограбили ломбард; говорят, какие-то приезжие, — она неодобрительно покачала головой.

— Наверняка, — согласилась я.

— В Шваленберге у меня племянник, я еду его навестить, — сообщила дама, а потом махнула рукой на правила вежливости и спросила прямо: — А вы далеко путь держите?

— В Крипвуд.

Мне показалось, или дама слегка вздрогнула? Она откинулась на спинку и переспросила странным тоном:

— В Крипвуд? Что ж у вас там — родня? Или знакомые?

— Ни то ни другое. Я еду туда по направлению Департамента народного образования, — решила я на откровенность — видимо, иным путем выудить из дамы полезную информацию не получится. — Буду работать учительницей в местной школе.

— Вот как!

Это восклицание сопровождалось таким изумленным взглядом, что я подобралась.

Ее недоумение рассердило меня, поскольку было непонятным.

Ну что тут удивительного — девушка окончила курсы и едет честно трудиться, нести образование людям! Неужели Крипвуд — такой медвежий угол, что приезд учителя из столицы способен вызвать потрясение?

На курсах нам рассказывали, что новые программы и педагогические методы с трудом приживаются в дальних уездах, где в школах еще всюю применяют телесные наказания и предпочитают учить по старинке — заставляя зубрить огромные отрывки из скучных книг.

Но все же теплилась надежда, что реальность не окажется такой уж суровой, и встретят меня если не радостно, то доброжелательно. В

конце концов уездных учителей не хватает, и мой приезд должен стать облегчением для директора школы.

Однако реакция попутчицы зародила новые сомнения.

— Вы бывали в Крипвуде?

— Довелось, — дама насупилась так, что сразу стало понятно: чем-то этот город заслужил ее неодобрение. А следующий ее вопрос совершенно сбил меня с толку:

— Что же вы, чем-то провинились перед Департаментом, что они сослали вас в эту проклятую богом дыру?

— Вовсе нет, — возразила я. — Меня отправили туда по моей просьбе. Я всегда мечтала учить детей именно в маленьком городке, в провинции. У меня неплохая подготовка, и я надеюсь принести кое-какую пользу. Это, в свою очередь, принесет мне удовлетворение.

Дама покачала головой. Я нахмурилась.

— Вы считаете меня наивной? Но я и правда думаю, что в провинции от меня будет больше пользы, чем в столице.

Я вовсе не кривила душой, хотя и умолчала о главной причине, которая заставила меня спешно просить распределения на место на самой окраине королевства.

— Что вы милочка, я вовсе не считаю вас наивной! — всполошилась дама. — Однако уж больно дурной славой пользуется этот городишко... — Она понизила голос, оглянулась, как будто желая проверить, не подслушивает ли кто наш разговор, и выпалила: — Там нечисто.

— Нечисто? — машинально переспросила я. — Грязно на улицах? О, я к этому готова. Понимаю, это маленький город, почти деревня, и наверняка скот бродит по улицам...

— Нет-нет! — замотала головой дама. — Там *нечисто*, — повторила она выразительно кивая так, что ее обрюзгшие щеки задрожали, как желе, — в том смысле, что там... люди не выходят на улицу после темноты. И верят... во всякое. Всякое такое, — она подняла руку и пошевелила пальцами, как делают взрослые, когда хотят напугать ребенка.

До меня, наконец, дошло, что имела в виду дама. Я пристально посмотрела на нее, но не нашла на ее лице насмешки.

Неужели она серьезно? Впрочем, чего ожидать от особы, которая верит во все, что пишут в желтых газетах!

— Хотите сказать, в городе водятся привидения? — уточнила я недоверчиво.

Дама жиденько засмеялась.

— Привидения? Можно сказать и так. Во всяком случае, местные истово верят в легенду о безглазом разбойнике Иоахиме Граббе и проклятье, которое он наслал на город... Опять же люди пропадают...

— Пропадают в лесах? В болотах? — поразила я.

Перед поездкой я внимательно изучила все заметки, которые смогла найти в библиотеке о городе Крипвуде. Увы, нашла немногое.

Узнала, что Крипвуд окружен лесами, солеными болотами, и находится вблизи от морского побережья. Не самый здоровый климат, но зато нет дыма от заводов и фабрик, что отравляли столицу.

Побережье местами пологое, местами скалистое, в прошлом излюбленное контрабандистами. Крупный порт далековато: в тридцати лигах. Но можно иногда выбраться развлечься, если учительское жалованье позволит.

Увы, в справочниках не говорилось ни о привидениях, ни о местных легендах, и полицейские сводки мне тоже не попадались... оттого я считала, что еду в тихое место, где столетиями не случается ничего интересного.

Выходит, ошибалась.

— Да, в лесах. В основном пропадают дети, — продолжала дама. — Бывает, и взрослые. К счастью, их почти всегда находят через день-два. Но, говорят, находят их... *не такими*.

Опять эта таинственная интонация!

— Что значит — не такими?

— Ну... как будто они увидели там, в лесах, то, что отшибло им память. Они плохо помнят свои приключения. Во всяком случае, ничего о них не рассказывают. Старожилы уверяют, что потерявшиеся попадают в гости к разбойнику Иоахиму Граббу.

— Разве в наш век телеграфа и поездов еще где-то остались лесные разбойники? — усмехнулась я. — Думала, их место — в сказках да романтических историях. Современные разбойники занимают посты директоров банков.

Дама не улыбнулась шутке.

— Иоахим Грабб жил двести лет назад. Но легенды твердят, его дух никак не успокоится. Старые предания... Конечно, чушь это все.

Однако местные верят.

Я заподозрила, что презрение ее показное, и моя попутчица тоже крепко верит в легенды и суеверия. Вон с каким смаком о них рассказывает!

Ее следующие слова подтвердили мою догадку.

— Однако есть в мире вещи, которые не объяснить в двух словах. Как бы эти горе-ученые ни старались, — презрение в голосе дамы усилилось и теперь было искренним. — Вот еще — выдумали называть колдовство природным явлением! Приглашают колдунов на службу, и дают им места в университетах! Добром это не кончится.

Я неопределенно хмыкнула. Надо полагать, дама говорит об Одаренных. Лучше увести разговор с этой темы...

— Вы знаете кого-нибудь из жителей Крипвуда?

— Да, с некоторыми знакома. У меня там живет дальняя родня по мужу...

— Пожалуйста, расскажите о ком-нибудь из горожан. Хотелось бы немного разузнать о людях, к которым я еду. И об обычаях, принятых в городе.

— Ну... о ком вам рассказать? — дама задумалась. — Бургомистром там Фалберт Флегг... ух и жук, я вам скажу! Любого уболтает, заставит поверить, что черное — это белое, если ему это выгодно. Но человек в целом неплохой. Так... кто еще... ах да, директор школы. Вот кто вас, должно быть, интересуется прежде всего. Господин Стефан Степпель. Он пожилой, в молодости учился в университете... Чудак, каких поискать.

Меня порадовала эта характеристика. Чудаки мне нравились — может, потому что они были моей противоположностью. Себя-то я считала практичной, приземленной и обыденной. До отвращения полной здравого смысла.

— А вот с кем вам следует быть поосторожнее, так это с местным богатеем. Корнелиус Роберваль его имя. Он владеет лесопилками и деревоперерабатывающими фабриками в округе. Тяжелый человек, неуступчивый. С юности такой, а уж как его жена умерла три года назад, так совсем ожесточился. Он — настоящий хозяин города. Если вы ему в чем-то не угодите или не сойдетесь с ним во взглядах, он в два счета позаботится, чтобы вас выставили прочь.

— Вряд ли это ему под силу. Меня прислал столичный Департамент образования и последнее слово будет за инспекторами, а не местным богатеем.

— У Роберваля есть связи в столице. Он жил там долгое время. Так что смотрите в оба, милочка, — сказала дама с сочувствием. — Таким как вы, нужно пытаться угодить сильным мира сего.

— Всем угодить невозможно, — пробормотала я. Рассказы дамы о моем будущем доме огорчили меня. Суеверия, деспотичные и сумасбродные горожане...

Ладно, поживем — увидим. Может, не все так страшно.

— Как же вас родные в такую даль отпустили работать, одну-одинешеньку? — полюбопытствовала неугомонная попутчица.

— У меня нет родных, — ответила я, покривив душой. Но в самом деле: считать моего дядю и тетю родными после того, как они со мной поступили, я не желала.

— И жених ваш не возражал? — продолжала допытываться дама, мазнув взглядом по моему пальцу без обручального кольца.

— Жениха у меня тоже нет, — ответила я с отвращением.

Да, теперь жениха у меня тоже нет.

И я надеюсь, что бывший жених и родственники не объявятся по мою душу как минимум год, пока мне не исполнится двадцать пять. А там их притязания уже не страшны — закон будет на моей стороне.

Я опять вспомнила печальные события последних месяцев, и на следующие вопросы попутчицы отвечала рассеянно.

— Что будете детишкам преподавать? Математику?

— Нет, историю, словесность, рисование... и еще один новый курс, рекомендованный Департаментом.

— Что же вы окончили?

— Учительские курсы, а до этого училась в столичной академии, — ответила я, не задумываясь, и тут же поняла свою оплошность.

— В академии Одаренных? — на лице дамы тут же появилось опасливое выражение. Она сделала едва заметное движение, как будто хотела отодвинуться от меня подальше. — Так вы, оказывается, тоже из этих... ученых-колдунов? — ее голос разом стал холодным.

— Да, я сенситив. То есть, Одаренная, — сказала я мягко, не считая необходимым отрицать очевидное. Раз уж проболталась — нужно вести себя достойно. — Не стоит называть нас колдунами.

— Вы и детишкам собираетесь эту вашу эфирную магию преподавать? — возмущилась дама. — Слышала, в столичных школах этим занимаются!

— Магии, в традиционном ее понимании, не существует. Изучение скрытых способностей человека и всемирного эфирного поля не имеет ничего общего с колдовством.

Дама фыркнула, показывая свое отношение к этому утверждению, и вновь нервно потербила шаль гладкими как сосиски пальцами.

Я мысленно вздохнула.

Неприятно осознавать, что до сих пор полно на свете людей, в чьих глазах наука недалеко ушла от магии.

Пусть стали обыденностью телеграф, электричество, радио, управление эфирными потоками и трансформация реальности, всегда найдутся те, кто требуют снести электростанции и изгнать Одаренных, объявляя достижения прогресса дьявольским колдовством и пороком.

Неужели и жители города, куда я отправляюсь, принадлежат к той же породе ретроградов? Вот это совсем неважная новость.

Времена меняются, но люди за ними не всегда поспевают.

Впрочем, на учительских курсах нам немного преподавали психологию с упором на то, как бороться с косностью. Так что я была готова в какой-то мере противостоять предубеждениям. Хотя надеялась, что мне не придется с ними столкнуться.

— Что же, раз вы Одаренная, то умеете... колдовать? — подала голос дама.

— Управление эфирными полями и потоками — не колдовство, — опять поправила я ее. — И Одаренные — вовсе не маги.

— Да, про это пишут, — с сомнением отозвалась дама. — Вы знаете, как управлять грозой? Вызывать ливни?

— Увы, нет, — развела я руками.

— Двигать предметы на расстоянии?

— Немного.

— Вызывать пожары?

— Если потребуется.

Дама поняла, что я не намерена распространяться о собственных умениях, да и сама она больше не желала поддерживать разговор.

Теперь она смотрела на меня с откровенной опаской — неудивительно, ведь в ее глазах я была колдуньей, учительницей

магии!

Что за темная женщина...

Мне хотелось разубедить ее, но я понимала, что это бесполезно. Она не услышит моих аргументов. Люди ее возраста и воспитания с трудом воспринимают все новое и малоизученное.

Другое дело — дети. Они охотнее верят в то, что любая вещь и природное явление кроме материального воплощения имеют незримую эфирную копию, и весь мир вокруг пронизан эфирными токами и полями, управляя которыми можно менять реальность.

Поэтому Департамент возлагал большие надежды на новую образовательную программу. И я была среди тех, кто должен нести прогрессивные знания и убеждения в массы.

Надеюсь, я преуспею на этом поприще.

Остаток пути до своей станции дама молчала, и вскоре поезд остановился в Шваленберге, где дама и сошла. Она попрощалась со мной сухо и бросила напоследок настороженный взгляд, который меня неожиданно уколол.

* * *

Солнце уже клонилось к западу. Его лучи прыгали по стенам и полу купе. Я рассеянно смотрела в окно, на вокзальную суету последнего крупного города северного направления королевства.

Снаружи сновали носильщики, путешественники докуривали сигары или возились с замками чемоданов. Торговцы разносили напитки и пирожки. Заиграл оркестр; вдалеке весело перекрикивались дети.

Интересно, как скоро я начну скучать по кипению жизни большого города? Ведь ничего подобного не будет в той глуши, куда я направляюсь.

Сошли последние пассажиры; в мой вагон никто не сел.

— Не желаете размять ноги? — предложил кондуктор, заглядывая в купе. — Мы простоим здесь минут двадцать; будем пропускать Северо-западный экспресс, у него приоритет в движении. Но не беспокойтесь, потом нагоним расписание. Задержки не будет.

Я с готовностью поднялась, вышла в узкий коридор, спустилась на платформу и жадно втянула прохладный воздух. Он был пропитан паровозной гарью и ароматом мазута, но мне нравился этот запах, потому что навевал мысли о путешествиях и приключениях.

Мы стояли на втором пути; я хотела перешагнуть через рельсы и дойти до здания вокзала, чтобы купить леденцов, но кондуктор придержал меня за рукав:

— Осторожно, госпожа! Слышите? Северо-западный экспресс приближается.

Рельсы тут же загудели, раздался пронзительный свист, и мимо нас, грохоча, содрогаясь и дыша раскаленным паром, на полной скорости промчался поезд.

Локомотив был выкрашен ярко-синей краской; за стеклом я успела разглядеть машиниста в зеленой униформе и алые отблески топки на потолке. Следом весело простучали колесами три желтых пассажирских вагона первого класса, несколько зеленых вагонов второго класса, а последним был прицеплен выкрашенный серым почтовый вагон, обшитый стальными листами, с окнами-амбразурами как в военном форте.

— Что это такое? — удивилась я вслух.

— Специальный бронированный банковский вагон, — пояснил станционный служащий, который стоял возле полосатой будки на платформе. — Раз в месяц везет золотые слитки для отправки в заморские банки. Внутри вагона — охрана с ружьями. Если грабители сунутся, им не поздоровится. Поезд едет без остановок до самого побережья; остановится на заправку водой и углем лишь однажды, в небольшом городке Крипвуде, через час езды к северу отсюда.

— Я как раз направляюсь в Крипвуд! — оживилась я. — Буду там работать по направлению от Департамента образования. Чем еще известен этот город?

— Да ничем. Не повезло вам, госпожа. Глухое место, скукота. Туманы, леса, болота. Дыра дырой. Новые люди туда редко едут, а если и едут, то скоро возвращаются; прижиться там не каждый сумеет. Чужих местные не привечают.

Он посмотрел на меня сочувственно. Я пожала плечами и двинулась к прилавку у здания вокзала.

Да что они все заладили — дыра, глухомань, не повезло! Такие слова не настраивают на радостное ожидание.

Полно! Я не развлекаться туда еду. Мне бы затаиться на год в укромном месте, и для этого Крипвуд подойдет как нельзя лучше. Там будет тихо, покойно, а работа даст цель. Я буду так занята, что не останется времени жалеть себя да горевать. Кто знает, быть может, я найду там свое счастье! Быть может, мне потом и не захочется возвращаться в столицу...

Толпа на платформе рассосалась, лишь у фонаря беседовал с полицейским полный приземистый господин. Он стоял спиной ко мне, и когда я его увидела, по моему телу пробежала судорога, как от удара током.

Серое пальто. Голова посажена на широкие плечи. Прилизанные волосы с проседью.

Дядя! Как он нашел меня? Бежать, скорее бежать, пока он меня не заметил! Но он с полицейским... они задержат меня! И если дядя здесь, то где-то должен быть и мой бывший жених, Андреас... они заодно.

Но сбежать не получилось; нервная дрожь сменилась онемением, ноги словно вросли в бетон, сердце колотилось как сумасшедшее.

Тут приземистый господин повернулся, и оказалось, что он на десяток лет младше моего дяди, и совершенно не похож на него лицом.

Я с шумом выдохнула; оказывается, я долго задерживала дыхание, и сама этого не замечала.

Впрочем, сердце никак не утихало; я поскорее вернулась в вагон.

«Спокойно, Эрика, — уговаривала я себя. — Все в порядке. Уж если они тебя не нашли за лето в столице, сейчас и подавно не отыщут».

Последний час пути я провела как на иголках. Проверила вещи в саквояже, застегнула на все пуговицы жакет, поправила шляпку: не годится появляться на станции неряхой, нужно произвести хорошее первое впечатление на людей, среди которых я буду жить.

За Шваленбергом деревья стали выше и гуще. Солнце лишь изредка мелькало сквозь верхушки елей, а вскоре и вовсе скрылось за облаками. Между темными стволами клубился белесый туман. Изредка сверкала затянута рыжей ряской гладь болот. Мрачный край открылся за окнами вагона.

Я испытала секундную тоску по ярким цветам и нарядным зданиям столицы, но тут же напомнила себе, что ничего хорошего не ждало меня в Сен-лютерне. В то время как здесь, в глуши, я буду в безопасности.

Наконец, локомотив сбавил ход и начал тормозить. За окнами замелькали крыши амбаров, выпасы, потом показались каменные старинные дома.

Крипвуд! Вот я и прибыла.

Колеса заскрежетали, вагон качнуло, и поезд остановился на станции, состоявшей лишь из низенького здания вокзала под остроконечной крышей и угольного склада.

Я подхватила саквояж и, стараясь держаться уверенно, пошла к выходу.

Глава 2

Чудаковатый директор школы

— Крипвуд, — объявил кондуктор. — Стоим минуту. Прошу поторопиться, барышня.

Выпрямив спину, я сошла по ступенькам вагона и ступила на платформу. Встала возле чемодана, чтобы отдышаться, и с изумлением отметила, что от волнения у меня подгибаются колени.

Надо успокоиться. Столица далеко, люди, которые желают мне зла, тоже далеко. Что бы ни ждало меня в будущем, все будет лучше чем то, что осталось позади.

Паровоз шумно выдохнул и окутал платформу клубами дыма. С минуту я ничего не видела; лишь вырисовывались смутные очертания водокачки да остроконечной крыши вокзала.

А потом в дымовом облаке показалась чья-то тень, как на занавесе теневого театра. Силуэт двигался в моем направлении и имел странные формы; голова у человека была длинной, похожей на солонку. Я поежилась. Неожиданно мне стало не по себе, как будто я попала в потустороннее царство, где живут лишь призраки.

Пронзительно прозвучал свисток кондуктора, лязгнули вагонные сцепки, поезд тронулся, за моей спиной застучали колеса.

Дым, наконец, рассеялся, и я очутилась нос к носу с невысоким пожилым мужчиной в потертом костюме. На его голове набекрень сидел старомодный цилиндр, на тулье красовались круглые очки-консервы. Мужчина приложил к сердцу руку в кожаной перчатке с обрезанными пальцами, наклонил голову и осведомился:

— Имею честь видеть госпожу Верден?

— Да, это я, — сказала я с облегчением, увидев перед собой человека из плоти и крови — пусть и странно одетого, но имеющего вполне дружелюбный вид. — Добрый день.

Но радость моя была преждевременной, потому что мужчина вдруг нахмурился и потребовал:

— Позвольте ваш паспорт и направление от Департамента образования.

— Сначала мне бы хотелось узнать, с кем я имею дело и по какому праву вы просите меня об этом, — я не стала скрывать недовольство столь бесцеремонной просьбой.

Мужчина вздохнул и как будто бы устыдился, потому что ответил гораздо любезнее:

— Меня зовут Стефан Степпель. Я директор местной школы. Простите, что встречаю вас такими словами, но дело в том, что вы... — он замялся, — несколько не та особа, которую я ожидал.

Господин Степпель молниеносным взглядом оценил мое простое, но хорошо сшитое платье и дорогой жакет. Модная шляпка тоже не осталась без внимания. Он слегка нахмурился, показывая недоумение.

Да, верно: учителя обычно не могут позволить себе одеваться в лучших столичных магазинах. Но я придавала большое внимание внешнему виду. Кроме того, гардероб — это все, что осталось от моей прошлой безбедной жизни.

— И кого же вы ожидали увидеть? — Я не желала смягчаться. Пусть я лишь две недели назад закончила учительские курсы, и этот человек мне в отцы годится, и он мой будущий начальник, придется сразу дать понять, что со мной нужно считаться. Я учительница, и если хочу добиться уважения от будущих учеников и их родителей, то должна в первую очередь добиться уважения от коллег.

— Даму гораздо старше и более опытную, — признался господин Степпель таким виноватым голосом, что я почти простила его. — Кроме того, в соседних городах орудует немало мошенников, вот поэтому я и решил... так сказать, удостовериться на месте.

— Я не так уж молода. Мне двадцать четыре. Что ж, вот письмо из Департамента образования, рекомендации. Диплом, свидетельства.

Я протянула пухлый конверт; господин Степпель вновь рассыпался в извинениях, но все же конверт вскрыл и самым внимательным образом ознакомился с его содержимым.

Пока он изучал документы, я изучала господина Степпеля и согласилась с характеристикой, которую дала ему моя капуста попутчица: несомненно, чудак. Но не лишенный хитринки: об этом говорили его прищуренные глаза, которые лукаво посверкивали из-под мохнатых седоватых бровей, острый нос да особый рисунок морщин вокруг лягушачьего рта.

На учителя, тем более на директора школы, он походил еще меньше моего; не представься он, я бы решила, что этот человек — владелец антикварной лавки, который готов вам впарить дешевую статуэтку по цене в десять раз выше ее стоимости, да еще и надует при расчете.

— Ага, ага, — удовлетворенно хмыкал господин Степпель, вчитываясь в мелкие буквы. — Ооо, вы закончили академию Одаренных! Вы сенситив!

Он оторвался от листка бумаги и уставился на меня с новым выражением — теперь в его глазах несомненно мелькало уважение, которого я так добивалась.

— Значит, будете преподавать новый предмет со знанием дела. И что же вы умеете? Вы пиромансер, повелительница огня? Или электромансер? Или зоомансер? Детям бы это понравилось. У нас есть живой уголок в школе, и...

— Я универсал, — прервала я его, решительно забирая документы из его рук. — Понемногу умею и то, и это. Лучше всего мне удаются зрительные иллюзии.

— Но у вас почему-то не проставлены оценки по предметам и нет указания специализации, — отметил господин Степпель, вновь демонстрируя редкую наблюдательность.

— Это такой вид диплома, — ответила я, не желая раньше времени раскрывать свою постыдную тайну и портить впечатление. В конце концов, я буду учителем. А то, что я Одаренная — это не главное, что от меня требуется.

— Но почему вы пожелали стать учительницей, да еще в такой глуши, как наш город? Для Одаренных открываются отличные перспективы на государственной службе. Вы могли работать в столице.

— Я решила, что быть учителем — мое призвание. Вы наверняка заметили, что в справке об окончании учительских курсов у меня стоят высшие баллы. И приложены отличные рекомендации от наставника и инспектора. Кроме того, у меня были причины покинуть столицу. Ничего криминального. Личные причины. Сугубо личные.

Моя резкость произвела впечатление на господина Степпеля. Он понял, что переходит границы вежливости.

— Прошу, простите старику его назойливость, — он мимолетно улыбнулся. — Вы устали после долгой дороги — семь часов в пути, не шутка! А я держу вас на вокзале. Идемте! Провожу вас до школы и познакомлю с другими учителями. Они ждут вас с нетерпением. Дом, где мы вас поселим, находится в двух шагах от школы. Скоро вы там устроитесь с удобствами и сможете отдохнуть. Это ваш багаж?

— Не стоит, я сама! У меня всего один саквояж и чемодан на колесиках...

Но господин Степпель, недослушав, схватил мои вещи и зашагал вдоль платформы. Я поспешила за ним.

Мы прошли мимо здания вокзала — я отметила, что оно очень нарядное, с зелеными стенами, ажурными решетками на окнах и белеными ставнями, — спустились по деревянной лесенке и вышли на вымощенный камнем пятачок, со всех сторон окруженный кирпичными стенами складов.

— Довезу вас на своем экипаже, — объявил господин Степпель хвастливо, и я поняла, что должна обязательно сказать комплимент тому средству передвижения, на котором он прибыл. А когда увидела, что это, у меня от изумления раскрылся рот.

Я ожидала повозку или двуколку, но директор прибыл на автомобиле.

Вероятно, господин Степпель нашел его на свалке. Или, точнее, нашел несколько автомобилей, разной степени потрепанности, а потом из более-менее целых деталей собрал то, что стояло передо мной.

У этого... агрегата были огромные разномастные колеса — спицы погнуты, некоторых не хватает. Мотор прячется под установленной впереди черной коробкой, а над узкими сиденьями торчит на тонких опорах потрепанный кожаный козырек. Фары расположены широко, левая чуточку покосилась, и поэтому «морда» автомобиля, если так можно выразиться, имела глупое и удивленное выражение, как у человека с задержкой в развитии.

Хоть я не разбиралась в технике, но догадалась, что автомобиль был оснащен не бензиновым, а паровым двигателем. Такие раритеты на улицах столицы редко встретишь.

— Хорош, не так ли? — горделиво сказал господин Степпель.

— Да, интересная модель, — согласилась я.

— Его собрал и подарил мне наш местный изобретатель и механик, Амброзиус Анвил. Он будет рад с вами познакомиться. Как и другие горожане. Некоторые, кстати, ждут вас в школе прямо сейчас. Новый человек в городе — всегда волнующее событие. Особенно если этот человек прибыл из столицы и будет играть важную роль в местном обществе.

— О! — только и смогла ответить я. Не ожидала я такой чести.

* * *

Директор подал мне руку, и я забралась на высокую подножку. Поерзала, удобнее устраиваясь на сиденье. Кусок обшивки в одном месте оторвался, в бедро впилось что-то острое. Ноги девать было некуда; впереди, у рулевого колеса, торчали переключатели, рычаги и прочие детали. Чулок зацепился за пружину, на щиколотке, к моей досаде, появилась дыра.

Господин Степпель лихо вскочил на место водителя. Деловито пошуровал рычагами, что-то подкрутил. Экипаж затрясся, застучал мотор, нас окутало клубами пара.

— Поехали! — радостно объявил господин Степпель, натянул очки на глаза, прихлопнул цилиндр рукой, и мы и вправду поехали — хотя я уже начала сомневаться, что чудной автомобиль на это способен.

Но колеса крутились быстро. Слишком быстро, на мой взгляд. Они подпрыгивали на брусчатке, экипаж нещадно трясло. Мои зубы клацали в такт двигателю, и скоро я нечаянно прикусила язык. Шляпку пришлось придерживать рукой, чтобы не сползала на глаза. В желудке творилась болтанка. Хорошо, что там было пусто, иначе я бы опозорилась.

— Да... да... далеко нам ехать? — я охнула, так как прикусила язык во второй раз — теперь до крови.

— Недалеко! — успокоил директор и поддал пару. — Прокатимся с ветерком!

Мне не терпелось поскорей взглянуть на город, и как только мы въехали на широкую улицу, я принялась озираться. Стараясь при этом

не свалиться с сиденья, когда колесо наезжало на особо крупный булыжник.

Надо сказать, я была приятно удивлена. После нелестных отзывов моей попутчицы и станционного служащего я ожидала увидеть грязную и действительно глухую деревню с покосившимися домишками, коровами на улицах и кучами навоза.

Но Крипвуд оказался аккуратным, чистым, разве что мрачноватым. Дома двухэтажные, сложены из темного камня. Стены обильно увиты плющом, который в осеннюю пору приобрел пунцово-красавый оттенок. Мостовая ремонтируется своевременно — ни глубоких выбоин, ни грязи. Вдоль дороги фонари, причем электрические.

Я-то вообразила, что здесь такая глухомань, что люди по старинке пользуются свечами и газом. Но нет; электростанция в городе имеется.

Но вот странная деталь: большинство окон закрывают ажурные, но крепкие решетки, как будто жители опасаются грабителей. И на решетках, на окнах, над дверьми висят подковы или пучки сухих трав, украшенные серебряными бусинами, пуговицами, лентами...

Что это такое? Похоже на обереги от нечистой силы. Я видела такие в столичном музее антропологии, и наша старая привратница в доме дяди иногда вешала похожую штуку у себя в каморке.

Кажется, жители и правда здесь суеверны без меры.

А вот и сами жители. Горожане с любопытством выглядывали из окон, привлеченные шумом. Экипаж господина Степеля грохотал, как горный обвал, и директор с удовольствием жал на крикливый рожок, когда на дороге появлялся кот, собака или человек.

При этом директор успевал раскланиваться со знакомыми.

— Добрый вечер, господин Степель! — весело махнул ему усатый лавочник, подпиривший плечом косяк двери под вывеской с надписью «Бакалея». Рядом с вывеской болтался веник-оберег размером с лопату.

Мы проехали аптеку и магазин под названием «Готовое платье и галантерея госпожи Ракочи». В витрине стоял разодетый манекен. На нем было напялено так много одежды, что он напомнил мне мою попутчицу. Видимо, это была последняя провинциальная мода.

— Смотрите! — сказал господин Степель, замедляя ход экипажа, и ткнул рукой сначала направо, потом вверх.

Я послушно повернулась и увидела очень странный дом. Узкий, двухэтажный, увешанный мотками проволоки, медными коробками, барометрами, термометрами и разными другими непонятными приборами — многие гудели и искрили. Повинуясь движению руки господина Степпеля, я задрала голову и ахнула: над крышей, ощетинившейся флюгерами, тянулся в небо толстый канат, почти до самых серых облаков, а на конце каната колыхался на ветру, как поплавок на реке, круглый аэростат.

— Это дом местного изобретателя, господина Анвила, — объяснил директор и добавил с усмешкой: — Светлая голова. Любитель метеорологии, исследует воздушные потоки и обожает грозы. Вон там, за его домом — ваш коттедж. В нем раньше жила ваша предшественница. Она проработала здесь лишь полгода и вернулась в столицу. Ей у нас не понравилось... Мы попросили школьного уборщика помыть и подготовить коттедж для вас. Он приводит его в порядок в эту самую минуту, поэтому пока я везу вас в школу... придется подождать. Но вы заселитесь сегодня же и, уверен, найдете ваше жилище весьма уютным.

Я вытянула шею, вгляделась и вздохнула от удовольствия.

Это отвели для меня? Я буду жить в этом прелестном домике?

Я не успела хорошенько рассмотреть его, но увидела, что коттедж выкрашен приятной голубой краской, окна в нем чистые, с кружевными занавесками, а под окнами — цветник!

Как же приятно узнать, что в этом городе ценят учителей настолько, что дают им такие прекрасные дома! Лучшего невозможно пожелать.

* * *

Экипаж свернул на узкую улочку и остановился у последнего здания на улице.

— А вот и наша школа, — сообщил господин Степпель, заглушая мотор. — В городе живет не больше пяти тысяч жителей, учеников у нас немного. Всего три класса, в них учатся дети разного возраста. Младший класс, средний и старший. Вы будете преподавать в

младшем классе, детям от восьми до десяти лет. У вас, как понимаю, опыта пока немного?

— Немного, — призналась я, подавая господину директору руку и спрыгивая на землю.

Он повел меня к школе, придерживая под локоть, что было кстати: после тряски в экипаже мне казалось, что земля ходит ходуном под ногами.

Здание школы было добротным, сложенным из красного кирпича, под ярко-зеленой жестяной крышей. На крыше со скрипом вертелся флюгер-петушок.

— Ветер меняется, — озабоченно заметил господин Степпель. — Завтра будет непогода. Того гляди, придут грозы.

— Грозы осенью? — удивилась я. — Редкое явление. У нас в столице они бывают весной и летом.

— В наших краях странный климат, и грозы случаются аж до поспевания рябины, до первого снега. Видите ли, тут у нас сыро, воздух холодный в низине. А дальше, на побережье, полно скал. От них поднимается теплый воздух. Теплые и холодные потоки сталкиваются, и тогда... господин Анвил объяснит это лучше, он отлично разбирается в метеорологии и пишет доклады в столичные научные общества о погодных аномалиях.

— Очень интересно! — воскликнула я.

— Да, аномалий у нас тут немало, — загадочно пробормотал господин директор. — И не только погодных.

Мы шли по школьному двору. Здесь имелась площадка для игры в мяч, качели и столб с привязанными к верхушке канатами. А на самой окраине двора стоял старый каштан — приземистый, узловатый и мертвый. Вокруг каштана росла густая трава, не истоптанная детьми. На его ветках не было ни одного листка, а верхняя часть ствола заканчивалась обгорелым обрубок. Но и на самом стволе, и на ветках висели сухие пучки трав, обереги и камешки с просверленным посередине дырочками... Кроме того, черная кора была утыкана блестящими точками, как будто кто-то вбил в нее дюжины гвоздей.

Нижняя часть дерева была усеяна наростами серо-голубого цвета. Но я знала, что наросты в темноте будут испускать мертвенный флюоресцентный свет... *boletus magicus*, «волшебный» гриб-паразит,

который пользуется среди Одаренных одновременно доброй и дурной репутацией...

Из этих грибов изготавливали особый препарат, который мог временно усилить способности Одаренных к манипулированию эфирными потоками. Но злоупотреблять препаратом не стоило; он вызывал привычку и, в итоге, приводил к деградации личности. Почти как опиум или гашиш.

Впрочем, вряд ли в Крипвуде есть спрос на это сомнительное средство. О нем наверняка тут даже не слышали.

Мертвый каштан, увешанный странными украшениями, заинтересовал меня куда больше. Никогда не видела ничего подобного.

— Что это за дерево? Какой-то школьный проект?

— Это? — директор быстро посмотрел на мертвый каштан и тут же отвел взгляд. — Наше городское пугало. Говорят, того, кто пройдет под его ветками, ждет несчастье.

— И вы в это верите? — Я была изумлена. Господин директор школы производил впечатление умного человека. И на тебе: и он находится под властью странных примет!

Директор пробормотал что-то неразборчивое. Он подвел меня к высокому крыльцу. Его ступени были истерты ногами школьников. А когда мы поднялись, дверь неожиданно распахнулась, зазвенели подвешенные над проходом колокольчики.

— Добро пожаловать! — чопорно сказала невысокая худощавая дама, которая и открыла для нас дверь.

Она осмотрела меня, поджав губы.

— Госпожа Эмма Лотар, — сообщил директор. — Моя помощница и ваша будущая наставница. Она ведет уроки математики, географии и словесности. А это госпожа Верден.

Мы пожали друг другу руки. Видимо, в молодости госпожа Лотар была красива; она до сих пор сохранила фарфоровой белизны кожу и глубокую синеву глаз. Но теперь на ее высоком лбу была сеть морщинок, а губы стали тонкими, и она поджимала их так, что я сразу угадала в директорской помощнице брюзгу. На ней было черное платье с белым воротничком и хрустальная брошь у шеи.

На меня госпожа Лотар смотрела с глубоким неодобрением.

— Мы вас заждались, — сообщила она обвиняющим тоном. — Учителям и членам попечительского совета не терпится поглядеть на

вас. Мы хотели встретить вас на станции, но господин Степпель решил, что лучше накрыть для вас стол в учительской. У нас как раз закончилось заседание совета, поэтому мы решили не расходиться, а подождать вашего прибытия.

— Накрыть стол? — эхом отозвалась я. И услышала гул голосов, который шел из-за последней двери в темном и длинном коридоре. В учительской было не менее двух дюжин человек.

Неужели они действительно собрались приветствовать меня? Кажется, ожидают настоящие смотрины!

Ситуация была неприятная и нелепая. После дороги вид у меня был весьма потрепанный, и я валилась с ног от усталости.

— Господин Степпель, понимаете, я только что с поезда, мне бы сначала умыться, переодеться... — начала я нерешительно, но директор схватил меня за руку и почти силком потащил вглубь коридора.

— Понимаю! — весело сказал он. — Но ваш дом еще не готов, уборщик возится, как улитка. Он у нас парень неспешный, любит все делать основательно. Придется вам пока побыть с нами. Вы выпьете с нами чаю, расскажете о себе. Познакомитесь со всеми.

«Ну точно — смотрины», с досадой подумала я.

— Не беспокойтесь, вы всем понравитесь даже в дорожной одежде и пыли. Мне вы уже понравились, — директор ободряюще похлопал меня по плечу. Госпожа Лотар шла позади, и я лопатками чувствовала ее недобрый взгляд.

Мы подошли к двери. Из щелей в темный коридор лился свет. Шум усилился, кто-то засмеялся, кто-то отпустил ворчливую реплику.

— У вас много учителей?

— Всего трое. Но там члены попечительского совета, и кое-кто из любопытных горожан тоже зашел на огонек.

Я мысленно застонала.

— Пришел бургомистр господин Флегг, и господин Роберваль тоже здесь, — подала голос госпожа Лотар.

Господин Роберваль... Попутчица в поезде говорила, человек он непростой, с ним надо держать ухо востро.

Одна новость хуже другой... Я не была готова встречаться с первыми лицами города.

Но деваться некуда; господин директор распахнул дверь и с жизнерадостным «А вот и мы!» ввел меня в учительскую.

Глава 3

Господин с мертвыми глазами

Я зажмурилась от яркого света и несколько секунд моргала. Гул голосов стих; воцарилась настороженная тишина.

Потом в тишине кто-то кашлянул.

Я приоткрыла веки, поморщилась и обвела взглядом учительскую.

Комната была просторной. Блеск чайника на столе, разноцветные пятна карт и плакатов на стенах и книжных корешков в шкафу запрыгали в моих глазах. От духоты мне стало на миг дурно.

От длинного стола вразвалочку вышел полный господин и широко раскинул руки. Я непроизвольно отшатнулась, решив, что он собирается обнять меня и прижать к груди, как старого друга.

— Весьма, весьма рад! — объявил господин гулким голосом. — Вот, значит, вы какая, наша новая учительница. Добро пожаловать в Крипвуд! Разрешите от имени города поблагодарить вас за то, что прибыли сюда. Позвольте представиться: Фалберт Флегг, бургомистр этого славного, но богом забытого места.

Он склонил голову и протянул мне руку. Я машинально пожала ее.

У господина бургомистра было широкое лицо, умильные глаза щелочками и пухлое тело, отчего он походил на ком теста, готовый к посадке в печь. Его обширная лысина и рыхлые щеки блестели от пота, словно смазанные маслом. Над ушами топорщилась бахромка рыжих волос.

Он энергично потряс мою руку. Его ладонь показалась неприятно горячей, а пожатие было слишком крепким. Он носил крупную печатку с гравировкой — двумя затейливо украшенными буквами «Ф». Металл кольца больно врезался в мою кожу.

Выпустив мою руку, господин Флегг еще раз с энтузиазмом поклонился. Потом заложил большие пальцы в карманы жилета и неторопливо осмотрел меня с головы до ног, как давеча сделал господин директор.

Кажется, бургомистр остался доволен осмотром, потому что расплылся в добродушной улыбке.

— Прошу к столу, — он сделал приглашающий жест. — Вы наверняка устали с дороги и не откажетесь от чашки чая в нашей теплой компании.

Его слова стали сигналом для остальных.

— Просим! Здравствуйте! Добро пожаловать! — несло со всех сторон.

Я ошеломленно крутила головой, не успевая отвечать на приветствия.

Господин бургомистр, видя мое замешательство, подхватил меня под локоть и подвел к столу. Мне тут же налили чая и передали чашку. Я неловко взяла ее и поблагодарила кивком.

Бургомистр начал быстро называть присутствующих.

— С господином Степелем и госпожой Лотар вы уже знакомы... вот еще одна ваша коллега — госпожа Барбута.

Госпожа Барбута выглядела как добрая тетушка, которая пичкает племянников сладостями и любовно щиплет их за щеки. Смотреть на нее было приятно: приземистая и румяная, она излучала добродушие. Наверное, ученики от нее без ума.

— Господин Крежма, аптекарь. Госпожа Трубар, хозяйка почты.

От удивления и волнения у меня кружилась голова, лица слились в одно, и я почти никого не запомнила.

Неудобная ситуация — потом придется знакомиться заново. Ничего, впереди немало времени.

Присутствующие собрались у стола, некоторые остались у стены и поднимались на цыпочки, чтобы лучше разглядеть новенькую. Я чувствовала себя важной персоной, и это выбивало из колеи.

До чего неожиданно очутиться на импровизированной вечеринке, организованной в твою честь!

Мой взгляд то и дело задерживался на столе, уставленной тарелками и вазочками с печеньем. Попечители заседали со всеми удобствами.

Так и подмывало схватить самый большой бутерброд — у меня с утра крошки во рту не было — но я сдерживала себя, ожидая расспросов.

Наконец, господин бургомистр сделал паузу. Я послала улыбку последнему из представленных — осанистому важному мужчине, которого бургомистр отрекомендовал как начальника пожарной части.

Он игриво ухмыльнулся в ответ, протянул руку, пошевелил толстыми пальцами над тарелками, потом остановил свой выбор на бутерброде с ветчиной и отправил его в рот.

Сообразив, что с официальной частью покончено, я решила последовать его примеру. Разговоры со мной завести не пытались, ограничивались дежурными фразами «Надеюсь, вы доехали хорошо?» и «Добро пожаловать!».

Пора было позаботиться о себе.

Я изучила тарелки и начала без зазрения совести угощаться. Госпожа Барбута понимающе улыбнулась и, кажется, подмигнула; вид у меня наверняка был изможденный.

Плевать на взгляды и улыбки. Если я немедленно не поем, то упаду в голодный обморок.

— ...И, наконец, позвольте представить вам самого уважаемого жителя нашего города, нашего дорогого патрона, который немало сделал для школы и горожан. — продолжал говорить бургомистр, и голос его внезапно приобрел совсем уж сахарно-масляный оттенок. — Господин Корнелиус Роберваль!

Присутствующие расступились, из кресла в углу неторопливо поднялся и вышел на середину комнаты высокий мужчина, одетый во все черное.

* * *

— Господин Роберваль — глава попечительского совета. На его средства была отремонтирована школа и оборудован учительский коттедж, где вы будете жить, — разливался бургомистр.

Я мысленно выругалась. Оказывается, господин Флегг еще не закончил знакомить меня с важными горожанами. Встречу с наиважнейшим из них он отложил напоследок, и теперь я удостоилась чести быть представленной тому самому господину Робервалю, местному фабриканту и богатею с дурным характером.

Ситуацию осложняло то, что теперь мой рот был набит вкуснейшим сэндвичем с тунцом и яйцами. Я чувствовала себя неловкой и невоспитанной.

Я обреченно смотрела, как длинные ноги в отглаженных брюках и дорогих ботинках медленно шагают мне навстречу. В полной народу комнате наступила такая тишина, как будто сам король шел среди подданных.

Я медленно подняла голову, торопливо проглотив кусок рыбы.

Господин Роберваль оказался высоким и поджарым, с бледной кожей и черными волосами, которые он зачесывал назад. Лицо у него было длинное, угловатое, с круто выдающейся вперед челюстью и тонким породистым носом. Резко очерченные скулы и глубокие линии возле рта придавали Робервалю недобрый вид. Бледный шрам на правой щеке тоже не добавлял его облику мягкости.

И у него были странные глаза. Угольно-черные, глубоко посаженные, под густыми, почти сросшимися бровями.

Его глаза не отражали свет; словно два пистолетных дула уставились на меня.

От его взгляда мороз пробежал по коже. Захотелось сделать шаг назад, хотя я не робкого десятка. Видала я людей и пострашнее, но господина Роберваля, как плащом, окутывала аура высокомерия и дурного нрава. Он смотрел на меня и как будто сквозь меня.

Крайне неприятный взгляд. Так умеют смотреть львы. И властные люди, уверенные в своем превосходстве.

— Добрый вечер, госпожа Верден. Добро пожаловать в Крипвуд, — произнес он ровным тоном, не лишенным дружелюбия, что меня удивило.

У него был глуховатый и довольно приятный баритон. «Дымный голос», — мелькнуло в голове.

Моя приятельница Анна — журналистка, любит неожиданные эпитеты. Я заразилась от нее этой привычкой. И теперь, когда я нашла определение голосу господина Роберваля, в горле запершило, как будто меня и правда окутало облако дыма — будто сигнал пожара, вызывающий острую тревогу. И даже щеки загорелись, как бывает, когда приблизишь лицо к пламени.

Волоски на моем затылке встали дыбом.

«Опасный противник этот господин Роберваль, — подумала я и тут же одернула себя. — Не стоит думать о нем как о противнике. Быть может, он станет моим союзником. Видно, что человек он образованный. И наверняка разумный, без предубеждений».

— У вас большой опыт в преподавании? — осведомился господин Роберваль. Теперь он прицельно впери́л в меня свой темный взор. Я поежилась.

— Не сказать, что большой. Я лишь две недели назад закончила учительские курсы. Но у меня была практика в школе под руководством наставника. Самостоятельно занятия пока не вела.

— Это плохо, — любезно поделился мнением господин Роберваль, и я немедленно ощети́нилась.

— У меня отличные оценки и за практику, и за теорию. Уверена, я справлюсь с учениками и сумею принести пользу.

— Посмотрим. Но вы, по-моему, не так уж молоды. Давненько выпустились из школы. И только сейчас окончили курсы? Сколько вам лет?

А вот это уже откровенно неприличный вопрос. А тон! Язвительный, высокомерный. Я со стуком поставила чашку на стол и выпрямилась. Язык чесался ответить резко, но я сдержалась.

— Мне двадцать четыре.

— До этого нигде не работали?

— Я получала образование.

— Госпожа Верден окончила академию Одаренных! — горделиво объявил господин директор и оказал мне дурную услугу. Присутствующие вдруг зашевелились и начали переглядываться. Лица у всех сделались встревоженными, и наступила тишина, как это иногда бывает, когда в общем разговоре кто-то сообщает шокирующее известие.

* * *

Господин Роберваль лишь едва заметно поднял брови.

— Значит, вы Одаренная, — констатировал он сухо.

И в этот момент кто-то отчетливо пробормотал в дальнем углу комнаты:

— Ведьма! Ведьма будет учить наших детей. Только этого нам не хватало.

Все присутствующие сделали вид, что не слышали шепота. Стоящие в первом ряду криво улыбнулись, чтобы загладить

неловкость.

Но атмосфера в комнате изменилась. Дружелюбная минуту назад, теперь она стала натянутой, и звенела в ней тонкая нотка враждебности.

— Да, — твердо ответила я. — Я сенситив. Я умею управлять эфирными телами и потоками. Творить чудеса, как говорят необразованные люди.

Я с вызовом обвела глазами комнату. Вот и первая стычка с предрассудками. Однако, она произошла скорее, чем я рассчитывала.

— Управление эфирными потоками — удивительное открытие последних лет, — поспешила разрядить обстановку госпожа Барбута. — Правда, в Крипвуде нет ни одного Одаренного из академии. И вправду, эти ваши таланты похожи на чудо расчудесное! Поэтому простите нам наше любопытство. Мы же тут люди простые, живем по старинке.

— Но скоро все изменится! — громогласно объявил господин директор, раздраженно взмахивая рукой. — Госпожа Верден будет преподавать ученикам новый курс, рекомендованный Департаментом образования.

— Это какой? — иронично спросил господин Крежма, аптекарь. — Основы ведьмовства и колдовства?

— Познание сверхприроды, — ответила я. — Так называется предмет, который уже всюду преподают в столичных школах. Он позволяет выявить Одаренных детей в раннем возрасте, учит их преодолевать физические границы и развивает воображение. Это подобие подготовительного курса перед испытаниями, которые проходят подростки в двенадцать лет. Процент выявления Одаренных среди детей, изучавших данную дисциплину, куда выше. Таким образом, они получают возможность вовремя следовать своему призванию.

Кто-то язвительно хохотнул, кто-то неодобрительно покачал головой.

— Именно так, — напористо подтвердил директор. — Пора забыть старые предрассудки. Мы лишаем наших детей возможности добиться чего-то большего.

— Значит, Стефан, вы не отказались от своей затеи, — господин Роберваль в упор посмотрел на директора. — Не выполнили приказ

попечительского совета.

— Разумеется, нет. Я намерен всесторонне развивать наших учеников. И буду следовать рекомендациям Департамента образования. Да полно вам, Корнелиус! Вы же умный человек, долго жили в столице. Неужели вы тоже считаете Одаренных колдунами? вспомните, когда-то электричество считали дьявольским изобретением! И телеграф! И паровозы! И летательные аппараты! А теперь мы не представляем без них жизни. Пора дать дорогу прогрессу!

Господин директор раздраженно стукнул по бедру своим нелепым цилиндром, который он снял, войдя в комнату, и держал в руке.

— Да, я долго жил в столице, — подтвердил Роберваль и скрестил руки на груди. — И поэтому хорошо знаю, какой вред принесло решение властей дать доступ публике к этим новым наукам... К этому явлению, которое еще не до конца исследовано.

— Корнелиус, послушайте...

Но он не дал себя перебить.

— Есть вещи, которые не должны становиться общедоступными. Некоторые знания не идут на пользу людям. Они портят их. Открывают темные стороны их души. Нет, господин директор, вы меня не убедите. Моя дочь не будет посещать этот курс. Насколько помню, он не является обязательным в школьной программе. Однако как глава попечительского совета я рекомендую вам отправить госпожу Верден обратно в столицу и попросить прислать другую учительницу. Обычную. Не обладающую даром, который, несомненно, вызовет толки среди горожан.

Вот тебе и образованный человек! А у самого голова полна всякой чепухи, как у неграмотного лесоруба!

И у Роберваля, оказывается, есть дочь? Она будет моей ученицей? Да, с этим папашей каши не сваришь. Он мне противник, и никогда не будет моим союзником.

В комнате поднялся гул. Зазвучали голоса в поддержку того, что сказал господин Роберваль. Вероятно, он высказал всеобщее мнение.

— Пожалуй, мне пора, — сказала пожилая, хорошо одетая дама — я не помнила ее имени. Она поставила на стол чашку, подхватила сумку и пошла к выходу. — Доброй всем ночи. Доброй ночи... как вас там... госпожа Верден.

Присутствующие один за одним стали прощаться и покидать учительскую. Они избегали встречаться со мной взглядами.

Вскоре в комнате со мной остались только директор, господин Роберваль и госпожа Барбута. Она принялась споро убирать со стола.

— Заверну бутерброды в бумагу, — сообщила она. — Возьмете с собой. Перекусите перед сном. Вам надо хорошо питаться! Вон вы какая бледненькая.

— Господин директор, пожалуйста, объясните, что происходит! — воскликнула я, поворачиваясь к Степпелю.

Роберваля, который не переменил положения и продолжил стоять передо мной со скрещенными на груди руками, я старательно игнорировала.

— Завтра, — вздохнул Степпель. — Все расскажу вам завтра. Введу вас в курс дела. Простите, я виноват. Не стоило окунать вас... во все это. Вы только что с дороги, устали... на вас лица нет. А я, старый дурак, подумал, что... — он взмахнул рукой и понурился. — Идемте, провожу вас до вашего дома. Ваши чемоданы уже там.

— Дам вам совет, госпожа Верден, — негромко сказал Роберваль. Я стремительно обернулась и наткнулась на непроницаемый взгляд угольно-черных глаз. — Возвращайтесь в столицу. Вам у нас не понравится. Ваш приезд оказался ошибкой и может навлечь беду.

— Ни за что, — отчетливо ответила я. — Я приехала сюда и здесь останусь. И буду работать, как положено.

Роберваль выслушал, недобро усмехнулся, двинулся вперед, обошел меня, как если бы я была табуретом, оказавшемся у него на пути, и покинул учительскую.

Глава 4

Мои ученики

Я была ошеломлена. Совсем не так я представляла прибытие в Крипвуд.

Думала, зайду в школу, покажусь директору, обсужу с ним первый учебный день. Отдохну, обустроюсь. В планах не было знакомства с членами попечительского совета в этот же вечер. И уж совершенно точно я не ожидала встретить нелюбезный прием и получить от местного богатея совет убираться вон из города.

Интересно, где этот господин с мертвыми глазами получил свой шрам? Наверное, сунулся с непрошеным советом к тому, кто не стерпел высокомерие и хорошенько проучил наглеца.

— Идемте, госпожа Верден, — устало сказал Степпель и нахлобучил цилиндр. — Провожу вас до коттеджа.

На улице стемнело, школьный двор освещался единственным фонарем на железной цепи. Фонарь отбрасывал на землю тень, похожую на паука, и противно поскрипывал на ветру.

Из-за угла школы выползал туман; он стлался по земле, как щупальца неведомого чудовища.

Однако ночи в Крипвуде холодные. Озноб пробрал до самых костей, я плотнее запахнула жакет и туго намотала шарф на шею.

Надо озаботиться зимним гардеробом. В городе есть магазин готовой одежды; денег должно хватить, у меня было спрятано в саквояже две сотни кронодоров. А еще мне будут платить жалованье... небольшое.

— Сюда, — поманил Степпель. — Видите огни? Это окна вашего коттеджа. Совсем рядом со школой. Мы пойдем по той тропинке.

— Мне кажется, через двор быстрее, — я махнула рукой туда, где в сумерках виднелись уродливые очертания мертвого каштана. У меня зуб на зуб не попадал от холода, и скорее хотелось попасть в теплое помещение.

— А так безопаснее, — отрезал господин Степпель и повел круговой дорогой. — Помните, что я рассказывал вам об этом дереве?

Не стоит проходить под его ветвями, иначе быть беде. Вам придется соблюдать местные приметы, если хотите тут прижиться.

— Почему тогда совсем не срубить дерево, если оно такое зловещее?

— Нельзя. Его посадил разбойник Иоахим Грабб, еще один зловещий персонаж местного фольклора. Он разозлится и начнет мстить.

Я уловила в голосе директора легкий юмор.

— Неужели вы верите в городские приметы и легенды, господин Степпель?

— Приходится верить. Скоро вы и сами это поймете.

— Я думала, вы верите в науку и прогресс.

— Одно другому не мешает.

От таких загадочных ответов я растерялась, но и рассердилась.

Может, меня разыгрывают? Как новичков в академии? Может, так принято у них в городе — запугивать новоприбывших?

Да ну, чушь. Придется признать, что я попала в весьма странное место и освоиться здесь будет непросто.

Мы подошли к коттеджу; отсюда была видна задняя стена и часть крыши дома изобретателя.

Я с любопытством посмотрела на окна, за которыми горели тусклые огоньки, от чего казалось, что в комнатах скрывается что-то заманчивое. На задней стене тоже было полно медных коробок и проводов, которые теперь изредка искрили и жужжали.

— Скажите, среди попечителей не присутствовал господин Анвил, ваш городской изобретатель? Я не помню, чтобы бургомистр назвал его имя.

Директор посмотрел туда же, куда и я, заметил искрящиеся провода и пробормотал:

— Ну точно, быть грозе... нет, господина Анвила не было. Он не входит в попечительский совет. И вообще не любит людей. Любопытный персонаж, наш господин Анвил. А вон и он сам!

Директор указал на крышу, и я увидела там долговязую темную фигуру, которая делала такие движения, как будто с усилием тянула канат.

— Он приземляет аэростат. Завтра утром опять поднимет его в небо.

Я бросила последний взгляд на таинственный дом и дала себе слово как можно скорее познакомиться с его хозяином.

* * *

На крыльце коттеджа нас встретил угрюмый мужчина в рабочей одежде. Его лицо было помятым, с недельной небритостью, волосы всклокочены.

— Виктор, школьный уборщик, дворник и истопник, — представил его директор и добавил вполголоса, когда мужчина отошел, не сказав мне ни слова: — Горький пьяница и драчун. Раз в месяц уходит в запой на три дня, тогда мы вынуждены сами заботиться о помещениях. Но в остальное время он ведет себя тихо, трудится исправно, очень аккуратен. Но его... не любят в городе. Другую работу найти ему трудно.

Я покачала головой. Разве не опасно держать такого человека в школе, где он будет подавать дурной пример детям? Но высказывать вслух свои мысли не стала.

В коттедже было две комнаты, спальня и гостиная. Мебели мало, только самое необходимое: стол, книжный и платяной шкафы, кровать, стулья, несколько полок — но все новое и добротное. На стенах зеленые обои в цветочек, нарядные занавески на окнах. Пол деревянный, выскобленный до желтизны, у входа коврик. Абажур с бахромой заливал комнаты приятным оранжевым светом.

И тут было тепло, в камине трещал огонь, пахло дровами, воском и свежим бельем.

— Чудесный дом! — сказала я с удовольствием.

— Он построен на средства господина Роберваля, и он же оплачивает учителям воду и уголь, — напомнил директор, убив мою радость.

Значит, я обязана этим великолепием господину-мертвые-глаза. Видимо, я должна неустанно благодарить его за щедрость при каждой встрече.

Ладно, поблагодарю, мне не сложно. Но совету его все равно следовать не стану. Ему не удастся выжить меня из этого города.

— В шкафу есть спиртовая горелка и чайник. Бутерброды госпожа Барбута вам дала... завтра она покажет, где покупать провизию и найдет подходящую девушку для помощи по хозяйству. Прислугу тоже оплачивает господин Роберваль.

— Спасибо, помощница не понадобится. Я сама могу о себе позаботиться.

— Мыть, готовить и убирать? У вас и так забот будет полон рот. Плохо, что вы приехали поздно, накануне первого учебного дня. Отдохнуть как следует не получится, придется готовиться к занятиям. Завтра проведете три урока. Урок словесности в начальном классе, урок истории в среднем классе и. то самое дополнительное занятие. Познание сверхприроды, — директор испустил очередной тоскливый вздох. — Однако теперь я вижу, что из моей затеи ничего не выйдет. Вряд ли к вам придут ученики. Родители им не позволят.

— Обязаны позволить. Этот курс рекомендован Департаментом образования.

— Где Департамент и где мы!

— Говорят, со следующего года этот курс станет обязательным. А пока я что-нибудь придумаю, чтобы завлечь учеников и уговорить их родителей.

— Надеюсь на вас. По всему видно, вы барышня предприимчивая и упорная, — директор хитровато прищурился. — И вам палец в рот не клади. Мы с вами сработаемся.

Он дружелюбно похлопал меня по плечу и распрощался.

Я закрыла за ним дверь и без сил опустилась на ближайший стул.

Ну и денек выдался!

Но расслаживаться было некогда; часы на городской башне проббили девять. Их звук показался мне тоскливым.

...Как бой часов на церквушке во дворе психиатрической лечебницы святого Модеста. В палатах лечебницы были голые стены с ободранной краской, зарешеченные окна, крепкие засовы на дверях, жесткие матрасы на продавленных койках. Милостью моего дяди и бывшего жениха я провела в лечебнице два дня, но запомнила на всю жизнь давящее чувство безысходности...

Ни за что не вернусь туда. Я сбежала из столицы. Меня не найдут.

Я вздрогнула и усилием воли отогнала неприятные воспоминания. Потерла виски, затылок.

Хотелось спать; глаза слипались, челюсти раздирала зевота, но отправляться в кровать пока рано.

Согрела немного воды на спиртовой горелке, добыла тазик и кое-как помылась. Переоделась в удобное и принялась разбирать саквояж. Развесила в шкафу одежду — вещей немного, но все из дорогих магазинов. Завтра в класс явится элегантная учительница, одетая по последней столичной моде.

Разложила на столе книги, тетради и письменные принадлежности, прислушиваясь к далекому гулу и треску, что доносились из дома моего соседа-изобретателя.

Надеюсь, его механизмы не станут слишком уж громко шуметь и не потревожат мой сон.

Прошлась по комнате в поисках следов прежней обитательницы коттеджа. Ничего не нашла: моя предшественница забрала личные вещи. Но потом в одном из ящиков комода обнаружилась тетрадь...

На первой странице аккуратным старушечьим почерком были записаны в столбик фамилии под заголовком «Мой начальный класс». Рядом с каждой фамилией стояли пометки: «Светлые волосы, коса, курносый нос». «Веснушки, рыжие вихры. Грызет ногти». «Очки, нет переднего зуба».

Понятно! Старушка не полагалась на свою память и при знакомстве с учениками записала их приметы и привычки. Полезная информация. Стоит ее изучить. Завтра я приду в этот класс и встречу с этими самыми детьми.

Я согрела воды, заварила чай — в буфете нашлась заварка, достала из сумки пакет с бутербродами, который дала заботливая госпожа Барбута. И обнаружила, что она также свернула кулек из листа, вырванного из старой ученической тетради, и доверху наполнила его печеньем.

Отличное печенье: с корицей и медом, покрытое апельсиновой глазурью. Я позволила себе съесть одно, но потом спрятала кулек обратно в сумку. Мне пришла в голову отличная идея...

А затем села за стол и принялась изучать список и пометки, которая оставила моя предшественница.

Ночь пролетела, как один час.

Укладываясь в незнакомую кровать вечером, я думала, что не усну. Слишком много событий произошло за день. Слишком много пищи для размышления я получила. Кроме того, меня беспокоили звуки из дома моего соседа. К полуночи они усилились.

Но с каким удовольствием я вытянулась на чистых, пахнущих свежестью простынях, под тяжелым одеялом! В мускулах приятно гудела усталость.

В очаге потрескивали дрова, желтые отблески плясали на деревянных досках пола, на обоях в цветочек, на белоснежных боках чашек на полке. Мне было тепло, радостно и уютно.

Какое удовольствие — иметь свой дом!

Я уснула быстро, да так крепко, что не сразу услышала будильник.

Утром мое настроение было уже не таким радужным.

Очаг погас ночью, комната выстыла, и я закуталась в одеяло, стуча зубами. Пришлось долго искать среди темной массы в камине тлеющий уголек. Я ворошила кочергой, держа наготове смолистые щепки. Уголек никак не находился; спичек также не было поблизости. Вчера я куда-то засунула коробок и не могла вспомнить, куда именно.

Я вздохнула, раздумывая, не прибегнуть ли мне к своему дару, чтобы разжечь огонь. И тут же отказалась от этой идеи.

Пиромансия не была моей сильной стороной. Приложив немало усилий, я могу направить эфирные потоки так, чтобы запустить в фитиле экзотермическую реакцию, при которой произойдет взаимодействие кислорода, выступающего окислителем, и горючих паров парафина...

Проще говоря, я могу зажечь свечу щелчком пальцев. Попытки с пятой-десятой. «Наколдовать огонь», как говорят необразованные люди. Но потом буду мучиться головной болью и дрожью в руках до самого вечера.

Не пойдет. Нужно приберечь силы и дар для урока.

Я продолжила отчаянно орудовать кочергой, и наконец увидела красные всполохи. У камина лежали березовые дрова, скоро пламя занялось, комнату наполнил сухой жар.

Умылась и быстро собралась, поглядывая на часы. Как всегда бывает, когда торопишься, возникает куча неожиданных препятствий. Сначала я не могла разыскать вечное перо, потом пришлось очищать пятно с жакета, потом оторвалась пуговица на платье.

Одним словом, я ужасно торопилась и боялась опоздать. За окном шел назойливый осенний дождь; еще пять минут потратила на поиски зонта. Вчера я вытащила его из саквояжа и спрятала неизвестно где. К новому дому и новому расположению вещей нужно было привыкнуть.

К моменту, когда я вышла из коттеджа, у меня окончательно испортилось настроение. Секунду поколебалась: срезать или нет через двор, мимо проклятого каштана? Выбрала дальнюю дорожку: не годится промочить ботинки в траве.

Однако когда я явилась в школу, в коридорах было еще пусто, и в учительской никого не было, кроме истопника Виктора, который мрачно выгребал угли из камина.

— Доброе утро! — весело поздоровалась я с ним. — Спасибо, что подготовили коттедж к моему прибытию.

В ответ Виктор неразборчиво пробормотал под нос. Наверняка вместо устных благодарностей он предпочел бы получить монету за свои труды. Но у меня не было с собой мелочи.

Виктор продолжил возиться у камина, разжигая отсыревшие дрова. У него долго ничего не получалось. Он воровато оглянулся; не заметив, что я наблюдаю за ним украдкой, быстро провел рукой над дровами, и в ту же секунду посыпался сноп искр и загудело пламя.

Черт побери! У него были в руке спички или нет? Уж больно похоже на то, что угрюмый уборщик — одаренный пиромансер, и сделал то, что с таким трудом удается мне — зажег огонь, манипулируя эфирным полем! Интересно, интересно...

Я повернулась к Виктору и посмотрела на него в упор. Он ответил хмурым взглядом, сунул в карман гремящий коробок и вышел вон, хлопнув дверью.

Ладно. Возможно, я ошиблась. Виктор использовал спички.

Впрочем, почему бы уборщику не быть Одаренным-самоучкой? Почти десять процентов людей наделены талантом управлять эфирным полем. Но если не развивать дар с подросткового возраста, толку не будет. Лишь некоторые умеют вслепую использовать свои способности. Раньше таких людей величали колдунами, знахарями,

магами, ведьмами... их изгоняли из поселений, а порой и сжигали на кострах.

Впрочем, в этом городишке к Одаренным до сих пор относятся с недоверием.

Надо узнать, не принято ли у них на выходных выбираться на пикники, где на костре вместо колбасок поджаривают ведьму-другую.

Я усмехнулась, размотала шарф, сняла шляпку и подошла к зеркалу на стене, чтобы пригладить волосы.

Своим отражением осталась довольна: карие глаза блестят, на щеках румянец, волосы уложены в аккуратный пучок. Но вчера, когда я предстала перед попечительским советом в этой самой учительской, вид у меня был неважнецкий.

Высокомерный господин Роберваль увидел меня бледной, с синяками под глазами, с растрепанными локонами, в запыленной и мятой одежде. Я и так не красавица; moreover, моя подруга Анна, любительница эпитетов, лстиво называет мое лицо выразительным, глаза лукавыми, и утверждает, что ямочка на подбородке выглядит «задорно».

Я потрогала подбородок указательным пальцем.

Вряд ли господин Роберваль счел меня задорной и лукавой. Скорее, резкой и упрямой. Но он и сам не отличается хорошими манерами. Лежа в кровати перед сном, я придумала тысячу колких ответов на его реплики. Жаль, они не пришли мне в голову вчера.

Впрочем, я не спасовала перед его высокомерием.

Так держать, Эрика! Случилась первая стычка с господином-мертвые-глаза, но, сдастся, далеко не последняя.

* * *

В коридоре нарастал шум: явились школьники. Училось их в школе немного, но они топотали, как табун жеребят, и визжали, как стадо поросят на сто голов. И хохотали, как тысяча дьяволят.

Я начала волноваться. Как-никак мой первый день в роли учительницы. В первый раз буду вести урок самостоятельно, без надзора куратора. Нужно быть уверенной, спокойной, знающей... внушить уважение. Проявлять терпение и выдержку.

Хлопнула дверь: в учительскую вошел господин директор, следом за ним учительницы — жизнерадостная госпожа Барбута и элегантная, синеглазая брюзга госпожа Лотар.

Директор снял цилиндр и пальто, пригладил ежик седых волос, расчесал пальцами бакенбарды, шумно высморкался в клетчатый носовой платок и проницательно спросил:

— Волнуетесь, госпожа Верден?

— Да, — призналась я.

— Вы честны. Это хорошо. Уверен, вы быстро освоитесь.

— Как прошла ваша первая ночь в Крипвуде? — заботливо поинтересовалась госпожа Барбута. — Хорошо спали?

— Как сурок.

— К занятиям успели подготовиться? — со сладкой недоброжелательностью поинтересовалась госпожа Лотар, стягивая кружевные перчатки.

— Конечно.

Почему эта особа невзлюбила меня с первого взгляда? Чем я ей успела насолить? Она скривилась в мою сторону еще до того, как узнала, что я Одаренная.

— Я рассчитывала взять словесность и историю и готовилась к этому весь прошлый год. Но директор выписал из столицы вас, — госпожа Лотар дернула плечом. — Если будете испытывать затруднения, обращайтесь. У меня огромный педагогический опыт. У вас будет чему у меня поучиться.

Она ядовито улыбнулась, и я поняла, что за помощью обращаться к госпоже Лотар не следует ни в коем случае. Если она претендовала на вакансию, то постарается использовать мое отсутствие опыта против меня. Начнет всячески подчеркивать мою некомпетентность. Знакомое отношение.

Задребезжал звонок; топот и крики за дверью усилились, потом стихли.

— Идемте, отведу вас в класс, — сказал господин директор.

Мы шли по длинному тихому коридору; сердце тревожно колотилось у меня в груди, в такт ему стучали мои каблук.

Директор привел меня к двери, за которой слышался приглушенный гул, и широко распахнул ее.

Гул немедленно стих; захлопали крышки парт, дети встали. От волнения у меня закружилась голова. В классе было тепло и сильно пахло цветами: на столе обнаружилось несколько букетов, лежали букеты и на партах.

— Доброе утро! Поздравляю вас с началом учебного года! — громогласно проговорил директор и замахал руками: — Садитесь, садитесь! Матибор, бедовая твоя голова, спрячь рогатку, пока не отобрал. Крежма! Где твой носовой платок? Используй его, а не рукав! Ивич, еще раз увижу, что рисуешь на парте, угощу березовой кашей...

Он орлиным взглядом оглядел класс. Дети понемногу успокоились. Директор набрал полные легкие воздуха.

— Позвольте представить вам новую учительницу словесности... она же будет наставницей в вашем классе. Госпожа Эрика Верден! — закончил он с бравурной интонацией циркового шпрыхштальмейстера. Я бы не удивилась, если бы вслед за его речью прогремели фанфары и аплодисменты.

Но в классе воцарилась напряженная тишина. На меня уставились глаза — блестящие, любопытные, лукавые...

— Госпожа Верден закончила академию Одаренных. Она — сенситив. Знаете ли вы, кто такие сенситивы?

— Да, — дерзко сказал остроносый черноволосый мальчик. — Колдуны. Маги. Так говорит мой папа.

Директор горестно покачал головой.

— Госпожа Верден расскажет вам, кто такие сенситивы. А ты расскажешь это своему папе. Передай, кстати, что я зайду к нему вечером в аптеку — потолковать.

Значит, этот черноволосый проказник — сын аптекаря, который вчера назвал меня ведьмой.

Мальчишка надулся и замолчал.

— Сегодня госпожа Верден также проведет у вас дополнительный урок «Познание сверхприроды», там она познакомит вас с той наукой, которую вы по невежеству своему считаете магией.

— Я не буду ходить на эти занятия. Они необязательные. И папа мне велел не ходить, — заявила девочка с ярко-синими глазами и каштановыми косами, уложенными короной на голове. Она была очень хорошенькой, одета в дорогое бархатное платье с кружевным

воротничком. Взгляд у нее был вздорный, интонации — капризные. По всему видно: избалованное дитя богатых родителей.

Директор покосился в ее сторону, поджал губы и ничего не сказал. Я поняла почему. Потому что догадалась, чьей дочерью была эта девочка...

Он кивнул мне — «Начинайте урок», и вышел.

Я проводила его взглядом, чувствуя себя неопытной ассистенткой укротителя тигров, которую одну оставили в клетке.

«Тигры» внимательно изучали меня. Раздавались смешки и шепотки.

— Приступим, — сказала я строго.

— А вы и правда умеете колдовать? — захлебываясь от волнения спросил меня зеленоглазый мальчишка, такой рыжий, что казалось, на первой парте сидит солнце.

— Да, — спокойно ответила я. — Умею.

Красотка в бархатном платье презрительно фыркнула.

— Покажите нам колдовство, — сурово потребовал щербатый крепыш в очках — левое стекло разбито, правая дужка примотана бечевкой.

— Покажите, покажите! — загалдели остальные.

— Ладно, покажу. Я могу угадать, как вас зовут, и могу назвать ваши привычки. Это умеют делать менталисты — Одаренные, которые обучены читать мысли людей.

— А вы менталист?

— Я умею всего понемногу.

Дети замолчали и уставились на меня выжидающе.

Я медленно прошла по рядам. Приложила руки к вискам, скорчила загадочную гримасу. Кто-то хихикнул, но остальные смотрели с почтением.

Может, еще сделать несколько пассивов, как фокусник в цирке? Нет, не стоит переигрывать.

— Ты! — Я резко повернулась и направила палец на темноволосого бузотера. — Владислас Крежма.

— Вы слышали, как директор говорил о моем папе, аптекаре, — возразил Влад. — Вот и догадались.

Я тайно улыбнулась.

— А ты, — я показала на рыжего, — Дитмар Матибор, сын начальника пожарной частью. У тебя есть дурная привычка — грызть ногти. А еще ты любишь стрелять из рогатки и в прошлом году разбил окно в учительской.

Рыжий взвизгнул от удовольствия.

— Ну а ты, — я повернулась к капризной красотке, — Регина Роберваль. Дочь господина Роберваля, местного фабриканта. Через два месяца тебе исполняется девять лет. И ты терпеть не можешь вышивать.

— Вам это рассказал господин Степпель. Или мой папа. Вчера он с вами встречался, — парировала Регина, но ее глаза расширились.

— Ничего подобного. Можешь сама спросить у твоего папы. Или у директора. Или у остальных учителей. Вчера я приехала поздно вечером, и меня не было времени разговаривать о вас. Я вижу ваш класс впервые в жизни. Это вы и сами знаете.

— Я спрошу у папы, — ответила она и задрала нос.

— А я кто такой? А я? Расскажите про меня, госпожа Верден! Нет, сначала про меня! — загалдели ученики.

Я уверенно назвала их имена и привычки, о которых прочитала в дневнике моей предшественницы.

Хорошо, что у меня отличная память! Вчера я почти до полуночи зубрила записи наизусть. Только бы не ошибиться!

— А ты, — я подошла к тощему светловолосому мальчику, который сидел на последней парте и вел себя очень тихо, — Ланзо Лукаш. Ты любишь удить, читать и часто на уроках витаешь в облаках.

Мальчик вздрогнул. У него были огромные светлые глаза, на лице — затравленное выражение. Мне стало его жалко: он был одет хуже всех, его тонкая шея болталась в воротнике слишком большой для него рубашки. По впалым щекам мальчика можно было догадаться, что он редко ел досыта.

— Ланзо придурочный, как и его папаша, — выкрикнул сын аптекаря — боже, я начинала ненавидеть этого мальчишку. — Его папаша — подметала в школе. И еще он колдун! И пьяница. Он бьет Ланзо ремнем.

— Мой папа не колдун, — пробормотал Ланзо и густо покраснел.

— Он знается с дьяволом, — настаивал Владислас. — Вот увидишь, во время следующей Дикой ночи его заберет к себе в лес

безглазый разбойник Иоахим Грабб! А может, и вас заберет, госпожа Верден. Грабб ненавидит ведьм и колдунов. Они его погубили.

— Довольно! — резко оборвала я его. — Сейчас не время рассказывать сказки. Пора начинать урок.

Глава 5

Первый урок магии

— Сейчас у нас урок словесности...

Дети смотрели на меня с настороженным ожиданием.

В начальном классе учились дети от восьми до десяти лет. У всех разная программа и разный уровень знаний. Одни еле-еле разбирали слова по складам, а другие уже бегло читали большие рассказы.

Неудобно, но так часто бывает в маленьких уездных школах, где мало учеников. Однако я знала, что делать.

— Для начала расскажите, как прошли ваши каникулы. Чем вы занимались? Что нового увидели или узнали за лето?

Дети потупились; никто не хотел отвечать первым. Я поймала взгляд рыжего Дитмара. Он казался смелым и смышленным мальчишкой.

— Дитмар, покажи всем пример. Ты провел лето в Крипвуде? Или ездил проведать родственников?

Дитмар заговорил — сначала тихо, запинаясь, потом все быстрее и смелее. Понемногу оживали и другие дети, отвечали на вопросы, включались в беседу.

Сначала по их рассказам можно было решить, что лето они провели как примерные дети: помогали старшим в саду, собирали гербарии, ловили бабочек, читали книги.

Но понемногу они оттаяли и начали делиться историями о проделках. Куда ж без них на каникулах! Выяснилось, что Дитмар разбил из рогатки окно в пожарной части, за что отец оставил его на неделю без сладкого. Очкастый крепыш — Миклош Вареда, сын булочника — «хорошенько вздул зазнайку Влада» хоть и лишился в драке пары зубов — «но у меня уже новые растут, видите?» Он широко открыл рот, хвастаясь, и получил завистливые взгляды. Золотокосая и курносая Магда, дочь галантерейщицы, вместе с подругой залезла в соседский сад и объелась кислыми яблоками. «У меня потом живот болел, приходил аптекарь и принес горькую микстуру», обстоятельно разъяснила она.

Только двое детей не принимали участия в разговоре: гордячка Регина Роберваль и тихоня Ланзо, сын уборщика Виктора.

— А ты как провела лето, Регина? — спросила я, улыбаясь. — Сколько бабочек поймала сачком? Или тоже забиралась в соседский сад?

— Вот еще! Я не занимаюсь такими глупостями, — резко ответила она и задрала нос. — Папа возил меня в столицу. Там мы встретились с папиной знакомой, госпожой Вильгельминой Денгард. Раз вы тоже из столицы, должны о ней знать. Она красавица, ее портреты часто печатают в журналах. Госпожа Вильгельмина водила меня по модным магазинам и еще в театр и цирк. И я была на настоящем балу! У меня были красивое платье и жемчужное ожерелье. А когда мы вернулись в Крипвуд, папа купил мне настоящего пони!

Она обвела класс презрительным взглядом. Послышались завистливые вздохи.

Конечно, ее столичные развлечения не шли ни в какое сравнение с бесхитростными играми, воровством яблок, разбитыми окнами и ловлей бабочек...

— От пони много вони! — сострил сын аптекаря и дети засмеялись. Регина покраснела от злости.

— Дурак! — бросила она.

Я погрозила мальчишке пальцем и мягко спросила Регину:

— Как зовут твоего пони?

— Я назвала его Вилли. В честь госпожи Вильгельмины! Она папина подруга, и теперь моя подруга тоже, вот!

Я была впечатлена. Да, я видела портреты госпожи Денгард в модных журналах. Богачка, красавица, светская львица. Интересно, с чего ей проводить время с каким-то лесопромышленником из провинциального городка? Пусть и весьма привлекательным господином... хотя он и не писанный красавец по столичным меркам, где спросом пользовались утонченные и манерные кавалеры. Роберваль слишком мужественный. Слишком опасный. Мертвые угольные глаза, шрам. Натуральный разбойник.

Однако этот лесопромышленник не так-то прост. Впрочем, это я поняла еще в момент нашей недружественной встречи.

— А ты чем занимался летом? — я повернулась к Ланзо, который смотрел на Регину с неприкрытым восхищением. Наверняка она казалась бедняге писаной красавицей, настоящей принцессой...

Ланзо опять вздрогнул, опустил глаза и крепко сжал губы.

— Ну? — мягко поторопила я его, потому что он не проронил ни слова.

— Ланзо собирал тряпки на помойках и сдавал их старьевщику, чтобы добыть гроши на выпивку своему папаше, — наябедничал вредный Владислас. — А в остальное время шлялся по лесам как придурочный. Искал эльфов! Эй, Ланзо! Ты встретил там призрака разбойника Иоахима Грабба?

— Знаешь, как заслужить уважение остальных, Влад? — ласково обратилась я к нему. — Сначала нужно научиться относиться с уважением к остальным. Боюсь, пока ты еще не освоил эту науку. Поверь, она пригодится тебе в будущем, если ты хочешь стать таким же важным горожанином, как твой папа.

Влад нахмурился. Возможно, он не понял, что я хотела сказать. Но замолчал, и это уже было хорошо. Потом потолкую с ним по душам.

— Ладно, — сказала я. — Мы познакомились, теперь можно начинать урок.

— А вы строгая учительница? — вдруг наивно спросил рыжий Дитмар. — Вы будете ругаться или драться?

— Драться? — изумилась я. — Конечно, нет.

— Ну-ну, — иронично протянул Владислас.

Я повернулась, чтобы подойти к доске, и остановилась как вкопанная, потому что в углу класса увидела то, что мне крайне не понравилось. Там стояло жестяное ведро, из которого торчали розги.

Значит, это правда: в уездных школах до сих пор применяют телесные наказания! Интересно, кто из учителей любит распускать руки? Неужели директор? Или добродушная на вид госпожа Барбута? Или изысканная, хрупкая госпожа Лотар?

Я решительно подошла к ведру, вытащила пучок прутьев, открыла окно и выбросила их наружу.

Кто-то ахнул. Кто-то фыркнул. Но на многих лицах расцвели улыбки.

Я повернулась к классу и хлопнула в ладоши.

— Тишина! Начинаем работать.

Я разделила детей на три группы по возрасту. С самыми младшими почитала рассказ; остальным велела открыть учебник и повторить правила, затем дала письменное упражнение.

Приходилось перемещаться от группы к группе, следить, чтобы никто не отвлекался и не болтал, чтобы никто не скучал и не глазел в окно. К концу урока я была вымотана, как будто таскала тяжелые мешки.

Но когда прозвенел звонок, дети попрощались со мной неохотно. Мне подарили букеты, приставали с расспросами: «А вы бывали в театре?», «А почему у вас белая блузка? Госпожа Барбута и госпожа Лотар носят темные платья!» и «А вы встречали в столице короля?»

Я терпеливо отвечала и спохватилась в самый последний момент:

— Сегодня четвертым уроком жду вас на дополнительном занятии «Основы познания сверхприроды», — объявила я. — Пожалуйста, приходите. Будет интересно. Расскажу вам, кто такие Одаренные и что они умеют делать. И покажу кое-что интересное... — добавила я таинственным голосом.

Дети замолчали и неловко переглянулись.

— Я не приду, — громко заявила Регина и достала учебник из парты, демонстративно хлопнув крышкой. — Папа сказал, что это бесполезная наука и детям опасно ее изучать.

— И я не приду, — подхватил Владислас. — Мне тоже папа запретил. Но я и сам не хочу изучать колдовство. А то еще станешь таким же придурком, как папаша Ланзо. А еще колдунов забирает к себе в гости призрак разбойника Грабба и высасывает у них души.

Я начала сожалеть о том, что выбросила розги. Сынишка аптекаря определенно напрашивался на порку.

Остальные дети потупили головы. Стало ясно, что не придет никто... родители запретили всем.

— Все равно буду вас ждать. Тех, кто придет, ждет приятный сюрприз, — сказала я на прощание и отправилась в учительскую.

По дороге столкнулась с госпожой Лотар.

— Вы задержались, — обвинила она меня с ходу. — Перемена идет уже пять минут. Теперь я не успею приготовить доску к следующему занятию. Впредь постарайтесь укладываться в отведенное для урока время.

— Обязательно, — я лучезарно улыбнулась ей.

* * *

В учительской я нашла директора, который меланхолично болтал ложечкой в стакане чая.

— Выжили? Дети не порвали вас на кусочки? — спросил он.

— Ничего подобного. Они милые и смышленные ученики. Господин директор, вы используете розги в школе?

— Бывает, — кивнул он. — А как же, без этого никуда. Нас тоже нещадно пороли в свое время, и ничего — выросли порядочными людьми, как видите.

— Это негуманно. В столице мы отказались от телесных наказаний.

— Зря, — пожал он плечами. — Не считайте нас зверями, госпожа Верден. Лично я крайне редко берусь за прутья. Девочек мы обычно не наказываем, хотя госпожа Лотар в прошлом году пару раз проучила одну негодяйку из старшего класса. За воровство и непочтение.

Так и знала, что госпожа Лотар — жестокая и бесчувственная особа.

— Вот увидите, настанет момент, когда и вам захочется взять в руку розги, — вздохнул он. — Это пока вы полны оптимизма и веры в детей. Но это быстро пройдет. Кроме того, боль — это полезно. Испытанная боль учит людей не причинять боль другим.

— Спорный довод. Чаще бывает наоборот. Кто познал боль, озлобляется и стремится причинить боль другим. Родители тоже наказывают детей дома?

— Бывает. Аптекарь регулярно прописывает ремня сыну. Он испорченный мальчишка.

С этим я не могла не согласиться.

— Мне сказали, что Виктор Лукаш, уборщик, лупит сына.

— Да, — нахмурился директор. — И не знает меры. Ланзо часто приходит в синяках.

— Возмутительно.

— Мальчику живется непросто. И у него... не все дома, — директор выразительно постучал указательным пальцем по виску. —

Он мало разговаривает и туго соображает.

— Еще бы, при таком-то отце и воспитании. Почему дети считают уборщика колдуном?

— Понятия не имею, — директор отвел глаза, и я догадалась, что он сказал неправду. — Многие жители Крипвуда верят в ведьм и колдунов. И очень их не любят.

— Уборщик Виктор Одаренный, как вы думаете?

— Ничего не знаю об этом. Никто из жителей Крипвуда вашей академии не кончал. Вот что, госпожа Верден... давайте я покажу вам сегодня город. И расскажу о нашей истории, легендах и обычаях. Вам многое станет понятнее. А теперь идите. Слышите? Звонок. Вам пора на следующий урок.

Мой второй урок — история в среднем классе — прошел тяжелее, чем первый. Тут я не могла применить трюк с «узнаванием» учеников, потому что не имела о них никакой информации.

И показать им настоящие «фокусы» — то есть, продемонстрировать талант сенситива — я тоже не могла; нужно экономить силы к последнему, самому важному уроку...

Дети встретили меня так же настороженно, как и горожане, и ни один не пожелал посетить дополнительное занятие, когда я их пригласила. Одиннадцатилетки вели себя хуже, чем младшие школьники, усмирить их было непросто. Я чувствовала, что они корчили рожи за моей спиной и передразнивали меня, когда я отворачивалась. Звонок, возвещающий конец урока, оказался избавлением. Похоже, с этим классом я потерпела неудачу да и работала не очень продуктивно.

Потом у меня было свободное время. Я провела его в учительской, в одиночестве, над чашкой чая и тетрадью, где записала план урока. Я готовилась к нему с особой тщательностью. Мы будем изучать познание сверхприроды. Будем «изучать магию», как сказали бы необразованные местные.

Придет ли хоть один из учеников на это занятие? Или мне предстоит войти в пустой класс?

Я добавила в чай побольше сахара и начала пить, морщась от приторности. Понадобится много сил, много калорий. Сахар даст нужную энергию.

Потом приготовила учебники и материалы — пару иллюстраций из журналов и пару картинок, которые нарисовала сама. И два бумажных кружка: черный и желтый, размером с мелкую медную монетку, вырезанные из упаковки от чая.

Волнуясь, я открыла дверь в класс и нашла, что он вовсе не пустой. На последней парте, сжавшись в комок, сидел Ланзо. Он испуганно смотрел на меня, как будто ждал, что я его выгоню.

Я приободрилась. Ну, хоть кто-то пришел! Один ученик заслуживает столько же внимания, что и весь класс.

Но как только я села за стол, дверь приоткрылась и в щель робко протиснулись рыжий Дитмар и светолокосая Магда Ракочи. Сделали пару шагов и встали, словно не решаясь пройти дальше.

— Заходите, ну! — позвала я их.

— А чем мы будем заниматься? Сразу начнем колдовать? — неуверенно спросил Дитмар.

— Для начала попьем чая со сладостями, — улыбнулась я и показала пальцем на чашки и пакет с печеньем, которым меня вчера снабдила госпожа Матеуш.

— Имбирное печенье? — строго поинтересовалась Магда.

— Оно самое. С апельсиновой глазурю.

Против апельсиновой глазури дети устоять не могли и быстро заняли места за партами.

— Нет, берите стулья и идите сюда, к моему столу. Вы у меня в гостях. Будем пить чай, угощаться, разговаривать.

— А магия? Вы еще покажете нам магию?

— Покажу, — пообещала я, вздохнув.

Говорим «магия», подразумеваем «манипуляции с эфирным полем, вызывающие изменения свойств электромагнитных полей и атомов». Но пока не стоит отпугивать детей мудреными научными терминами; волшебство им ближе и понятнее. Кто в их возрасте не верит в чудеса!

Магда и Дитмар набивали рот печеньем, но Ланзо сидел, спрятав руки под стол, и не поднимал глаз. Я сама налила ему чаю и положила на тарелку три печенья. Он быстро глянул на меня и робко взял угощение. Жевал он тихо, но жадно, и жмурился от удовольствия. Видимо, нечасто ему перепало сладостей.

Когда тарелки и чашки опустели, я убрала все лишнее со стола и встала.

— Ну что, настало время показать вам, что умеют Одаренные, — улыбнулась я. — Кстати, по-научному мы называемся «сенситивы». Это название родилось от слова на одном иностранном языке, которое означает «чувства». Потому что у нас на один орган чувств больше, чем у остальных людей, и мы воспринимаем мир иначе. Мы умеем видеть эфирные поля и потоки. И даже управлять ими. Эфир — это такое вещество или поле, которое проникает повсюду. Оно лежит в основе нашего мира. Оно создает незримые, идеальные копии всего, что существует на свете. Управляя эфирными потоками, мы можем изменять электромагнитные поля, гравитацию и даже физические формы объектов.

Дети смотрели на меня ошарашенно. Да, многовато заумных слов для восьмилеток.

— Эфир — это магия? — спросил сообразительный Дитмар.

— Ну... это вещество, с которым работают... маги, да. Можно и так сказать.

— Как работают? Покажите!

— Сейчас покажу.

Я встала и подошла к окну. День был пасмурный, небо затянуто тучами, солнце лишь едва виднелось тусклым кружком сквозь серую пелену. Я достала бутылочку клея и, поправляя штору, быстро прикрепила в углу окна два бумажных кружочка — желтый и черный. Моя зрительная опора. Дети не заметили моих манипуляций.

— Теперь смотрите.

Я глубоко вздохнула, собралась с силами и призвала свой дар. Мир тотчас обрел еще одно измерение; комнату наполнили тускло мерцающие эфирные потоки — как отблески солнечных лучей в морской волне, когда они рассыпаются искрами и разбиваются на тысячи бликов. Проступили энергетические копии предметов — совершенные, ослепительные. Стулья, парты, доска — обыденные вещи — превратились в нечто, что сложно понять ограниченным человеческим разумом. Я видела каждую их молекулу, каждый атом, могла приближать их к глазам и отдалять их по своей прихоти...

Во время обучения в академии я проделывала это тысячи раз, но всегда при вхождении в транс меня охватывал восторг. Вот он

подлинный, скрытый, непознанный мир, с его тайнами и загадками!

Однако не следовало увлекаться. Я приглушила свое второе зрение — мир стал более тусклым и привычным — и сосредоточила внимание на бумажных кружках на окне.

Сначала на желтом кружке. И на электромагнитных волнах, которые он отражал, и которые затем попадали на рецепторы в наших глазах.

Я осторожно манипулировала эфирными потоками, меняя диапазоны волн, меняя чувствительность рецепторов. Детей всего трое — мало зрителей, это хорошо. С этим я справлюсь. Будь тут целый класс, мне бы пришлось туго.

Однако едва слышно скрипнула дверь, и я поняла, что зрителей куда больше — из коридора за нами подглядывали. Кажется, двое — взрослый и ребенок.

Придется включить шпионов в число зрителей.

— Да будет солнце, — сказала я негромко, но внушительно, и в этот же миг бледный солнечный круг за облаками ослепительно вспыхнул, а день за окнами превратился в погожий.

* * *

Дети ахнули и уставились за окно. Тучи никуда не делись, и дождь по-прежнему тихо стучал в окно, но солнечные лучи заливали школьный двор, и в каплях на окне заиграли десятки радуг. Редко можно увидеть подобное в реальном мире, разве что во время «грибного» дождя.

— Она изменила погоду! — воскликнула Магда. — Разогнала тучи!

Я слабо улыбнулась. Все это было лишь иллюзией. Желтый бумажный кружок, выступая зрительной опорой, превратился в солнце. Для этого всего-то нужно немного воображения... ну, и талант манипулировать эфирными потоками.

В голову ударила волна боли, мои щеки запылали, сердце громко застучало, а колени задрожали. Пора заканчивать представление: не с моим уровнем удерживать иллюзию долго, какой простой бы она ни была.

— А теперь затмение солнца. Да будет тьма!

Я перевела внимание на черный бумажный кружок, которому была отведена роль луны, что должна была наползти на солнечный круг и скрыть его, и спроецировала образ.

И тут же за окном стремительно почернело; солнце на небе превратилось в огненное кольцо, в середине которого была угольная пустота. Двор наполнился тенями, и в классе стало совсем темно.

Магда испуганно вскрикнула.

— Пожалуйста, верните солнце! Скорее! Я не хочу ночь! Ночью случаются разные страшные вещи...

За дверью тоненько ахнули.

— Пожалуйста! — я щелкнула пальцами, и мир стал обычным. За окном серость, на небе тучи, из-за туч проглядывает бледное пятно.

Магда и Дитмар втянули головы в плечи, а Ланзо сидел с сияющими глазами и открытым ртом. Он не выглядел испуганным, а вот другие даже слегка дрожали.

Надо их успокоить.

— Хотите, покажу вам волшебный замок?

Дети молчали. На лице Магды было такое выражение, как будто она обдумывала возможность спрятаться под парту.

Я открыла учебник, где на развороте сияла красками яркая иллюстрация сказочного белоснежного замка с хрустальными звездами на башнях.

Я провела рукой над картинкой, и она выступила за пределы листа, обрела объем и форму. Теперь замок возвышался над книгой, как кукольный домик. Хрустальные звезды на его башнях рассыпали лучи и искры, цветы на балконах шевелились, как под дуновением ветерка, и развевались серебряные флаги на шпилях.

— Ой, какая прелесть! — захлопала в ладоши Магда. — Это домик эльфов!

— А пусть еще прилетит дракон и дыхнет на замок огнем! — кровожадно потребовал Дитмар.

Ланзо приложил ладони к бледным щекам. Он жмурился, открывал и закрывал глаза, как будто проверяя, не исчезнет ли прекрасное видение.

— Никаких драконов, — мой голос дрожал от изнеможения. — Все, представление окончено.

Я захлопнула книгу; замок растаял, я погасила свой дар и вернулась в реальный мир.

Боже, как все сложно! Только бы не свалиться без сил. Ну почему я такая слабая Одаренная! И ведь иллюзии удаются мне проще всего... но с подобными убогими иллюзиями меня даже не взяли бы выступать в цирке.

Дверь тихонько захлопнулась; наблюдатели ушли.

— Вы научите нас делать такое же колдовство? — спросил Дитмар.

— Пока нет. На наших уроках мы попробуем развить ваше воображение. Это главное для сенситива. И это помогает развить дар.

— А если дара нет? — прозвучал тонкий мальчишеский голосок. Ланзо впервые заговорил!

— Примерно десять процентов людей являются Одаренными от природы, — мягко заговорила я. — В возрасте двенадцати лет дети в столице и крупных городах проходят испытание на наличие дара. И если он есть, им потом предлагают обучение в академии Одаренных. Но некоторые ученые утверждают, что при должной подготовке каждый может манипулировать эфирными полями. Поэтому Департамент образования и придумал этот курс — «Познание сверхприроды». Чтобы научить вас не бояться того, что вы называете магией. Чтобы... научить вас видеть мир иначе. И начинать развивать ваши способности. Ну что, начнем?

— Начнем! Скорее! — с энтузиазмом отозвался Дитмар.

* * *

— Сначала вопрос. Что такое магия или колдовство?

Дети озадаченно примолкли, потом Магда неуверенно заговорила.

— Ну, это когда люди делают разные чудеса... например, говорят с мертвыми. Или видят, где под землей течет вода. Или могут разгонять тучи.

Я кивнула.

— Да. Люди считают, что магия — это чудесная способность воздействовать на предметы, влиять на судьбу людей или изменять силы природы.

— Старуха Барток, которая живет на окраине города у прачечной, умеет заговаривать лошадей и собак! А еще шепчет заклинания, чтобы не болели зубы, — сообщил Дитмар. — Мама говорит, она знаетса с чертом.

— Чертей не бывает, а ваша старушка Барток, скорее всего, Одаренная. Хотя нигде не училась. Она зоомансер и лекарь, — улыбнулась я.

— Зоо... кто? — удивился Дитмар. — Все называют ее знахаркой и колдуньей. Мама ругается, если я с ней разговариваю. Колдунов у нас в городе не любят.

— Я расскажу вам, кто такие зоомансеры и какие бывают Одаренные. Но сначала немного теории. Несколько лет назад ученый-физик Морли изучил и подробно описал эфир — невидимое силовое поле, которое окружает нашу планету и проникает повсюду. Изменяя эфирные потоки, можно изменять физические свойства предметов... передвигать их с места на место, вызывать иллюзии, лечить людей. И даже создавать новые предметы из ничего! Потом Морли познакомился с другим ученым, Фройдом, который изучал природу человеческого мозга. Фройд установил, что некоторые люди наделены даром управлять эфирными потоками. Ученые объединили усилия и доказали, что те, кого мы привыкли считать колдунами — никакие не волшебники, они просто умеют чуть больше обычных людей. Фройд и Морли сумели доказать свою теорию. Советники в правительстве решили, что нужно использовать одаренных людей на государственной службе. Скоро открылась академия. Из нее выпускают разных специалистов. Например, террамансеры умеют заглядывать в недра земли и искать полезные ископаемые. Раньше таких людей называли лозоходцами. Зоомансеры разговаривают с животными, читают их мысли. Гидромансеры помогают кораблям удержаться на плаву в шторм и способны повернуть реку вспять. Пиромансеры укрощают огонь. Электромансеры могут метать молнии, и если возьмут в руку электрическую лампочку, она загорится. Аэромансеры могут устроить в комнате сквозняк — или настоящую бурю! Хроновидцы видят прошлое. Иллюзионисты умеют создавать зрительные иллюзии — куда лучше тех, что я вам показала!

Дети слушали меня, открыв рот. Я надеялась, что говорю достаточно понятно. Я подняла указательный палец и веско

подытожила:

— Но это не колдовство. Одаренные проделывают все это, потому что умеют управлять эфирными потоками. Это наука. И особый дар.

Несколько секунд в классе царил тишина. Я ждала вопросов, но услышала совсем не то, что рассчитывала.

— А как называются те, кто говорят с мертвыми? — вдруг спросил Ланзо тихим-тихим голосом.

— Некрогносты, — коротко ответила я. — Есть такие люди. Они... видят последние минуты жизни человека. Их часто приглашают служить в полиции. А почему ты спрашиваешь?

Однако Ланзо, задав вопрос и выслушав ответ, казалось, опять ушел в себя.

— Потому что его отца тоже считают колдуном, — ответил за него Дитмар. — Наш школьный уборщик странный мужик. Эй, Ланзо! Правда, что твой папаша колдует? Он что, разговаривает с мертвыми? Давай, выкладывай правду!

В отличие от аптекарского сынка, Дитмар говорил дружелюбно. Но Ланзо тут же ушел в себя.

Упорно не поднимая глаз от парты, он едва слышно пробормотал:

— Мой папа не колдун.

Я забеспокоилась. Надо срочно переключить внимание детей! Я не собиралась рассказывать им об Одаренных, наделенных умениями, которые широкая публика считает жуткими и даже опасными. Таких сенситивов государство ставит на особый учет...

Я взяла со стола толстую книгу и показала детям.

— Смотрите, вот учебник, по которому учатся студенты в академии. «Основы теории эфирного поля». Написал его знаменитый профессор Кристиан Рейн, всесторонне одаренный сенситив. Он сам умеет многое. Он может призывать молнии, слышать мысли животных, видеть сквозь стены и многое другое.

— Он сильный колдун? — Дитмара было не так-то просто отвлечь от его убеждений!

— Нет, конечно, он не колдун. Он талантливый ученый-исследователь. Работал на правительство. Писал учебники и трактаты.

— Вы с ним знакомы?

— Нет, я никогда его не встречала. Он не показывается публике и в последние годы он ушел от дел. Но я знакома с другими

талантливыми Одаренными. Они научили меня многому. А я буду учить вас.

И тут прозвучал вопрос, которого я боялась больше всего.

— А вы что умеете? Вы управляете погодой? Или вы иллюзионистка?

Я ответила уклончиво, как недавно ответила директору.

— Я умею всего понемногу.

Это было правдой. Но я не стала пояснять, как немного я умею всего...

Я очень слабая Одаренная. Бесталанная. Или наоборот — слишком талантливая. В нашем деле не бывает мастеров на все руки. Одаренным хорошо удается одно или другое. Иногда встречаются те, у которых есть два или три дара.

Из-за моих родственников-идиотов я не проходила обязательное испытание на выявление дара в двенадцать лет. И поступила в академию позже, чем остальные — мне тогда исполнилось двадцать, хотя все начинали обучение в восемнадцать! Страшно вспомнить, сколько мне пришлось преодолеть, чтобы получить возможность посещать академию!

Поначалу все шло неплохо. Я прекрасно изучила теорию. Легко входила в транс. Меня называли перспективной. Я выполняла простые манипуляции с водой, воздухом, светом, электричеством... Но на этом и остановилась. Сложные манипуляции мне никак не давались. Сил было мало. Эфирные потоки не желали меня слушаться.

Профессора подняли вопрос о моем отчислении. Но я отказалась сдаваться — мне нужно было получить независимость от моих дяди и тети! И тогда я отдала все имеющиеся у меня средства — наследство матери — чтобы продолжить обучение. Некоторые недоброжелатели говорили, что я купила диплом.

Что ж, отчасти верно. Я сдала упрощенные экзамены и диплом мне дали особый. Без оценок по предметам. Без указания специальности. Меня признали Одаренной, но на государственную службу, где я могла заниматься настоящим делом, меня бы никто не взял.

А потом грянула катастрофа. пришлось бежать из столицы. И теперь я здесь... в этом странном городке на окраине королевства. Работаю уездной учительницей магии...

— Госпожа Верден! Госпожа Верден! А как вы будете нас учить?

Я вздрогнула и пришла в себя. Видимо, я слишком углубилась в собственные мысли и не сразу услышала вопрос.

— Мы будем зубрить этот толстый учебник? — в голосе Магды звучал ужас. — Там есть картинки? Или только слова?

— Нет, мы не будем читать учебник. Мы будем заниматься практикой. Гулять, беседовать. Играть. Развивать воображение. Но не сейчас, — я глянула на часы. — Наш урок подошел к концу. А теперь вам пора домой!

Глава 6

Проклятое дерево

Ученики уходили из класса молча, медленно, словно боясь расплескать полученные впечатления.

Что они расскажут дома? Наверняка домашние будут их расспрашивать. Какое решение примут их родители, когда узнают, что произошло на уроке? Не хотелось бы, чтобы Магде и Дитмару запретили посещать мои занятия.

На занятии я показала ученикам куда больше, чем предусмотрено программой. Редко кто из Одаренных идет в школьные учителя, поэтому новый предмет ведут те, кто не имеют дара. Куратор на учительских курсах предупреждал, что не стоит демонстрировать мои возможности. Задача школы — лишь научить детей видеть мир иначе и преодолеть внутренние барьеры, а не учить «магии».

Но я не послушалась куратора. Мне хотелось дать ученикам прикоснуться к незримому миру — и заодно завоевать их доверие и пробудить интерес.

Возможно, я совершила ошибку. Или нет...

На задней парте послышался шорох: Ланзо еще не ушел. Он медленно перевязывал учебники ремешком и поглядывал на меня из-под опущенных век. Показалось, он ждет, когда мы останемся одни, чтобы расспросить о чем-то без посторонних ушей.

Я терпеливо ждала, перебирая ученические тетради на столе.

Дверь распахнулась, в классе появился господин директор. Он нес под мышкой большой прямоугольный предмет, завернутый в бумагу.

— Ну? — спросил Степпель угрюмо. — На дополнительное занятие пришел хоть кто-то?

— Три ученика. Мы поработали очень продуктивно.

— Вот как? Целых три?! — немало удивился директор. — И кто же?

Он мазнул взглядом на Ланзо и недоуменно поднял брови. Я назвала других двух смельчаков.

— Отличное начало! — директор положил прямоугольный предмет на стол и улыбнулся. — Трое — уже немало! Вместе мы

начнем менять мнение горожан относительно Одаренных. Попробуем поколебать старые предрассудки.

Я скептически улыбнулась.

Любопытный господин этот директор. Собирается избавляться от предрассудков, но сам боится уничтожить старый каштан во дворе школы, который местные считают проклятым. Верит и в науку, и в призраков. Как бы ему не сверзиться, пытаюсь усидеть на двух стульях...

— Посмотрите, что я принес, — он начал разворачивать бумагу. — Портреты ученых Морли и Фрейда, основоположников теории эфирного поля и познания сверхприроды.

— Я рассказывала о них сегодня ученикам, — кивнула я, глядя на знакомые лица: одно бородатое, очкастое, другое усатое, с высоким лбом и пронзительными глазами.

— Повесьте на стену! Пусть ученики их видят.

Он обвел класс рукой. Я задумалась. Так, можно приспособить их в том углу, между портретом поэта Горациуса и картой мира.

Хозяйственный директор вытащил из кармана молоток и гвозди и выложил их на стол. Стало ясно, что портреты буду приколачивать я сама. Либо воспользуюсь помощью школьного уборщика.

— Госпожа Верден, приглашаю вас на прогулку по городу. Помните, я обещал рассказ о его истории и легендах? Зайду за вами в три часа. Вам принесут обед из трактира, подкрепитесь, отдохнете, и отправимся.

— Хорошо, — кивнула я.

Дверь за директором закрылась. Я взяла молоток и задумчиво покачала его в руке. Никогда в жизни не прибывала гвоздей. Но звать уборщика не хотелось; после всего услышанного он вызывал во мне неприязнь.

— Я вам помогу, — раздался тонкий голос.

Ланзо придвинул к стене стул, взял со стола гвозди и молоток — он с трудом удерживал тяжелый инструмент худенькими пальцами.

— Ланзо, не стоит! — всполошилась я. — Давай позовем твоего папу. Ведь это его обязанность — делать разное по школе.

— Не надо папу. Я сам многое умею.

И Ланзо вскарабкался на стул и тремя ударами ловко вогнал первый гвоздь в стену. Он и правда знал, что делать, но я подошла к

нему и стала страховать, переживая, как бы он что себе не повредил.

Однако скоро оба гвоздя крепко сидели в стене, и Ланзо приказал:

— Давайте сюда портреты. Повешу. И мокрую тряпку. Протереть надо.

— Какой ты молодец! По-моему, люди, которые умеют работать руками — настоящие волшебники.

Ланзо нахмурился, как будто своими словами я обидела его.

— Я не волшебник, — пробормотал он, спрыгнул со стула, схватил сумку и сказал: — До свидания. Мне пора.

— Постой! Ты придешь на следующее дополнительное занятие?

Он пожал плечами и тихо выскользнул за дверь.

Странный мальчик. Но он нравился мне: его тонкая шейка и худые пальчики были очень трогательными, а робкий взгляд вызывал желание защитить.

* * *

Я вышла на крыльцо и обнаружила, что тучи поредели, выглянуло солнце. На площадке шумели дети; старшие школьники облепили столб с канатами, цеплялись за веревки, разбегались и крутились, отталкиваясь ногами. Другие носились по двору сломя голову. Но к старому каштану никто не подходил. Дети старались даже не ступать на отбрасываемую деревом тень.

Поодаль на качелях в одиночестве сидела нарядная девочка — Регина Роберваль.

За оградой стояли повозки и двуколки, к школе подходили горожане, которые приехали забрать детей после занятий. Родители учеников глазели на меня с бесцеремонным любопытством.

Ну и ладно. Пусть хорошенько посмотрят на новую учительницу. Если бы мне за каждый любопытный взгляд платили по кронодору, я бы разбогатела.

Я медленно сошла с крыльца. Регина спрыгнула с качелей, подбежала и остановилась, глядя мне в глаза довольно дерзко.

— Ты хотела о чем-то спросить? — завела я любезный разговор. — Жаль, что ты не пришла на дополнительное занятие. Мы неплохо провели время.

— К вам пришли лишь трое, — сказала она. — Вы заманили их печеньем. Я не люблю печенье. Папа покупает для меня в кондитерской шоколад.

— Хорошо, следующий раз специально для тебя принесу шоколад, — улыбнулась я.

— Вряд ли вы сможете его себе позволить, — заметила она небрежно. — Он дорогой. Мне его специально привозят из столицы. У учителей маленькое жалованье, я знаю. Папа оплачивает ваше жильё и дрова из своего кармана.

Вот нахалка! Такая маленькая, а уже сноб.

— Я знаю, что вы делали на уроке, — заявила она. — Мы с госпожой Лотар стояли в коридоре и подсматривали.

— Я вас заметила. Тебе понравился наш урок?

— Наверное, вы фокусница. Я видела таких в цирке в столице. Только там фокусник делал совсем удивительные вещи. Он летал и поднимал в воздух слонов. Вы так можете?

— Вряд ли. Наверное, он сильный иллюзионист.

— Значит, вы обманули детей. Показали им фокусы.

— Это не фокусы. Это...

— Магия, что ли? Колдовство? — Регина фыркнула. — Если вы настоящая Одаренная, вы остались бы в столице. Они все там живут. Их уважают и платят им много денег. А вы приехали к нам. Значит, вы не настоящая Одаренная.

Мало того, что эта девчонка нахалка и сноб, но и еще весьма проницательная особа! Вся в своего папочку.

— Говоришь, обманула детей?

Я разозлилась.

— Хочешь? — я достала из сумки последнее печенье, которое вывалилось из пакета и потому осталось несъеденным. Его испекли в виде человечка с глазами, носом и пуговицами, нарисованными белой глазурью.

— Сказала же, я не люблю печенье! — капризно протянула маленькая избалованная принцесса.

— Мне кажется, этому господину из теста ты тоже не очень нравишься.

Я собрала последние силы и призвала свой дар. От напряжения на миг земля ушла из под моих ног, в висках застучала кровь, но я

выполнила иллюзию, которую задумала.

Пряничный человечек пошевелился, помахал короткими ручками над головой, злобно свел брови, а из его нарисованного глазурью ротика высунулся длинный белый язык из сахарной пудры.

Регина ахнула.

— Он дразнится! Как вы это сделали?

— Сама же сказала — фокусы.

Человечек замер и опять превратился в твердое печенье. У меня не было сил поддерживать иллюзию долго — сегодня я и так превзошла саму себя. Я хладнокровно отправила печенье в рот, откусила пряничному забияке голову и прожевала.

— Вкусно. Зря ты отказалась от угощения.

Регина посмотрела на меня с ужасом, как будто на ее глазах я сожрала ребенка.

— Вы странная, — пробормотала она. — Так учителя себя не ведут.

— Одаренных часто называют странными, — согласилась я. — От нас всего можно ожидать.

Она отвернулась и закричала:

— А вот и папа за мной приехал! — и ехидно добавила вполголоса: — Я все расскажу ему о вашем уроке и нашем разговоре.

— На здоровье, — улыбнулась я.

Послышался шум и школьным воротам подкатил богатый автомобиль — не чета тому калеке, на котором разъезжал директор! У господина Робервалья была последняя модель, мощная, быстрая.

К автомобилю тут же подбежали мальчишки и принялись украдкой трогать блестящие детали.

Из автомобиля появился сам господин Роберваль, что-то повелительно сказал мальчишкам — те притихли и отошли. Роберваль пошел к школе, снимая на ходу краги.

Я неприязненно следила за его приближением. Какой он высокий! Солнце играло в его черных волосах, но теперь я увидела, что на его висках пробивается седина. А ведь Роберваль совсем не стар; ему лет тридцать-тридцать пять. Видимо, жизнь его хорошо потрепала. Вон какие у него мертвые, непроницаемые глаза! Такого взгляда не бывает у людей, которые ведут веселую и беззаботную жизнь.

— Добрый день, госпожа Верден, — поздоровался Роберваль и протянул руку. Я секунду колебалась, прежде чем протянуть свою. Он нарушил этикет — либо нарочно решил показать этим жестом разницу в нашем положении.

Рукопожатие получилось агрессивным, как будто Роберваль рассчитывал причинить мне боль. Его ладонь была твердой, мозолистой и шероховатой. А когда он отнял руку, я успела увидеть, что его пальцы — на удивление длинные и изящные — покрыты мелкими порезами.

— Занозы, — пояснил он, заметив мой взгляд. — Отправлял сегодня партию леса. Осмотрел каждое бревно. У меня толковые управляющие, но я предпочитаю внимательно следить за своими делами.

— Разумно с вашей стороны.

— Как вы обустроились в коттедже?

— Замечательно. Спасибо вам... за прекрасный дом и вашу щедрость. Мне уже сказали, что вы оплачиваете жилье учителям и коттедж был построен на ваши средства.

Он небрежно кивнул, принимая благодарность, и заявил:

— Жаль, что вы недолго проживете в нем. Думаю, на днях захотите вернуться в столицу. Даже если не прислушаетесь к совету, который я вам вчера дал, долго вы тут все равно не продержитесь.

— С чего вы взяли? Я приехала сюда и буду работать. Пока мне все нравится.

— Это пока. Вас выживут в два счета.

Я кипела от возмущения и искала подходящий колкий ответ. Тем временем Роберваль отвернулся и потрепал дочь по голове.

— Привет, принцесса.

Его лицо озарила улыбка. Я чуть не упала в обморок от удивления. Думала, он вообще не умеет улыбаться. Уголки его жесткого рта всегда были опущены немного вниз, и мертвые глаза, казалось, никогда не знали веселья.

Впрочем, неожиданная улыбка не красила его. Кожа возле шрама на щеке натянулась, а глаза не изменили выражения и не поймали солнечный отблеск. Так и остались мертвыми и непроницаемыми.

— Ой, папа, что сегодня было! — захлебываясь, затараторила Регина. — Я тебе все-все расскажу.

Она метнула на меня ехидный взгляд; стало понятно, о чем будет докладывать маленькая ябеда и шпионка.

Я собиралась просить Роберваля, чтобы он позволил дочери ходить на мои дополнительные занятия, если надо — уговорил ее, но теперь передумала.

— До свидания, Регина. До свидания, господин Роберваль, — сказала я сухо и пошла к своему коттеджу.

* * *

В душе кипели неудовольствие и досада, а голова кружилась от слабости. Я еле волочила ноги; у таких бездарей, как я, управление эфирными потоками отнимает много сил.

Скорее бы добраться до дома, лечь в кровать! Хорошенько подкрепиться тоже не мешает. Что там директор говорил о доставке блюд из трактира?

Я так торопилась, что и не подумала пойти в обход, по дорожке, что вела вокруг школьного двора к дому изобретателя Анвила, а оттуда учительскому коттеджу. Зачем тратить время и силы, когда каждый шаг дается с трудом? Куда быстрее пройти прямо.

Я забрела в траву, которая уже успела высохнуть под лучами солнца, и ступила в тень от старого каштана. Камешки на веревках покачивались на ветру и сухо постукивали, как кости висельников. Узловатые ветки тянулись ко мне подобно рукам ведьм, со связок сухих трав — оберегов — сыпалась труха.

Каблук зацепился за корень, и я чуть не упала; замахала руками и оперлась о ствол, оцарапав ладонь о шляпку вбитого медного гвоздя.

Это может быть опасным! Нужно обработать порез, не хватало подцепить заражение крови. Вдобавок ко всему, под подошву подвернулась шляпка «волшебного» гриба; раздался противный чпокающий звук, запахло ацетоном. Я поморщилась. Проклятое, проклятое дерево!

Но любопытство взяло свое; я задрала голову, изучая узор, который образовывали гвозди на коре — так и есть, «белая пентаграмма», символ, защищающий от злых чар. Не то, чтобы я хорошо разбиралась в подобных вещах, но старая служанка в поместье

дяди верила в разную чепуху и боялась вампиров; она-то и просветила меня.

Однако странно видеть подобную дикость во дворе школы. Надо еще раз поговорить с директором. В конце концов, это дерево может представлять реальную опасность. Что, если кто-то из детей вздумает съесть «волшебный» гриб? Хотя они не ядовиты, как поганки или мухоморы, отравиться ими можно. А вдруг школьник оцарапается о гвоздь, как я?

Впрочем, дети не подходят к дереву, вспомнила я. Боятся. Что там рассказывал директор? Кажется, каштан был посажен тем легендарным разбойником, про которого я так много слышала в последнее время.

За спиной раздались взволнованные голоса. Я обернулась и поняла, что опять привлекла недоброе внимание.

На крыльце стоял господин директор, приложив ко лбу ладонь козырьком, и обеспокоенно изучал мои передвижения. Госпожа Лотар застыла, как статуя. Дети бросили игры и тревожно перешептывались. Их родители тарасились на меня с мрачными, ошеломленными лицами. Чувствовалось: на их глазах было нарушено какое-то важное правило, что шло вразрез с их понятиями хорошего тона.

У ворот задержался господин Роберваль, положив на калитку руку в черной краге. Он единственный смотрел на меня с усмешкой. Впрочем, дружелюбия в ней не было. Только мрачное удовлетворение. Как будто я опростоволосилась, и моя ошибка его несказанно радует.

Ну, и чем же вызван подобный ажиотаж? Неужели тем, что я подошла к дереву, от которого все предпочитают держаться подальше в силу каких-то там суеверий? Все ждут, что меня поразит молния? Или явится призрак разбойника Грабба и оттащат за ухо за то, что я порчу его саженьцы?

Как будто в средневековье попала, честное слово! Ну что за странный город и странные люди!

Я отвернулась и независимо продолжила путь к коттеджу, стараясь не прислушиваться к шепоткам и возгласам за спиной. Впрочем, заткнуть уши было невозможно, и я уловила что-то вроде: «Ведьме теперь не поздоровится», произнесенное глумливым мальчишеским голосом. Но еще меньше понравился ответ одного из

родителей: «Эта столичная ведьма на нас всех беду навлечет, вот увидите!»

* * *

«Ничего, разберемся. Я заставлю себя уважать», мрачно пообещала я сама себе, захлопывая за спиной дверь коттеджа, но, правду говоря, я была рада остаться одной и не чувствовать лопатками настороженные взгляды.

Я с шумом выдохнула и с удовольствием огляделась. Я сразу привыкла к коттеджу и чувствовала в нем себя куда лучше, чем в роскошном столичном особняке дяди. Тут я сама себе хозяйка. Тут уютно, как в гнездышке. Предвкушаю длинные зимние вечера, когда поленья будут потрескивать в очаге, и горячий чай будет дымиться на столе, а я сяду вон в том кресле, закутавшись вон в тот клетчатый плед, буду греться у огня и читать книги при свете зеленого абажура.

Жизнь прекрасна!

Едва успела снять шляпку и вымыть руки, как в дверь поскреблись, а потом постучали. Не спрашивая, кто стоит на крыльце, я распахнула дверь и увидела белобрысую щекастую девушку в сером платье и белом переднике.

— Добрые день, госпожа Верден, — поздоровалась она, с любопытством охватывая взглядом сразу все: и мое шелковое платье, и туфли на каблуках, и щеголеватый жакет. — Меня зовут Ванда, я служу в трактире «Хмельная корова». Господин Степпель велел принести вам обед.

Она протянула покрытую льняной салфеткой корзину. На ручке болталась этикетка с изображением окосевшей буренки. Мысленно фыркнув над названием заведения и его гербом, я поставила корзину на стол, сдернула салфетку и вытащила два судка. В одном оказалась луковая похлебка, в другой — жареный цыпленок с горошком. Запахи от блюд шли умопомрачительные.

— Я могу доставлять вам обед и ужин каждый день, — сообщила Ванда.

— Сколько я должна? — спросила я неуверенно, втайне надеясь и опасаясь, что щедрость господина Роберваля распространяется и на

учительский стол. С одной стороны, денег у меня в обрез. С другой, не хочется быть кругом зависимой от местного зазнайки-богатея.

— Три кронодора. Можно платить в конце месяца сразу за все.

Недешево, однако! Цены немногим ниже, чем в столичном ресторане. Почти половина жалованья уйдет на питание. Да и девушке надо заплатить.

Получив полкронодора, девица довольно заулыбалась, и я поняла, что переплатила.

Жаль, в коттедже нет ни кухни, ни плиты, лишь небольшой закуток у прихожей, где стоит спиртовая горелка.

Моих кулинарных навыков не хватит, чтобы готовить на спиртовке обеды и ужины. Но если понадобится — научусь. Надо расспросить директора: вдруг смогу столоваться у кого-то из местных, если они не будут драть с меня, как трактирщик.

Я проводила Ванду до двери.

— Смотрите, что я вам принесла! — горделиво сказала девушка и показала на украшение, которое нежданно-негаданно появилось на моей двери.

На вбитом гвоздике покачивался веник-оберег, а под ним — ржавая лошадиная подкова.

— Что это? Зачем? — изумилась я, чихнула, потом еще раз, а глаза мгновенно зачесались.

— Обязательно нужно оберег, — разъяснила Ванда. — Чтобы в Дикую ночь дух Грабба не наведлся к вам. Дикая ночь уже скоро, в следующее полнолуние. В это время лучше не выходить из дома. Еще надо прибить медных гвоздей на окно. Тогда будет совсем безопасно.

— Ванда, спасибо большое, но прости — у меня аллергия на сухоцветы, — я развела руками с виноватым видом. — Придется это убрать. Да и в призраков я не верю... — я взялась за венок и больно уколола палец о колючую ветку. Охнула, дернула рукой, задела подкову, та свалилась мне прямо на ногу, и я зашипела от боли.

Венок и подкову я вручила Ванде, добавив еще раз:

— Мне очень жаль. Я ценю твою заботу, но не нужно.

Ванда обиделась. И не только: она смотрела на меня с ужасом.

— Не годится так поступать, — заявила она. — Смотрите, барышня, как бы призрак Грабба не поразил вас молнией!

Она поджала губы, отвернулась и пошла прочь. Повернула голову, как будто желая что-то сказать напоследок, но лишь смачно плюнула три раза через плечо, сделала пальцами замысловатый жест, каким принято отгонять нечистую силу, и вполголоса пробормотала: «Батюшки, и вправду она ведьма! Ох, беда...что люди скажут!»

Сдается, опять я сделала что-то не то. И, надо полагать, Ванда сегодня же расскажет о моем поступке каждому посетителю в таверне.

Да, завоевать расположение жителей будет непросто. Как-то плохо я усвоила уроки психологии. Раз за разом делаю неверные шаги. В запале я переусердствовала в стремлении настоять на своем и заставить людей считаться с собой...

Я села подкрепиться, одновременно раздумывая над тем, как устроить быт. Последние три месяца в столице мне пришлось снимать квартиру с другими девушками, что позволило получить представление о том, как жить в бедности, но расширять эти знания не хотелось. Может, найдется для меня в этом городе дополнительный заработок? Например, давать частные уроки.

Или попробовать писать статьи, как предлагала моя подруга Анна? Она репортерша и поможет пристроить их в газету. Слог у меня неплохой, а темы найдутся. Например, забавные заметки о провинциальной жизни, местные приметы и суеверия...

Надо носить с собой записную книжку и карандаш, решила я. Делать наброски для будущей статьи. Сегодня и начну: господин директор обещал экскурсию и рассказ об истории и легендах города.

Как в ответ на мои мысли, в дверь снова постучали, и энергичный голос сообщил:

— Это я, Степпель! Готовы к прогулке?

Впустив господина директора, я подтвердила:

— Готова. Погодите, захвачу сумочку и надену шляпку... Мы пойдем пешком или поедем на вашем автомобиле?

— Пешком, — с сожалением сказал директор, а я обрадовалась. После вчерашней поездки с ветерком до сих пор болело место пониже спины и отбитые о рычаги колени.

Я спустилась с крыльца, весело помахивая сумкой, но Степпель придержал меня за локоть:

— Погодите. Прежде чем мы отправимся, хочу вас попросить... пожалуйста, слушайте меня. Не стоит без нужды огорчать людей и

настраивать их против себя.

— Вы о чем? — озадачилась я.

— Зачем вы подошли к старому каштану и трогали его? Это очень дурная примета. И зачем отказались от подарка Ванды? Я ее встретил, она мне рассказала. Тут все вешают обереги. И вам стоило.

Он старался изо всех сил выглядеть суровым, но у него это плохо получалось.

— Господин Степпель, право слово, это глупо. Ну какие приметы в наш просвещенный век?

— У нас в городе есть вещи, которых делать не принято, — упрямо сказал он. — Если хотите заслужить уважение местных, уважайте их привычки и обычаи.

Я прикусила язык, вспомнив, что совсем недавно и почти такими же словами пыталась донести эту мысль до аптекарского сына.

Так тебе и надо, Эрика. Не зазнавайся. Степпель прав: не стоит лезть на рожон. Надо будет извиниться перед Вандой...

— Поняла, господин директор, — сказала я смиренно, и Степпель удивленно поднял брови. Видимо, ожидал, что я буду противоречить.

— Вы умная девушка, — кивнул он одобрительно, потом задумался и почесал затылок, сбив цилиндр на лоб. — Так, куда вас повести первым делом и о чем рассказать?

— Расскажите, кто такой Иоахим Грабб и почему им пугают детей. Мне уже им все уши прожужжали. И что такое Дикая ночь? И почему в вашем городе верят в колдунов и не любят их? И почему повсюду висят обереги и талисманы?

Господин директор даже поперхнулся. Он помрачнел, кашлянул, отвел взгляд.

— Ладно, — сказал он. — И расскажу, и покажу. Давайте заглянем к господину Анвилу и попросим его запустить для нас механический театр. Так будет интереснее и нагляднее.

Глава 7

Легенда о безглазом разбойнике

Когда мы подошли к дому изобретателя, я опешила. Вблизи здание оказалось еще более странным. Оно было увешано приборами и проводами, как новогодняя елка. На двери вместо звонка или дверного молотка торчала латунная рука, застывшая, словно в ожидании рукопожатия: ладонь сложена лопатой, большой палец отставлен. Шарниры заменяли суставы.

Директор притворился, что не видит металлическую руку. Он громко постучал в дверь кулаком. Мы подождали минуту, но ответа не получили.

— Наверное, господина Анвила нет дома, — предположила я.

— Он всегда дома, — вздохнул директор и заколотил громче. Послушав тишину, решил: — Амброзиус на крыше или в своей мастерской. Ничего не поделаешь, придется здороваться...

С этими словами он несколько раз глубоко вздохнул, как будто готовясь к неприятному испытанию, и осторожно пожал латунную руку. В руке щелкнуло; металлические пальцы дернулись и крепко обхватили директорскую ладонь. Металл сдавил плоть, хрустнули человеческие кости. Степпель завопил, перемежая крики ругательствами, которые не подобает употреблять педагогу.

Одновременно с этим на нас обрушился похоронный звон. Казалось, мелодию исполняет оркестр, играющий на консервных банках, разбитых бутылках и гигантских литаврах. Диким звукам вторили вопли директора; от поднявшейся какофонии хотелось сбежать подальше.

Бедняга господин Степпель корчился от боли и извивался, пытаясь освободиться от механического рукопожатия. Он уперся ногой в дверь и тщетно стремился вырваться. Запаниковав, я ухватила его за талию и изо всех сил потянула.

— Мерзавец Анвил опять изменил настройку дверного звонка! — выкрикивал директор. — Подтянул шурупы, усилил натяжение тросов! Он меня убьет когда-нибудь! Чтоб ему провалиться!

Грохот прекратился так же внезапно, как и начался; латунные пальцы распрямились со щелчком, и мы с господином директором повалились на землю.

Дверь распахнулась, и на крыльцо вышел хозяин дома.

Не знаю, кого я ожидала увидеть; может, кого-то столь же необычного, как и этот безумный дом. Но перед нами появился пожилой господин в черных брюках, белоснежной рубашке и жилете. Господин следил за собой: седая бородка аккуратно подстрижена, длинные усы завиты на кончиках. Прямые волосы отпущены по старинной моде, до плеч. На его холеном лице застыло раздражение.

Господин молча смотрел, как мы барахтаемся в пыли, потом произнес звучным голосом:

— Прости, Стефан, не рассчитал силу звонка. Вчера явился посыльный от бургомистра и долго надоедал мне с разными глупостями. Торчал под дверью, кричал. Опять же мальчишки проказничают. Пришлось принять меры, чтобы раз и навсегда отвести нежеланных посетителей.

— Я вам говорил, Анвил не любит людей, — кряхтя, пояснил директор и кое-как поднялся. Я встала, подняла оброненный им цилиндр, несколько раз энергично ударила им по колену, сбивая пыль, и подала директору.

— По твоей милости у меня переломаны пальцы, — горестно заявил Степель, трясая в воздухе красной распухшей рукой.

Господин Анвил равнодушно глянул на директорскую конечность и заявил:

— Это вряд ли.

Я вздохнула. Похоже, опять придется прибегнуть к дару.

— Позвольте вашу руку, господин директор. Я не целитель, но кое-что умею.

Я осторожно сжала его кисть и направила в нее эфирный поток. На секунду я ощутила чужую боль — да, директору и впрямь крепко досталось, но кости и правда целы! — и господин Степель счастливо вздохнул, почувствовав моментальное облегчение. Я, напротив, испытала сильное головокружение, во рту стало сухо, сердце заколотилось.

Больше никаких фокусов с эфиром до конца дня! Иначе завтра я буду лежать пластом, ни на что не способная.

— Однако любят у вас городе крепкие рукопожатия, — пробормотала я, вспоминая знакомство с бургомистром и его кольцом и сегодняшнюю агрессивную хватку господина Роберваля.

— Спасибо, госпожа Верден, — с чувством сказал директор. — Вы спасли меня.

— О, Одаренная! — заметил господин Анвил, оглядывая меня цепким взглядом ученого, который увидел перед собой интересный образец для исследований. — Барышня из столицы. Наслышан, наслышан. Хоть я и редко выхожу из дома, я в курсе всего, что творится в городе.

Он глянул на директора и спросил недовольно:

— Что ты хотел, Стефан? Познакомить меня с новой учительницей? Считаю, познакомились. Теперь позволю откланяться: я занят. Записываю показания приборов.

— Ничего подобного. Ты мне должен, — директор выразительно потряс рукой, которой чуть не лишился. — Запусти для нас свой механический театр.

— Ладно, — нехотя согласился господин Анвил. Он ненадолго скрылся за дверью, а когда появился, на его голове красовался котелок, на носу — круглые очки с зелеными стеклами, а рука сжимала трость с позолоченным набалдашником. — Идемте.

Господин Анвил шагал широко, размахисто. Все в нем было словно напоказ: и хороший костюм, и зеленые очки, и крепкие удары трости о брусчатку. А свой крупный, покрытый красными прожилками нос он задирал к самому небу. Вероятно, изобретатель был очень высокого о себе мнения.

Низенький директор еле поспевал за ним. Я семенила в самом конце процессии и ругала себя, что не сменила туфли на ботинки. Ноги после долгого дня в школе и быстрой ходьбы на высоких каблуках нещадно болели.

Дура, захотела показаться на улицах города при полном параде! Теперь, Эрика, расплачивайся за тщеславие.

— Мы идем на городскую площадь, — объявил директор, отдуваясь.

Я с любопытством озиралась. Вчера я мало что рассмотрела из салона директорского автомобиля и теперь спешила ближе познакомиться с Крипвудом.

Городок казался очень старым. Улочки узкие, кривые, но аккуратные. Дома крепкие, каменные, с черепичными крышами и щербатыми ступеньками, стояли тесно. Полукруглые окна полуподвалов таинственно поблескивали мутными стеклами. Багровый плющ затягивал стены и низенькие каменные заборы сплошным ковром.

Кое-где на фронтонах встречалась лепнина, а флюгера поражали разнообразием.

Несмотря на преобладание старой кладки и темных цветов, Крипвуд был не лишен очарования. На ум приходили старые сказки, и думалось о домовых, которые наверняка облюбовали чердаки под красными крышами.

И я снова отметила, как уважают местные жители разные обереги и талисманы; подковы, сухие связки трав и продырявленные камешки на ниточках висели на окнах, над дверями, на воротах...

Наконец, мы вышли на площадь. Она образовывала в плане правильный треугольник, на нее выходили фасады ратуши, кондитерской и почты, а посередине стоял небольшой фонтан. Сейчас он был выключен, в зеленой воде колыхались опавшие листья плюща. За ратушей поднималась строгая часовая башня с большим циферблатом.

Площадь производила впечатление сцены, тесно заставленной декорациями. Закатные лучи солнца освещали ее красноватым светом, как огни рампы, а дальние углы прятались в густых тенях.

Господин Анвил зашагал к нише в каменном заборе, что опоясывал ратушу. В нише обнаружился большой прямоугольный ящик; его переднюю сторону закрывала складная металлическая шторка. Ящик был сделан из дорогого дерева, покрытого блестящим лаком и украшенного цветочной резьбой. Сбоку торчала рукоятка, и виднелись острые зубцы шестеренок. Стало понятно, что внутри скрывается сложный механизм.

— Это механический театр; Амброзиус сделал его на юбилей города, — объяснил господин директор. — Детишки очень его любят, а вот взрослые как-то опасаются. Этот театр показывает только одно представление: историю безглазого разбойника Иоахима Грабба. Дети любят страшные сказки. А взрослые, увы, благодаря жизненному опыту знают, что в каждой страшной сказке есть большая доля правды.

Господин Анвил аккуратно снял пиджак и сунул его директору. Закатал рукава рубашки, натянул перчатки с обрезанными пальцами, нырнул за ящик и начал возиться.

— Готовит механизм, — с почтительным трепетом объяснил директор.

Чиркнула спичка; изобретатель зажег лампу внутри ящика, и в щели из-за железной занавески полился таинственный свет. Изобретатель взялся обеими руками за рычаг и начал с натугой его крутить. Внутри ящика скрипело и жужжало. Я с любопытством следила за его действиями, испытывая детское предвкушение чуда.

— Развлекаетесь? — произнес прямо за моей спиной низкий глуховатый голос, я подпрыгнула от неожиданности, развернулась и уткнулась глазами в безупречный узел черного галстука.

Господин Роберваль стоял так близко, что я чувствовала его дыхание на своей щеке. И почувствовала аромат его одеколона: древесный, смоляной, с дымными нотками — очень ему подходящий.

Глава попечительского совета держал за руку дочь. В другой руке Регина сжимала надкусанную плитку шоколада в золотой фольге. Ее губы были перемазаны коричневым. Она выглядела такой хорошенькой и невинной, что я невольно залюбовалась.

— Папа водил меня в кондитерскую, — похвасталась она.

Отец немного притянул ее к себе. Дочь ответила ему сияющей улыбкой.

Пусть глаза господина Роберваля оставались по-прежнему непроницаемыми, его поза не могла лгать: было видно, что он очень любит дочь, а она любит его. Наверное, он позволяет Регине все и никогда ее не ругает.

«Совсем избаловал девчонку», мысленно одернула я себя, но в то же время ощутила легкую зависть. Я завидовала их любви. Своих родителей я не знала; они умерли от лихорадки вскоре после моего рождения.

Никто и никогда не любил меня... Я погрустнела. Конечно, у меня есть подруга Анна. Она любит меня, вот! Но у Анны есть жених, скоро они поженятся, у нее будут свои дети, и она не сможет проводить со мной столько времени, сколько раньше.

Я вздохнула и приказала себе не раскисать. Кто знает, что приготовила для меня жизнь! И вообще, я одиночка. Могу прекрасно

жить сама по себе, ни перед кем не отчитываясь.

— Ну вот, — мрачно объявил изобретатель. — Можно начинать. Давайте полкронодора.

— Зачем? — удивилась я.

— Один сеанс стоит полкронодора, — господин Анвил указал на узкую щель для монет в торце ящика. — Не думаете же вы, что я буду развлекать горожан бесплатно? Мои приборы и инструменты дорого обходятся.

— Я не захватил кошелек, — виновато развел руками директор.

— Я тоже, — промямлила я. Полкронодора! Столько стоит билет в дорогой столичный синематограф с мягкими креслами!

— Я заплачу, — господин Роберваль достал бумажник, выудил монету и сунул в щель. Регина протиснулась ближе к ящику, чтобы ничего не упустить.

— Обожаю механический театр и сказку про Грабба! Хотя она страшная. Наверное, госпожа Верден испугается!

— Сейчас проверим ее храбрость, — сказал Роберваль. Я отвернулась и почувствовала, как он подошел еще ближе. Если я сделаю шагок назад, моя спина упрется в его грудь.

Неожиданно я разволновалась, а мое сердце часто забилося. Но тут началось представление, и я забыла о прочих опасениях.

* * *

Металлическая шторка сложились гармошкой и отъехала в сторону. За стеклом внутри ящика я увидела подобие диорамы, подсвеченной лампой. На заднем плане торчали жестяные деревья.

Потом снизу со скрипом выдвинулась плоская фигурка размером с куклу.

Это был широкоплечий мужчина в зеленом камзоле и треугольной шляпе, с саблей в руке, заросший бородой. На щеке из-под бороды виднелся край страшного шрама, намалеванный красной краской. Вместо глаз у мужчины были два черных кружка.

Кукла была такой страшной, что я невольно отшатнулась — и, конечно же, тут же натолкнулась на господина Роберваля. Он придержал меня рукой за талию и с удовлетворением заметил:

— Ага, уже испугалась! То ли еще будет...

Я невольно покосилась на него, отметив и шрам на щеке, и черные мертвые глаза. Сейчас они смотрели на меня насмешливо. Ну, хоть какие-то эмоции.

— Давным-давно в наши края появился знаменитый преступник, — начал директор рассказ замогильным голосом. — Звали его Иоахим Грабб. В молодости он плавал на пиратском судне под командованием Рыжебородого Генри. Знаете такого?

Я кивнула: кто не знает лихого Рыжебородого Генри! Про него написана куча книг и сняты приключенческие синематографические ленты. Когда-то я и в детстве воображала себя на носу его «Черной ундины» с абордажной саблей в руках!

— Когда Генри поймали и вздернули на виселице, Иоахим решил осесть на суше. Он стал, что называется, лихим портняжкой — на большой дороге шил дубовой иглой... То есть, занялся разбойным ремеслом. Построил в здешних лесах среди болот дом, где и поселился. Горожане жили в постоянном страхе. Он обложил их данью, и не было на него управы.

За спиной Иоахима, среди жестяных деревьев, появился силуэт мрачного дома с двумя башенками на углах. Рядом с фигуркой Иоахима выдвинулись согбенные силуэты горожан. Их руки были заломлены в жесте отчаяния.

Потом дом с башенками провалился, с двух сторон выехали каменные дома, и я узнала площадь Крипвуда, на которой сейчас стояла.

— Но Иоахим требовал не только серебро. Он забирал к себе тех, кто имел колдовской талант. Людей, которые умели заговаривать боль, приказывать животным и растениям, предсказывать будущее, призывать дождь или видеть сквозь стены. Знахарей, лозоходцев, ведьм, колдунов.

— Одаренных, — поправила я. — Эти люди наверняка были Одаренными. Умели интуитивно управлять эфирными потоками и менять реальность.

— Тогда таких слов не знали. Их величали колдунами, — ответил господин Роберваль. — Наука была в зачаточном состоянии. Процветали суеверия.

— Немного же изменилось в вашем городе.

Роберваль промолчал, наблюдая, как в миниатюрном театре из-под жестяных облаков на веревочках запрыгали молнии, закачались крохотные деревья, а из крыши ярко раскрашенного дома метнулись красные лоскутки ткани, изображая пожар.

Директор продолжил рассказ.

— Иоахим заставлял колдунов помогать себе. С их помощью он заманивал путников в ловушки, грабил и убивал. Поджигал дома, останавливал экипажи. Но и колдунов не жалел. Когда они становились ему не нужны, он их тоже убивал. Но не просто убивал... Иоахим был дружен со знаменитым изобретателем и анатомом мастером Жакемаром. Наверняка вы слышали про него: он создавал страшных кукол и причудливые механизмы, занимался алхимией. И сам был сильным колдуном. То есть, Одаренным! А вот Иоахим Одаренным не был. Но он мечтал овладеть запретным даром. Жакемар проводил опыты. Он убивал колдунов, а их души заключал в драгоценные камни. Человек, владеющий таким камнем, получал дар убитого колдуна.

— Это ерунда какая-то, — заметила я. — Талант Одаренного нельзя передать.

— Говорят, можно, — заметил господин Роберваль. — И сейчас проводятся опыты по считыванию энергетической ауры Одаренных. Кристаллическая структура некоторых драгоценных камней может создать ее копию. Знаете, как записывают звук на восковом валике или граммофонной пластинке?

— Это неподтвержденные данные.

— Любые научные данные были поначалу неподтвержденными. Вероятно, Жакемар как раз этим и занимался — забирал у Одаренных их ауру. Эфирную копию их тела и способностей.

— Не перебивайте, Корнелиус! — воскликнул директор. — Дайте закончить рассказ. Вот вам подтверждение: в одной из стычек Иоахим лишился зрения. Тогда Жакемар вставил ему в глаза черные камни. Он забрал зрение у одного из несчастных Одаренных, которого он убил. А Иоахим получил возможность видеть, причем видеть сквозь стены. С тех пор его величали безглазым разбойником. Но при этом он не был слеп.

— Бр-р! — содрогнулась Регина, но ее личико сияло от удовольствия.

— Жакемар заколдовал лес. Он заселил лес привидениями и монстрами и оживил деревья. До дома Иоахима никто не мог добраться.

— Эти монстры до сих пор живут в нашем лесу и среди болот! — воскликнула Регина. — Поэтому никто из местных в лес не ходит. Страшно!

За стеклом деревья развернулись, и оказалось, что у них есть выпученные глаза, зубастые пасти и руки с сучками-пальцами. А посреди ожившей рощи восстало чудище, словно слепленное из грязи и веток. Голова чудища — голый череп — болталась на невероятно длинной гибкой шее.

Чудище дергалось и плясало на веревочках. Регина взвизгнула и закрыла глаза ладонями — впрочем, оставив щелку между пальцами, чтобы ничего не пропустить.

— Иоахим стал забирать к себе детей, чтобы заставить их родителей подчиниться. Наконец, терпение жителей лопнуло. К Иоахиму пришла прекрасная девушка — местная ведьма. Она предложила ему свою помощь. Иоахим влюбился в нее и взял ее в жены. Но ведьма предала его. Вместе с другими колдунами она заманила его в ловушку. Иоахима убили и повесили на дереве вверх ногами, потом подожгли.

Из нижней части «сцены» поднялось дерево, похожее на каштан. На его ветке вниз головой болтался бородатый мужчина в зеленом камзоле. Дерево вспыхнуло огнем: фонарь живописно освещал алые шелковые лоскутки.

— Нужно было передать его властям для суда, — заметила я, критически обозревая новую картину.

Разве можно такое показывать детям! Но господин Роберваль ничего не сказал дочери.

— Однако этим дело не кончилось. Его приятель Жакемар в последний момент сумел заключить дух Грабба в драгоценный камень... изумруд, кажется. И потом выпустил дух на свободу. С тех пор призрак Иоахима Грабба бродит по местным лесам, а в Дикую ночь — четыре раза в год, в новолуние — наведывается в город, чтобы собрать дань и порезвиться. В такую ночь в городе происходят разные неприятные вещи. Жители запираются дома и не выходят на улицу.

Они выкладывают серебряные монетки на крыльцо, к утру они исчезают.

— Зато кто-то из предприимчивых и несусеверных жителей города богатеет, — ехидно заметила я.

Однако никто из присутствующих не улыбнулся. Все осуждающе покосились на меня.

— Призрак Иоахима Грабба ненавидит колдунов и ведьм, ведь это они погубили его.

— То есть, ненавидит Одаренных, — вполголоса уточнил Роберваль. — Поэтому забирает их к себе в лес и пытается отобрать у них дар. Когда в городе случается бедствие — гроза, пожар, наводнение, — многие поминают Иоахима.

— Ого! — иронически отозвалась я.

— Именно так... Иногда похищенные возвращаются, но ничего не помнят о том, где были и что видели. Знаете, госпожа Верден, у нас в городе действительно частенько пропадают люди. Но всегда возвращаются. Последний раз это случилось в прошлом году. В гостях у Грабба побывала старуха Барток, которую величают ведьмой. И у нее случился провал в памяти.

— Полицейское расследование было?

— Было, но результатов не принесло.

— Все равно ничего сверхъестественного. Она заблудилась в лесу и от переживаний помутилась рассудком.

— Возможно, возможно... — пробормотал директор.

Жестяные декорации ушли в боковые и нижние пазы, лампа погасла.

* * *

— Что скажете, госпожа Верден? Понравилось вам представление? — лениво поинтересовался господин Роберваль.

— Очень интересно. Вы настоящий гений, господин Анвил.

Изобретатель величаво и чуточку раздраженно кивнул, как бы говоря: «Знаю, знаю, что гений! Тоже мне новость».

Он погасил фонарь, задернул металлическую шторку и стал возиться у задней стенки ящика. Ему кинулись помогать директор и

Регина.

— Теперь вы понимаете, почему местные жители так трепетно относятся к старым преданиям и не чужды суеверий? И не очень любят Одаренных? — спросил Роберваль.

— Нет, не понимаю, — откровенно сказала я. — У вас в городе есть школа, люди живут образованные. Есть электричество, неподалеку Шваленберг с его синематографом и прочими благами цивилизации. А тут как будто темные века. Я не хотела вас обидеть! — торопливо добавила я. — Мне очень понравился ваш город. Просто все это непривычно.

— Люди развлекаются как могут, — спокойно ответил господин Роберваль и надел котелок. — Кроме того, на нечистую силу удобно валить разные несчастья.

— Но все же, отчего такая нелюбовь к Одаренным?

— Разве не поняли из рассказа? Призрак Грабба ненавидит колдунов. Люди боятся, что ваше появление навлечет его гнев на город.

— А почему лично вы, господин Роберваль, так настроены против меня? — спросила я в лоб. — Тоже из-за суеверий?

Вот еще один мой принцип: выяснить отношения с самого начала. Это экономит время и помогает избежать недомолвок.

Принцип принципом, но ответа я ждала с некоторым страхом. Не все любят подобную прямоту. Предсказать реакцию Роберваля я не могла: во всяком случае, он точно не стушуетя и не станет фальшиво бляеть извинения вроде: «Что вы, что вы, я прекрасно к вам отношусь, вы меня не так поняли!» Враждебность сквозила в каждом слове и взгляде, обращенным ко мне. А ведь я ничего ему не сделала!

— Лично к вам я не испытываю никакой неприязни, — ровным тоном ответил Роберваль. — Разве я сказал вам что-то грубое? Я был бы настроен против любой учительницы с даром. Во-первых, многие жители города работают на моих лесопилках. Их труд опасен. Вы не представляете, насколько суеверны мои рабочие. Зачем мне волнения и толки? А они будут. Как вы уже поняли, вас тут встретили настороженно. Вы уже допустили несколько промахов, которые вам будут припоминать.

Да уж, серьезные промахи, саркастически подумала я. Прошла под старым деревом, дотронулась до его коры и выбросила оберег.

Казнить меня на месте за такое.

— А во-вторых?

— Во-вторых, я в принципе недолюбиваю Одаренных. У меня есть на это свои причины. Они не имеют ничего общего с суевериями. В-третьих, у вас учится моя дочь. Я не хочу, чтобы она изучала этот ваш новый предмет. Детям не стоит знакомиться с принципами управления феноменом, свойства которого до конца не изучены.

— Поясните второй пункт, пожалуйста.

Роберваль даже дернулся. Мой вопрос граничил с наглостью.

Еще бы, светские дамочки, типа его столичной подружки Вильгельмины, не станут давить на мужчину. Они будут смеяться, говорить иносказательно, пересыпая речь уклончивыми намеками. Хлопать ресницами, изображать смущение. Нет уж, не на ту попал. Он первый открыл враждебный огонь. Теперь пусть расхлебывает.

— Такие люди как вы часто представляют опасность для общества. Вы прибыли из столицы. Вы должны знать, как широко востребованы Одаренные в преступном мире. Только в прошлом году было четыре громких процесса. Судили Одаренных, которые использовали свои таланты не по назначению. Мое убеждение: вас всех нужно ставить на особый учет. И далеко не все ваши таланты нужно развивать. А дети... любят шалить. И тут мы переходим к пункту третьему.

Его губы исказила недобрая улыбка.

— Регина не будет посещать ваши дополнительные занятия. Но вы также ведете уроки словесности, географии и истории. Не смейте выходить за рамки учебников. Никаких рассказов о сверхприроде. Об Одаренных. Иначе пожалеете.

— Ого! Вы уже угрожаете!

— Нет, пока предупреждаю.

Он свел густые брови, наклонил голову и посмотрел на меня тяжелым взглядом своих мертвых глаз.

Наверное, так он ведет себя с работниками и подчиненными, когда хочет их запугать. Но меня запугать ему не удалось. Меня охватил боевой задор пополам с гневом. К счастью, подошел Степпель, и я не успела в запале наговорить лишнего.

— Госпожа Верден...

— Зовите меня Эрика! — я ослепительно улыбнулась. После слов Роберваля я особенно оценила дружелюбное отношение директора.

— Эрика... нам пора домой. Что-то погода мне не нравится.

Он задрал голову, и я осознала, как темно стало на площади.

Солнце спряталось за домами, между фонарей ходил старенький фонарщик в пальто с пелериной и, шаркая подошвами, зажигал лампы шестом. В историческом центре стояли старинные фонари, не электрические. Прогресс коснулся только главной улицы, здесь же горожане предпочли сохранить дух города.

Небо затянули темно-лиловые тучи. Низкие, клочковатые, они бежали с необузданной силой. Край солнца еще светил, но свет его стал багряным и тревожным. Налетел порыв ветра; я едва успела удержать шляпку на голове, юбка хлестнула по ногам.

— Наблюдается любопытная конвективная неустойчивость в атмосфере, — подтвердил господин Анвил. — Может случиться гроза. Посмотрим, что показывают мои приборы.

Он взял трость и быстро зашагал прочь.

— Скорее! — поторопил меня директор. — Мы не захватили зонтик. Сейчас хлынет!

Я пошла к нему, но тут господин Роберваль поймал меня за локоть. Не успев ничего подумать, я резко вырвалась. Сердце заколотилось у меня в груди, а по коже побежали мурашки, когда я посмотрела ему в лицо.

Он спокойно спросил:

— Подвезти вас? Мой автомобиль за углом.

— Не стоит, — огрызнулась я. — Если горожане увидят в вашем автомобиле Одаренную, им это не понравится. Зачем вам на лесопилке пересуды и волнения?

— И то верно, — легко согласился Роберваль, поклонился и взял Регину за руку и повел ее прочь.

— До свидания, госпожа Верден! — весело прокричал детский голосок.

Глава 8

Инфернальная гроза

Небо тем временем совсем потемнело, а порывы ветра становились все холоднее.

Мы с господином директором шли быстрым шагом, но все же я продрогла до костей. Чтобы скоротать дорогу, я завела разговор.

— Как люди развлекаются в Крипвуде?

— Развлекаются? — Степпель удивился, как будто впервые услышал такое слово. — Развлечений у нас немного. По выходным в доме бургомистра бывают сборища. Играют в карты, сплетничают. Иногда музицируют. Жена бургомистра играет на пианино, а наш аптекарь — неплохой скрипач. На вечеринки и учителей приглашают...

Он покосился на меня с некоторым сомнением, и я поняла, что приглашения вряд ли удостоюсь.

— Господин Роберваль изредка тоже устраивает званые вечера, — директор улыбнулся. — Там бывает очень мило. Господин Роберваль интересный собеседник и щедрый хозяин.

Ну, уж к Робервалю меня точно не пригласят...

— Обычные горожане сидят по вечерам в трактире. Сходите как-нибудь, там уютно. Только не в день выдачи жалованья на лесопилке. Тогда посетители много выпивают и любят подраться. Но если вам нравится такой досуг... можно делать ставки на победителя.

Порыв ветра сбил у Степпеля с головы цилиндр, и нам пришлось бежать за ним наперегонки до самого конца узкой улочки, где нижние этажи домов ушли в землю от старости, а верхние почти сходились над нашими головами.

— А, вот еще развлечение: два раза в неделю летом и раз в неделю зимой у нас останавливается Северо-западный экспресс, — тяжело дыша от бега, сообщил Степпель. — Пока его заправляют углем и водой, пассажиры выходят на станцию размять ноги, наши барышни глазуют на наряды столичных модниц, заигрывают с богатыми господами, мальчишки продают пирожки, местное пиво и домашнюю выпечку. Разговоров потом хватает надолго.

Я понимающе кивнула, вспомнив синий локомотив, желтые пассажирские вагоны и бронированный банковский вагон — именно Северо-западный экспресс промчался мимо Шваленберга.

— Есть еще осенняя ярмарка. Ее проводят сразу после Дикой ночи.

Директор осекся и прикусил язык. Помолчал минуту и торопливо продолжил:

— Школьники приносят на нее поделки. Вы тоже можете что-нибудь придумать для своего класса. Вы умеете лепить из глины, вышивать, плести коврики из тряпок?

— Боюсь, в этих ремеслах я не сильна.

Директор разочарованно вздохнул, а мне стало стыдно.

— Как насчет поделок к Новому году? Украшения и гирлянды из бумаги?

— Сойдет, — повеселел Степель. — Постарайтесь проводить больше времени со своими учениками. И не только в стенах школы. Это поможет вам быстрее влиться в местное общество и заслужить доверие горожан.

— Приму к сведению.

И тут раздался первый гром. Он громыхнул совсем близко — будто бомба взорвалась над нашими головами! Темные улицы на миг осветились мертвенным голубоватым светом. С крыши снялась стая ворон и начала заполошно носиться над улицей.

От страха мы с директором присели и вцепились друг в друга.

— Ого! — ошеломленно сказал он. — Надо поторапливаться! Нехорошая гроза. Очень сильная. Местные говорят, такие грозы насылают призрак Грабба.

И верно, погода изменилась на редкость стремительно. В этом определенно было что-то аномальное. Что-то... сверхъестественное. Инфернальное. Как будто природа взбеленилась и решила обрушить на людей свой гнев.

Разговор пришлось прекратить. Все завывало и засвистело. Порыв ветра подхватил кучу сухих листьев и бросил под ноги. Резко блеснула вторая молния, тут же прогремел гром. Ключья туч крутились в темном небе, но дождя пока не было.

Во дворах слышались крики — жители предупреждали друг друга. Хлопали ставни, запирались замки. Хозяйки торопливо срывали

с веревок белье. Они пробежали к дверям, бросая на нас испуганные взгляды.

Мы припустили со всех ног.

Дул ледяной ветер, гнал тучи, мотал вывески. Флюгера крутились, как бешеные. Фонари качались на цепях. Все окна были темны, ставни закрыты на тяжелые перекладины. Первые капли гулко забарабанили по жестяным навесам. Улицы опустели.

Скорее бы добраться до коттеджа! Будет славно сидеть у теплого камина и слушать, как снаружи бушует буря и дождь бьет в стекло. У меня в саквояже припасена баночка черничного варенья — подарок Анны, а в корзине из трактира остались булочки. Я вскипячу чай, намажу булочки вареньем — густым, глянцевым, сладко-пряным, буду угощаться и читать книгу... На вокзале я купила приключенческо-любовный роман. Героини в таких книжках сплошь трепетны и робки, а герои — мужественны и благородны. Я читала об их приключениях с удовольствием и иронической грустью, потому что успела убедиться — в жизни таких мужчин не бывает...

Но надо и директора пригласить к себе: куда ему добираться до дома в такую погоду! Пусть переждет у меня.

Этими мыслями я подбадривала себя, потому что сил не осталось, ноги подгибались, и каждая ледяная капля, что падала за шиворот, заставляла вздрагивать. Только бы успеть до того, как начнется настоящий ливень!

Молнии били редко, но сильно: всполохи ослепляли, уши закладывало от раскатов, а дождь все не начинался, и в этом тоже было что-то зловещее.

* * *

— Вы можете быстрее? — взмолился господин директор, шустро перебирая худыми кривоватыми ногами. Его сухонькое лицо стало красным от напряжения. — В такую грозу лучше оставаться под крышей.

— Переждете у меня! — предложила я, стараясь перекричать ветер.

— Придется!

Наконец, показался дом изобретателя. Провода искрились и гудели, стрелки приборов на окнах крутились, как бешеные. Я живо представила, как господин Анвил, любитель гроз, торчит на крыше, раскинув руки, подставив лицо буре, и демонически хохочет. Такая гроза с «любопытной конвективной неустойчивостью» должна его радовать.

Я же не испытывала никакой радости. В этот момент, наконец, хлынул дождь, мигом промочив и жакет, и платье. В туфлях захлюпало, господин директор издал несколько горестных воплей.

Мы помчались к учительскому коттеджу. Занавески на распахнутом окне тяжело хлопали, как флаги; наверняка через окно налило. Но я не успела посетовать на свою забывчивость, потому что громыхнуло с такой силой, что я поскользнулась и шлепнулась прямо в лужу. Черная вода вперемешку с грязью на миг вспыхнула огненно-лиловым, отражая молнию. В ушах у меня тоненько зазвенело, сердце на миг остановилось.

Молния ударила совсем рядом! Запахло озоном, — в точности, как в лаборатории электромансеров в академии, — и гарью.

Я подняла голову и увидела искаженное лицо господина директора. Он стоял как вкопанный, слегка присев на полусогнутых коленях, прямо посреди лужи, но, кажется, не замечал дискомфорта. Его рот открывался и закрывался, но я не слышала ни звука. Неужто Степпель онемел от страха? Лицо у него было белее снега.

Лишь спустя несколько секунд я поняла, что лишилась слуха. Но он возвращался. Сквозь звон в ушах до меня донеслось:

— Черт побери! Черт меня побери! О, нет! Не может быть!

Степпель повернул ко мне бледное лицо:

— Ваш коттедж! На помощь! Пожар! Горим! — теперь он вопил во все горло. — Эрика! Беда!

Я вскочила, как на пружинах, забрызгав директора грязью. И увидела то, что так его напугало.

Учительский коттедж горел. Пламя карабкалось по стропилам, и вскоре огонь принялся лизать стены. Краска сворачивалась и трещала. Черепица лопалась со звоном, гудели железные листы. Увы, дождь не успел как следует промочить дом, и теперь он погибал на глазах с удивительной скоростью, будто сделанный из соломы!

— Молния! Она ударила прямо в крышу! Я видел это своими глазами! Пожар! Горим!

Не думая, что делаю, я ринулась к дому.

Там все мои вещи! И деньги! И недочитанный любовный роман!

Степель прыгнул мне на спину и удержал. У него оказались сильные жилистые руки, которыми он крепко обхватил меня за талию.

— Куда! Сгоришь заживо! Сейчас приедет пожарная команда!

Откуда-то набегали люди. Далеко не все они успели накинуть дождевики, но у многих в руках были ведра и банки. Однако толку от горожан было мало: они суетились, мешали друг другу и боялись подходить к полыхающему коттеджу.

Где-то далеко зазвонил тревожный колокол.

— На пожарной каланче уже знают! — крикнули в толпе. — Надо сообщить Робервалю! У него есть своя пожарная команда на лесопилке!

— Да какой толк, — весело возразил мужской голос. — Пока доберутся, тут одни угольки останутся!

Я стояла, обхватив щеки ладонями, и смотрела, как мое жильё превращается в груды головешек.

Дождь продлился не более минуты; теперь с неба падали лишь редкие капли, да и раскаты грома затихли. Тучи убегали вдаль. Гроза, нанеся подлый удар, величаво удалялась.

Я дрожала, как осенний лист. Горожане выстроились цепочкой до ближайшей колонки и начали передавать друг другу наполненные ведра. Дюжий парень подошел к пылающим стенам коттеджа так близко, как только смог, но когда на него пыхнуло огненным языком, отбежал подальше, ругаясь на чем свет стоит.

А тут и крыша обрушилась. Треск стоял невероятный. Искры красиво разлетались во все стороны. Мне под ноги падали и шипели обугленные куски дерева.

Я смотрела на огненную феерию, как загипнотизированная, и не могла пошевелиться.

От собственной беспомощности тошнило.

Будь я настоящей, полноценной Одаренной-пиромансером, я бы в два счета укротила огонь! Будь я сильным метеомансером, я бы вызвала такой ливень, что пожар бы не случился! Но я ущербный, жалкий дефектив — так называли Одаренных, которые не владели

талантом управлять эфирными потоками в полной мере... Меня только и хватает, что на жалкие фокусы. Как же мерзко это сознавать! Я могу делать вещи, неподвластные обычным людям — и в то же время не могу ничего! Мне открываются тайны Вселенной — но пользоваться ими мне не дано! Все возможности Одаренных рядом, но недоступны для меня!

Горожане бросили бессмысленную затею с ведрами, сбились в толпу и наслаждались зрелищем. Им выпало замечательное развлечение. Кто не любит поглазеть на пожар!

Но из толпы то и дело доносились странные реплики:

— Я так и знала, что Грабб не станет терпеть ведьму в городе, — авторитетно заявила сгорбленная старушка в шали. — Вишь, как молнией лупанул! Он бы и ведьму поджарил, будь она в доме.

— Сплюньте, мамаша, — боязливо посоветовал ей лысый мужчина в фартуке разнорабочего. — Как бы безглазый вас не услышал и не осерчал!

— Дикая ночь на носу, — не унималась старуха. — Уж тут-то безглазый разгуляется. Как бы и нам не досталось. Не место ведьме в нашем городе. Да еще в школе, среди ребят!

— Госпожа Штосс, не стыдно вам! — крикнул в ее сторону директор. — Уж помолчали бы! Тут такое творится, а вы!

— Ой, миленький мой господин директор, молчу-молчу! Простите дуру старую! — залебезила старушка, но потом принялась с жаром что-то шептать своей соседке, дородной даме.

На меня недобро косились, ко мне не подходили. Вокруг меня и директора образовалась мертвая зона.

* * *

С грохотом и звоном подъехал пожарный обоз. Усатые пожарные в блестящих шлемах принялись разворачивать рукав; начальник пожарной части, бравый господин Матибор, командовал человеком у насоса.

Однако вскоре пожарные встали полукругом и почесали затылки, сдвинув шлемы на брови. Спасать было нечего: от чудесного коттеджа, который я уже называла своим домом и успела полюбить, осталась

черная груда бревен да кучи седого пепла, в которых вспыхивали красные угольки.

Дом сгорел меньше чем за час — полностью, от крыши до фундамента.

— Что за чертовщина! — пробормотал господин директор. Он неловко обнял меня и похлопал по спине. — Ничего, ничего... главное, вас внутри не было. Вы живы. С природными катаклизмами шутки плохи...

— Что мне теперь делать? — спросила я дрожащими губами. — Там были мои вещи. Деньги... Где я теперь буду жить?

— Главное, ваши документы целы, — успокоил меня директор. — Я ведь забрал их с собой. Выдадим вам жалованье авансом. А крыша над головой... найдем и крышу. Господин Роберваль поможет. Вон и он прибыл!

К пожарищу неспешной походкой приблизился высокий мужчина в длинном дождевике. Роберваль встал вплотную к обгоревшей балке, словно не чувствуя исходящего от нее жара. Покачал головой, достал трубку, не торопясь набил. Затем нагнулся, выхватил из пепла уголек, перекидывая его из руки в руку, и ловко прикурил.

Я смотрела на него, до боли вонзив ногти в подушечки ладоней. Мне казалось, я вижу страшный сон.

На темном небе неслись лохмотья туч. В прорехи мертвенно светила луна. Люди, сбившись в кучки, тихо бормотали. А фигура господина Роберваля выглядела демонически. Ветер колыхал длинные полы черного дождевика, на его волосах плясали алые отблески.

— Никто не пострадал? — осведомился он, повернувшись.

— Никак нет! — отрапортовал начальник пожарной части.

— Где госпожа Верден?

— Вот она! С господином директором!

Роберваль нашел меня взглядом — его угольные глаза вспыхнули красным — вытащил изо рта трубку, выпустил кольцо дыма и спокойно произнес:

— Не повезло вам.

— Говорил, надо было поставить на крышу молниеотвод! — недовольно заметил господин Анвил, который появился вместе с Робервалем.

— Да, надо было, — кивнул Роберваль.

— Не помог бы ваш молниеотвод! — выкрикнул из толпы. — Уж если Грабб решит, кого проучить, то проучит!

— Видите, некоторые считают, что вас настигла кара призрачного разбойника, — господин Роберваль вытянул руку и ткнул трубкой в толпу горожан. — Жаль коттеджа. Столько средств ушло на его ремонт! Боюсь, в ближайшее время не получится оборудовать для учительницы новый дом. Сейчас у меня нет свободных средств.

— Ни в коей мере не претендую на вашу благотворительность... — начала я язвительно, но директор оборвал меня.

— Ничего, на эту ночь мы вас приютим, а там посмотрим. Идемте в «Хмельную корову»; у хозяйки обычно есть пустые комнаты для приезжих.

— Да, придется вам искать другое пристанище, — равнодушно подтвердил Роберваль. — А лучше — садитесь-ка на поезд и возвращайтесь в столицу. Хотите, довезу вас на автомобиле до Шваленберга? Там утром проходит скорый до Сен-Лютерны.

— Нет, благодарю, — ответила я с ледяной вежливостью, стараясь не думать о том, какая я грязная, мокрая и заплаканная. — Я найду себе новое жилище. Господин директор, идемте в «Хмельную корову»! Тут мне больше нечего делать.

* * *

Ночлега в «Хмельной корове» я не получила. Костлявая хозяйка в белоснежном переднике выслушала сбивчивый рассказ директора о постигшей меня беде, кивком пригласила войти в низкий, темный зал с закопченным потолком, предложила сесть за длинный деревянный стол, вытертый до блеска локтями посетителей, и налила кружку горячего вина со специями. А когда я пригубила напиток, сложила руки на груди и безапелляционно заявила:

— Все комнаты заняты. Вам придется искать другое место для ночлега.

Директор обреченно вздохнул.

— Как вы думаете, кто может ее приютить? — он повернулся ко мне и виновато пояснил: — К себе вас повести не могу. Я сам живу у

брата, который служит на станции... у него четверо сыновей. Места в доме совсем нет, и хозяйки нет. Ну, вы понимаете...

— Понимаю, — вздохнула я в ответ.

В дальнем углу зала шумела компания припозднившихся посетителей. Они горячо обсуждали пожар, косились на меня и перебрасывались странными намеками. До меня не раз доносились слова «ведьма», «безглазый» и «проклятие».

Служанка Ванда потащила им поднос, уставленный кружками с пивом, и, проходя мимо нашего стола, бросила на меня злорадный взгляд.

— Вряд ли кто-то ее приютит, — сказала хозяйка таверны. — Люди считают, что она приведет беду. Никто не захочет, чтобы в Дикую ночь к ним наведалься в гости призрак Грабба, чтобы отомстить.

Я со стуком поставила кружку на стол.

— Вы что, с ума тут все посходили! Призраки, проклятия! Вы в какое время живете, осмелюсь вас спросить? В Темные века? Что за ненависть к Одаренным?!

Хозяйка грозно нахмурилась, но мне было все равно. Я только что лишилась дома, имущества. Сама чуть не погибла, в конце концов! Останься я нынче в коттедже, и мои обгорелые косточки могли бы лежать на пепелище!

— Тихо, тихо... — забормотал господин директор. — Давайте попробуем обойти все дома... вдруг кто-то пустит вас на постой... Госпожа Барбута, например. Хотя вряд ли. Она сдает комнаты сезонным рабочим Роберваля, у нее все занято... но вдруг...

— Не беспокойтесь, господин Степпель. Уже поздно. Не стоит будить людей. Я прекрасно переночую в школе.

— Отличная идея! — обрадовался Степпель. — В учительской есть диван. А завтра что-нибудь придумаем.

— Я дам вам одеяло и подушку, — смилостивилась хозяйка таверны. — Утром вернете.

По темным улицам, под порывистым ветром мы поплелись в школу. Небо окончательно прояснилось, высыпали звезды, ярко светил месяц. Пахло сыростью и дымом.

Господин Степпель отпер школу. Странно было находиться здесь ночью, когда в классах не горел свет, а в коридорах не звучали детские голоса. Пустое, гулкое, мертвое помещение...

Директор разжег для меня в учительской очаг; скоро стало тепло. Я расстелила на жестком диване тощий матрас и бросила на него серую подушку с вылезшими перьями.

— Как-нибудь переночуете, а завтра все уладится — вот увидите! Не падайте духом, Эрика! И я очень надеюсь, что вы не поддадитесь на уговоры Роберваля и не уедете... Хотя не стану вас винить, если вы так поступите.

— Ни за что не уеду, — успокоила я директора и подавила зевок. — Не дождется ваш Роберваль.

— Господин Роберваль непростой человек. у него есть свои убеждения и принципы. Пожалуйста, не думайте о нем плохо. Кстати, завтра вам не обязательно проводить уроки. Вам нужен отдых после всего, что вы пережили.

— И где же я буду отдыхать? На диване в учительской? — горько усмехнулась я. — Я проведу занятия, не беспокойтесь! А потом расспрошу жителей насчет комнаты.

— Я сам этим займусь. Вам будет где жить! Спокойной ночи, Эрика. В шкафчике есть горелка, чайник и заварка. А завтрак я вам принесу.

— Спокойной ночи, господин директор...

Он ушел, а я улеглась на диван, понимая, что спокойной ночи мне все же не видать. Мне было одиноко, тоскливо, и хотя усталость разливалась по телу, голова моя кипела от беспокойных мыслей.

Как же жаль погибших вещей! Одежды, книг, безделушек. Но почему-то обиднее всего было лишиться банки черничного варенья... и любовного романа. Так и не узнаю, чем там все кончилось. Впрочем, все книжные любовные истории заканчиваются свадьбой. Жаль, в жизни все не так.

Глава 9

Второй урок магии

Я ужасно провела ночь и проснулась с колотящимся сердцем. Спросонья показалось, что я в дома, в дядином особняке. И сейчас тетя постучится в дверь, войдет, угрюмая и недовольная, и прикажет лающим голосом явиться к дяде для беседы, во время которой меня будут запугивать и унижать.

«Бежать, скорее бежать! Скрыться, пока дядя не позвал своего громилу — камердинера Поля, чтобы тот отвез меня в лечебницу святого Модеста и запер в ободранной комнате с крепким замком на двери!»

Я рывком села, отдышалась, огляделась и вспомнила все, что произошло.

Осознание принесло одновременно облегчение и острую досаду.

Нет, я не в столице. Дядя далеко. Я в безопасности. Но положение мое весьма незавидное. Я ночую на продавленном диване в учительской, потому мой дом вчера сгорел при странных обстоятельствах. А с ним сгорели все вещи и деньги. И нет рядом никого, кто бы мог помочь, утешить...

Я встала и подошла к окну, потирая плечи озябшими руками. Сквозь открытую форточку лилась ночная прохлада, но утро выдалось славным. Мир за стеклом был чистым, словно умытым. Только рассвело, солнце окрасило небо розовым, ветер легко качал ветки рябины в школьном дворе. Даже не верится, что вчера в городе творился грозовой ад.

Я отошла к зеркалу и вздохнула, глянув на отражение. Как можно в таком виде появиться перед учениками?

На меня смотрела растрепанная девица с опухшими глазами. На щеке сажа, блузка в серых пятнах, половина шпилек потеряна, и даже щетки нет, чтобы привести прическу в порядок. Я чувствовала себя разбитой, мышцы болели, ломило виски, в горле першило. Вчера я промокла под дождем, испереживалась на пепелище, да еще и превысила свои возможности Одаренной. Последствия налицо...

Скрипнула дверь, я стремительно обернулась. Кого принесло в такую рань?

В проеме показалось бледное личико, синие глаза уставились на меня с испугом.

— Ланзо! — я выдохнула с облегчением. — Доброе утро! Почему ты уже в школе? Занятия начинаются только через два часа!

Он молчал так долго, что я подумала — сейчас убежит. Но Ланзо шмыгнул носом и ответил очень тихим голосом:

— Я всегда прихожу рано... с папой. Помогаю...

А тут и сам папаша появился. Уборщик Виктор протопал в учительскую, молча свалил у камина груды дров, и только потом повернулся и глянул на меня в упор.

— Слышал, вы без дома остались, — сказал Виктор, не утруждая себя приветствием. У него оказался сиплый, неприятный голос и грубый выговор. — Тут ночевали, что ли?

— Пришлось.

Виктор взялся чистить очаг.

— Помоги! — приказал он сыну, а когда Ланзо подошел, уборщик отвесил ему подзатыльник за нерасторопность.

— Эй! — сказала я с гневом. — Держите руки при себе!

Виктор и ухом не повел, а Ланзо потер затылок и улыбнулся, словно извиняясь за отца.

Оставлять мальчика наедине с грубым отцом не хотелось, и какое-то время я наблюдала за их работой, переминаясь с ноги на ногу. Но потом не выдержала и отправилась в школьный туалет. Там кое-как привела себя в порядок, умылась и причесалась руками. В кармане заваялся носовой платок, я сделала из него жгут, чтобы подвязать волосы.

А когда вернулась в учительскую, обнаружила, что уборщик и его сын ушли, но появилась госпожа Барбута.

Охая и причитая, она обняла меня и утешающе похлопала по спине.

— Все будет хорошо. Вещи и дом — ерунда... главное, вы живы и не ранены. Вот, смотрите, что я собрала для вас — самое необходимое на первое время.

Она открыла вместительный баул. Добросердечная учительница принесла мне смену белья, простую серую юбку, рубашку и толстый

вязаный свитер. Вещи изрядно ношенные, кое-где штопаные, но чистые.

— Взяла у племянницы. Вам ведь теперь и переодеться не во что!

Кроме того, в сумке обнаружили разные женские принадлежности — зеркало, гребень, шпильки, полотенце, кусок мыла.

Поступок госпожи Барбуты растрогал до слез. Ценность вещей измеряется вовсе не деньгами! Когда я жила с дядей, у меня были наряды и безделушки из лучших столичных магазинов, но я не радовалась им так, как этим незамысловатым подаркам.

— И завтрак, — госпожа Барбута выложила на стол сверток с бутербродами.

Изнемогая от признательности, я подкрепилась, потом начала переодеваться.

Юбка оказалась коротковата, а блузка великовата, но выбирать не приходилось. По крайней мере теперь я выгляжу опрятно.

Вскоре явилась госпожа Лотар. Она произнесла причитающиеся ободряющие слова, но ни душевности, ни искренности с них не было.

— Наверное, вы теперь вернетесь в столицу? — спросила она с надеждой. — Город встретил вас негостеприимно. Ужасное происшествие!

— Нет, не вернусь, — ответила я сердито. Сговорились они с Робервалем, что ли! — Буду искать новый дом.

— Вряд ли вас кто-то приютит, — покачала головой госпожа Лотар. — Люди считают, что вы приносите беду. Видите ли, вы успели приобрести некоторую... — она деликатно улыбнулась, — непопулярность.

В ответ на это я скрипнула зубами, но промолчала. Наверняка эта брюзга преувеличивает. Охота же ей злословить!

* * *

В коридоре зашумели голоса: школьники собирались на занятия. Пришел Степель. Он выглядел неважно, как будто не сомкнул глаз всю ночь; побряхтывал, потирал поясницу, шагал осторожно.

— Боюсь, новости у меня неважные, — признался он. — Я не нашел для вас ни комнаты, ни домика. Но день только начался!

Наверняка родители детей согласятся вам помочь.

— Я могу пустить вас к себе! — пылко предложила госпожа Барбута. — Правда, у меня трое жильцов, но я поставлю койку в своей комнате. Как-нибудь перебьемся!

— Спасибо! Не хочу вас теснить, — уныло отозвалась я. — В крайнем случае буду жить в школе. Если господин директор разрешит...

— Это... необычно, но, конечно, я не буду против! — подтвердил директор, поворачиваясь к камину, чтобы согреть спину, и задирая для лучшего эффекта фалды сюртука. — Однако подождем... вдруг что-то подвернется! Я бы посоветовал вам обратиться к Робервалю. Если вы сумеете его уговорить, он вам поможет. Жаль, что вы приняли друг друга в штаны.

— Но ведь забота о горожанах — обязанность муниципалитета и бургомистра? Думаю, мне лучше пойти к господину Флеггу.

Про себя я давно решила, что никогда и ни о чем не буду просить Роберваля. Еще чего не хватало!

— Флеггу?! — директор растерялся. — Кхе... мда... Он, конечно, бургомистр, но... у него снега зимой не допросишься. Впрочем, попытка не пытка. Попробуйте!

Пора было отправляться на занятия. К счастью, вчера я оставила в школе свои тетради и учебники, в том числе драгоценный том профессора Кристиана Рейна. Мои инструменты труда не сгорели... и два моих других важнейших инструмента остались при мне: моя смекалка и мое упрямство. Значит, не все потеряно!

В коридоре меня окружила толпа. Учеников привели в школу родители, и все спешили выразить сочувствие. И не только: они предлагали обращаться, если что-то потребуется, обещали помощь в устройстве на новом месте!

Увы, самого нового места не предложил никто. У всех оказывались причины, чтобы не пускать к себе постоялицу. Готовность горожан помочь имела свои пределы.

Я видела, что из-за этого они испытывали неловкость. В большинстве жители Крипвуда были хорошими людьми. По крайней мере считали себя таковыми. Как и все мы. Никто не хочет показаться жадным или равнодушным.

Они вовсе не желали мне зла. Но я еще не стала частью общины Крипвуда, и поэтому они осторожничали и рассчитывали, что кто-то другой возьмет на себя обузу в виде нежеланной жилички. В конце концов они не были обязаны заботиться обо мне.

Но все же я приободрилась. Нет, далеко не все в городе настроены против меня! Вот так-то, госпожа Лотар. Будет она еще мне твердить о непопулярности! Вон как меня жалеют!

Многого я еще не понимаю, и не могу поверить в то, что суеверия заставляют горожан совершать странные поступки, но со временем наверняка что-то прояснится.

В школу вместе с сыном явился начальник пожарной части господин Матибор. Он рассыпался в извинениях за то, что не смог спасти мой дом.

— Видите ли... не все пожары можно потушить, — пробасил он, избегая встретиться со мной взглядом. Он переминался с ноги на ногу, как нашкодивший мальчишка. — Тот пожар, что уничтожил ваш дом, был... очень уж сильным. И необычным.

— В чем же его необычность?

На этот вопрос господин Матибор не ответил; торопливо попрощался, надел фуражку и попросту сбежал, на ходу коснувшись щепоткой пальцев вбитого в косяк двери медного гвоздя — этим жестом суеверные люди отгоняют от себя злых духов. Ну уж если начальник городской пожарной части соблюдает приметы, то чего ждать от остальных жителей!

Стоило войти в класс и встать у доски, разбитость как рукой сняло. Откуда-то и силы взялись, и бодрости прибавилось.

Нельзя показывать ученикам уныние. Это чувство заразительно. После урока школьники должны выйти из класса с хорошим настроением и пониманием того, что этот час они провели с пользой и удовольствием.

Я старалась, что было мочи. Сначала ученики шептались — обсуждали свалившееся на меня несчастье, — но потом я так загрузила их работой, что им стало не до сплетен. Да и сама я увлеклась и ненадолго забыла собственные беды.

— У нас сегодня будет урок магии? — спросила Магда.

— Вы имеете в виду, дополнительное занятие по познанию сверхприроды? Обязательно.

— И я приду! И я! — еще двое учеников решили присоединиться к моей троице. Я удовлетворенно улыбнулась: вот и первый успех!

— Буду ждать всех!

Регина Роберваль фыркнула и отвернулась к окну.

— Ага, вот так придешь на ваш урок, а потом в твой дом ударит молнией Иоахим Грабб, — вполголоса пробурчал вредный Владислас.

— Не болтай ерунды! — осадил его тонкий голос с последней парты. Я удивилась: неужели Ланзо выступил моим защитником? Он, казалось, и сам испугался своей смелости: тут же вжал голову в плечи и потупился.

— Тебя не спросили, крыса помойная! — огрызнулся Владислас.

— Владислас Крежма! После уроков останешься в классе на два часа. Сто раз напишешь поговорку «Не дорого ничто — дорого вежество».

— Ну и ладно, — проворчал Владислас.

Я вздохнула. Видимо, придется поговорить с его отцом-аптекарем. Вот еще один житель города, с кем я не хотела бы иметь никаких дел. В том числе связанных с его профессией. Но нельзя все время прятаться за спиной директора. Если я хочу прижиться в этом городе, нужно как-то устанавливать отношения с родителями учеников.

* * *

На большой перемене школу посетил бургомистр Фалберт Флегг.

Я лучезарно улыбнулась гостю. Бургомистр нарядился в дорогой темно-зеленый костюм, шейный платок завязал пышным бантом, на обширной груди колыхалась золотая цепь часов. Массивная печатка на пухлой руке, которую он протянул для приветствия, тускло сверкнула.

Что ж, управление городом всегда приносит неплохой доход.

Ответив на почтительные приветствия, бургомистр потряс меня за руку, затем сочувственно похлопал по спине (сегодня каждый второй стремился это сделать; чего доброго, к концу дня у меня между лопаток будет синяк).

Совершив необходимые телодвижения, Флегг разразился речью. Сначала он многословно толковал о том, какая удача выпала городу принимать у себя специалистов из столицы. Потом упомянул славное

прошлое Крипвуда и его уникальные традиции. И закончил заверениями, что жертве бури и несчастного стечения обстоятельств община окажет всестороннюю поддержку.

Я кивала и терпеливо ждала, когда он перейдет к делу.

— Муниципалитет выделит вам ссуду, — пообещал бургомистр.
— Двадцать кронодоров!

— Спасибо! — я изобразила признательность.

Двадцать кронодоров! Хватит неделю обедать в трактире. Или месяц, если буду питаться одной овсянкой да тушеной капустой.

— Теперь о главном: где вы будете жить, — бургомистр нахмурился. — Я долго думал и нашел выход. Кривой дом у погоста!

В учительской наступила тишина. Учителя и директор переглянулись. Я заподозрила подвох. Название дома не на шутку настораживало.

— Вы уверены, Фалберт? — осторожно спросил директор. — Может, что-то другое есть на примете?

— Конечно, уверен! — обиделся бургомистр. — Ничего другого предложить не могу. Кривой дом пустует уже пять лет. После смерти его прежней владелицы он перешел в собственность муниципалитета. Пора ему обрести новую хозяйку!

— Но вы же помните, что этот дом... — нерешительно заговорила госпожа Барбута.

— В отличном состоянии, — сердито прервал ее бургомистр. — Сто лет стоял крепко и еще столько же простоит. Подумаешь, крыша немного протекает! Мы ее заделаем. Найдем материалы. Может, Роберваль выделит. А какой вид из окна! Лес, сад! Соседи мирные, не шумные. Уж отшумели свое, — он сладенько хохотнул. — Вот ключ, госпожа Верден!

Он торжественно протянул мне здоровую ржавую штуковину, которой обычно запирают амбары.

— Попросите, чтобы после занятий вас проводили ученики или кто-то из ваших коллег. Обустраивайтесь! Конечно, этот дом не так хорош как прежний коттедж, но вы молодая, трудностей не боитесь! Кроме того, вы Одаренная, — он подмигнул. — Вы ведь можете использовать ваш талант для решения мелких бытовых проблем? — не дожидаясь ответа, бургомистр тут же ответил сам себе: — Конечно,

можете! И вы не суеверная — вы же всячески это подчеркиваете! Значит, соседство с кладбищем вас не смутит.

Я нахмурилась. Флегг мигом сделал строгое лицо и скорбно заявил:

— Конечно, если вы решите покинуть нас после вчерашней катастрофы, винить вас никто не будет...

— Я ни за что вас не покину, — я поспешила взять ключ.

— Вот и славно, — заключил бургомистр, потер руки и откланялся.

— Ну что ж, главный вопрос решен! — с фальшивой бодростью воскликнул директор, когда гость вышел из учительской. — После уроков можете заселяться.

Госпожа Барбута покачала головой и тяжело вздохнула, а госпожа Лотар ядовито усмехнулась.

Только я хотела расспросить о подарке Флегга подробнее, как учителя торопливо разошлись по классам, словно спасаясь бегством.

* * *

Визит бургомистра оставил смешанные чувства. Ладно, порадуюсь потом, когда увижу свой новый дом.

День прошел быстро; осталось провести последний, самый важный урок. Дополнительное занятие по магии. Тьфу, то есть урок познания сверхприроды. Ну вот, я начала говорить так же, как и мои ученики.

Второе занятие будет сложнее, чем первое. То было знакомство, развлечение, игра, призванная вызвать интерес. Теперь начнется рутина. Но постараюсь, чтобы ученики не заскучали. И ни в коем случае не испугались.

Впрочем, многие вещи, которые взрослые находят жуткими, вызывают у детей восторг.

Сегодня у меня было уже пять учеников. К Дитмару, Магде и Ланзо присоединилась смуглая и гибкая Ада, дочь прачки, и неуклюжий толстощекий Тилло, сын бакалейщика.

Когда я вошла в класс, дети дружно встали. Они смотрели на меня с таким жадным интересом, как будто ждали, что я вот-вот взлечу под

потолок или начну изрыгать пламя, или совершу к их радости иную неприличную, но волшебную выходку.

— Нет-нет, не садитесь! — замахала я руками. — Погода отличная, проведем урок на свежем воздухе.

— А печенья не будет? И магических картинок? И прочих чудес? — разочарованно протянул сын бакалейщика.

Ага, ясно. Так я и думала: новичков приманили рассказы о даровом угощении и фокусах.

— Печенья не будет, но будет сахарное драже и лимонные леденцы, — Я мысленно поблагодарила госпожу Барбуту, которая щедро поделилась со мной запасами перед уроком. — А чудеса вы сегодня сами будете творить. Я покажу, как.

Ученики разом повеселели и дружно рванули из класса на улицу.

Во дворе было пусто и тихо, лишь поскрипывали качели, на которых со скучающим видом сидела Регина Роберваль.

— Я жду папу! — строго объявила она, заметив мой взгляд.

— Ну и жди на здоровье! — завопил Дитмар. — А мы идем гулять и учиться магии!

В порыве радости он треснул сына бакалейщика тетрадью по голове, тот ответил ему тумаком: оба мальчишки дурашливо захохотали.

Я шикнула на них — в классах идут уроки, нечего вопить во все горло! — и повела за школу, туда, где еще вчера присмотрела небольшую яблоневую рощу.

Выбрала полянку почище и предложила ученикам сесть на землю. За день под жарким солнцем высохли следы вчерашнего дождя, трава нагрелась по-летнему. Солнце мягко светило сквозь ветки. Листья уже начали розоветь и засыхать. С веток спускались тонкие паутинки, изредка пролетали бабочки и кружились над дикими осенними фиалками. Их бледно-синие соцветия там и тут качались в траве. Воздух был прозрачен и свеж. Пахло прелым сеном и яблоками.

Ученики сонно моргали и улыбались, радуясь тому, что вырвались из полутемного класса. На улице было хорошо, как в сказке. Прекрасные условия для урока, где мы будем учиться пересекать грань между реальностью и чудом.

— Давайте подкрепимся, — предложила я и достала из сумки угощение. — Сегодня мы будем использовать скрытые силы наших организмов, сладкое нам необходимо. Вот, держите...

На вырванный из тетради листок я высыпала драже и леденцы. Провела над ними рукой, и конфеты окрасились в разные цвета. Одни стали зелеными с розовым отливом, как листья яблонь, другие желтыми, как солнечные зайчики на траве, или голубыми, как фиалки, а некоторые переливались радугой, как крылья бабочки, что пролетела рядом. Я заимствовала цвета у природы. Простой фокус, но детям он понравился.

От конфет в два счета ничего не осталось. Дети жевали с сосредоточенным видом; вероятно, думали, что и вкус у конфет будет волшебный, но тут их ждало разочарование. Впрочем, не слишком большое.

В кустах шевельнулась тень. Я осторожно повернула голову, чтобы не спугнуть тайную гостью. Регина Роберваль притаилась за толстой веткой, но я видела, как сверкают среди листьев ее глаза.

Интересно, она шпионит за нами, чтобы докладывать своему папочке? Я одернула себя; не стоит думать о ней плохо. Она всего лишь восьмилетняя девочка. Ей просто любопытно. Да и друзей, кажется, у нее маловато. Скорее, и вовсе нет. При всем богатстве ее папаша не смог избавить ее от одиночества.

— Приступим. Для начала нам нужно настроиться на правильный лад. Вот первое задание: вспомните, что хорошего с вами случилось сегодня с утра.

— Ничего хорошего не случилось, — сердито заявил Дитмар. — Госпожа Лотар поставила мне двойку по чистописанию. А потом я ободрал коленку о гвоздь в парте.

— Подумай хорошенько! Не бывает так, чтобы день складывался из одних неприятностей. Наверняка было что-то радостное! Это может быть любая мелочь. Солнце после грозы... горячие блинчики на завтрак... добрая шутка друга.

— Мне мама испекла блинчики! — оживилась Магда. — С вишневым вареньем!

— А мне папа подарил кронодор! — сообщил Тилло. — Теперь у меня в копилке пять кронодоров!

— А у нас крольчиха окотилась!

— Окролилась!

— Нет, окотилась! Так правильно говорить, нам ветеринар сказал! Пять крольчат получилось!

Дети заговорили наперебой. Оказалось, радостей у них с утра случилось навалом; так оно и бывает в детстве! Лишь Ланзо молчал, но потом его глаза сделались мечтательными, на губах расцвела бледная улыбка.

— Теперь вспомните, что вы испытали в момент, когда случилась ваше доброе событие. Сосредоточьтесь на этом чувстве и удерживайте его... пять минут! Постарайтесь усилить его. Чтобы оно выросло, наполнило вас!

Дети послушно замерли. Они жмурились, хмурились, надували щеки — словом, старались изо всех сил. И у них получилось! Первой тихонько рассмеялась Магда, ее смех подхватила Ада; скоро и лица мальчишек засветились от удовольствия.

Я искренне им позавидовала. Сегодня это упражнение мне самой давалось с большим трудом.

— Ну вот, теперь вы готовы учиться. Наша магия — магия сенситивов, Одаренных — не дружит с угрюмыми. Сегодня мы с вами поучимся слышать и видеть кожей.

— Это как? Зачем? — озадачился Дитмар.

— Чтобы почувствовать эфирные потоки. Их не разглядеть обычным зрением. И не каждый может их увидеть.

— А если мы их не увидим? — тихо спросил Ланзо.

— Я неточно выразилась. Не каждый взрослый может их увидеть. Но у детей получается всегда. Внимательно посмотрите вокруг. Запомните все. Деревья. Небо. Облако. Стены школы. А теперь крепко закройте глаза. Ада, не поглядывай! И представьте, что у вас глаза повсюду... на плечах, на руках, на ногах, на спине!

— И пониже спины! — серьезно подсказал Дитмар. Все засмеялись.

— И там тоже, — согласилась я, пряча улыбку. — Постарайтесь вообразить мир вокруг вас. Увидеть его кожей.

Мои ученики замолчали, крепко прижав кулаки к глазам. Я знала, что они справятся: у детей отличное воображение. Но это незамысловатое упражнение также помогает выявить тех, у кого есть

зачатки дара. Потому что Одаренные увидят кое-что еще... я им помогу. Правда, опять нарушив указания куратора...

Я неглубоко погрузилась в транс и легко направила эфирные потоки на нашу поляну, на каждого из детей. И на Регину тоже. Ей было так любопытно, что она наполовину высунулась из кустов. Ее глаза были крепко закрыты, губы шевелились...

Невидимые, но прочные нити протянулись к моим ученикам и нежно обвили их; вокруг белокурых, рыжих, каштановых головок разлилось сияние.

— Итак, что вы увидели? Этот сад? Солнце, траву?

— Ничего я не увидел, — разочарованно протянул Тилло. — Глаза же были закрыты!

— А я видела, — ответила Ада. — Представила себе все, хорошенько вспомнила, и увидела! Все было как живое.

— И я! — закричала Магда. — Хотя я не подглядывала! Ничего сложного!

— А видели ли вы... что-то еще? Того, чего нет, когда глаза открыты?

Дети замолчали.

— Я видела! — опять подала голос Магда. — Мне кажется, я видела... эльфов. Точно! На фиалке. Они были такие же, как в моей книжке!

— Все ты врешь! Ничего ты не видела!

— Нет видела, видела!

И Магда принялась подробно описывать эльфа с короной на голове и стрекозиными крылышками. Она захлебывалась и широко тарасила глаза. Дети слушали ее скептически, но я кивала и не перебивала.

Конечно, она все выдумала. Рассказывала о собственных фантазиях и наслаждалась тем, что была в центре внимания. Я знала, что так и будет: на учительских курсах нас об этом предупреждали.

Но это значит, что у Магды хорошее воображение. А без этого в нашем деле никак.

— Очень интересно, Магда, спасибо! Ты умеешь представлять себе сказку. Это ценное качество, — заключила я очень серьезно.

Магда победоносно поглядела на одноклассников. Я не уличила ее во лжи, но и дала понять, что понимаю и разделяю ее фантазии.

— Я тоже видел кое-что, — сказал Ланзо неуверенно. — Но это было не так красиво, как у Магды. Я даже сначала испугался.

— Что же ты видел?

— Паутину. Я представил поляну, деревья... и паучков. И вдруг их нити стали очень толстыми и засветились. Они опутали всю поляну. А потом. — Ланзо замялся, подбирая слова. — Вокруг вас... госпожа Верден, намотался кокон.

— Во заливает! — покачал головой Дитмар. — Кокон какой-то придумал!

— Я не заливаю, — упорствовал Ланзо. — Этот кокон... мерцал как свеча и... двигался. На нем надувались пузыри, как на болоте...

Ланзо скривился, а я чуть не захлопала в ладоши.

Вот это да! Он не мог это придумать. Он точно описал эфирные потоки, как их видят люди с огромным талантом Одаренного!

Какая удача! Да, я сразу почувствовала, что мальчик не так-то прост.

Но я тут же одернула себя. Маловероятно, что Ланзо сумел без малейшей подготовки войти в транс и увидеть мир так, как его видим мы. Я лишь ожидала, что кто-то из детей скажет, что на представленной картинке от солнца шли очень яркие лучи... или на полянке был туман. Не исключено, что Ланзо читал об Одаренных и их втором зрении и теперь тоже фантазировал. Но все же...

— А сейчас мы с вами выполним один трюк, который умеют показывать флорамансеры. Это такие Одаренные, которым подчиняются растения. Смотрите, вот дикие фиалки.

Я показала на бледные цветы на краю полянки.

— Давайте подойдем к ним и хорошенько рассмотрим. Видите, несколько цветов только готовятся распуститься?

Дети сгрудились возле фиалок; я встала на колени и протянула руку ладонью вниз.

— Выберите себе нераспустившийся бутон. А теперь представьте, что вы — эта фиалка. Вам очень хочется скорее открыть лепестки и увидеть солнце. В то же время представьте, что ваша ладонь — это и есть солнце. От нее идут лучи. Они пробудят цветок.

— И что будет?

— Смотрите внимательно...

Бутон под моей ладонью дрогнул и распустился. Тонкие голубые лепестки мелко подрагивали. На фиалку тут же села бабочка.

Дети восхищенно загалдели.

— Теперь вы попробуйте! Я вам помогу. Направлю на вас эфирные потоки. Сами вы еще не умеете это делать и научитесь нескоро и не в школе. Этому учат в академии Одаренных. Пока вы будете проводниками и усилителями.

— А при этом надо говорить какие-то волшебные слова?

— Нет, — я улыбнулась. — Заклинания существуют только в сказках. Сенситивам они не нужны.

Дети очень старались. Пыхтели, бормотали, зажмуривались.

— Я фиалка, я фиалка! — твердил Тилло. Его пухлые щеки покраснелись, лоб блестел от пота.

Мне тоже приходилось тяжело; я протянула эфирные потоки к шести детям — притаившуюся в кустах Регину тоже не забыла. Уверена, она пытается повторить все, что мы делаем!

Разумеется, Ланзо справился с заданием первым. Его бутон упруго раскинул лепестки, и они тут же приобрели насыщенный синий цвет. Да еще и стебель фиалки вытянулся прямо на глазах. Ланзо сумел ускорить энергетические процессы в клетках и биосинтез растительных пигментов!

Мальчику прямая дорога в академию Одаренных — теперь в этом нет никакого сомнения.

Потом заверещала от радости Ада, весело взвизгнула Магда. Дитмар и Тилло сумели заставить лепестки приоткрыть совсем чуть-чуть, но и этим остались довольны.

— Можно, я тоже попробую с вами? — спросил за моей спиной высокомерный голос Регины. Каким-то неуловимым образом она дала понять, что это не просьба, а снисхождение. — Там в кустах только крапива. Я хотела заставить ее зацвести, но обожглась. Видите?

Она протянула покрасневшую руку. Я коснулась пятна пальцами и сняла боль. Регина удивленно поднесла запястье к глазам.

— Вали отсюда, не примазывайся! — недружелюбно велел Дитмар. — Тебе папочка запретил с нами водиться. Он тебя отругает.

— Не отругает. Ну, так можно?

— Что ж, садись, — я похлопала рукой по траве, хотя был соблазн отправить ее прочь. Роберваль и впрямь будет недоволен, если узнает,

что его дочь была на моем уроке и «занималась магией».

— Вот подходящий бутон...

Регина, не теряя высокомерного вида, протянула к нему ладонь и зажмурилась. Я принялась осторожно манипулировать эфиром. Голова начала болеть; силы были на исходе.

Ужасно, что мой талант так слаб, что даже на такие простые вещи его не хватает. На следующих уроках дети будут заниматься теорией и упражнениями для развития воображения и силы воли; больше напрягать себя не придется. Довольно чудес и фокусов.

— Регина! Что ты здесь делаешь!

От сердитого окрика девочка вздрогнула; другие дети тоже всполошились.

Я поморщилась. Вот и папаша, явился во всей красе!

Длинные ноги стремительно шагают по траве, пальто развевается, мертвые глаза ожили и мечут молнии. В меня. Еще чуть-чуть, и я вспыхну, как мой коттедж вчера ночью.

Черная тень легла на поляну. Дети притихли. Регина вскочила на ноги.

— Ну что ты пришел так не вовремя! Все испортил! У меня почти получилось!

— Я тебе что велел? Не смей ходить на эти занятия!

— А я хочу! — Регина топнула по траве нарядной туфелькой и подбоченилась. — Хочу и буду!

— Ладно, — мягче сказал Роберваль. — Дома поговорим.

Он отвел взгляд от дочери; его угольные глаза остановились на мне.

— Госпожа Верден, как вы допустили, что Регина занималась с вами? Я же говорил, что против ваших уроков!

— Добрый день, господин Роберваль, — я неторопливо поднялась и отряхнула юбку. — На мои дополнительные уроки могут ходить любые ученики. Кроме того, Регина сидела во дворе совсем одна. Как учитель, я не могла допустить, чтобы ребенок оставался без присмотра. Поэтому не стала ее прогонять, когда она пошла с нами. Сначала она держалась в отдалении, но я следила за ней. Потом она выразила желание присоединиться. Это меня обрадовало. Хорошо, когда юная барышня любопытна, смела, и хочет изучать мир.

Регина чуточку покраснела от удовольствия, что ее назвали «смелой юной барышней».

— Ее гувернантка заболела, — огрызнулся Роберваль. — Поэтому пока мне приходится забирать ее самому. А поскольку я занятой человек, не всегда могу делать это вовремя.

Ага, оправдывается! Я мысленно улыбнулась. Однако у девочки есть гувернантка! Выходит, не доверяет Роберваль государственной школе; нанял для нее дополнительную наставницу. Наверное, у него в доме полно слуг. Однако он сам приехал за дочерью...

— Идем, — он потянул дочь за руку.

— До свидания, Регина! Я уверена, у тебя получилось бы заставить этот бутон распуститься, — сказала я ей вслед. — Лепестки уже начали шевелиться!

Кажется, господин Роберваль зарычал, а может, и заскрипел зубами.

Робервали ушли; я еще долго слышала тонкий, немного манерный голосок девочки, когда та захлеб рассказывала отцу о том, как прошел день.

— Урок окончен, — объявила я. — Теперь мы увидимся послезавтра. Но попробуйте каждый вечер выполнять упражнение: перед сном вспомните все, что хорошего случилось за день, а утром представьте все хорошее, что с вами произойдет!

Глава 10

Кривой Дом у погоста

Я вернулась в школу и обнаружила, что учительская превратилась в склад. Повсюду лежали тюки. У камина стоял директор и со стоном растирал спину.

— Откуда это? — удивилась я.

— Это все вам! — он обвел комнату широким жестом, охнул и сморщился. — Родители учеников принесли. Вещи на первое время. Белье, одежда... у вас же теперь ничего своего нет.

— Увы, это так!

— Господин Матибор отдал вам старый велосипед. Стоит у ворот. Вы умеете ездить? Ваш новый дом расположен далеко от школы. Средство передвижения вам не помешает.

— Да, умею! Какой чудесный подарок!

Я двумя пальцами вытянула из тюка старую, заштопанную простыню. В другом оказались погнутые жестяные тарелки и кружки. Мое новое имущество заставило бы любого старьевщика прыгать от радости.

Но и я радовалась! Приятно, когда незнакомые люди не оставляют тебя в беде.

— Я выдам жалованье за две недели, вам деньги сейчас пригодятся. Слушайте, мне жаль, но я не смогу проводить вас и показать дом. После вчерашнего так разыгрался ревматизм...

— Хотите, помогу? Правда, я не лекарь, умею лишь ненадолго снимать боль.

— Не нужно, спасибо! Я хоть и не Одаренный, но знаю, что на это вы тратите силы. А силы вам самой понадобятся. Вас сейчас проводит Ланзо; он все равно болтается вокруг школы без дела. Боюсь, Кривой дом в не лучшем состоянии. Я велел Виктору привести его в порядок. Но он пока отказывается наотрез. Дело в том, что... с этим домом связаны некоторые нехорошие слухи.

— Ни о каких слухах больше и знать не хочу. Уверена, мне все понравится. Я неприхотлива.

— Вы не сомневайтесь, дом и правда крепкий. Это городская достопримечательность. Сразу после постройки под домом просел грунт, и здание немного перекосило. Однако оно осталось устойчивым, и выглядит... кхм... интересно. А, вот и Ланзо! Мальчик мой, проводи госпожу Верден к Кривому дому! Теперь она будет в нем жить.

Замешкавшийся в дверях Ланзо кивнул.

— Что ж, идем! — я подхватила сумку с подарками госпожи Барбуты, остальные тюки пока трогать не стала — придется перенести их за пару ходок. Нащупала в кармане ключ и пошла на улицу.

У ворот школы стоял подарок начальника пожарной части. Велосипед был стар и тронут ржавчиной. Придется его хорошенько смазать. Но как, спрашивается, это сделать? Надо разыскать умельца...

— Я знаю, как все наладить, — сказал Ланзо, наблюдая, как я задумчиво кручу педаль рукой. Цепь скрипела и заедала. — Я иногда помогаю наладчикам на лесопилке. Они добрые и не прогоняют меня. У них много разных механических штук. Пилы, погрузчики...

— Спасибо, Ланзо! Ты многое умеешь.

Ланзо смутился от похвалы. Он пожал узкими плечиками, сунул руки в карманы и пошел вдоль по улице.

— Пока оставьте велосипед тут. Вечером им займусь. До Кривого дома далеко идти, — сказал он, не оборачиваясь. — Он на окраине, почти у самого леса. Но я покажу короткий путь.

Дорога и впрямь заняла минут пятнадцать. Ланзо сворачивал в узкие переулки, проводил меня тропками за огородиками, мимо амбаров и складов. Все повороты и лазейки запоминались плохо. Лучше бы идти дальше, но по главным улицам.

— Мы пришли, — объявил Ланзо и остановился. Последние дома города остались далеко за спиной, как и заросший ковылем и бессмертником пустырь.

— Ого! — только и смогла выдавить я.

Мой новый дом отличался редкой несуразностью — и это еще мягко сказано. Он был сложен из серого кирпича, изрядно побитого непогодой. На стенах белели соляные разводы от дождя и расплзались рыжие пятна мха. Над двускатной крышей торчала полуразвалившаяся труба.

Вокруг дома буйно росли сорняки: полынь, крапива, чертополох. Среди зарослей возвышалась будка сортира. Я живо представила, как

бегу туда зимой, в непогоду, и поежилась.

Но больше всего поразило не запустение. Дом действительно оказался кривым. Или, точнее, косым. Левая часть дома уходила в землю локтя на два по сравнению с правой. Косыми были и проемы, рамы, и дверь.

Все выглядело так странно, что хотелось протереть глаза. Дом как будто выпал из другого измерения, где все шиворот-навыворот.

Однажды на студенческой вечеринке я перебрала пунша. Спьяну у меня кружилась голова, и казалось, что стены комнаты и мебель стремятся уползти вбок. От этого отчаянно тошнило. Вид Кривого дома вновь заставил меня испытать эти противные чувства.

Интересно, пол тоже наклонный? А как же мебель? Придется прибивать ножки гвоздями, чтобы кровать не укатилась вниз?

— Кто здесь жил раньше, знаешь?

Ланзо кивнул.

— Старая Мазена. Она за плату ухаживала за могилками, иногда обмывала покойников. Но потом люди перестали ее просить. Потому что она сплетничала с мертвыми.

— Это как?

— Она знала, как прошли их последние часы. Расспрашивала их. Покойники ей отвечали. Мазена потом разные гадости говорила их родственникам. Людям это не нравилось. У нас ведьм не любят. Потом Мазена отправилась в лес и ее забрал призрак Грабба. Мазену нашли на опушке через три дня, она ничего не помнила. Только мычала и все время спала. Так и умерла во сне. В ее доме никто не захотел селиться.

Нет, конечно, я не суеверная, но лучше бы Ланзо мне этого не рассказывал. А он все не умолкал.

— Потом два лета назад там недолго жил заезжий Штукарь. Тот покойников и призраков не боялся.

— Кто?

— Ну, фокусник. Иштван, что ли, по имени... Но все звали его Штукарь. Он раньше в цирке работал или на ярмарке. Он так говорил. А потом его выкинули с поезда на станции за какие-то дела. Вот он и решил тут пожить. Но ненадолго задержался. Штукарь всякие фокусы показывал за деньги, в карты играл в трактире с лесорубами. Выигрывал всегда, за это его не любили. Говорили, он магией промышлял. А потом он просто исчез. Дом опять оказался пустой.

Только чемодан его и остался, ну, Штукаря. С разными колдовскими штуками. Чемодан сожгли, дом заперли. Говорят, Штукаря тоже забрал призрак Грабба.

Я покачала головой. Час от часу не легче. Отличная история у дома. Сначала безумная старуха — а может, и Одаренная с талантом некрогности, человека, который умеет считывать остатки энергетической ауры покойных. Но задушевные беседы с мертвяками, конечно, преувеличение. На такое некрогности неспособны. Потом тут побывал шулер-гастролер. Который пропал при невыясненных обстоятельствах. Теперь я буду тут жить. Одна. На окраине города. Возле погоста.

— Смотрите, госпожа Верден, вон кладбище. А дальше лес, где бродит призрак Грабба.

И верно: вдалеке виднелись оградки под поникшими ивами, а за ивовой рощей вставал темной стеной лес. Мрачный и темный, как грозное облако, когда оно только показывается на горизонте.

Мою браваду как ветром сдуло. Впервые подумалось: может, послушаться совета Роберваля? Сесть на поезд и вернуться в столицу? Потребовать нового назначения? В цивилизованное место.

И тут, словно отвечая на мои мысли, вдалеке весело прокричал паровозный гудок.

— Это на лесовозной линии Роберваля, — пояснил Ланзо.

Я помотала головой, чтобы прогнать дурные чувства. Не надо далеко ехать за цивилизацией. Она тут, рядом. А остальное — видимость, выдумки! Тьфу на них.

— Давай войдем, — я решительно подошла к двери, достала ключ и начала возиться с замком.

* * *

Замок долго не поддавался. Наконец, дверь удалось открыть. На голову посыпались дохлые насекомые, а косяк надсадно застонал. Я шагнула внутрь. Было немного боязно.

Огляделась и вздохнула с облегчением. Пол в доме обычный, без уклона. Но перекошенные окна все равно вызывали оторопь. Теперь

мне казалось, что не я пьяна, а дом; он основательно окосел и как будто только и мечтает завалиться набок.

Потопала по доскам. Доски протестующе скрипнули, но выдержали. Отлично; не прогнили. Первая хорошая новость.

Впрочем, она же последняя.

Известка на стенах местами отошла, местами отвалилась. На потолке и в углах темные пятна и плесень. Пахнет неважно: сыростью, землей.

Комната всего одна, но просторная. У стены железная койка, покрытая матрасом. Матрас выглядит на удивление хорошо. Из остальной мебели только деревянный стол, два табурета, разохшийся шкаф. В углу чугунная печь-камин с одной конфоркой. У дверцы расплывшаяся куча сажи и мышинный скелетик. Рядом к стене прибито мутное зеркальце и жестяной рукомойник, под ними медный таз и ведро.

Что ж, здесь вполне можно жить. Если вы совсем в отчаянном положении. Но не стоит забывать — многие люди не имеют даже такого жилья.

— Рамы крепкие, — деловито сказал Ланзо, подходя к окну. Потом задрал голову: — Крыша протекает. Но заделать легко. Течь небольшая.

Он еще раз огляделся и с одобрением заметил:

— Тут здорово! Большой дом. И тепло будет. Надо все помыть. И высыпать в сортир ведро извести или золы. Но отец помогать не будет. Он сказал, его в этот дом и черти не затащат. Тут лес близко, он его боится.

— Твой отец очень суеверен?

Ланзо пожал плечами. Потом наклонил голову и поводил пальцем по пыльной поверхности стола, рисуя узоры.

— Моя мамка тоже была ведьмой и ее тоже забрал в лес призрак Грабба, — признался Ланзо вполголоса.

Я вздрогнула и несколько секунд не знала, что сказать. Ланзо поднял голову и глянул на меня ясными глазами. Тогда я все же спросила:

— Как... это произошло? Почему ее считали ведьмой?

— Она травы хорошо знала. У нее в огороде всегда все росло. А если трава какая или паразиты — она выйдет в садик, пошепчет

чего-то, рукой проведет — и болезней как не бывало. Настои всякие делала на продажу... Она не местная, из столицы приехала. Они с отцом ругались все время и дрались часто. А однажды она пошла в лес за душицей и не возвращалась три дня. Потом пришла... вся растрепанная и молчит. Отец ее побил немного. А она заболела. Воспаление легких. Через неделю умерла. Но мне это рассказали. Я еще маленький был, плохо ее помню.

— Мне очень жаль...

Что еще добавить, я не знала. Ланзо говорил о своей утрате спокойно, как будто давно о ней свыкся. Бедный мальчик! Неудивительно, что он так тянется ко мне. От остальных он, видимо, мало получал ласки. Но его отец, каков негодяй!

— Давай вернемся в школу, — предложила я. — Попробуем найти тряпки и мыло. И известь. Что еще надо? Буду приводить дом в порядок.

— Много чего надо, — рассудительно сказал Ланзо. — Но я вам помогу, можно? Мне не трудно. Домой неохота идти.

— А отец тебя не заругает?

— Заругает, но он и так всегда ругается. Я дома редко бываю. Он привык. Иногда сам говорит: «Вали отсюда, ведьмино отродье...»

Я заперла дом на замок, и мы пошли обратно. До темноты надо перенести все подаренные вещи. По моей просьбе Ланзо показал другой путь до школы. Пусть он был длиннее, но вел по улицам, не по пустырям. Буду добираться на службу на велосипеде.

По дороге мы зашли в бакалейную лавку и к булочнику, и я купила кое-какой провизии. Брала то, что не нужно готовить: несколько пирожков, хлеб, сыр, масло. Хорошо, что директор выдал жалованье. Иначе пришлось бы совсем туго. Раз в доме есть печка, придется учиться готовить. Надо попросить госпожу Барбуту дать мне несколько уроков кулинарии. Моих умений хватало лишь на яичницу и тосты.

* * *

Перед тем как зайти в школу, я решила заглянуть на пепелище. Теплилась робкая надежда, что хотя бы некоторые вещи могли

уцелеть.

Зря я это сделала. Вид почерневших обломков и куч пепла привел меня в уныние. Сразу стало понятно, что ничего целого обнаружить не удастся. Да и рыться среди углей не выйдет: тут нужны специальные инструменты и одежда.

Но все же, почему мой дом так быстро сгорел? Я торопливо вспоминала уроки по введению в пиромансию. К сожалению, я изучала предмет неглубоко, только основы. Химию горения, горючие свойства материалов... Но и того, что помнила, хватило понять: так быстро от одной-единственной молнии дом вспыхнуть не мог. Если только не был пропитан бензином. Или если в пожар не вмешались какие-то иные, сверхъестественные силы, как на то намекали горожане.

Но это бред! Надо спросить у Матибора, не будет ли вестись расследование.

Господи, ну какое расследование! Все видели, как в дом ударила молния. Занялась крыша, затем все остальное. Слишком быстро, но, возможно, такое бывает.

— Почему вы не потушили пожар? — внезапно спросил Ланзо. — Вы же Одаренная. Вы говорили, что эти... как их... пиромансеры? — умеют управлять огнем. Вы разве не умеете управлять огнем?

— Увы, я не пиромансер. Я могу зажечь маленькое пламя, но не потушить.

— И погодой вы управлять не умеете? А солнце вы тогда потушили.

— И погодой не умею управлять. Затмение было лишь иллюзией.

— Ясно... — разочарованно протянул Ланзо.

В школе мы забрали оставшиеся тюки с вещами и пошли обратно к Кривому дому. Но когда проходили мимо дома изобретателя, Ланзо вдруг сказал:

— Подождите, я загляну к Анвилу! Возьму у него разные инструменты. И попрошу помочь починить крышу. Я маленький, мне тяжело будет самому.

— Ланзо, не надо! Вряд ли он согласится!

Но Ланзо уже взбежал по крыльцу и небрежно коснулся пальцами металлической ладони. Я похолодела; сейчас он закричит от боли, это ужасное приспособление всмятку раздавит хрупкую детскую ладошку!

Но Ланзо действовал очень ловко. Как только металлические пальцы начали смыкаться, он отдернул руку. Тут же внутри дома все загремело. Ланзо с удовольствием прислушался к дикой какофонии.

К грохоту добавился яростный крик изобретателя:

— Кого там еще принесло, чтоб вас на шпиндель намотало!

Я приготовилась к неприятным объяснениям.

Дверь рывком распахнулась, на крыльцо вышел господин Анвил: без пиджака, но в длинном кожаном фартуке, перчатках по локоть, на глазах защитные очки. Аккуратная седая борода топорщилась от ярости, кончики усов распушились. В руке изобретатель сжимал молоток, и я не сомневалась, что Анвил с удовольствием использует его на том, что потревожил его покой.

— А, это ты, мой мальчик-золотые-руки, но темная, глупая головушка, — сказал Анвил, сдвинул очки на лоб и добавил едко: — И наша страданица-погорелица, госпожа Верден. Добрый вечер. Что привело вас ко мне?

Ланзо безо всякого страха объяснил причину визита и озвучил просьбу.

Анвил выслушал его и велел:

— Ждите тут.

Дверь захлопнулась. Мы остались на крыльце.

Анвил вернулся через десять минут, нагруженный чемоданчиком с инструментами, мотками проволоки, но при этом одетый, как для визита в театр. Ланзо он вручил длинную палку в оплетке и медный штырь.

— Идемте. Помогу чем могу. Заодно установлю вам на крыше молниеотвод и сделаю заземление. А то и второго дома лишитесь.

— У вас в городе дома часто горят из-за гроз?

— Редко. Но бывает. Когда безглазый разбойник сильно на кого-то разгневается.

Я изумленно вздернула брови. И этот ученый, изобретатель верит в призрака и его месть?!

— Шучу, — сухо сказал Анвил. — Такое бывает, когда люди не соблюдают элементарную технику безопасности. В этом городе живут суеверные болваны. Думаю, вы это уже поняли.

— У вас тут странные суеверия, — тактично заметила я.

— Вы где-то встречали логичные суеверия? — фыркнул Анвил. — Шагайте быстрее! Мне нужно до заката быть дома. Вечером возникают отличные тепловые потоки, а я еще не запустил аэростат! Кстати, безвозмездно я никому не помогаю. Будете должны услугу.

— Это справедливо. Спасибо, господин Анвил. Но и я не всякую услугу готова оказать. Если условия сделки вам не подходят, то лучше ее не заключать.

— Вы разумная особа, — заметил Анвил с одобрением. — Я не потребую от вас ничего сложного. И если у вас заведутся деньги, оплатите наличными. Возьму с вас всего десять кронодоров за час работы. Просто потому, что приятно иметь дело с умным человеком. В этом городе такие почти не водятся.

* * *

Мы тащились груженные как ослы. Встречавшиеся жители глядели на нас с любопытством, иногда вслух выражали сочувствие моей беде, но личную помощь не предлагали. Да я и не ждала ее: и без того получила куда больше, чем рассчитывала.

В Кривом доме все сразу взялись за работу. Анвил и Ланзо полезли на крышу. Я нарвала полыни на пустыре, наломала веток в кустарнике и сделала веник. Водопровода в доме не было; за водой пришлось идти с ведром через пустырь к колонке.

Первым делом почистила и разожгла печь, — под навесом на улице нашлись щепки, — и приготовила чай и закуски добровольным помощникам. Больше ничем я их отблагодарить не могла.

Помощники работали с азартом и удовольствием: на крыше стучало и грохотало, время от времени долетали властные распоряжения Анвила. Я тоже сложа руки не сидела.

Сбросив туфли и завязав вокруг талии полотенце, я натирала пол. Спина взмокла, мускулы болели, мокрые волосы прилипли ко лбу, а я все терла и терла. Впрочем, без особого успеха. Многолетняя грязь въелась намертво, но хотя бы верхний ее слой я смыла.

Во время работы старалась не смотреть по сторонам. От вида косых окон мутилось в глазах. Сложно будет привыкнуть к их неправильности.

Но и окна оставлять без внимания было нельзя. Закончив с полом, сделала еще одно путешествие через пустырь и притащила ведро ледяной воды. Попутно поняв, как повезло и одновременно не повезло мне родиться в состоятельной семье. К физическому труду я не была привычной. Когда бухнула ведро на пол, то долго не могла разогнуться и дышала, как загнанная собака.

Кажется, Роберваль оплачивает учительнице прислугу? В тот момент я была готова признать свое поражение и воспользоваться его благотворительностью.

«Соберись, белоручка!» — сурово приказала я себе, выбрала тряпку и полезла на подоконник.

Скоро через открытую форточку вливался свежий вечерний воздух, и вымытые окна сияли радужным блеском. На пол упали оранжевые лучи заходящего солнца. Настроение начало повышаться.

Над окнами остался старый карниз; порывшись в тюках, нашла отрез выцветшего ситца и приладила его вместо занавесок. Теперь стало почти уютно: огонь трещал, чайник свистел, в комнате пахло мылом и водой.

Из старой простыни — мне их пожертвовали штук пять — я соорудила занавеску, за ней умылась и переоделась. Щедротами горожан я обзавелась двумя платьями. На уроки их надевать было нельзя из-за пятен на подоле и потрепанных рукавов, но для домашних работ сойдут.

Дверь с шумом отворилась, в комнату вошли Анвил и Ланзо.

— Готово, — сообщил изобретатель. — Прореха в крыше заделана, молниеотвод мы поставили. Теперь осталось подождать хорошего дождя, чтобы проверить, все ли в порядке.

— Давайте поьем чаю, — предложила я.

Анвил и Ланзо уселись за стол. Я расставила нехитрую снедь.

Изобретатель брезгливо посмотрел на мятые жестяные тарелки, от угощения отказался, но чашку к себе придвинул.

— Вам достался хороший дом, — заметил Анвил. — Далек от города. Тихо. Никто мешать не будет. И я сам одно время подумывал перебраться сюда. Но для меня тут места мало. Больше всего мне нравятся эти окна.

Он ткнул рукой в перекошенные рамы.

— У меня от них голова кружится! Чем же они вам так приглянулись?

— Нарушение привычного порядка вещей развивает творческий потенциал и воображение. Наш мозг привык к рутине. Время от времени его нужно встряхивать. Например, я иногда сплю на полу или на столе. Или надеваю левый ботинок на правую ногу, а правый — на левую. Чтобы нарушить восприятие и разбудить мозг. А иногда хожу целый день голышом. Даже на крышу так поднимаюсь.

Узнав о привычках Анвила, я от души порадовалась, что теперь не живу с ним по соседству. Я не была готова видеть седого солидного изобретателя на крыше каждое утро в чем мать родила.

— Поэтому ваш дом с его асимметрией — отличное средство взбодриться, — продолжал Анвил. — Глаз посылает неожиданные образы в мозг, и тот начинает работать на всю катушку. Хм, может, все же мне сюда переехать? А вам подыщут другое жилье.

— Вас не пугает соседство с кладбищем и проклятым лесом?

— А вас?

— Пугает, — честно призналась я. — Но не призраки. Я не привыкла жить одной.

— Но вы же Одаренная. Вы наверняка умеете отгонять непрошенных гостей? Ставить какие-то защитные поля, или чему вас там учили?

— Нет, не умею. Одаренные не всемогущие маги.

— Никогда не интересовался изучением эфирных полей. В обычной, классической физике немало загадок. Мне их хватает, чтобы жить интересно, занять голову и руки.

— Вам нужна собака, госпожа Верден, — сказал Ланзо. — Она будет вас охранять. Я подыщу вам щенка.

— Собака! — фыркнул Анвил. — Глупое, неуклюжее животное. Давайте я вам лучше установлю охранные механизмы. Наподобие тех, что у меня дома. Тогда все будут обходить ваш дом за версту. Так и быть, изготовлю их для вас со скидкой.

— Спасибо, но я предпочту живое существо.

— Но вы все же не ходите в тот лес... — попросил Ланзо. — Даже с собакой.

— А что там такое? Все кругом твердят про призрака разбойника и потерявшихся людей, но ведь этому наверняка есть простые

объяснения? И как же господин Роберваль валит лес? Он не боится призраков?

— Лесопилка Роберваля в другой стороне, — объяснил Анвил, доставая часы и озабоченно взглядываясь в циферблат. — А из ваших окон виден тот лесной участок, с которым связаны суеверия. Впрочем, я несколько раз туда наведывался и ничего такого не видел. Лес как лес. Густой. Грибы, комары. Местами есть заболоченные участки — их следует опасаться. До особняка Грабба я, правда, не доходил, хотя было любопытно.

— Он что, еще стоит? Этот особняк разбойника?

— Конечно. К нему есть дорога. Ведет мимо старой охотничьей избушки, сквозь болота. Заросла от времени, но найти ее можно. Однако никто из местных не рискнет по ней пройти. Сами понимаете, почему.

Я побарабанила пальцами по столу.

— Странно это все...

— Все странности объясняются невежеством и суевериями. Местные видели в лесу монстров: думаю, это вызванный туманом обман зрения. Туманы тут бывают очень густые. Мало ли что привидится в овсяном киселе! Да попробуйте сами прогуляйтесь. Ничего страшного там нет в хорошую погоду. Преступники у нас не водятся, волков и медведей нет. Только компас захватите. Все несчастные случаи, когда люди пропадали в лесу, объясняются просто: потерей ориентации и паникой.

— Нет, спасибо. Я никогда не гуляла по лесу и не хочу этому учиться. Говорите, преступники не водятся? Значит, живых непрошенных гостей мне можно не бояться? Тогда и собака не нужна.

— Мелкие хулиганства случаются. Хулиганов забирают в участок, а Роберваль сурово наказывает своих рабочих, когда они провинятся. Ну и в Дикую ночь безобразия творятся... так, шалости... Однако воров и убийц в Крипвуде нет. Тут нам повезло. В столице, я знаю, спокойно. Твердят о преступном гении Химерасе, человеке со ста лицами... может, он выдумка, но выдумки на пустом месте не возникают. В соседних крупных городах происходили громкие грабежи.

— Да, слышала.

— Поэтому лучше быть настороже. Мне пора, — объявил Анвил, вставая и надевая сюртук, который он аккуратно повесил на крючок у двери, прежде чем лезть на крышу. — Ланзо, идем со мной. Уже темнеет.

Внезапно меня пробрал озноб. Ужасно не хотелось, чтобы гости уходили и оставили меня тут одну.

— Большое спасибо за помощь! — весело сказала я. — Заглядывайте проведать, как пожелаете. Скоро я все приведу в порядок, тут станет уютнее.

— Вряд ли я загляну, — ответил Анвил. — Некогда мне ходить по гостям. И вас к себе не приглашаю. Не обессудьте. Когда посторонние попадают в мой дом, они начинают все трогать и ломать.

С этими недружелюбными словами Анвил, поманив Ланзо, ушел.

Глава 11

Развлечения города Крипвуда

Когда гости ушли, я остро ощутила свое одиночество. И поняла, что последние сутки жила в состоянии шока. Он наступил в тот момент, когда я увидела, как полыхает мой уютный коттедж. После этого я действовала, двигалась и говорила, как автомат. И только теперь пришло полное понимание всего случившегося...

Черт побери, все идет не так с момента, как я ступила на платформу Крипвуда! Не так, как представлялось. Хотя до этого думалось, что я готова к неприятным сюрпризам. Но оказаться без вещей, денег, среди незнакомцев, одетой в чужую поношенную одежду! Одной в доме на окраине, из окон которого виднеется кладбище и жуткий лес!

Я подошла к окну и откинула занавеску. И ощутила новый приступ озноба. Солнце почти село, и из леса в сторону города двинулся туман. Он стлался низко, белесый, непроницаемый. Неотвратимый, как армия привидений. Мой дом стоит первым на линии атаки неприятеля.

Туман перетекал, клубился, выбрасывал щупальца и снова их втягивал. Стремительно темнело. И вот за окнами все помутнело, на стеклах осели капли. Какое-то время я замороженно всматривалась в пелену, наблюдала, как образуются в ней плотные сгустки, пока мне не показалось, что и туман всматривается в меня тысячами слепых глаз!

«Туман смотрит на меня, как безглазый разбойник Иоахим Грабб...»

Я плотно задернула занавеску, торопливо отошла от окна и подбросила в печь щепок. На потолке запрыгали огненные отблески. Я налила чаю, уселась готовиться к урокам и постепенно почувствовала себя лучше.

Вот так! Пусть снаружи бродят призраки, но мне до них нет дела. У меня тетради не проверены, вот!

...Я ставила пометки красным карандашом, вчитывалась в детский почерк, но между лопатками свербело, как от недоброго взгляда. Туман продолжал подсматривать за мной сквозь щель в занавеске.

— Истеричка, — сказала я себе сердито. — Все призраки живут в твоём воображении. Подумай лучше о чем-то приятном.

Я рассеянно отхлебнула чая и стала перебирать впечатления последних дней. Увы, мысли зацепились совсем не за то, что нужно. Я стала раздумывать о господине Робервале и его показной неприязни к новой учительнице.

Итак, у него есть личные причины не любить Одаренных. Наверняка что-то связанное с его покойной женой. Может, она тоже была Одаренной, и каким-то образом ее дар портил жизнь мужу или привел к ее ранней кончине? С ее смерти прошло три года; вероятно, Роберваль собирается жениться повторно. На той столичной дамочке, Вильгельмине Денгард... что ж, девочке нужна мать. Наверное, когда ее отец женится, они переберутся в столицу. Невозможно представить утонченную светскую львицу в глухой провинции. А почему сам Роберваль сюда приехал? И чем он промышлял в Сен-Лютерне до этого?

Я и сама не понимала, почему меня так занимает мрачная личность лесопромышленника. Впрочем, нет, это как раз понятно: если кто-то чинит вам препятствия, хочется лучше узнать врага.

И тут мне вспомнилось, как Роберваль пожал мою руку при встрече... крепкие у него руки. Кожа сухая, горячая. А вот глаза холодные. Мертвые... почему? Что за ними скрывалось? Да еще шрам на щеке. Можно подумать, он — двойник разбойника Грабба. Манеры у него точно разбойничьи.

Я поежилась. В животе вдруг стало тепло и тревожно, а по спине пробежали мурашки. То же самое я чувствовала, когда оказывалась рядом с ним, когда его рука стиснула мою. Неприятный тип! Не стоит о нем думать.

Чай в кружке закончился. С сожалением поболтав остатками заварки, я встала из-за стола и начала готовиться ко сну. Вечер сменился ночью, далеко в городе брехали собаки, но туман глушил и искажал звуки, отчего казалось, что лай раздается то со стороны кладбища, то со стороны леса. Вдобавок выяснилось, что мне достался на редкость скрипучий дом.

Каждая половица стонала на свой лад. Скрипели рамы, косяки, трещал дымоход. Пищали и кряхтели стулья, стол, полки.

Возможно, дом продолжал оседать. Что и стало причиной неприятной музыки. Либо дом проснулся с наступлением ночи и, истосковавшись от одиночества, начал жаловаться мне на жизнь.

— Мне тоже невесело, — ворчливо сообщила я дому. — И что теперь, будем ныть на два голоса?

В углу прозвучал особо унылый скрип, похожий на ругань старика.

Я бросила на кровать матрас. Последний час он сушился перед камином. Постелила ветхие простыни, достала пожертвованное одеяло с дырами. Переоделась в чужую сорочку. Она была такой большой, что я могла бы обмотаться ей дважды. Наверное, раньше она принадлежала госпоже Барбуте.

Юркнула в кровать и закрыла глаза.

Спала плохо. Сначала не могла заснуть. Ворочалась с боку на бок, потому что кровать оказалась ужасно жесткой. Смотрела, как движутся за занавеской щупальца тумана. Слушала, как трещат угли в печке, завывает ветер в дымоходе и скрипят сами по себе половицы.

Но было кое-что и похуже. Скоро к привычным уже звукам добавилось попискивание, шорох и легкий топоток.

Мыши! Они возятся и играют под полом. Устраивают мышиную вечеринку! Ну хоть кому-то весело в этом доме.

Я вскочила и заглянула под кровать. В углу мелькнула юркая тень. У меня волосы на руках встали дыбом. Мыши — неприятно, но терпимо. А если крысы? У них голые хвосты и длинные зубы!

Подумав, я бросила у входа корку. Если зверюшки найдут угощение, то, может, успокоятся и не полезут ко мне на кровать. Завтра попрошу Ланзо найти не только собаку, но и кошку. Тогда точно не придется страдать от одиночества!

После этого я спряталась с головой под одеяло и начала считать овец. Наконец, пришла дремота. Замелькали первые обрывки сна. Но и они были неприятными.

Снилось, что из тумана за окнами вышла человеческая фигура и прильнула к стеклу, пытаясь разглядеть и найти меня в комнате... На занавеску легла темная тень. Она была неподвижна, как могильная статуя, и это не на шутку пугало. Но потом тень невесомо скользнула в сторону, под чужими ногами хрустнул гравий. Треснула веточка; на

звук тоскливо отозвался козодой. Мерные шаги двинулись вдоль стены, к двери. Скрипнуло крыльцо. И опять тишина...

У меня колотилось сердце, рот пересох, но я лежала, парализованная сном, и не могла проснуться...

* * *

Утром, когда от тумана остались лишь капли росы на траве, а солнце лилось в прореху на занавеске, я отмахнулась от своего кошмара. Наверняка он привиделся от непривычки жить одной, далеко от людей. Да и рассказы Ланзо и Анвила сыграли свою роль. В самом деле, нельзя же поверить, что ночью меня явились по-соседски проведать неуспокоенные обитатели кладбища, или призрачный разбойник решил навеститься в гости! И уж точно не был это грабитель: что с меня взять, кроме драных простыней и одеял!

Скоро мою голову заняли другие проблемы. Например, где раздобыть дров. Обломки и щепки под навесом во дворе закончились. Угля тоже не было. А в доме прохладно.

И опять вспомнился господин Роберваль. Этот угрюмый благотворитель оплачивал учителям дрова. Пришлет ли он их мне на новое место? Или его благотворительность закончилась в момент, когда сгорел построенный им коттедж? Или она не распространялась на негодную ему учительницу?

Надо намекнуть директору: пусть поговорит с заносчивым богатеем...

Я поежилась. До чего неприятно быть нищей и зависимой! И так не хочется изучать науку бедняков — как быть просительницей! При мысли о том, как я униженно вымаливаю у Роберваля подачки, вся моя гордость становилась на дыбы. Уж лучше замерзну до смерти, чем так унижаться.

Я сходила за водой к колонке, позавтракала черствыми пирожками, оделась в рубашку и юбку с чужого плеча, почистила туфли, попутно заметив, что у левого расшатался каблук, и в отвратительном настроении поплелась в школу.

Во время уроков так и подмывало посадить детей зубрить учебник или переписывать длинное упражнение. Чтобы самой сесть за

учительский стол и бездумно смотреть в окно. Голова болела, ношенная одежда не по размеру натирала в самых неожиданных местах и безумно раздражала — от нее пахло затхлостью, постирать ее я не успела. От черствых пирожков мучила икота. После тяжелой работы по дому ныли руки и спина.

Одoleвало непреодолимое желание упасть на диван в учительской и немного поплакать. Бывают такие дни, насквозь пропитанные раздражением и обидой на несправедливость судьбы. Но конечно, детям показывать свое дурное настроение я не стала, и оттого старалась быть предельно вежливой и спокойной.

Но ученики чувствовали, что со мной что-то не так. Дети во многом гораздо восприимчивее взрослых... а может, они испытывали ко мне сочувствие, зная, сколько невзгод на меня обрушилось. И поэтому вели себя идеально: не шалили, не шумели, покорно выполняли все, что я их просила.

Даже вредный сын аптекаря сидел тише воды ниже травы, лишь время от времени ерзал и потирал зад. Наверное, директор навестил его отца, как грозился, и тот сделал сыну внушение. Нехорошо, конечно, бить детей, но я немного злорадствовала.

Лишь к концу дня я почувствовала себя лучше, и к последнему, дополнительному уроку «магии», полностью пришла в себя.

И тут ждал приятный сюрприз. Сегодня у меня было не три, не пять, а семь учеников! Явился очкастый сын булочника, Миклош Вареда, и тощий долговязый парнишка из среднего класса.

А на первой парте сидела никто иная как Регина Роберваль.

— Тебе не пора домой? — спросила я ее. — У нас сейчас то самое занятие, на которое папа запретил тебе ходить.

— Я решила, что останусь, — заявила она с высокомерием королевы, которую мятежники просят освободить трон. — Вчера у вас на уроке было интересно. Посмотрим, чему еще вы будете нас учить.

— Но твой папа...

— Папа согласится, — она задрала точеный носик. — Он мне все разрешает, если я настаиваю. И никогда меня не ругает.

Я с сомнением покачала головой. Может, папа и не будет ругать любимую доченьку, но у меня-то нет ее иммунитета! Уж на учительнице-то он отыграется.

Но что делать — не выгонять же ученицу из класса.

— Тебя папа заберет после уроков?

— Нет, он сегодня занят. Отправляет партию леса. За мной пришла гувернантка. Она подождет. Я ее предупредила.

— Как угодно... — пробормотала я и начала урок.

Я боялась, что ученики останутся разочарованными. Сегодня не будет красивой «магии» — сил входить в транс не осталось. И вообще, манипуляции эфирными полями не предусмотрены программой. А предусмотрены простые упражнения на развитие воображения и восприимчивости.

Поэтому мы рисовали, представляли нарисованные фигуры в трех измерениях, их запах, описывали вкус красного цвета и звук желтого, «трогали» слова, воображали себя ожившей партой, доской и веником, учились «видеть кожей»...

И в результате все остались довольны. Такие занятия были детям в новинку и оказались ничуть не хуже самых волшебных чудес.

Даже Регина Роберваль так увлеклась игрой, что растеряла свое высокомерие и смеялась наравне со всеми. Ее щечки покраснелись, глаза блестели, и даже уложенные на голове косы немного растрепались.

Она оказалась весьма сообразительной девочкой, хотя и не выделялась среди остальных — как ни странно, виной было ее воспитание. Необразованный Ланзо справлялся с заданиями куда лучше, и не только потому, что имел талант Одаренного. Просто он не пытался быть взрослым и умным. Он играл от души и верил во все, что делает.

Мальчика тоже было не узнать. Он ожил и расцвел. С чего все твердили, что у него с головой не в порядке! Вполне сообразительная у него головушка, и говорит он не хуже остальных, разве что стесняется.

После занятия дети заторопились из школы шустрее обычного.

— Сегодня на станцию прибывает Северо-западный экспресс, — объяснил Дитмар. — Мы любим смотреть на поезд. Это весело. Пойдете с нами?

Хм, почему бы и нет? Немного развлечений не повредит!

— Идемте! — согласилась я. — Подождите, соберу тетради.

— Только скорее! А то опоздаем! Поезд стоит на станции сорок минут, пока его заправят. Не придем вовремя — все интересное пропустим!

Дети убежали, а мы с Ланзо задержались. Я собирала учебники, складывала тетради стопкой, мыла перья — мальчик терпеливо ждал. Когда, наконец, мы вышли за ворота школы, он шагал рядом с гордым видом.

— Вот ваш велосипед, — Ланзо показал в сторону навеса у ворот. — Я хорошенько смазал цепь, подкрутил гайки на педалях, выровнял вилку. Господин Анвил дал мне инструменты и масло.

Я всплеснула руками.

— Какой ты молодец! Большое тебе спасибо. Теперь буду мчаться до школы как ветер. А у тебя есть велосипед?

Спросила, и тут же поняла, что сглупила. Ланзо ходил в поношенной одежде, у него не было сумки — учебники он связывал ремешком, а его ботинки просили каши. Какой уж там велосипед!

— Нету. Но все механизмы похожи, поэтому я знаю, что делать.

— Хочешь, научу тебя ездить? Будешь иногда брать мой велосипед и кататься.

Ланзо задумался, глянул на меня испуганно и вопросительно, потом неуверенно кивнул.

— Вот и хорошо, — я потрепала его по плечу. — Поторопимся, а то опоздаем на вокзал.

Кажется, у меня завелся любимчик в классе. Непедагогично, но иногда приходится нарушать правила, написанные в книгах для учителей! Этому ребенку не хватало взрослых, которые заботились бы о нем по-настоящему. Ну а мне не хватало друзей.

...Все же мы опоздали. Мои ноги гудели, и я плелась еле-еле. На вокзал мы пришли в последние минуты стоянки Северо-западного экспресса.

Атмосфера на платформе была праздничной. Одетые в лучшие наряды горожане покупали у разносчика леденцы и напитки, расхаживали вдоль поезда, заглядывали в окна вагонов первого класса. Там мелькали дорогие шляпки пассажиров и набриолиненные проборы их спутников. Местный телеграфист в мундире с начищенными пуговицами беседовал с изящной блондинкой, которая стояла на площадке и с любопытством глазела по сторонам. Ей было скучно, а телеграфист выглядел влюбленным по уши. Наверное, он

увлекался каждой хорошенькой пассажиркой и его романы длились сорок минут — столько стоял поезд на станции.

Как же мало развлечений в этом городке, что его обитатели ходят на вокзал, как в театр, чтобы посмотреть на кусочек столичной жизни!

На станцию явился даже бургомистр. Вместе с господином Матибором они солидно прохаживались возле банковского вагона, заложив руки за спину. Наверное, Флегга грела мысль, что там, за слоями дерева и стали, едут драгоценные слитки. Золото он любил. Недаром носил золотой перстень размером с кастет и часовую цепочку толщиной с мизинец.

А может, бургомистра и пожарного, как всех мужчин, привлекало все, связанное с опасностью, приключением и оружием. Бронированный вагон выглядел внушительно и строго. Он походил на вооруженный форт. Рядом курили двое сопровождающих в военной форме. За спинами у них висели карабины. Банк выделил надежную охрану для своего груза.

Задерживаться у пассажирских вагонов не хотелось. Вдруг в одном из них окажется знакомый, увидит меня и сообщит дяде? По спине пробежал холодок, и я поймала себя на том, что обеспокоенно смотрю в окна: а ну там мелькнет дядина голова с залысинами или курчавая шевелюра моего бывшего жениха?

Я опасливо глянула на вагон и вздрогнула. У окна сидела дама; заметив меня, она торопливо задернула занавеску. Но я успела заметить светлые кудельки, обрюзгшие щеки и водянистые глаза. Но готова поклясться, что это моя «капустная» попутчица — та провинциалка, с которой я лишь неделю назад ехала в одном купе, гадая, что ждет меня в Крипвуде! Я так и не узнала ее имени. Странно... В тот раз она сошла в Шваленберге. А теперь, значит, решила прокатиться на север, до побережья?

Впрочем, я могла ошибиться.

Ланзо повел меня к локомотиву, и мы несколько минут сосредоточенно изучали огромные колеса, тендер, угольные ящики, тяги, цилиндры, тормозные башмаки, фонари и прочие любопытные штуки, которые так нравятся мальчикам. Ланзо уверенно объяснял мне, что к чему, и я в очередной раз поразилась, как много он знает, да не всем показывает.

Станционные служащие копошились возле гидроколонки. Они заканчивали заправку бака. Вскоре прозвонил колокол, поезд тяжело вздохнул, зашипел и тронулся.

Жители Крипвуда разочарованно махали вслед. Праздник закончился; пора расходиться по домам.

К вокзалу подтянулся другой поезд, тяжелый, с бревнами и брусом.

— Это с лесопилки Роберваля, — объяснил Ланзо.

Но я и так бы догадалась, потому что на платформе появился сам господин Роберваль. Как всегда одетый в черное, он размашисто шагал вдоль платформ, груженных кругляком и брусом. За ним бежала свита: тонкий мужчина со светлыми усами и бородатый крепыш в рабочем комбинезоне. Из обрывков разговора я поняла, что усатый был управляющим Роберваля, а бородатый — старшим на лесопилке.

Роберваль сердился: он выговаривал управляющему, управляющий оправдывался, от волнения постоянно ронял из правого глаза пенсне на шнурочке. Потом они вместе напали на бородатого. Тот сопел, пыхтел трубкой и упрямо качал головой.

Я с интересом прислушалась. Речь шла о выбраковке леса; мужчины перебрасывались любопытными словечками типа «мертвая заболонь», «скрученность» и «суковатость». Роберваль велел рабочим отцепить вагон с брусом и отогнать его обратно. И сам взялся помогать. Снял пиджак, бросил его на скамью, закатал рукава и начал проверять крепления.

Однако этот чванливый господин не боится запачкать руки. Он хороший хозяин: вон как следит за всем! В этом он достоин уважения.

— Папа! — звонко прокричал девичий голосок. Роберваль помахал рукой дочери и пошел к ней навстречу.

Рядом с Региной стояла белокурая девушка в хорошо сшитом, но простом сером платье, и щурила близорукие глаза. По виду типичная гувернантка: волосы забраны в пучок на затылке, у горла кружевной воротничок, робкий взгляд. Гувернантка была молодой и симпатичной. Острый носик мило вздернут, рот слегка приоткрыт, между передними зубками трогательная щель. Мужчинам нравятся такие пикантные — как я их называла, «беличьи» лица.

И конечно, как водится, эта гувернантка влюблена в своего хозяина! Это видно невооруженным глазом. Когда Роберваль

приблизился, темный, высокий и широкоплечий, ее щеки порозовели, а на губах появилась глупая улыбка. Однако Роберваль не выказывал ей особого дружелюбия. Похоже, ее чувства безответны.

Регина принялась что-то рассказывать отцу и при этом кивала в мою сторону. Гувернантка беспомощно развела руками и залепетала оправдания. Роберваль нахмурился, а потом повернул голову и посмотрел на меня очень грозно.

Понятно, о чем речь — Регина нарушила запрет отца и явилась на мой урок. Ох, сейчас кому-то попадет. И этот кто-то будет не Регина.

Так и есть: Роберваль решительно направился ко мне, а я стиснула зубы и приготовилась к схватке. Мне показалось, что я слышу грохот военных барабанов, а ноздри защекотал тревожный дым пожара.

Пока он приближался, я пыталась угадать, какой будет его первая реплика и что мне ответить. Как отразить атаку так, чтобы противник растерялся? Наверное, он сейчас скажет: «Как вы посмели ослушаться и оставить мою дочь на уроке?» А я ему скажу...

Придумать ответ я не успела.

— Добрый день, госпожа Верден. Пришли вместе со всеми полюбоваться на Северо-западный экспресс? Не обессудьте — развлечения у нас тут скромные. Но бывают и интересные сценки на вокзале. То воришку выкинут с поезда и поколотят, то нетрезвый пассажир скандал учинит. Жаль, сегодня ничего подобного не произошло. Надеюсь, вы все же не скучали.

Он застал меня врасплох. Начал непринужденный светский разговор. И даже, кажется, пытается шутить. Но мертвенный взгляд портил все впечатление. В нем напрочь отсутствовал любой признак веселья.

— М-м-м, да... конечно... — от растерянности я замаялась и не сразу нашла ответную реплику. — Нет, я не скучала. По правде говоря, мне было куда интереснее смотреть, как вы управляетесь со своим грузом. У вас большая лесопилка?

— Немаленькая. И не одна. Еще несколько есть в соседнем уезде. Наше дерево идет во все уголки королевства. Мы поставляем и артиллерийское, и корабельное, и строительное дерево. И мягкие, и твердые сорта.

— Наверное, это не только прибыльное, но и увлекательное занятие. Однако жаль, что от красивого леса остаются лишь пеньки...

— Отнюдь. Там, где рубим, высаживаем новый.оборот рубки от сорока до восьмидесяти лет на разных участках.

— И какое дерево вы валите? Сосны?

— И сосны тоже.

Несколько минут мы оживленно болтали. Я видела, что Робервалю приятно мое любопытство. Он давал подробные ответы, однако его интонация оставалась холодной и подчеркнута вежливой.

— Вы купили лесопилку, когда приехали в Крипвуд из столицы?

— А, вам уже понарасказали обо мне! — он неприятно усмехнулся. — Нет, получил в наследство. Наша семья занимается этим делом много лет. Мой отец, до него мои дед и прадед. Я было думал избрать другое поприще, уехал в юности в столицу, но в конце концов вернулся сюда и пошел по семейным стопам. Весьма успешно.

Он немного помолчал; у меня тоже закончились вопросы.

— Однако вы любознательная особа, — вдруг заявил он. — Все хотите знать! Большинство знакомых дам находят мое занятие скучным и приземленным.

Роберваль сунул руки в карманы и очень внимательно осмотрел меня с головы до ног. В глубине его черных глаз промелькнуло новое выражение. В нем не было ничего оскорбительного, но по спине у меня пробежала дрожь, как предчувствие опасности. Потому что он увидел во мне женщину — возможно, впервые. И женщину, которая его чем-то заинтриговала.

Я ответила ему не менее пристальным и настороженным взглядом. Попутно отметив, что закатанные рукава он так и не опустил, а предплечья у него жилистые, с выступающими жгутами мускулов, и покрыты густыми черными волосками. И там и сям виднеются мелкие шрамы и порезы. Наверное, от работы с бревнами. Он явно не только сидит в конторе, заполняя бумаги и подсчитывая дивиденды. Сегодня я в этом убедилась.

— Как вы устроились в новом доме? Вас ничто не потревожило?

— Спасибо, отлично устроилась, — уверила я его с ослепительной улыбкой, гадая, к чему приведет изменение темы разговора.

— Удивительно. В Кривом доме должно быть неудобно — там давно никто не жил. Не передумали вернуться в столицу?

Я подобралась. Вот и атака! До этого он просто усыплял мою бдительность.

— Конечно, нет. Чудесный дом. Его перекошенные окна, скрипучий пол и мышиная возня будят воображение и способствуют развитию творческого потенциала. Нам, Одаренным, это необходимо. Кривой дом словно создан для меня. Ни за что не променяю его на самый роскошный особняк.

— И это хорошо, потому что восстановление учительского коттеджа придется отложить. Кстати, очень жаль, но уголь и прислугу я вам тоже сейчас не смогу оплачивать. Меняю оборудование на лесопилке, лишних денег нет. Не обессудьте.

Вот сквалыга! Все же нашел, как меня уколоть...

— Я думала, вы присылали учителям отходы с лесопилки, которые можно сжигать в печи.

— Все отходы идут в локомотивы — передвижные паровые установки. Они питают пилы и погрузчики. Каждая щепка на счету.

Еще не хватало, чтобы он подумал, что я выпрашиваю у него сучки и опилки!

— Я получаю жалованье и вполне могу содержать себя сама. Мне не нужна благотворительность.

— Да, вижу, что вы не только любознательная, но также упрямая и самостоятельная особа. И острая на язык.

— Ваша дочь тоже отличается упрямством. В хорошем смысле. Сегодня она была на моем занятии познания сверхприроды. Но вы, конечно, уже в курсе. И конечно, выгонять со своих уроков я ее не буду. Даже если вы мне прикажете.

Вот так, господин Роберваль. Я нанесла упреждающий удар. Теперь ваш ход.

Он разозлился — его глаза потемнели, а шрам на щеке стал прозрачным. Я чуточку оробела.

Куда подевалось его дружелюбие? Теперь он выглядел донельзя суровым. Ишь какой! Слова ему поперек не скажи.

Осторожнее, Эрика. Не стоит играть с огнем. Он сильная и опасная личность. При первом же возражении готов вспылить, а сдвинутые брови говорят о властной и энергичной натуре. А вот эти складки у губ намекают на скрытые пороки.

— Да, Регина поставила меня в известность. Вечером я еще поговорю с ней. Уверен, она прислушается к моим доводам. А также поговорю с господином Степпелем. Уж если я не могу на вас повлиять, то пускай директор принимает меры.

— Как можно запрещать детям тянуться к знаниям!

— Смотри к каким знаниям.

— На уроках мы не делаем ничего предосудительного. Мы играем, развиваем воображение...

— Не врите. Мне сказали, что на уроке вы манипулировали эфирными полями. По-моему, этого в программе не предусмотрено. И это опасно. Стоит написать в Департамент образования и сообщить им, что вы тут вытворяете.

— Пишите. Мой куратор в курсе, что я Одаренная.

— Послушайте, госпожа Верден...

Он наклонился ко мне с таким свирепым выражением, что я отшатнулась.

Но договорить он не успел, потому что к нам подошла Регина в сопровождении гувернантки. Ладно, еще очко в его пользу — постыдился выяснять отношения при дочери.

Гувернантка робко подала Робервалю его пиджак. Тот пиджак взял и поблагодарил ее кивком.

— Познакомьтесь — госпожа Алисия Брин, гувернантка Регины.

— Добрый день, — очень мило сказала Алисия. — Слышала, о постигшем вас несчастье. Кошмар! Не представляю, как вы справляетесь. У вас ведь совсем ничего не осталось!

Ее любопытные беличьи глаза многозначительно глянули на мою поношенную блузку и юбку. Я остро почувствовала, что выгляжу настоящим пугалом. Нищая учительница в пожертвованных обносках.

Сама-то Алисия одета с иголочки. Платье у нее отличное, и туфли модные, и сумочка из дорогого столичного магазина. На жалованье гувернантки Роберваль не скупился.

— Ничего — это преувеличение. У меня осталась любимая работа, и родители учеников помогают чем могут.

— О, конечно! — она улыбнулась быстрой скупой улыбкой. — Вы не скучаете по дому? Я ведь тоже из столицы. И тоже закончила учительские курсы при Департаменте образования. Теперь вот даю милой Регине дополнительные занятия. Ей нужно все самое лучшее.

Мы изучаем два иностранных языка, геометрию, риторику. Занимаемся ритмической гимнастикой и практикуем правила этикета.

Регина тяжело вздохнула и скорчила противную гримасу. Видимо, ее представления «о самом лучшем» были совсем другими.

— Госпожа Брин обладает обширными знаниями, — подтвердил Роберваль.

Алисия посмотрела на Роберваля затуманенными глазами и порозовела. А ее хозяин на нее не смотрел. Интересно, он в курсе, что она влюблена в него по уши? Не похоже, что у них интрижка. Хотя не исключено. Может, она и своему хозяину дает кое-какие уроки. В постели. Впрочем, какое мне дело!

— Зачем же тогда Регина посещает муниципальную школу, если у нее есть такая замечательная учительница? — я послала Алисии широкую улыбку.

— Ей нужно общение со сверстниками. Когда мы жили в столице, я думал отдать Регину в пансион, но не захотел расставаться с ней и перевез ее сюда. Мне рекомендовали госпожу Брин, и она любезно согласилась поехать с нами.

— И я счастлива, что вы выбрали меня из десятка претенденток! — пылко заявила Алисия. — Я радуюсь каждому часу, проведенному с моей милой ученицей. Не встречала настолько умной девочки! А город! Он прелестен. Приятное разнообразие после столичного шума!

У Регины было такое лицо, словно ее сейчас стошнит. Даже Роберваль едва заметно поморщился.

Нет, никакой интрижки с гувернанткой у него нет, решила я. Или же интрижка была, но любовница ему уже надоела, и он мечтает избавиться от нее и ее приторных восторгов.

— Регина призналась, что посещала ваше занятие по познанию сверхприроды, — озабоченно сказала Алисия, морща узкий лобик. — Надо заметить, я разделяю опасения господина Роберваля о том, что этот предмет может развить в детях дурные наклонности.

— А я все равно буду ходить, — заявила Регина. — Я так решила. Алисия сразу смешалась.

— Дорогая, но твой папа считает, что это неправильно.

Регина фыркнула. Стало ясно, что она вьет веревки что из отца, что из гувернантки.

— Приходите ко мне на урок и посмотрите сами, чем мы занимаемся, — предложила я.

— Возможно, приду, — угрожающе предупредил Роберваль.

— И я! — тут же отозвалась Алисия.

— Вот еще! Не надо вам приходить! — вспыхнула Регина.

— Я же, в свою очередь, хотела бы попросить вас, господин Роберваль, устроить для детей экскурсию по вашей лесопилке. Им будет интересно узнать, чем занимаются их отцы. Это куда полезнее уроков риторики и этикета.

— А вот это плохая идея. Там небезопасно.

— Так придумайте, как сделать экскурсию безопасной.

— Вот так да! Вы пытаетесь мной командовать? — изумился Роберваль.

— Нет, лишь подталкиваю к верному решению.

— Не много на себя берете, госпожа учительница?

Я глянула на Регину. Девочка слушала нашу перепалку, открыв рот, и я прикусила язык.

— Прошу извинить, если я была резкой, — мой голос звучал достаточно искренне. — Просто я увлеклась своей идеей.

Роберваль проворчал что-то вроде «Извинения приняты». Или же: «Вот нахалка!»

Алисия недовольно покачала головой. Она была готова поддерживать любое мнение своего хозяина. Скажи он ей раздеться и залезть на крышу вокзала — разденется и залезет!

— Ладно, я подумаю насчет экскурсии, — бросил Роберваль.

— Что ж, до свидания. Приятно было с вами встретиться, — я решила, что хватит мне общения с этой парочкой снобов. Пора в Кривой дом. Мыши и призраки, поди, уже по мне соскучились.

— Ланзо! — позвала я мальчика. Тот как привязанный следовал за обходчиком и вместе с ним осматривал колеса вагона. — Идем!

Мальчик подбежал ко мне, но тут же встал как вкопанный — застеснялся грозного Роберваля, нарядных Алисии и Регины. Ланзо потупился, шмыгнул и вытер нос рукавом.

— У тебя что, платка нет? — строго спросила Регина. — Мальчишки такие неряхи! Вот, возьми мой.

Она величественно протянула ему обшитую кружевом розовую тряпочку, Ланзо, поколебавшись, взял ее и сунул в карман. Но глаз не

поднял.

— Вы взяли над сыном Лукаша покровительство? — удивилась Алисия. — Он такой странный мальчик!

— Нет. Это он взял покровительство надо мной. Всего вам хорошего!

Напоследок я успела увидеть, как Роберваль покачал головой и усмехнулся, как человек после приятного развлечения.

— Не забудьте запирайте дверь покрепче на ночь, — негромко сказал он мне в спину. — Слишком близко вы живете к проклятому лесу. Кто знает, кто или что может прийти оттуда. Не ровен час, окажетесь в беде, и никого нет рядом, чтобы прийти на помощь. И ваш острый язык вас не спасет.

Глава 12

Вельзевул и волшебные грибы

Ланзо проводил меня до Кривого дома, но возвращаться к себе не спешил: бродил по двору, с удовольствием перебирал кучи хлама, отыскивая в них старые гвозди, ржавые пружины и прочие вещи, ценные для каждого мальчишки.

Я пригласила его на чай. Ланзо был так голоден, что мигом расправился с моими запасами. Было их, правда, немного: остались лишь хлеб и масло.

Я готовила бутерброды, посыпала их сахаром и с умилением смотрела, как Ланзо уписывает немудреное угощение за обе щеки. Потом я пригласила его остаться, пока буду проверять тетради, и немного помогла ему с домашними упражнениями.

Числа ему давались с трудом, но не от того, что он был несообразителен — таким детям требуются другие методы преподавания. Госпожа Лотар не нашла к нему ключика, и все с готовностью объявили его слабоумным.

Ланзо напоминал раковину: чуть что, закрывался и уходил в себя. Непонятно, отчего он проникся ко мне доверием. Однако приятно сознавать, что ты добилась успеха там, где другие не смогли.

— Тебе пора, — сказала я с сожалением, глянув за окно. Там уже вовсю хозяйничали сумерки, и ущербная луна выглядывала из-за края леса.

Остаться одной по-прежнему не хотелось. Ланзо как будто прочитал мои мысли.

— Я ищу для вас хорошего щенка. Скоро сука у старухи Барток должна разродиться, попрошу у нее одного.

— Спасибо, Ланзо.

Собака — это замечательно. У меня никогда не было питомца. Но только чем я буду ее кормить? Сама-то я теперь впроголодь живу. Попросить в трактире обедков?

От осознания собственной плачевной ситуации стало кисло. Когда Ланзо ушел, я уселась за стол и начала писать письмо подруге Анне. И

так увлеклась, что и думать забыла об одиночестве — словно Анна была тут и я с ней разговаривала.

Описала в красках все, что со мной произошло. И приезд в город, и его странные суеверия и легенды, и пожар... и о господине Робервале рассказала.

Раз Анна журналистка, сможет добыть о нем информацию. Как-никак он дружок столичной красавицы Денгард: может, сведения о нем мелькали в городской светской хронике!

Но, спрашивается, зачем мне знать о нем больше?

Перо зависло над бумагой. Я похлопала глазами. Подумала и нашла объяснение своему любопытству: чтобы лучше знать врага, нужно его понять. Собрать все возможные данные. Если буду расспрашивать о Робервале в Крипвуде, это вызовет подозрения.

Наступила ночь, и опять заунывно кричал козодой, дом скрипел, а мыши устроили под полом шум.

Я сунула голову под подушку. Но даже сквозь слой ткани и перьев чувствовала, как за окном что-то шевелится и постукивает в стекло.

Я представила, как привидения толпятся у стен Кривого Дома, отталкивают друг друга, чтобы заглянуть в щель между занавесками, и поежилась.

* * *

Потянулись наполненные хлопотами дни. За неделю я похудела так, что не узнавала себя в зеркале.

Я приехала в Крипвуд, пылая энтузиазмом. Мне море было по колено — не терпелось воспользоваться обретенной свободой, сбросить гнет страха, применить свои навыки, учить детей новому... Но теперь мой пыл поугас. Он столкнулся с серой обыденностью. Бытовые проблемы угнетали.

Утром просыпалась в стылом доме — директор добыл для моей печки немного угля и дров, но приходилось их экономить. Шла через пустырь к колонке, возвращалась с промокшими ногами и тяжелым ведром в руке. Умывалась ледяной водой, завтракала всухомятку. Садилась на велосипед и со скрипом катила на службу по пустынным улицам Крипвуда.

Постепенно я узнавала город и его жителей. Со мной здоровались, сдержанно кивали. В школе я долго грелась перед камином в учительской и шла на уроки, голодная и невыспавшаяся. Утешала себя тем, что скоро втянусь в новую жизнь.

В сущности, дела обстояли не так уж плохо. Дети приняли меня, приспособились к моим требованиям, а шалости я научилась быстро пресекать. Пока не случилось ни одного серьезного конфликта.

На дополнительные занятия теперь ходило девять детей — присоединилась внучка почтмейстерши, спокойная, рассудительная девочка, и сын начальника станции. Больше я не развлекала подопечных «магией» и делала лишь то, что предписывала программа.

Надо думать, родители мало-помалу успокоились. По крайней мере никто не запретил детям из моего маленького класса изучать сверхприроду. Даже Регина исправно появлялась за партой.

С ее отцом мы время от времени сталкивались после занятий или в городе. Он сухо здоровался, но разговоров больше не заводил.

Впрочем, это как раз и настораживало: не такой человек был господин Роберваль, чтобы сдаться без боя. Возможно, он что-то задумал. Предпринял тактическое отступление...

И если с детьми я ладила неплохо, то доверие взрослых обитателей Крипвуда заслужить было куда сложнее. Горожане вели себя любезно — не более.

Стоит мне заглянуть в продуктовую лавку или на почту, как все замолкают. Только выйду за порог, как за спиной слышны шепотки. Ни с кем из местных подружиться так и не удалось — кроме Степпеля и Ланзо. Ну еще госпожа Барбута охотно угощала меня своей стряпней и любила поболтать в учительской после занятий.

Директор помогал, чем мог, а Ланзо проводил со мной все свободное время. Скоро я окончательно убедилась, что он вовсе не тронутый и не ущербный — просто никто до этого времени не брался за него всерьез. Надо было поговорить с его отцом, но уборщик при встрече корчил такое недружелюбное лицо, что я опасалась сделать своими беседами хуже — как бы потом не отыгрался на сыне! Поэтому разговор откладывался до подходящего момента.

Пока я чувствовала себя в городе чужачкой. Ну, быстро ничего не меняется — и не изменится, если не сделаю первый шаг!

Однажды я возвращалась домой после прогулки по городу. По сторонам не смотрела — строила в уме план вечернего урока. Моя сумка была полна шишек, грибов и веточек. Я собрала их в рощице около школы. Все материалы пригодятся на занятия. А в кармане лежало долгожданное письмо из столицы от подруги Анны.

У загона на окраине города я услышала улюлюканье и крики — но и другие звуки, которые мог издавать большой зверь. Урчание, рык или хрюканье...

Впереди у деревянной ограды волновалась толпа детей. Там происходило что-то интересное. И наверняка запретное — вон как дети разошлись! Прыгают на месте, махают руками, наперебой дают советы, бросают камни. Не иначе, затеяли шалость. Мирные игры такого ажиотажа не вызывают.

Взрослых поблизости не было, и я решительно двинулась вперед — разбираться, спасать и наказывать. Я быстро усвоила повадки строгой учительницы, которой до всего есть дело.

— Что тут происходит? — крикнула я, расталкивая толпу. Среди незнакомых детей затесалась и парочка моих учеников.

— Госпожа Верден! — В мою руку вцепился Дитмар. Лицо грязное, рот испуганно округлился. — Там Магда! На нее напал Вельзевул! Спасите ее! Он вот-вот ее загрызет!

— Кто? — я ошалела от новостей. — Какой еще Вельзевул? Где?

— Вон он!

Меня притиснули к деревянной рейке, и я увидела такую картину.

По огороженному полю, изрытому ямами, бродил черный монстр. Я не сразу определила, что вижу свинью. Впрочем, это чудовище больше походило на лесного кабана. У Вельзевула была длинная морда, клыки, мощная поджарая туша и короткий густой мех.

Время от времени свин переходил на бег. С утробным урчанием рысил по кругу, мотал хвостом, рыл землю раздвоенным копытом и хищно посматривал на дальний угол загона.

Там, за кучей бревен, ютилась фигурка в синем школьном платье. Золотые косы сверкали на солнце.

— Что произошло?

— Вельзевул — помесь кабана и домашней свиньи, — виновато объяснил высокий подросток в одежде фермера. — Его держит старикан Герхард. Выпускает утром пастись, вечером загоняет. Забить боится. Вельзевул злой как черт! Никого к себе не подпускает. Вишь, клыки какие у него!

— Так, понятно, — прервала я его зоологические выкладки. — Девочка там что делает? Это же опасно!

Дети разом замолчали, отвели глаза и замялись. Ясно: виноваты!

— Дитмар?! — я добавила в голос стали.

— Я Магду трусихой обозвал, потому что она от осы улепетывала, — признался он унылым голосом. — А она сказала, что не трусиха. И не побоится пройти через загон с Вельзевулом. Свин дрых вон в той яме с грязью... а когда она пошла, проснулся и загнал ее в угол. Она теперь выйти не может! Госпожа Верден, спасите ее! Вы же Одаренная! Вы сами рассказывали, что зоомансеры могут приказывать животным. И бабочку подманивали, она к вам на щеку садилась! Велите Вельзевулу Магду выпустить!

Я стиснула зубы. Сравнил — глупая, хрупкая бабочка и хитрый кабан весом в двести фунтов! Где мне справиться с Вельзевулом! Тут нужен дар опытного зоомансера. Этот монстр с пятаком и клыками размажет меня по земле, если я попробую к нему приблизиться!

— Где его хозяин?

— Вон, ковыляет...

К загону подбежал худой старикан ростом с гнома и окладистой курчавой бородой.

— Эй, любезный! — обратилась я к Герхарду. — К вам в загон забралась девочка. Отгоните своего питомца!

— Как же я это сделаю! — растерялся старикан. — Вельзевул меня не слушается. Он никого не боится, даже собак. Домой приходит, когда нагуляется.

— Так приманите его едой!

— Да нажрался он! — развел руками Герхард. — Вон, полна кормушка! Вы это... госпожа Верден... болтают, вы ведьма, разное умеете. И со скотиной разговаривать. Ну... так это... приманите его магией!

И этот туда же!

Внутри загона раздался визг. Сначала я удивилась, что Вельзевул умеет так тонко верещать, а потом испугалась, потому что визжала Магда! Кабан подошел к ней совсем близко. Помотал щетинистой гривой, воинственно хрюкнул, наклонил голову, как будто собираясь кинуться в атаку. Времени терять было нельзя.

— Так, быстро бегите и найдите кого-нибудь взрослого, — велела я детям. — Нормального взрослого, лучше здорового мужчину.

Я с укоризной покосилась на худосочного хозяина свина. Он был так невелик, что мог бы кататься на кабане верхом. Надо законодательно запретить людям держать питомцев, с которыми они не могут справиться.

— Пока попробую отвлечь Вельзевула, — решила я и пошла к калитке.

Мои посыльные кинулись прочь — искать подмогу. Я положила руку на запор и несколько раз вздохнула.

Моя «магия» тут совершенно бесполезна. Понятия не имею, как устанавливать контакт со свиньями. Пока мне доводилось общаться только с их двуногими братьями в дорогих костюмах и душой грязной, как хлев.

Но делать нечего: я учительница этой девочки. Нельзя оставлять ее в беде.

* * *

На дрожащих ногах я вышла на середину загона. Кабан лениво покосился в мою сторону, но от груды бревен не отошел.

— Эй, Велли! Вельзевул! Хорошая свинка! Иди сюда... цып-цып-цып! Тьфу, то есть... хрю-хрю?!

Интересно, как подзывают свиней?

Кабан медленно развернулся и посмотрел на меня в упор. Его заплывшие глазки горели кровожадным любопытством. Некстати я вспомнила, что кабаны — опасные хищники. С равным удовольствием лакомятся желудями и свежатиной. А встречаться с ними в лесу не рекомендуется, если у тебя нет хорошего ружья. Правда, этот кабан полукровка, живет в хлеву, но вряд ли растерял инстинкты предков.

Вельзевул двинулся ко мне вприпрыжку. Дети за оградой истошно завопили. Кабан остановился и грозно глянул на них. Щетина на его спине подергивалась, с желтых клыков капнула слюна. Я подавила желание пуститься наутек и приказала зрителям негромким, но грозным голосом.

— А ну тихо! Вы его нервируете.

Потом обратилась к Магде, стараясь говорить весело и спокойно.

— Магда, я сейчас отвлеку его, а ты выбирайся. Не бойся, это всего лишь поросенок! Вон он какой... милашка. Просто немного расстроен. Как только эта хрюшка подойдет ко мне, ты беги за ограду, поняла?

— Поняла... — донесся жалобный ответ из-за поленницы.

— Госпожа Верден, а запульните в него огнем! Вы же колдунья! Поджарьте ему зад! — азартно посоветовал мне мальчишеский голос.

— Я вам всем потом зады поджарю, — пригрозила я. — Будете знать, как животных обижать.

Дети засмеялись, и даже Магда улыбнулась. Кабан весело хрюкнул. Только мне было не до смеха. Стоит этому двухсотфунтовому куску бекона кинуться ко мне, он собьет меня с ног, а его клыки запросто откусят мне руку.

Да где же помощь?! Где мой герой, который спасет меня от свиньи?

Но улица оставалась пустой, все герои были заняты своими героическими делами и размениваться на свиней не собирались. Значит, придется самой героить.

— Велли-и-и-и... — позвала я ласково. — Иди сюда, мой хороший. Смотри, что у меня есть...

Я перекинула сумку на грудь и достала из нее припасенный для урока гриб. Тот самый *boletus magicus*. Пора было рассказать детям о его вредоносных свойствах.

Свиньи любят трюфели — это всем известно. Сейчас проверим, любят ли они «волшебные» грибы.

Вельзевул заинтересовался. Он вскинул морду, потянул носом — треугольный пятак дернулся. Затем издал утробное хрюканье и впритруску побежал. Его копыта оставляли в грязи глубокие рытвины, мускулы на ляжках упруго перекатывались, холка тряслась.

— Магда, приготовься! — приказала я. Девочка осторожно выбралась из-за бревен и двинулась в сторону ограды.

Я протянула руку с зажатым грибом. И тут свин сорвался на бег, а когда его клыкастая морда очутилась совсем близко, я не выдержала — повернулась и помчалась, как будто за мной и вправду гнался князь преисподней.

Кабан рассвирепел. Я удирала, шлепая по грязи, и слышала позади топот и злобное похрюкивание. Вот-вот клыки хорошенько наподдадут мне в спину!

Ко мне стремительно приближался низкий сарай с плоской крышей. Дети орали и вопили на все лады. Я и сама не поняла, что случилось: только что я была на земле, а вот уже стою на крыше, и внизу беснуется клыкастый монстр, которого лишили развлечения!

Хорошо, что в школе и академии и у меня были отличные оценки по гимнастике. Иначе я ни за что бы не смогла забраться на этот сарай.

Огляделась: золотые косы Магды мелькали среди других детских голов — за оградой, в безопасности!

Однако теперь я столкнулась с новой проблемой — как слезть. Проклятый свин описывал круги вокруг сарая и отслеживал каждое мое движение. Иногда вставал на задние ноги, а передними бил по бревнам, как будто желая присоединиться ко мне на крыше. К счастью, свиньи не умеют высоко прыгать и лазить по деревьям. Это я хорошо помнила.

— На, получай! — я размахнулась и бросила гриб подальше. Как только кабан отбежит за угощением, спрыгну и перемахну через ограду. Но кабан оказался быстрым как ветер. Не успела я приготовиться, как он уже вернулся и смотрел на меня так, как будто после грибной закусочки был готов приступить к основному блюду — человечине.

— Плохо ваше дело, — посочувствовал из-за ограды старик Герхард. — Вельзевул пойдет в хлев только на закате, когда нарежется. А до вечера еще немало времени.

— Я не могу ждать до заката! У меня урок!

— А вы урок с крыши проведите! И свинья послушает! — крикнул в толпе неопознанный озорник.

И тут показался спаситель! Но тот, кого я вовсе не была рада видеть.

К ограде подъехал знакомый автомобиль, из него вышел господин Роберваль, а затем один из отправленных за помощью мальчишек и незнакомая старушка.

Роберваль приложил руку к глазам козырьком, задрал голову и удивленно присвистнул.

— Как дела, госпожа Верден? — крикнул он дружелюбно.

— Отлично! — огрызнулась я. — Видите, изучаю живую природу! Парнокопытных млекопитающих!

— Странные у вас, Одаренных, причуды!

— Хватит насмешничать! Помогите мне! Загоните кабана в сарай!

— Я?! — удивился Роберваль. — Тут кругом грязь. Неохота пачкать хороший костюм. Сами не справитесь с кабаном? Вас что, не готовили в Академии быть зоомансером?

Я заскрипела зубами.

— Ладно, — сжалился он. — Мне описали ситуацию, и я привез специалиста. Хорошо, что мы встретили ее по пути. Госпожа Барток, ваш выход!

Старуха подобрала длинную черную юбку и двинулась к загону. На ее пути расступались; дети встревоженно перешептывались.

— Еще одна ведьма, — с отвращением сказал старик Герхард и сплюнул. — Придется приколотить новые обереги на хлев.

Он испуганно замолчал, когда старуха, расслышав его слова, недобро оскалилась. Она смело пошлепала по грязи на середину загона. Кабан обрадовался новому развлечению и ринулся в ее сторону.

— Осторожнее! — крикнула я.

Но старуха не остановилась. Она протянула к кабану руку, коснулась его лба и что-то прошептала. Кабан добродушно хрюкнул и потерялся о ее ладонь.

— Пошел! — прикрикнула старуха. Вельзевул покорно отошел до ближайшей ямы и с разомлевающим видом повалился в грязь.

— Эх, заколдовали кабана, — досадливо крякнул Герхард. — Куда теперь его забивать! Все равно пойдут слухи и его мясо никто не купит. В лес, что ли, его выгнать?

— Спускайтесь, — приказал мне Роберваль. — Опасность миновала.

Он подошел к сараю и подал руку. Я отошла на несколько шагов и спустилась сама. И приземлилась прямо в навозную кучу. Поскользнулась и чуть не упала, но Роберваль успел подхватить меня за локоть. Я раздраженно вырвалась и принялась очищать ботинки о доску у ограды.

Я сгорала от стыда. Моему чувству собственного достоинства был нанесен неожиданный и подлый удар.

Эх, а ведь день так хорошо начался!

Роберваль выругался и с сожалением глянул на свои брюки. На них попали капли навоза.

К Робервалю подошла старуха Барток и требовательно протянула руку.

— Ну?! Даром я, что ли, сюда каталась?

— Пожалуйста, госпожа Барток. За ваши труды и немного сверху.

Он отсчитал в темную сухую ладонь несколько монет.

— Как вы укротили кабана? — поинтересовалась я.

Старуха ничего не ответила.

— У нее есть дар заговаривать животных, — с почтительным страхом пояснил Дитмар, который наблюдал за нами, взгромоздившись на ограду. — Лошадей, коров.

— Наверное, вы одаренный зоомансер, госпожа Барток — предположила я.

— Какой еще зоомансер-шмамансер! — огрызнулась старуха. — Мы тут люди простые, не то что вы, Одаренные, но тоже кое-что умеем.

— Подвезти вас до Кривого дома? — предложил Роберваль.

— У меня еще урок.

— Как же вы на него пойдете в таком виде? Вы сейчас грязнее Вельзевула.

— Достоинство учителя не в одежде.

— И в одежде тоже.

Я фыркнула и пошла прочь. В толпу вбежала худая дама в нарядном платье и сбитой набок шляпке — мать Магды. Она схватила дочь за руку, в сердцах шлепнула ее ниже спины, но тут же расцеловала. А потом увидела меня.

— Госпожа Верден, большое спасибо! — принялась она трясти мою руку. — Вы спасли мою дочь!

— Но я вовсе не...

— Она заговорила кабана! — подтвердил Дитмар. — Он сразу пошел к ней. А потом она взлетела на сарай как на крыльях, никогда такого не видел! И бросила ему волшебный гриб.

Госпожа Барток ядовито усмехнулась и пошла прочь.

— Но это она укротила Вельзевула! — растерянно сказала я и показала на согбенную спину удаляющейся старухи.

— А, ведьма Барток... — смешалась госпожа Раkochи. — Но все равно, госпожа Верден: вы — герой! Слушайте... — она доверительно наклонилась ко мне и зашептала: — У себя в магазине галантереи я приторговываю ношеной одеждой. У меня есть отличные вещи... совсем новые. Приходите вечером — найдем для вас кое-что! Есть и юбка, и теплый жакет. Продам со скидкой. Вам пригодится!

— Спасибо, — кисло поблагодарила я. Надо было отказаться, но я усмирила ненужную гордость. Госпожа Раkochи права. Мне нужна хорошая одежда.

— Все же садитесь, — велел Роберваль и открыл дверь своего автомобиля. Подвезу вас к школе. Герои заслуживают почести. Девочку вы спасли. Я сам отец, и высоко ценю ваш смелый поступок.

Я вздохнула и собралась пойти к автомобилю, но тут за моей спиной раздалось игривое хрюканье. Я обернулась: сквозь ограду просунулся треугольный пятак. Его владелец смотрел на меня дружелюбно, с хитрецей. Вельзевул потянул морду к моему карману, как бы говоря: «А еще грибы есть? Давай сюда!»

— На! — я бросила ему желудь. — И больше не шали.

У нас на потоке в Академии училось немало талантливых зоомансеров, но теперь я им ни капельки не завидовала. Ох и тяжелый у них труд!

Глава 13

Новые планы

По пути в школу мы молчали. О чем было мне говорить с Робервалем? О способах распила древесины? Или о повадках свиней? Об успехах его дочери? Какая тема будет безопасной?

Мне было жуть как неловко, и думалось лишь о том, что на подошвах у меня налипла грязь, и наверняка салон его роскошного автомобиля потом придется чистить. Роберваль будет скрести навозные пятна щеткой и вспоминать обо мне.

Хотя для таких грязных работ у него наверняка есть слуга.

— Почему вы проводите дополнительный урок на ночь глядя? — прервал он молчание. — Уже темнеть начинает.

— Мы будем изучать созвездия. Говорить о механике неба. Детям это интересно.

— Да, Регина хвалит ваши уроки.

— Спасибо, что разрешили ей присутствовать. Вы больше не опасаетесь моего дара?

— Регина подробно рассказывает обо всем, что вы делаете. Пока вижу, что вы не выходите за рамки дозволенного, потому и терплю. Воспитывать в одиночку девочку с характером непросто. Приходится учиться гибкости. Где-то идешь на уступки, где-то проявляешь твердость.

— Это правильный подход.

Автомобиль остановился у школы. Роберваль вышел и открыл для меня дверцу.

— Не желаете остаться на моем уроке?

— Не сегодня. Удачного вам преподавания, госпожа победительница диких зверей, — он коснулся пальцами края котелка и насмешливо улыбнулся. — Вернусь за дочерью через сорок минут.

Я зашла в школу и потратила оставшееся до урока время, чтобы привести платье и обувь в порядок. На ткани остались жирные пятна, но в сумерках их видно не будет — ладно, и так сойдет.

И верно, следующие полчаса детям было не до грязной одежды учительницы. С разрешения директора мы забрались на школьный

чердак, установили там телескоп и изучали звездное небо.

Я рассказывала о луне и созвездиях, о том, как в древности люди приписывали им силу влиять на судьбы людей. Объяснила, что астрология, по сути своей, это наука о цикличности событий и людской психологии. И никакой магии. Но Одаренные знают, что из-за изменения положения луны в эфирных полях могут происходить возмущения, поэтому в определенные фазы луны их дар может усиливаться или слабеть.

— В нашем городе в новолуние бывает Дикая ночь, — вдруг прошептал Дитмар. — Вы знаете, что это такое? В эту ночь дух разбойника Грабба приходит в город. И случаются разные неприятности.

— Какие, например?

— Призраки могут забрать тебя в лес, — рассказала Магда боязливым голосом. — В прошлом году богатый кожевник Рихард задержался в кабаке, а потом, когда шел домой, встретил чудовище! Оно чуть не сожрало его. Оно схватило его, он вырвался, упал в овраг и сильно поломался. После этого продал свою лавку, склады на окраине города и уехал.

— Сколько рюмок шнапса он выпил до того, как встретил чудовище? — поинтересовалась я невинным голосом.

— Зря не верите, — упрекнула меня Ада. — В Дикую ночь лучше не выходить из дома. По улицам проезжают призрачные телеги... они запряжены конями с горящими глазами и огненными копытами. На таких телегах разбойник когда-то вывозил награбленное. Если оказаться у них на пути, они сметут и раздавят тебя, как муравья.

— На дороге всегда нужно соблюдать осторожность. Давайте спускаться! Уже холодает. В классе вас ждет горячий чай и сладкие сухарики.

Дети разом забыли о страшных легендах и наперегонки кинулись в класс. На дорогие угощения у меня не было денег, но я старалась поддерживать традицию уютных посиделок у чайника.

Сладкие сухарики приготовила сама, как когда-то меня научила Анна. Взяла обыкновенную черствую булку, нарезала, посыпала ванильным сахаром, подсушила на печке — и готово! Ничуть не хуже самого изысканного печенья из кондитерской. Даже избалованная Регина не стала воротить нос.

Рядом с ней пристроился Ланзо. Он украдкой подсовывал ей самые поджаристые сухарики, покрытые крупинками коричневого сахара. Регина благосклонно принимала его услуги, хотя время от времени косилась на мальчика с пренебрежением и дула губки, когда тот случайно задевал ее руку. Но не прогоняла: его неприкрытое обожание было ей приятно.

— Мне рассказали, что скоро в городе будет проводиться осенняя ярмарка. Ученики делают поделки вместе с учителями и выставляют их на продажу, — я поспешила сменить тему.

— Ну да, — уныло подтвердил Дитмар. — Мы каждый раз делаем что-нибудь полезное. Свечи, закладки для книг. А девочки с госпожой Барбутой пекут оладьи. Скучотища!

— А давайте мы с вами приготовим что-нибудь волшебное! — азартно предложила Магда. — Тогда все сразу увидят, как здорово заниматься магией! Вы научите нас делать заколдованные вещи?

Я вздохнула. Конечно, я показывала детям на уроках разные фокусы, но каждый раз старалась объяснить их по-научному. Однако веру моих учеников в магию поколебать было непросто.

Но Магда подкинула неплохую идею.

— Я не научу вас вышивать скатерти-самобранки или тачать сапоги-скороходы. Но и самая обыденная вещь может стать магической. Для этого нужно лишь приложить немного фантазии. Возьмем эти сухарики...

Я взяла в руку сухарик и напоказ любовалась им, как чем-то прекрасным.

— Мы можем построить из них маленький дворец и украсить его глазурью. Знаете, подобные делают на Новый год из имбирного печенья? Мы придумаем про него сказку и покажем ее на ярмарке — разыграем, как в театре. Ну а потом начнем продавать зрителям наш сухарный дворец по кусочкам. Будет не только вкусно, но и интересно.

— Это будет домик ведьмы, которая заманила к себе Гензеля и Гретель! — предложил Тилло. — Ой, а можно сделать ведьму из сухарей?

— Можно вырезать ее из бумаги... Что еще?

— Я всегда продаю тыквы, которые выращивает моя бабушка. Ненавижу тыквы, — сморщился Дитмар.

— Ты просто не пробовал делать из них фонари! Знаешь, есть такой обычай в заморской стране — в Объединенных Федеративных Землях. Вынимаешь из тыквы середину, прорезаешь глаза, рот, ставишь внутрь свечу!

— Ух ты!

— А может, мне на ярмарке кроликов продать? — задумалась Ада.
— У нас еще две кроличьих мамки окотились!

— Ты можешь сшить им шапочки и жилеты и рассказать, что они — заколдованные эльфы, — предложила Регина.

— Здорово придумано! — одобрительно кивнула я. — А ты ей поможешь шить?

— Ладно уж, помогу, — снисходительно согласилась Регина.

Дальше идеи посыпались как из рога изобилия, и дети отправились домой радостные и воодушевленные. А главное — никто больше не вспоминал страшные предания...

* * *

Прибрав в классе, я вышла на крыльцо, глянула на темное небо, послушала, как ветер бренчит оберегами на ветках старого каштана, и обреченно вздохнула. Предстоял путь на окраину, к скрипучему дому, и очередной долгий вечер в компании мышей.

— Папа, я тебя сейчас угощу! На, вот сладкие сухарики. Я тебе оставила! Госпожа Верден сама их сделала! — донесся до меня голос Регины. Ей ответил спокойный баритон Роберваля:

— Ишь какая умелица, эта ваша госпожа Верден! Не только в свиньях знает толк.

Хлопнула дверца, заурчал мотор, зашуршали шины. Я осталась во дворе школы одна-одинешенька.

Шевельнулась тень; я повернулась и увидела, что у стены притаился Ланзо.

— Ты чего не идешь домой?

— Неохота... — буркнул он. — А можно я с вами?

— Прости, нельзя... Уже поздно, твой отец будет тебя искать.

Ланзо горько вздохнул, поправил на плече ремень и побрел в темноту. Меня кольнула острая жалость. Плохо ему живется. А я пока

ничего не сделала, чтобы исправить его положение... Надо поговорить с директором, попросить совета.

Успокоив таким образом свою совесть, я взяла велосипед под навесом, выкатила его на дорожку и поехала домой, чувствуя себя такой же бесприютной и брошенной, как и Ланзо.

Я впервые ехала по улицам Крипвуда так поздно в одиночестве. Теперь, в темноте, город показался мне неуютным. Да чего там — мне было страшно.

Ни души на улицах. Электрические фонари светят слабо, через один. Ветер посвистывает в коньках крыш. Натужно скрипят флюгера. Опавшие листья вылетают на дорогу, и каждый раз я пугаюсь, как под мои колеса бросается что-то живое и недружелюбное.

Да еще сейчас придется свернуть в узкую улочку, где верхние этажи домов закрывают небо, а от стен пахнет сыростью! Когда по ней пробираешься, вечно кажется, что в спину тебе кто-то смотрит. Мерзкое чувство.

В моем воображении старые дома превратились в жилища ведьм, которые заманивает к себе глупых детишек пряниками и леденцами. Другие здания казались мрачными, как казематы, населенные привидениями.

Оказывается, ты романтическая натура, Эрика, заметила я себе иронически. Взяла и поддалась жуткой атмосфере этого города. Напридумывала себе всякого.

Я сильнее надавила на педали, потряслась по булыжной мостовой, вырвалась из плена старых домов и выехала на тропинку на пустыре. Но веселее не стало: тут всю хозяйничал туман. Колеса велосипеда еле-еле разрезали густой кисель. Мокрая трава била по ногам, а в зарослях кустарника шуршало и попискивало.

С огромным облегчением я подкатила к крыльцу Кривого дома и рванула к двери. Даже велосипед толком не поставила — просто бросила его под навесом.

Дом встретил радостным скрипом половиц.

— Привет, привет, — поздоровалась я. Однако дурная привычка — говорить с пустой комнатой. Так и крышей недолго поехать. На пару с моим Кривым домом.

Я разожгла печурку, вскипятила чайник, высыпала в тарелку оставшиеся сухари и села за стол.

От сухарей скребло в горле. Ох, как же хочется горячего супа! Мысленно сделала заметку: купить кастрюльку, картошки, лука... что еще там нужно? Пора, пора научиться готовить! А то так и помру — мало того, что безумной, так еще и отощавшей.

Распечатала письмо от Анны и принялась жадно читать.

Анна писала о своей жизни, о вечеринках, которые успела посетить, о фильмах, которые видела в синематографе... Передавала приветы от общих знакомых, делилась сплетнями.

От веселого тона ее письма стало еще тоскливее. Остро захотелось вернуться в Сен-Лютерну, посидеть с подругами в кафе, потом прогуляться по набережной...

Я скрипнула зубами и вчиталась в ровные строчки. Наконец, пошла та часть письма, где Анна говорила о делах.

Про Роберваля она ничего разведать не сумела. Ну да, был один смазанный снимок в газете: госпожа Вильгельмина Денгард и высокий мрачный господин рядом. Говорят, ее жених. Но кто таков, откуда взялся — неизвестно. Фамилия «Роберваль» Анне знакома — нашла ее в торговом справочнике. Да, крупный лесопромышленник... поставляет лес. Весьма состоятелен. Вот и все сведения.

Я хмыкнула и стала читать дальше.

Мои дядя и тетя живут припеваючи. Объявлений о моем розыске в газетах не появлялось. Всем говорят, что племянница уехала за границу лечиться от переутомления. Андреас начал встречаться с дочкой театрального критика.

На миг кольнуло сердце, но тут же вспыхнула глухая ярость.

Нет. Я не буду страдать. Это прошлое. С этим покончено...

Но все же отложила письмо и призадумалась.

Несомненный плюс жизни в таком месте — возможность получить тишину и уединение. Здесь хорошо думать. Хорошо вспоминать. Смотреть на свою жизнь со стороны, чтобы лучше в ней разобраться.

Тишина на окраине Крипвуда была не такой, как в столице. Здесь она была полной, поглощающей. Шептала об одиночестве. Неудивительно, что и мысли пришли вовсе не радостные.

Мне двадцать четыре: подходящий возраст, чтобы вспомнить о том, что было, предположить, что будет дальше, подвести итоги и сделать выводы.

Пока итог неутешителен: окончена Академия с плачевными результатами. Я порвала связи с семьей. Лишилась жениха. Утратила иллюзии. Потеряла имущество. На год застряла в глухом месте.

Что будет, когда вернусь в столицу?

Чтобы лучше представить будущее, я стала размышлять о прошлом.

Все шло неплохо до того, как мне исполнилось двенадцать. Чудесные были деньки в пансионе! Добрые и веселые учителя, озорные подружки. Потом, накануне проверки способностей на наличие Дара, дядя забрал меня домой.

Поначалу жилось у дяди неплохо. Я имела все, что душа пожелает: свою комнату, горничную, наряды, развлечения... оплачиваемые доходами от наследства моего отца. Дядя был опекуном и управляющим трастового фонда. И конечно, ему не хотелось, чтобы деньги ушли из семьи.

Когда мне исполнилось семнадцать, он начал знакомить меня с тщательно отобранными молодыми людьми. Которых он считал удобными для себя. Выйди я за одного из них замуж, дядя по договоренности продолжил бы управлять моими средствами и вмешиваться в мою жизнь.

Я поняла это довольно быстро: в сообразительности мне не отказать. Раз за разом мы ругались с дядей, раз за разом я отваживала навязанных женихов.

Пока не появился Андреас. Мы были знакомы с детства. Я влюбилась в него лет в четырнадцать, когда встретила его на приеме. Высокий блондин с шапкой кудрявых волос, статный, голубоглазый. Тогда он не обратил на меня внимания, но вот мы встретились вновь, и он начал ухаживать с пылом и фантазией. Были и цветы, и роскошные выезды, и прогулки под луной.

Мне казалось, я встретила своего единственного. Андреас не одобрял моего желания учиться в Академии, но все же не чинил препятствий, как дядя. И тут мне удалось настоять на своем. Дядя был так рад, что я приняла предложение Андреаса, что затих на время, и я, получив подтверждение наличия Дара, стала студенткой.

Было непросто смириться с тем, что полноценной Одаренной я не стану, но Андреас даже обрадовался этой новости. Тут бы мне насторожиться, но я считала, что должна мириться с причудами

жениха. Ведь любовь состоит из компромиссов; конечно, хорошо, когда партнер поддерживает тебя, но нельзя требовать от него полностью разделять твои устремления и жить твоей жизнью.

И вот, когда до свадьбы оставалось две недели, я прозрела. Благодаря случайности.

Месяц выдался непростой. Экзамены в Академии. Как же тяжело было идти против течения! Видеть кислые физиономии преподавателей и слушать их замечания: «Эрика, ну зачем вам это надо? Бросьте! Все равно, вы неполноценная Одаренная. Почти что дефектив. Думаете, вы мастер на все руки? Ничего подобного. Вы мастер ни в чем! Вы не сможете применять ваш дар на практике. Вы слишком поздно начали обучение, и вот результат! Впустую тратите деньги, силы и время! И наше время тоже, между прочим...»

Все было против меня — но я победила. Я закончила Академию.

И помчалась к Андреасу, чтобы поделиться радостью — диплом у меня в руках! Пусть «особый» диплом, пусть я не пойду на государственную службу — но не всем же быть гениальными Одаренными! Авось и мой дар на что-то сгодится! Я знаю многое, пусть и умею мало!

Андреаса не оказалось дома, но камердинер любезно сообщил, что я найду его в загородной резиденции его родителей. Я бывала там не раз и решила устроить Андреасу сюрприз — приехать без предупреждения.

Теперь мне хорошо известно, что подобные сюрпризы — плохая идея. Готовить сюрпризы нужно тогда, когда ты готова к ответному сюрпризу. И готова к тому, что он может оказаться неприятным, а то и повернуть твою жизнь с ног на голову.

Я попала на мальчишник. Андреас гостил в загородном доме не один, а в компании друзей и дам. С одной из которых я и застала его в беседе, в недвусмысленной позе, с расстегнутыми штанами.

Плохо помню, что было потом. Боль, неверие, шок... темные дни, когда я лежала без сил у себя в комнате, отказывалась от еды, не могла видеть никого из знакомых.

«Нервное истощение» — постановил доктор.

Возможно, он был прав, и в другое время не случилось бы этого черного периода, но все вместе — беспрестанная борьба, утраченные надежды, бессонные ночи перед экзаменами и шокирующая сцена,

которая то и дело вставала перед глазами, — привели к тому, что я впала в глубокую меланхолию.

Да еще дядя! Он настаивал на свадьбе. Он привел Андреаса. Сначала тот умолял о прощении и твердил об ошибке. «Ты все не так поняла! Твои глаза тебя обманули! Раз любишь меня, то должна мне верить!»

Я зло рассмеялась. Андреас осекся и заявил: «Нельзя считать тот досадный эпизод изменой. Пустяк! Мы же еще не женаты. На мальчишнике всегда такое бывает! Это традиция!»

Я не сдержалась и ударила его по щеке. И тут Андреаса как подменили. Из любезного, мягкого юноши он вдруг превратился в циничного, грубого субъекта. С холодным презрением он объяснил, что если я желаю когда-нибудь получить статус жены, то должна научиться закрывать глаза на мужские проделки. Мне нужно отдохнуть, одуматься, прийти в себя. Он придет попозже, и мы снова поговорим о свадьбе.

Но я твердо заявила, что свадьбы не будет. И спустя несколько дней против воли оказалась в клинике святого Модеста.

О, мне отлично помогли в той клинике! Ее обстановка не располагала к тому, чтобы предаваться жалости к себе. Оказалось, я не готова страдать физически. Сидеть взаперти в четырех облезлых стенах, подвергаться пыткам в виде ледяного душа и принимать лекарства, от которых невыносимо болела голова.

И я велела себе вернуться к жизни. Поняла, что готова бороться. Упорно, методично.

Сбежала на третий день. Удалось это на удивление легко. Пришлось использовать свой дар — небольшая иллюзия, надсмотрщица отвлеклась во время прогулки, я ловко перемахнула через забор и помчалась к подруге.

Потом были три месяца скитаний по съемным квартирам. Страх, что дядя найдет меня и вернет в клинику, пока не стану сговорчивее. Попытки достать документы и денег на первое время.

Учительские курсы. Назначение в Крипвуд. И вот я здесь. думаю о том, что будет дальше.

Когда мне исполнится двадцать пять, ко мне перейдут права на наследственный фонд. Больше я не буду зависеть от дяди. Смогу вернуться в столицу.

Чем же займусь? Жизнь бездельницы не для меня. Останусь учительницей? Может быть. Пока я работаю с удовольствием, но все же нет того волнения и погруженности, которые появляются, когда занятие настолько приходится по душе, что становится важной частью жизни. Меня угнетают будничность и однообразие.

Лучше мне выбрать другую карьеру... более насыщенную впечатлениями. Таковую, где я могла бы путешествовать, общаться с людьми. Влиять на их мнение.

Что ж, верю: впереди меня ждет интересная, яркая жизнь! Быть может, через несколько лет я вернусь в Крипвуд, зайду в этот Кривой домишко на окраине и буду вспоминать холодные, одинокие ночи с ностальгией. И удовольствием от того, что все позади.

Я встряхнула головой, вынырнула из мыслей и снова взялась за письмо.

Следующая его часть оказалась самой интересной — словно ответ на мой невысказанный вопрос!

Анна писала, что мои заметки о Крипвуде ей очень понравились. Особенно местные легенды. И вот ее предложение: в издании «Вестник оккультизма» есть знакомый редактор. Он готов заплатить сто кронодоров за каждую статью о доме разбойника Грабба на болотах. Читатели его журнала обожают подобные мистические рассказы. И если я изложу свои впечатления очевидца, могу неплохо заработать.

Всего-то нужно прогуляться в лес, посмотреть на жутковатую развалину и красочно ее описать. Можно приврать, это не возбраняется. Но в пределах разумного. А уж если я зарисую дом — «ты же отлично рисуешь карандашом и акварелью, Эрика!», то статью оторвут с руками и ногами. Фотография была бы еще лучше, но где мне достать фотоаппарат!

Предложение настолько ошеломило, что я сидела добрых десять минут и раздумывала.

Вот тот путь, который подходит мне больше всего — стать журналисткой! Почему бы и нет? Это занятие отлично отвечает моему характеру и стремлениям. Куда больше, чем карьера учительницы! Но и учительский опыт пойдет впредь: за год я лучше узнаю жизнь, людей, их привычки и обычаи. Журналисту нужна такая копилка впечатлений.

И вот первое задание!

Непростое задание, однако...

Пойти в лес, о котором рассказывают столько страшного? Ага, проще простого! Вот прямо сейчас соберусь и пойду!

Анна, должно быть, не поняла, что предприятие это... ну... не совсем безопасное. Хм, выходит, я прониклась местными легендами настолько, что стала в них верить? Я подошла к окну, откинула занавеску и всмотрелась в темноту. Снаружи было темно — хоть глаз выколи. Где-то там, в черноте, притаился лес с его призраками.

«Да нет никаких призраков, Эрика! — сказала я себе с досадой. — А сто кронодоров на дороге не валяются. Особенно в моем положении! Кроме того, как ты собираешься стать журналисткой, если откажешься от такого простого поручения!» Я вернулась за стол, подперла голову рукой и опять принялась думать. Изобретатель Анвил бывал в этом лесу днем и утверждал, что ничего страшного там нет. Что ж, можно рискнуть. Но одна я туда не отправлюсь. Нужно найти надежного спутника.

Жизнь в Крипвуде сильно изменила меня. Кажется, здравый смысл начал меня подводить. Ранее я установила, что склонна к мрачной романтике, а теперь выяснилось, что и авантюризму не чужда.

Что ж, так тому и быть, Придется проверить, насколько я готова браться за сомнительные предприятия, чтобы сделать интересный репортаж. В этом состоит работа журналиста, риск — ее часть. Кроме того, своими глазами увижу, из-за чего весь сыр-бор. Попробую установить, так ли страшен лес, как его описывают.

И за это неплохо заплатят. Не главный довод, но существенный. Надоело жить впроголодь, ходить в чужой одежде.

Что ж, значит, берусь!

Глава 14

Прогулка с призраками

На следующий день в школе я поймала директора, завела в пустой класс и рассказала о своей затее.

Поначалу он слушал с сочувственным интересом, но постепенно растерял невозмутимость. Чем больше я говорила, тем чаще господин директор покашливал, ерзал, хмурился. Когда замолчала, он почесал бакенбарды, устало вздохнул и спросил:

— Эрика, неужели вы не боитесь отправляться в лес?

— Немного опасуюсь. Но скажите откровенно: там действительно есть чего бояться?

— Не знаю. Я бывал лишь на его окраинах. Но наслушался всякого.

— Вот это «всякое» интересует меня больше всего. Хочу увидеть его своими глазами. И развеять миф о существовании «всякого».

— По-моему, ваша затея несколько... непродуманная и может кончиться плохо.

— Все продумано! — поспешила уверить я его. — Во-первых, я не собираюсь заходить далеко в лес. Слышала, что разбойничий дом видно с Лысого холма. Этого будет достаточно. Не знаете, у кого можно взять на время фотографическую камеру?

— У Анвила есть. Спросите. Ладно, а во-вторых?

— Во-вторых, пойду не одна. Найду сопровождающего. Того, кто знает лес и умеет по нему ходить. Есть ли такой человек в городе? Я заплачу ему. Немного, но потом, когда моя статья будет опубликована...

— Что ж, такой человек есть, — директор побарабанил пальцами по столу. — Хеймо. Он сын фермера, но часто навещает в лес ставить силки. Зубоскал. Как и вы, не верит в призраков леса. По крайней мере он так говорит после пары кружек пива. Хеймо можно застать в трактире вечером. Спросите у хозяйки, она вам его покажет. Много ему не предлагайте за услуги и обязательно торгуйтесь. И вот еще... Эрика, пообещайте, что не пойдете глубоко в лес. Не хотелось бы лишиться учительницы в начале учебного года.

— Не лишитесь! Вернусь живой и здоровой и напишу отличную статью про легенды вашего города. В конце концов, разве не этого вы хотели — избавиться от старых суеверий?

— Хотел, но уж больно резво вы взялись за дело. Порой это пугает. Осторожности и осмотрительности вам пока не хватает.

— Господин Степпель, я самая осмотрительная и здравомыслящая девушка на свете.

Директор озорно улыбнулся.

— Узнаю в вас себя в молодые годы! Что ж, удачи!

Вечером я отправилась в трактир «Хмельная корова».

Трактир был набит битком. Здесь были и местные жители, и сезонные рабочие с лесопилки Роберваля. Я узнала их по широким плечам, разухабистым манерам и грубому говорку.

Шум стоял невероятный. Посетители сидели за столами над тарелками или болтались возле стойки. Когда я вошла, на меня обернулись любопытные лица, красные от выпитого и съеденного. Гомон на миг притих и возобновлялся за моей спиной, когда я проходила мимо столов.

— Ишь, новая учителька пожаловала! — заметил незнакомый голос. — Скучно, поди, ведьме живется у погоста.

— Там не соскучишься! — многозначительно отвечал другой голос. — Кто знает, кто к ней наведывается из леса по вечерам. Храбрая бабенка!

Мимо прошла подавальщица Ванда с подносом в руках. Ванда как будто невзначай толкнула меня плечом и ехидно ухмыльнулась. Девушка не забыла обиды, и мне стало стыдно.

— Добрый вечер, Ванда! — кивнула я ей как можно дружелюбнее. Девушка прошла, оставив за собой густой аромат жареного мяса с луком.

В животе сразу заурчало. Я настороженно огляделась. В прошлый раз хозяйка встретила меня недружелюбно. Придется сделать заказ, чтобы расположить ее к себе.

Хозяйка нашлась за стойкой. Она лениво протирала кружки и при этом зевала во весь рот. На ее золотых зубах сверкали отблески огня в очаге.

— Добрый вечер, госпожа Верден! — поздоровалась хозяйка, со скрипом вращая в кружке сложенное полотенце. — Желаете

поужинать? Место есть только за стойкой. Чего вам подать?

Ободренная таким началом, я попросила тарелку похлебки, мысленно включив ее стоимость в графу «Расходы на приключения».

— Не подскажите, в зале есть Хеймо? Мне сказали, он тут завсегда.

— А вон он, — хозяйка кивнула на столик, над которым висело чучело головы коровы.

За столиком сидел молодой парень в толстом свитере и рабочих брюках с широкими помочами. Перед ним стояла кружка пива. Хеймо увлеченно резался в кости с фермером Герхардом, незадачливым хозяином Вельзевула.

— Привет! Ты Хеймо? У меня к тебе дело. Я заплачу.

Такое начало разговора редко кого оставит равнодушным. Хеймо моментально отвлекся от костей и вскинул голову.

У парня было широкое щекастое лицо, курносый нос, лохматые каштановые волосы и дурашливые глаза.

— А я вас знаю! Вы учительница, да? — сказал Хеймо. — Герхард про вас рассказывал. Вы ему со свиньей помогли управиться.

— Здравствуйте, Герхард, — кивнула я старику. — Как поживает Вельзевул?

— В лес сбежал, паршивец, — ответил старик и печально покрутил пустую кружку. — Ну и хрен с ним. Жрал свин много, а хлопот от него было еще больше.

— Так какое у вас ко мне дело, госпожа Верден? — перебил его Хеймо.

— Я присяду? — не дожидаясь позволения, я села на скамью. Герхард отправился к стойке купить пива, а я изложила Хеймо мою просьбу.

Лицо Хеймо сделалось задумчивым. Он поковырял в зубах спичкой, и, сплюнув в цветочный горшок на окне, согласился:

— Что ж, можно. Отчего ж не прогуляться по лесу? Погода нынче хорошая, тепло. Десять кронодоров за сопровождение. А еще парочку монет накинете, буду вам по пути песни петь, чтоб не скучно было! — он весело подмигнул и кинул в рот соленый сухарик.

— Четыре кронодора, — твердо сказала я, вспомнив наставления директора.

— Ну ладно, шесть, — Хеймо протянул руку; я не сразу догадалась, что должна ее пожать в знак заключения сделки.

— Хеймо, а ты никогда не видел в лесу чего-нибудь странного?

— Не-а! — Хеймо отрицательно pokrutil головой. — Но я далеко и не хожу! А вам куда надо?

— До Лысого холма. Глянуть оттуда на дом разбойника Грабба. Я пишу статью о местных достопримечательностях для столичного журнала.

— Вот оно что... Дом безглазого, значит... — Хеймо задумался и заявил: — Тогда восемь кронодоров.

— Ладно, — я поморщилась. Так от жалованья скоро ничего не останется. Анне придется приложить все усилия, чтобы моя будущая статья была напечатана и гонорар выплачен. Иначе Анне не поздоровится.

— И в статейке вашей потом напишете, что Хеймо, мол, был вашим проводником, — потребовал парень. — Моей девчонке понравится, если про меня в журнале напечатают.

— Обязательно напишу, — уверила я его. — И портрет твой сделаю. Значит, до выходных?

— Ага! К десяти будьте готовы. Утром зайду за вами в Кривой дом, как с делами на ферме управлюсь.

— Отлично! — я кивнула ему и направилась к стойке, где хозяйка уже выставила тарелку густой бараньей похлебки. Я взяла ложку и непроизвольно облизнулась. За спиной послышались звуки свары. Кого-то толкнули, кто-то ответил забористой руганью. На пол с грохотом обрушился стул, разбилась тарелка, следом донесся звук зуботычины.

Начинались вечерние развлечения. Но ничто не могло отвлечь меня от божественной похлебки, сваренной с фасолью, сельдереем и чесноком.

* * *

В выходной день я поднялась, когда за окнами едва рассвело. Выложила на кровать необходимые вещи и начала собираться.

Жаль, брюк нет, но вот эта шерстяная юбка сойдет. И свитер. Утром в лесу наверняка прохладно. Ботинки для прогулки имеются, на толстой подошве.

Теперь снаряжение. В вещевой мешок отправились фляга с водой, бутерброды в бумаге, спички, нож. Блокнот, пара остро заточенных карандашей. Компас. И главная ценность: фотографический аппарат — новая, компактная модель. Компас и фотоаппарат принес Амброзиус Анвил, содрав три кронодора за прокат. Зато теперь смогу сделать снимки разбойничьего особняка. Газета заплатит за них отдельно, так что расходы, надеюсь, удастся покрыть.

Приготовила чашку крепкого кофе и принялась ждать Хеймо. Пока прихлебывала горячий напиток, настраивала себя на успех.

И загадала: если до того, как закончу пить кофе, в доме не скрипнет ни одна половица, вылазка пройдет удачно.

Да, конечно: суеверия и приметы — это глупость и утеха для темных умов. Но когда волнуешься, все средства хороши, верно? Можно и поиграть с собой в маленькую игру. Никто об этом не узнает. Готова простить себе эту слабость.

В конце концов, все мы суеверны в той или иной степени... Презираем чужие суеверия, но за свои держимся крепко.

Признаться, я здорово волновалась. Все-таки я городская жительница, в лес не выбиралась ни разу. И в роли отважной журналистки пробовала себя впервые.

Однако лиха беда начало! Справлюсь с этим заданием, возьмусь за работу посложнее. Например, проберусь в клинику святого Модеста и накатаю разоблачительную статью о жутких условиях содержания умалишенных. Половина которых таковыми не являются, а в клинику попали хлопотами не в меру заботливых и жадных родственников.

Я торопливо влила в рот последнюю каплю кофе, и в это мгновение половица возле очага сама по себе скрипнула тягостно и уныло. Тут же в дверь постучали: явился Хеймо.

— Доброго вам утречка! — приветствовал он меня радостно. Лицо у него было румяное, и весь он источал довольство жизнью. — Ну, идем? Не передумали?

— Идем! — я решительно забросила вещевой мешок за спину, тщательно заперла дверь и зашагала вслед за Хеймо по сырой траве.

Было еще свежо, но день обещал быть теплым. Мы шли по узкой тропинке. Слева и справа стенами стояли кусты шиповника. В прорехах мелькала кладбищенская ограда. Я невольно поежилась, вспомнив прежнюю обительницу Кривого дома и ее занятие.

Не хотелось разговаривать, а хотелось молчать и думать, но Хеймо балагурил без отдыху.

— Вон там, на пустоши за кустами, кроликов полно. Я на них силки ставлю. А за пустошью овраг, туда в прошлом году сапожник свалился и сломал руку. Говорил, увидел привидение. Оно его в овраг загнало. Страшнучее — жуть! Глаза горят, шея как коромысло. Коли нам повезет, мы тоже призрака встретим. Вы же вроде из этих, Одаренных? Считай, ведьма! Безглазый, значит, пошлет к вам своих слуг поздороваться!

Хеймо дурашливо засмеялся. Я криво улыбнулась. Отчего-то в эту минуту мне было совсем не весело смеяться над привидениями и местными преданиями.

— Призраков я не боюсь. Лучше скажи, дикие звери в лесу водятся? Волки, медведи?

— Не-а. Олени есть, лисы. Ну и кабаны, бывает, забредают. Но их бояться нечего, если только поросят их не трогать.

Ну да, кабаны! Недавно к ним пришло пополнение — Вельзевул удрал от Герхарда и теперь резвится с собратьями на воле. Вот с кем я точно не хотела бы встретиться. Придется глядеть в оба.

Наконец, тропинка закончилась. Мы вышли к опушке леса, который до этого я видела только из окон Кривого дома. Поросль стала выше, впереди сплошной стеной поднимались стволы сосен. Там стоял сумрак.

Я замедлила шаг. Как будто в заброшенный замок заходишь. Сосны возвышаются, как колонны, а лесной полог над головой похож на мрачный свод. Лишь изредка его пронзает луч солнца.

Да, одной мне было бы страшновато. И тут я заметила под деревом мертвую белку и совсем пала духом. Дурной знак.

Хеймо бесстрашно зашел в лес. Кругом стояла темень. Солнце никак не могло пробиться сквозь густой полог. Лишь иногда золотые спицы пронзали переплетения ветвей и врывались в чащобу, высвечивая то сломанный сучок, то гнилой пень. Под ногами

пружинил мох, усеянный рыжими иголками. Пахло смолой, прелью и грибами.

Постепенно и Хеймо стал задумчивым. Его рот, наконец, закрылся. Но я не радовалась тишине. Потому что теперь приходилось слушать таинственный шепот деревьев. Когда под подошвой с хрустом ломалась веточка, я вздрагивала.

Казалось, что человеческое жильё осталось очень далеко. Вязкая тишина глушила мысли и сбивала с толку. На поверхность выбирались самые потаенные и первобытные страхи.

Современным городским людям не место в древних лесах. Это уже не наша стихия. Теперь я лучше понимала жителей Крипвуда — в такой глуши чего только не привидится! Именно страх перед неведомым рождает суеверия.

Чтобы отвлечься, я начала мысленно составлять заметку, которую потом пошлю в газету. Красочных эпитетов туда побольше — Анна их любит и оценит мои старания.

«Мы шли по дремучему лесу, зачарованному злым колдуном...

Среди угрюмых деревьев. Они отбрасывали зловещие, наводящие страх тени. И издавали леденящий душу скрип. Опавшие листья и иглы под ногами шевелились, как будто под ними пряталось что-то живое...»

Насочинялась до того, что и вправду почувствовал леденящий душу озноб. Казалось, в спину смотрят злые глаза, и если обернусь — увижу то, что потом будет мне сниться в ночных кошмарах.

— Хеймо, далеко еще? — громко спросила я провожатого.

Он оглянулся и ответил непривычно подавленным голосом:

— Недалеко. Скоро дойдем до Лысого холма. Заберемся наверх, оттуда немного виден старый дом. Сможете налюбоваться вдоволь и сделать снимки. А, мы уже пришли!

* * *

— Теперь придется карабкаться! Сумеете? Не свалитесь?

— В академии у меня были отличные оценки по гимнастике.

— Сейчас проверим, за что вам их поставили! Идите вперед; если нога соскользнет, я подхватчу. А не подхватчу — вместе вниз

кувыркнемся!

Обескураженная таким наставлением, я осторожно пошла наверх.

Холм состоял из слоистой скальной породы. Камень крошился под ногами, осколки с шорохом ехали вниз. Приходилось дважды думать, куда поставить ботинок. Время от времени попадались кусты вереска и кедровый стланик. В особо трудных местах я хваталась за колючие ветки, и скоро ладони начали саднить от царапин.

За спиной пыхтел Хеймо; я радовалась тому, что дышу ровно, иду споро. Лишь ноги немного заболели.

Наконец, добрались до вершины. Я постояла, оперевшись руками о колени, чтобы передохнуть, а потом распрямилась и приложила ладонь козырьком к глазам. Приятно выйти из мрачного сумрака под яркое осеннее солнце!

Куда ни глянь — леса. Волнующийся океан темной зелени до самого края мира. Поднялся ветер, он приятно обдувал горячее лицо и шею, и тело словно потеряло вес.

Вершины сосен качались рядом, протяни руку — и коснешься. Когда порыв был особенно силен, сосны надсадно стонали.

— Где разбойничий дом?

— Вон там, барышня! Видите?

Хеймо бесцеремонно повернул меня за плечи, я напрягла глаза и увидела, что над верхушками торчали две башенки, обломанные, черные как гнилые зубы. Даже на расстоянии они выглядели крайне неприятно.

Я достала камеру и сделала несколько снимков. Надеюсь, на фотографии удастся разглядеть то, что я стремилась запечатлеть. А если не удастся — остальное дорисует фантазия и мое меткое слово.

Все же я не была удовлетворена.

— Ближе к дому подойти нельзя?

— Можно, но мы не пойдем. Или идите, но без меня, — заупрямился Хеймо. — Там за охотничьей избушкой мшары начинаются. Ну, болотца такие. Их и не видно, пока не наступишь. А наступишь — поздно будет. Враз увязнешь. Да и вообще. не стоит там шататься. И смотрите — погода меняется! Не к добру это. Надо скорее домой! Иначе нам туго придется.

Я повернула голову, куда показывал Хеймо, и встревожилась.

Странная картина открылась перед глазами: край зеленого океана затянула белая дымка. Сначала я было подумала, что где-то бушует лесной пожар, но потом догадалась — туман! Он поднимался все выше и катился в нашу сторону очень быстро.

Стало ясно, чего опасался Хеймо. Если туман нас захватит, в лесу будет сложно найти дорогу. Мы ослепнем, оглохнем и вымокнем до нитки.

Спускаться было тяжелее, чем идти наверх. Пару раз подошва соскользнула, и я чуть не отправилась вниз кубарем. Когда оступилась третий раз, плюнула на приличия, встала на четвереньки и стала карабкаться вниз задом, нащупывая опоры для ног вслепую. Впрочем, Хеймо поступил так же.

Пот застилал глаза, вещевой мешок становился тяжелее с каждой минутой. А Хеймо торопил:

— Скорее, скорее! Неладно дело. Впервые такое вижу. С моря, что ли, тумана нагнало? В лесу в тумане бродить — себя не жалеть. Придется вам, барышня, еще пару кронодоров накинуть за беспокойство!

Когда ноги, наконец, ступили на ровную землю, я была мокрая как мышь. На ладонях у меня места живого не осталось. Острые камни резали не хуже бритв.

— Хеймо, погоди! У меня есть бинт. Мне нужно позаботиться о руках, — попросила я сквозь стиснутые зубы.

— Некогда! Дома лечиться будете. Смотрите, что делается!

Я оглянулась и поежилась. С левой стороны холма показались первые лазутчики. Ключья тумана катили низкими волнами, на вид не быстро, однако уже через минуту одна сосенка исчезла в мутном мареве, за ней вторая.

Мы почти бегом миновали опушку и нырнули в лес.

И сразу на нас обрушилась тишина. Исчезли все звуки, ни скрипа веток, ни шороха листьев... Лес словно готовился к чему-то страшному.

Мы торопливо шагали, убегали от тумана, но оторваться от него не смогли. Скоро я обнаружила, что бреду по колена в белесом киселе, потом он поднялся до пояса. Словно в море заходишь, и кажется, что через миг тебя поглотит бездна, сомкнется над головой, лишит остатка воздуха.

Приключение принимало дурной оборот, и все стало совсем плохо, когда туман нас догнал.

* * *

Я потеряла своего проводника.

Случилось это так: туман навалился на нас, как плотное одеяло. Точнее, как гигантский осьминог, живое, многоногое, мокрое чудище. Его щупальца заползли за шиворот свитера, в нос и рот, залепили глаза. Волосы вмиг стали влажными, тело охватил озноб.

Туман притупил все чувства — слух, зрение, обоняние. Даже кожа онемела. Я не видела ничего на расстоянии вытянутой руки, не различала ориентиров.

Деревья превратились в призраков, которые внезапно появлялись перед лицом и так и норовили хлестнуть веткой или зацепить ногу корнем. Что и произошло: я споткнулась, чудом не упала, ухватилась за шершавый ствол, а когда выпрямилась, рядом никого не было. Хеймо ушел вперед, и как я не напрягала слух, звук его шагов не уловила.

— Хеймо! — крикнула я, и мой голос прозвучал глухо.

— Эй! Я тут! — слабо донеслось слева. Или сзади?

Подумав, пошла налево, вытянув руки, как слепая. Поначалу я не испытывала страха, только удивление и досаду. Все было как во сне; я очутилась в неведомом мире. Тут непонятно, где верх, где низ, где запад, где восток! Ничего не разобрать! Ничего не видать — перед глазами бесконечная серая пелена!

И ни следа Хеймо!

* * *

Однако я упорно шла вперед. Ползла как черепаха. Все движения были замедленными — ну точно как в кошмаре, когда хочешь убежать от кого-то, а ноги тебя не слушаются!

Ползла в мешок за компасом и чертыхнулась, вспомнив, что он остался у Хеймо. Незадолго до подъема на холм мой проводник

попросил рассмотреть блестящую игрушку да и сунул ее в карман, а я и забыла потребовать его обратно.

Ладно, теперь хоть Хеймо знает куда идти и не пропадет, утешила я себя. Однако мое положение было плачевным. Остаться на месте и ждать, когда туман развеется и меня найдут? И сколько придется ждать? Я околею от холода. Хоть бы к холму вернуться — все-таки на возвышении спокойнее!

Скоро горло заболело от криков. Иногда казалось, что я слышу ответный зов, но откуда он долетал, я не понимала.

Пожалуй, лучшим решением будет не отходить далеко от места, где мы с Хеймо разминулись. Десять шагов вперед, десять налево — от одной сосны ко второй, потом к третьей, и вернуться к первой. Попрыгать, сделать десяток приседаний, чтобы разогнать кровь и согреться.

Я развлекалась таким образом с полчаса, а потом не нашла дороги к первой сосне. Можно подумать, она убежала от меня в тумане. Вот оно, значит, как бывает — заблудиться в трех соснах. И вокруг тысячи других сосен!

Я слепо побрела вперед, в клубящейся туман, каждую секунду опасаясь налететь лбом на невидимое препятствие или провалиться в яму у корней.

Вокруг с легким шорохом сыпались с веток капли, в траве слышалось едва заметное движение, и казалось, что повсюду в лесу шла своим чередом тайная и непонятная человеку жизнь.

Одна радость; туман вроде как чуточку поредел. Стало видно, что пейзаж изменился; сосны маячили вдалеке, вокруг вздымал ветки низкий кустарник. Пару раз я приняла кусты за человека и перепугалась до безумия.

В белесой пелене все мне чудились то живые тени, то мертвые люди. Они гримасничают и грозят костлявыми пальцами, и следят за мной, и ждут, когда я выбьюсь из сил, чтобы утащить за собой.

Это лишь сгустки тумана, убеждала я себя, но почему тогда мне слышится шум чужих шагов?

У самой земли засветились голубоватые пятна. Целые сообщества «волшебных грибов». Здесь они росли привольно, и теперь, напитавшись сыростью и сумерками, начали испускать бледный свет.

Жутко и красиво. Я машинально нагнулась, сорвала парочку грибов и спрятала в карман. Если выберусь из леса живой, принесу на урок.

О, урок будет интересным! Я расскажу ученикам о своих приключениях. Буду подшучивать над собой и смеяться, а потом мы изучим правила поведения в лесу...

И тут впереди показалось что-то высокое и темное. Я вытянула руку и моя ладонь легла на шероховатую поверхность дощатой стены.

От облегчения закружилась голова; вот и охотничья сторожка, о которой говорил Хеймо! Пройди я дальше, попала бы прямо в болота. Мне несказанно повезло! Пересажу под крышей, пока туман не рассеется.

Дверь оказалась не заперта. Я потянула ее и осторожно заглянула в темный проем. Ничего не увидела, достала спички. Спички отсырели, и я извела почти весь коробок, прежде чем добыла слабое пламя. Света хватило, чтобы убедиться: внутри сторожки пусто и уютно.

Ни запаса дров, ни воды. Только пара скамей у стен да стол из досок. Окна заколочены.

Однако паутины не видать, а на столе тускло блеснула жестяная банка из-под консервов. Кто-то тут был, и совсем недавно. Отважный охотник, который не боится ходить в лес? Кто вообще построил эту сторожку?

Я вошла внутрь, но тут спичка зашипела и погасла. Бледно светил прямоугольник двери, через который заползали клочья тумана.

Надо поискать светильник. Но осуществить свое намерение я не успела, потому что дверь сама собой захлопнулась, а снаружи раздался глухой стук.

— Эй, кто тут? — я метнулась к двери. Что было силы толкнула тяжелые доски с прибитой поперечной перекладиной, но дверь не поддавалась. Я толкнула ее второй раз, потом третий, потом ударила ногой, заколотила кулаком — бесполезно!

Меня поймали в ловушку, заперли! Но зачем? Кто шел за мной в тумане? Выходит, мне не показалось: там, в кустах, были люди!

— Хеймо, что за дурацкие шутки! — крикнула я дрожащим голосом. — Открой немедленно!

Никто не ответил, но за тонкой дощатой стеной дорожки прошел человек: под тяжелым сапогом затрещали ветки, потом раздался звон

упавшего ведра и невнятное бормотание. Сделав дурное дело, мой неведомый преследователь шел смело, не таясь, и выругался, когда налетел в тумане на препятствие.

И тут я запаниковала. Заметалась в тесной черноте, била по стенам руками, вопила во все горло. Все было куда хуже, чем в палате лечебницы святого Модеста! Там хотя бы был свет...

Дрожащими руками я выхватила спички, но уронила коробок, и спички рассыпались по полу. Попробовала собрать их вслепую, и обнаружила, что на сыром полу спички промокли и больше ни на что не годились.

Как и мой дар. В крошечной темноте, да в расстроенных чувствах, я не могла вызвать световую иллюзию.

И тогда я привалилась спиной к стене, обхватила колени и заскулила от страха и непонимания.

Что происходит? Почему пришел туман? Как я умудрилась потеряться? Кто запер меня здесь? Что меня ждет?

«Призрачный разбойник Грабб ненавидит колдунов. Ненавидит Одаренных. Он забирает их к себе в лес...»

Ох как не вовремя вспомнились местные легенды!

— Нет! — громко сказала я в темноту. — Это сделал человек! Призраки не пинают ведра и не ругаются при этом как сапожники.

Но много ли я знала о повадках призраков?

Однако не время рассуждать о сверхъестественном. Нужно успокоиться. Как ни слаб мой дар, он может сослужить кое-какую службу. Я могу найти свечу и попытаться ее зажечь. Попробовать сдвинуть доску, что подпирает дверь снаружи — правда, для этого нужно умение манипулировать предметами на расстоянии, которого у меня считай что не было.

Так и иначе, ничего не выйдет, пока мои чувства в смятении. Дыши, Эрика. Размеренно, глубоко. Все будет хорошо. Мне не впервой попадать в сложные ситуации. Выкарабкаюсь и сейчас!

Глаза понемногу привыкли к темноте. Оказалось, что у пола доски стены прилегают неплотно, через зазор в избушку проникает свет. Снаружи все еще стоит день, хоть и притушенный туманом.

Но тут за досками раздались новые звуки — кряхтение, шорох... хрюканье?

Призраки хрюкают? Однако надо упомянуть этот факт в статье. Читателей «Вестника оккультизма» он заинтересует.

Я легла ничком, заглянула в щель и отпрянула, потому что с той стороны в прореху начал протискиваться треугольный влажный пятак! Не призрак, а обычный живой кабан.

— Велли? Вельзевул? — позвала я, и в ответ услышала жадное ворчание.

Глава 15

Монстр и разбойник

Кабан рвался в избушку. Возможно, ему тоже было одиноко в лесу, и он обрадовался, учуяв знакомого человека.

Рыло сопело, хрюкало, усердно тыкалось в щель. Я воспряла духом. Если Вельзевул прорвет дыру, я смогу выбраться наружу.

— Давай, мой хороший! Давай, хрюшка! — подбадривала я его шепотом. Кабан недовольно заворчал. Рыло исчезло, я выругалась от досады. — Стой, свинья! Велли, Велли, вернись!

Перед моими глазами топтались копыта с налипшей грязью и травинками.

Чем бы его приманить? Бутербродом? Эх, лишь крошки остались в мешке!

Но в кармане лежат два «волшебных» гриба. Прошлый раз Вельзевулу они пришлись по вкусу.

— На! Бери! — я достала грибы и положила на землю — но так, чтобы кабан не смог добраться до них сразу.

Рыло показалось вновь и заработало с прежним усердием. Грязь так и летела комьями. И вот в щель протиснулась волосатая морда. Кабан ловко подхватил и грибы, съел и разочаровано хрюкнул. Мало!

Грибов у меня больше не было, но отпускать кабана было нельзя. Что теперь делать?

— Велли, не уходи! — умоляла я в щель, но кабан меня не слушал. Больше его возле сторожки ничто не держало. Что было мне набрать грибов побольше! Что было мне оставить хотя бы один гриб, тогда я бы постаралась на его основе создать иллюзию — копию гриба, и обманула бы Велли!

Грибов нет, но остался их запах. Я поднесла ладонь к носу. От ладони несло мхом с легким привкусом ацетона. Для животных куда важнее аромат пищи, а не ее вид. Попробую создать иллюзию запаха. В этом я не сильна, но многого мне и не надо. Всего лишь убедить кабана, что грибов тут еще много.

Я зажмурилась и начала вызывать в голове образ грибного запаха. Мой Дар то появлялся, то гас, дело шло медленно. Но мало-помалу вся

избушка наполнилась мшисто-ацетоновым запахом, так, что даже дышать стало трудно.

Кабан возбужденно захрюкал. Он даже тоненько повизгивал от нетерпения. Атаковал землю, работал рылом, помогал копытами. Под конец рассердился, подцепил клыком край доски и дернул.

Сообразительный какой! Я изо всех сил налегла на доску со своей стороны, пока та не оторвалась.

Кабан утробно зарычал, не обнаружив награды, возмущенно фыркнул и отошел искать в другом месте. Теперь под стеной имелась глубокая яма. Я распласталась и поползла. Зазубренные края доски зацепились за свитер, ткань трещала, но я работала руками, ногами, тяжело дышала и запрещала себе думать о том, что будет, если застряну.

Кабан топтался неподалеку, но ближе не подходил. Впрочем, к лучшему. Сейчас мне не до игр со свиньями. Надеюсь, Велли не захочет отомстить мне за обман.

Последний рывок, и я на свободе! Вскочила на ноги, прихватила мешок и пустилась в туман очертя голову.

Бежала не разбирая дороги. Тот, кто запер меня в избушке, мог вернуться и обнаружить пропажу. И пуститься в погоню. Мне не хотелось выяснять мотивы его поступка при личной встрече.

Серое марево никуда не делось. Деревья терялись в нем, по сторонам мелькали лишь темные силуэты стволов. Казалось, чаща безмолвно наблюдает мой бег, а вместе с туманом среди деревьев разлилось что-то незримое и смотрит на меня тысячью глаз.

Но тут под подошвой чавкнуло, мох упруго подался под ногой, и носок мигом промок. Почва сделалась болотистой. Я перепугалась, что забрела в мшары, и вспомнила книгу, где героиня попала в трясину. В книге в последнюю минуту, когда грязь уже заливала героине ноздри, примчался герой и вытащил страдальицу, но мне на такой исход рассчитывать было нечего.

На ботинки налипла грязь, приходилось выдирать ноги с усилием. Я шла, опустив голову, но встрепенулась, когда впереди раздался протяжный стон.

Подняла глаза, а когда увидела, что происходит, схватилась за грудь. Мне казалось, я должна держать свое сердце, чтобы оно не

вырвалось наружу от дикого страха. В горле моментально пересохло, поджилки затряслись, и я не могла сделать ни единого движения.

А тем временем передо мной, на расстоянии не более десяти локтей, поднималось существо, страшнее которого и вообразить сложно.

Туман разошелся, как занавес в театре. Мох вздыбился, пополз вверх; кусты затрещали, накренились, длинные корни потянулись из земли, полетели в стороны комья дерна.

Медленно, но неотвратно прямо из земли восстал жуткий монстр в два человеческих роста.

Ветки, переплетенные корни, лоскутья мха складывались в фигуру с длинными руками и ногами. Но среди веток торчали и белые кости. В грудную клетку набилась грязь и сухие листья, на плечах чудовища росли поганки. А из плеч вытягивалась шея, которую венчал череп. В глазницах синим горели два «волшебных» гриба, из разверстой пасти текла болотная вода.

Зрелище было настолько невероятным, что на мгновение любопытство даже возобладало над испугом: что это, черт побери, такое?

Я слышала свои мысли словно со стороны.

Это сам ужас. Призрак леса. Но этого не может быть! Как эта махина движется? И почему она скрипит, стучит и звенит, как расстроенная и несмазанная швейная машинка?

Чудовище и вправду издавало странные звуки. Но потом оно подалось вперед, дерганым движением выпростало руку с дюжиной пальцев, зубастая челюсть в черепе открылась с утробным рычанием, и больше я не задавалась вопросами.

Повернулась и кинулась прочь, леденея от ожидания того, что сейчас этот монстр схватит меня длинными гибкими пальцами и утащит в болото, в гости к разбойнику Граббу!

* * *

Глаза застилал пот, каждый нерв дрожал от ужаса, хотелось упасть, закрыть голову руками и крепко-накрепко зажмуриться. Но ноги исправно несли меня прочь и, к счастью, в верном направлении.

Я удалялась от болота, почва стала суше, да и деревья малость расступились, благодаря чему я не врезалась лбом в твердый ствол и не вышибла глаза веткой.

Постепенно шаг замедлился, грудь рвало огнем, дыхания не хватало. Я не ощущала ничего, кроме невероятности происходящего. С утра все было привычно и обыденно, и прогулка не предвещала дурного, но теперь вокруг страшная сказка. Колдовской туман, заброшенная избушка в лесу, почти разумный кабан, а теперь еще и монстр из болот!

Может, я свихнулась? Может, я брежу?

Или на меня навели морок? Даже в припадке безумия я старалась найти логическое объяснение происходящему.

Что, если в лесу прячется сильный сенситив с даром создавать иллюзии? Нет, болотный монстр не был иллюзией! Столько деталей, и все органы чувств были задействованы — я слышала скрип, треск, ощущала запах болотной грязи и травы, когда чудовище зашевелилось! На мой ботинок упал комок дерна, а в лицо летели капли воды!

Но что, что это было?! Привидение? Слуга призрачного разбойника? Похожее чудовище показывал Анвил в своем миниатюрном театре. Выходит, видели его и до меня, и в легендах он упоминается!

Эх, у меня же фотографическая камера есть! Надо было не бежать как умалишенная, а сделать снимок!

— Эй! Эге-гей! Ау-у-у! — раздалось из тумана, и я встала как вкопанная.

Это не Хеймо, хотя голос кажется знакомым! Враг или друг? Откликнуться или спрятаться? Может, меня ищут? А если ищут, не чтобы спасти, а чтобы вернуть в лесную избушку и запереть?!

Вспомнив непроглядную темноту временной тюрьмы, я пошла быстрым шагом прочь. Но в этот раз чувство направления подвело меня, потому что нежданнонегаданно в тумане возник темный силуэт, а в следующую секунду я налетела на твердую как камень грудь.

— Попалась! — зловещим тоном сказал мне в ухо низкий глуховатый голос, а крепкие руки схватили меня за плечи.

От испуга я уронила мешок, вскинула голову и увидела человека, которого меньше всего ожидала встретить.

В первую секунду я не узнала Роберваль; он был одет как лесоруб — в свитер и грубые брюки, на голове картуз, и выражение на его лице было другим, куда более зловещим, чем прежде, отчего я запаниковала с новой силой. С самой первой встречи он вызвал у меня настороженность и обещал неприятности, и сейчас он появился в лесу так необъяснимо, что я уверилась: передо мной враг, а не друг!

Теперь все в нем мне казалось вдвойне опасным — и черные непроницаемые глаза, и неуловимая усмешка на губах, и бледный шрам на лице! Да он точная копия разбойника Грабба, и он не мое спасение, а моя погибель! Это он запер меня в той избушке, кто же еще!

Сердце пустилось галопом.

Меньше всего мне хотелось оказаться придушенной в лесу этим оборотнем, поэтому изо всех сил рванулась из его рук, но Роберваль лишь крепче сжал ладони, да еще и чувствительно встряхнул меня. В голове что-то щелкнуло; я ощутила себя в западне. И тогда я изо всех сил толкнула его кулаком в грудь, а носком ботинка ударила в голень. Мной владело одно чувство — освободиться во что бы то ни стало!

Противник охнул, но хватки не ослабил; я исхитрилась и пнула его еще раз, отпрянула, споткнулась о корень, и мы рухнули на землю. От удара из груди разом вышибло весь воздух, и вдохнуть не получалось, потому что сверху меня придавило тяжелое мужское тело.

— Успокойся, глупая женщина! — яростно приказал мне злодей.

* * *

Я извивалась и брыкалась, пиналась и уворачивалась, но Роберваль действовал быстро и безжалостно. Он сжал мои запястья мертвой хваткой и пригвоздил к земле, коленом придавил мои ноги и приподнялся. Я смогла с хрипом втянуть воздух и выпалить:

— Отпусти, подлец! Чертов разбойник!

Черные глаза смотрели на меня сверху вниз с озадаченным любопытством.

— Разбойник? — переспросил Роберваль. — Ты правда так думаешь? Ладно, если я разбойник, что, по-твоему, я сейчас с тобой собираюсь сделать?

— Убить? — предположила я, тяжело дыша и облизывая губы.

— Не угадала, — ответил Роберваль. — Есть и другие варианты.

Всерьез он говорил или насмехался, но от его интонации бросило в дрожь. С его глазами что-то произошло: будто угли вспыхнули, и меня обожгло бушующим пламенем.

Он наклонился ближе к моему лицу. Я видела, как от движения под свитером заходили мускулы на его груди и плечах, а от пронзительного взгляда у меня аж сердце стиснуло, в животе задрожало, и жар побежал по жилам. Смесь ужаса и трепета заполнила душу, но я не стала копаться в собственных чувствах, а вместо изо всех сил постаралась вернуть себе спокойствие и рассудительность.

Будь я проклята, если буду умолять его о жалости.

— Что тебе нужно? — спросила я как можно тверже.

Роберваль помолчал, а потом поерзал, устраиваясь поудобнее, и прижался ко мне куда крепче, чем требовалось, чтобы удержать меня на месте — к тому же я больше не делала попыток сопротивляться. Я чувствовала, как вздымается его грудь от дыхания, и даже слышала биение его сердца.

Наконец он заговорил: с тягучей насмешкой и легкой хрипотцой в голосе:

— В данный момент мне непросто ответить на этот вопрос. События приняли неожиданный оборот. Но час назад я отправился в лес, чтобы найти потерявшуюся учительницу и вернуть ее в город.

— Почему? — удивилась я, дыша так же глубоко, как и он.

События развивались очень странно, и удивительнее всего было то, что теперь я не чувствовала страха, а дыхание мое сбилось, и сердце стучало неровно отнюдь не от опасения расстаться с жизнью.

— Что почему? — ответно удивился Роберваль. — Надо было бросить тебя в лесу на произвол судьбы? Степпель бы мне этого не простил. И Регина бы расстроилась. И опять пошли бы слухи о призраке разбойника.

Я молчала, и Роберваль сжалился и перестал говорить загадками.

— Я сидел в трактире. Собирался съездить на участок осмотреть новую делянку, но поднялся туман. Пришлось задержаться и заказать пива. Завалился Хеймо и начал орать, что тебя забрали призраки. Поскольку других желающих отправляться в лес не нашлось, я пожертвовал досугом и бросился спасать деву в беде. Теперь жалею о

своим благородным порыве. Ты мне так врезала по ноге, что буду хромать неделю.

— Отпусти меня.

— А ты не будешь драться?

— Не буду, если не потребуется. Поэтому никаких обещаний.

Он медленно встал, подал мне руку и помог подняться. Тут я осознала, что туман рассеялся как по волшебству, косые лучи вечернего солнца пронизывают крону и покрывают траву яркими пятнами.

— Понимаю, что вы испугались и поэтому болтали ерунду, госпожа Верден, — сказал Роберваль, вернувшись к подчеркнутой вежливости. — Честное слово, я искал вас, чтобы вывести к людям.

— А вместо этого напугали. Что за манеры разбойника!

— Виноват. Что с вами случилось?

— Много чего, — ответила я угрюмо, решительно не представляя, как теперь себя вести, и принялась очищать юбку от сора. Я была красной, грязной, мокрой и жалкой; волосы торчали клочьями, руки в запекшийся крови от порезов. Роберваль наблюдал за мной с кривой улыбкой, и я всей кожей чувствовала его взгляд. По спине у меня точно электрические искры бегали.

— Вижу, вы попали в серьезную переделку, — подвел Роберваль итог наблюдениям. — Испугались тумана? Или видели что-то еще?

— А что, по вашему, я должна была увидеть в этом лесу? — я выпрямилась и смело посмотрела ему в глаза. Роберваль спокойно пожал плечами.

— Местные говорят, что частенько встречаются тут призраков.

— Я тоже их встретила.

— Да ну?

— Не верите? А еще меня заперли в лесной сторожке. Кто — не знаю. Подозреваю вас.

— Зря подозреваете. Когда это случилось?

— Час или два назад. Или три...

— В это время я пил пиво в трактире. Как вы сбежали?

— Устроила подкоп. Почему вы один пошли в лес в такой туман? Вы не испугались заблудиться как остальные?

— У меня отличное чувство направления. Лес знаю как свои пять пальцев. Правда, в этой части бывал редко. Вы почти добрались до

болот и особняка Грабба. Еще с пол-лиги, и сами бы нагрянули к нему в гости. Если бы раньше не утонули во мшарах.

— А вы бывали в лесном особняке?

— Ни разу, но на днях собираюсь наведаться. Как-никак, это моя собственность.

— Что?!

— Эта часть леса принадлежит мне. Выкупил ее пару месяцев назад. Кроме того, семейная легенда гласит, что Грабб был нашим предком. Так что вы почти угадали: разбойники в моем роду были.

Он усмехнулся моему удивлению.

— Пора возвращаться в город. Потом расскажете, что с вами произошло. Будет интересно послушать и понять, что из этого правда, а что — фантазия.

* * *

— Идемте, — велел Роберваль, и я покорно поплелась за ним.

Он шел по лесу так уверенно и спокойно, что сразу становилось ясно: тут ему ничего не страшно. Оставалось надеяться, что он не обманет меня и выведет в город.

Я угрюмо смотрела в его спину и мучительно старалась понять, не дурит ли Роберваль мне голову. Каждое его слово, казалось, имело двойной смысл. Ох и непрост этот лесоруб-богатея, потомок разбойника, ох и непрост...

А лес кругом был тих и прекрасен. Куда делось мрачное царство, полное чудовищ? От тумана и следа не осталось, золотое вечернее солнце весело светит сквозь крону, трава и листья влажно поблескивают, воздух чист и свеж. Колдовство да и только.

Мы шли новой дорогой и уже через полчаса показались опушка леса и пустырь за ней. Но в город мы попали не со стороны кладбища, а через выгоны.

— Вы устали? — вдруг остановился Роберваль, когда мы достигли городской водокачки и низкого кирпичного здания прачечной.

— Ни капли, — гордо ответила я, хотя в боку колело.

Роберваль взял быстрый темп, а я уже и без того и набегалась, и напозлалась, и налазилась так, что теперь, наверное, неделю буду ходить скрючившись, как старуха Барток. Гимнастические занятия в академии плохо подготовили меня к приключениям. Надо написать письмо нашему инструктору по гимнастике и предложить ему новую программу. Выпускникам академии пригодятся прыжки на сарай, взбирание на холм, рытье подкопов и забеги по болотистой местности от монстров. Ах да, еще и навыки рукопашной схватки с разбойниками.

— Неправда, — заметил Роберваль. — Вы бледная и у вас дрожат руки и ноги. Мы рядом с трактиром. Давайте зайдём и выпьем чаю. Заодно побеседуем о ваших приключениях. Потом провожу вас до дому.

— Ладно, — сдалась я. — От чая не откажусь.

Роберваль галантно открыл дверь в «Хмельную корову» и пропустил меня вперед.

— Вы нашли ее, господин Роберваль! — обрадовалась хозяйка. — Я в вас не сомневалась.

— Вас не забрал к себе безглазый?! — Хеймо соскочил с высокого стула у барной стойки и ринулся ко мне.

— Как видишь, нет, — сердито ответила я.

Роберваль невозмутимо, почти без размаха, врезал Хеймо кулаком по лицу. Хеймо охнул, попятился и ударился спиной о стойку. Зазвенели бутылки, упали и покатались стаканы.

— Эй, парни, а ну тихо! — прикрикнула хозяйка, ловко поймав кружку. — На улице будете разбираться. Сейчас подам вам чай. И закусить, господин Роберваль?

— И закусить, — согласился он.

— За фто, госфодин Роберфаль? — обиженно сказал Хеймо, озабоченно ощупывая зубы.

— За твои услуги проводника. За глупость и трусость. Сколько задатка заплатила тебе госпожа Верден?

— Пять кронодоров.

— Давай сюда.

Хеймо, тяжело вздыхая, порылся в кармане и протянул Робервалю мятую банкноту. Тот бумажку взял и галантно передал ее мне.

— И еще компас Анвила, — напомнила я. Хеймо угрюмо полез во второй карман.

Роберваль проводил меня к столу, где через пять минут появилась тарелка с холодной говядиной, пирогами, и кружки с чаем, крепко сдобренным смородиновой настойкой.

Я взялась за кружку и ойкнула: ладони у меня были исцарапаны и стерты до мяса.

— Госпожа Лумм, принесите еще бинтов, воды и можжевелевой мази, — приказал Роберваль хозяйке.

Передо мной поставили миску с теплой водой, Роберваль сел рядом, жестом приказал опустить в воду руки и взялся промыть и забинтовать мои раны.

Работал он со сноровкой. Я морщилась и вздрагивала от его прикосновений, хотя Роберваль обращался с моими руками мягко, почти ласково. И вдруг мной овладело глубокое смущение — непривычное для меня чувство.

Но уж больно странно было все: я только что пережила дикое приключение, а теперь сижу в трактире с отцом своей ученицы, с человеком, который вызывал у меня тысячи опасений и которого я недавно от души поколотила. И вот его твердые пальцы перебирают мои пальцы, и проводят по ладоням, и трогают запястье, и он наклоняется ко мне так близко, что, когда рассматривает раны, почти касается подбородком моих волос.

— Готово, — он закончил втирать лечебную мазь и несколько раз обернул мои кисти полоской бинта. — Теперь будем есть, пить и разговаривать. Давайте, выкладывайте, как на духу. Где были в лесу, что видели, от кого убегали. Только без истерик и слез. Мне их и от дочери хватает.

— Истерик вы от меня не дождетесь, — пробормотала я, вздохнула, подумала и начала рассказывать.

* * *

Роберваль слушал меня внимательно, не перебивая, на его лице опять застыла маска. Но когда я дошла до описания болотного монстра, его брови взлетели чуть не до волос.

— Ну, и как вы все это объясните, господин Роберваль? — сурово потребовала я, завершив историю.

— Корнелиус. Зовите меня Корнелиус, Эрика, — сказал он и покрутил в руках кружку с чаем. Неторопливо отхлебнул, вздохнул и нахмурился. — Если честно, звучит неправдоподобно, — признался он. — С другой стороны, немало я слышал похожих рассказов от местных. О призраках, чудовищах. Но сам ничего подобного не встречал. И потому вот мой вывод: в болоте вы увидели дерево. Остальное дорисовала ваша фантазия. Которую хорошенько подпитали местные легенды. Вы устали, переволновались, да еще туман способен на разные фокусы...

— Дерево шевелилось!

— Почва могла просесть. В болотах бывают такие... шевеления. Или дерево могло подгнить и зашататься. И опять же, движение сгустков тумана...

— А череп на дереве?

— Оленя.

— Но кто запер меня в охотничьей сторожке?!

— Никто. Дверь захлопнулась от ветра и застряла. Вы же никого не видели!

— Но я слышала!

— ...Как кабан бродил и хрюкал.

— И ругался?

— Можете повторить хоть одно слово? Или было неразборчивое бормотание?

Я презрительно фыркнула и замолчала. Но рассуждения Роберваля зародили во мне сомнение. Уж очень хотелось услышать нормальное, логичное объяснение этой чертовщины... И я его услышала. И была готова поверить.

Я так и эдак повертела в голове доводы Роберваля. Да, толковое объяснение. Однако есть в нем и слабые места.

— Значит, вы тоже считаете, что заблудившиеся в лесу люди дурели от страха и потом сочиняли разные глупости?

— А кто еще так считает?

— Господин Анвил.

— Ясно. Я с ним согласен. Ведь так и рождаются сказки о леших и болотных духах, — заявил Роберваль, доставая трубку и кiset. При

этом он небрежно дернул подбородком — в этом жесте читалась и снисходительность, и легкая насмешка.

— Слушайте, господин Роберваль...

— Корнелиус.

— Корнелиус. Но все же у вас в городе творятся странные дела.

— Да. Если вас это пугает, почему бы вам не вернуться в столицу? Или вы вознамерились вести расследование? Глупая затея. Оставьте нам самим решать наши странные дела. Если вам так приспичило стать журналисткой, в Сен-Лютерне куда больше сенсаций. Вот, взять этого преступного гения, как его, Химераса... человека со ста лицами. Писаки утверждают, он носит каучуковые маски и может оказаться кем угодно — рассыльным, министром или священником. И тоже охотится на Одаренных — использует их таланты, чтобы грабить и убивать. Сколько сногшибательных репортажей можно сочинить! Для этого даже не нужно подвергать себя опасности. Достаточно подкупить пару полицейских, и они наболтают вам сто корзин вздора за ваши десять монет.

Он достал кусок проволоки, покрутил в мундштуке, растер в ладони немного табака и принялся не спеша набивать трубку. Затем вынул зажигалку и чиркнул колесиком. Я помахала ладонью, разгоняя смолистый табачный дым.

— Вы что-то недоговариваете. Я вам не доверяю.

— Правильно делаете.

— А может, вы и есть Химерас? — усмехнулась я. — Человек в маске? Используете местные суеверия, чтобы запугивать горожан и проворачивать в глуши темные делишки.

— Я бы тогда выбрал маску без этого милого украшения, — он ткнул пальцем в шрам на щеке.

— Как вы его заработали? В драке? Или на лесопилке?

— От руки близкого человека.

Он спокойно перекатывал в зубах янтарный мундштук и смотрел на меня не мигая.

— Почему вы не любите Одаренных, Корнелиус? — тихо спросила я. — Одаренной была ваша жена?

Он ответил не сразу. Затянулся, постучал трубкой по каминной решетке и вытряхнул пепел.

— Да. Клэр была Одаренной. Очень слабой. Хроновидцем. Но очень гордилась своим даром и хотела достичь большего. И поэтому еще в юности пристрастилась к вытяжке из *magicus boletus*. Знаете, что это такое?

— Да, — ответила я робко. Я уже пожалела, что начала расспрашивать его. — Так называемые «волшебные» грибы. Экстракт из них временно усиливает способности Одаренных.

Он кашлянул, потер лоб и продолжил:

— Верно. И при этом губит их здоровье и разум. Поначалу Клэр достигла больших успехов. Занялась наукой, исследовала свойства эфирного поля, даже в Академии одно время преподавала. давно, еще до того, как вы там учились. Но постоянно принимала то зелье. Я ругался, уговаривал, запрещал, искал ее поставщика.., бродил по притонам. бесполезно. Последний год своей жизни Клэр сутками ходила не в себе. Зрачки расширенные, кожа белая, голова полна видений. Стала нервной, ревнивой. Все пыталась своим даром хроновидца увидеть, не изменяю ли я ей.

Он остро глянул на меня и глухо сказал:

— Если вам любопытно — нет, не изменял. Я любил жену. До момента, когда она взяла нож и распоролла мне лицо. А потом с этим самым ножом пошла в комнату нашей дочери. Мозги у Клэр совсем размягчились. От помощи она отказывалась. Твердила, что я ей завидую. Тогда я определил ее в лечебницу святого Модеста...

Я не удержалась и охнула, но тут же крепко стиснула зубы.

— ...Надеялся, что ей там помогут. Но она и там как-то достала зелья, приняла слишком большую дозу и умерла.

— Простите... — пролепетала я. — Я не хотела вас расстроить. Мне очень жаль... А Регина?

— Что Регина? Она плохо помнит мать. Та ей не занималась. Когда Регина родилась, я взял на себя все — поиск кормилицы, няньки. Клэр редко заглядывала в детскую. Но вы понимаете, чего я боюсь. Того, что Регина могла унаследовать склонности моей жены. И ее дар. Слишком много горя он нам принес. Говорят, все люди Одаренные в той или иной степени. Если дар не развивать с детства, он погаснет даже у самых талантливых сенситивов. Пока, конечно, рано говорить об одаренности моей дочери. Ей всего восемь. Как, кстати, она успевает на ваших дополнительных занятиях?

— Неплохо... как все остальные дети. Ей нравится заниматься. Вот кто из детей Одаренный, так это Ланзо. Никаких сомнений.

— Так я и думал. Непростой мальчик.

— Да, непростой... Но что вы собираетесь делать с Региной дальше? Если она окажется Одаренной?

— Я все еще размышляю.

Он повел плечами, как будто его знобило, убрал трубку в футляр, поставил локти на стол и сцепил пальцы. А потом глянул на меня в упор и сказал резко:

— Откровенность за откровенность. Какие тайны скрываете вы, Эрика? Ни за что не поверю, чтобы Одаренная добровольно выбрала карьеру уездной учительницы. Зачем вы сюда приехали? От чего или от кого скрываетесь?

Я молчала. После той истории, что он мне рассказал, мне было бы вдвойне тяжелее исповедоваться. У его жены и у меня было слишком много общего. Но в то же время мы были совершенно разными.

Молчание затянулось, Роберваль откинулся на спинку стула и скрестил руки на груди.

— Ясно, — сказал он. — Ладно, не буду настаивать. Идемте. Провожу вас домой.

Он подозвал хозяйку и потребовал счет.

— Сколько вы заплатили за мой обед? Вот, возьмите... — я полезла в кошелек.

— Бросьте, — он нетерпеливо дернул головой и встал. Я пристыженно спрятала кошелек.

После моего отказа делиться секретами, его манеры изменились, стали подчеркнута холодными, а глаза мертвыми и враждебными. Возможно, он сожалел о своей откровенности. Я недоумевала: зачем он рассказал о своей жене и ее пороке?

До Кривого дома мы шли молча. У крыльца Роберваль остановился и критически осмотрел кривые стены и косые окна, потом усмехнулся.

— Да, дом неказист.

— Мне тут уютно.

— Ну что за желание вечно противоречить и показывать, что вы всем и всегда довольны? Ни за что не хотите признаться даже в маленькой слабости.

— Не люблю ныть и жаловаться. Да и жаловаться мне не на что.

Он еще раз оглядел дом, повернулся, изучил пустынные окрестности.

— Что ж, мне пора. Регина ждет. Не забудьте крепко запереть дверь, Эрика. И если что-то случится... знаете, где мой дом?

— Нет.

— В конце главной улицы. Впрочем, вряд ли вы прибежите за помощью. Не в вашем это духе, верно? Будете погибать гордой и несломленной.

— Не считайте меня идиоткой. В случае опасности я позову на помощь. И... я очень благодарна вам, что вы нашли меня в лесу. Спасибо, господин Роберваль.

— Корнелиус, — напомнил он неприязненно. — Спокойной ночи.

— Спокойной ночи... Корнелиус.

Глава 16

Дела хозяйственные и педагогические

Я зашла в дом и закрыла за собой дверь. Прислонилась к стене и сползла на корточки.

Ну что за день! Поверить не могу, что он закончился.

Посидев так минут десять, со стоном поднялась, разожгла печь и светильник. Осторожно выложила на стол фотоаппарат. Завтра отнесу его Анвилу и попрошу проявить фотографии. И сяду за статью! Она выйдет сенсационной.

Но что я напишу? Правду о том, что увидела? И постараюсь дать всему разумное объяснение? Или мистическое, чтобы угодить редактору «Вестника оккультизма»?

Голова была тяжелой, как чугун. Хотелось поскорей упасть на подушку и забыться. Но при мысли о том, что я опять осталась одна, и страшный лес совсем рядом, там, в темноте, становилось страшно закрывать глаза.

Морщась от боли в ладонях, я умылась; бинты промокли, кожу защипало по новой, но менять повязку не было сил. Расстелила кровать, плотно задернула занавески и, когда приготовилась отойти от окна, услышала странный шум.

Хрюканье, топот и шебуршание. Уже догадываясь, кого увижу, прильнула к стеклу носом.

Так и есть: Вельзевул. Свин бродил под окнами и чесал спину о доски. Ну какое сообразительное животное! Из всех домов в Крипвуде выбрал мой, когда решил вернуться к людям.

Делать нечего: я высыпала в таз сухари, залила водой, вышла на крыльцо и поставила таз на землю.

— Велли! — позвала я. — Кушать подано.

Свин с топотом вырвался из темноты и погрузил морду в месиво, но тут же недовольно заурчал.

— Лопай, что дают, — посоветовала я. — Вкусных объедков у меня не водится. Завтра тебя заберет хозяин.

Пошла к двери и в последний момент успела отпихнуть Вельзевула, который вознамерился прошмыгнуть в комнату вместе со

мной.

— Кыш! — грозно сказала я. — Охраняй дом!

Кабан понурился и забился в яму у крыльца. Я тоже отправилась на боковую. Неожиданно стало легче от мысли о том, что я теперь не одна, за стеной спит двухсотфунтовый кабан с мощными клыками.

Кровать показалась такой теплой и уютной, что я свернулась калачиком и моментально заснула.

* * *

Старик Герхард вовсе не обрадовался возвращению кабана.

— Значит, к вам прибился, шельмец, — пробурчал он и надвинул на лохматые брови картуз. Пожевал морщинистыми губами и задумчиво посетовал:

— Вот ведь незадача. Вы его как, в сарайке заперли?

— У меня нет замка на сарайке. Утром Вельзевул ушел в лес, но вечером, думаю, прибежит. Вчера так было. Приходите и забирайте вашего кабана.

— Да на кой он мне сдался? — воинственно спросил Герхард. — Жилистый, сала на нем с шиш. Характер сволочной. Постоянно соседские огороды травил, а мне расхлебывай. Ну ладно, коль заплатите пару кронодоров, отвезу его на бойню.

— На бойню?

Мне стало не по себе. Ну конечно, для чего еще люди держат свиней, как не для мяса? Не для красоты же и приятного досуга с питомцем.

Но Вельзевул спас меня в лесу и был сообразителен, как собака. Он всю ночь спал у моего крыльца, в выходной день бегал по двору, пока я хлопотала по хозяйству, смотался в лес подкрепиться, к ночи вернулся, опять завалился в яму, а утром рабочего дня встретил радостным хрюканьем и проводил до колонки, а потом и через пустырь до города.

От старика не укрылось мое огорчение.

— А то оставьте его себе, — благодушно разрешил он, хитро прищурился и поскреб пятерней в бороде. — Будет у вас хозяйство. В

городе многие живность держат. Госпожа Барбута уток разводит, у прачки крольчатник.

— Мне его кормить нечем.

— Он дикий наполовину, летом сам кормится. А потом купите отрубей, ячменя... свеклу, картофель опять же.

Я представила себя в роли фермерши с вилами наперевес, по колено в навозе, и с сомнением покачала головой.

— Ладно, значит, вечером заберу его, — смирился Герхард, и я, недовольная исходом разговора, пошла на службу.

Ноги переставляла еле-еле. После субботних приключений болело все: спина, шея, руки. На велосипед сесть не рискнула, и поэтому дорога до школы заняла вдвое больше обычного. Шагала медленно, морщась, стараясь держать спину прямо.

В классе меня сразу обступили ученики и начали взахлеб расспрашивать:

— Вы в лес ходили? Вы там потерялись? В тумане? Что вы там видели, госпожа Верден? Привидений встретили? А безглазого? Он вас не забрал?

— Как видите, не забрал, — строго ответила я. — Я немного заблудилась, но потом мне помогли найти дорогу домой. Призраков не встретила.

Про болотного монстра решила не рассказывать. Хватит того, что Роберваль в курсе. Ну, может, поделюсь потом с Анвиллом. Его практичный ум мог предложить толковое объяснение моего видения.

— А дом Грабба видели?

— Издалека. Садитесь! Сегодня мы напишем сочинение о красоте осеннего леса. Так и быть, расскажу, что видела в лесу.

Я говорила не спеша: о том, как шумят сосны, и вершины их прячутся среди облаков, а солнце золотит стволы; как пышно растет папоротник, и как мягко пружинит под ногой мох. Ни о тумане, ни об оживших тенях, ни о липком первобытном страхе потерянного путника упоминать не стала.

Но все же завершила рассказ наставлениями о том, как не заблудиться в тумане. Сама-то я прекрасно знала эти простые правила — не ходить без провожатого, двигаться по ориентирам, а лучше — оставаться на месте, — но позавчера все пошло наперекосяк, и ошибок

я наделала немало. Отчего мне было немного неловко наставлять детей в том, в чем дала маху.

Да я и так самозванка, подумала горько. Слабый, беспомощный сенситив, но учу других творить «магию». Бестолковая горожанка, а выбрала темой урока выживание в лесу. Не обзавелась друзьями, порвала с родней, а учу детей дружбе, взаимовыручке, уважению и пониманию.

Разве может быть учителем человек, который и сам ничегошеньки не знает, и ни в чем не преуспел, и мудрости житейской не набрался?

— А теперь пишем сочинение на сто слов. Тема: «Что такое лес?» — закончила я убитым голосом. Не иначе как дурное физическое состояние сказалось — на душе было уныло.

Дети засопели, зашелестели тетрадями. Дитмар тут же посадил огромную кляксу и быстро, пока никто не видел, вырвал лист.

— Владислас, убери нос из тетради Ады! — пригрозила я. — Пиши свои мысли.

— Так несправедливо, — заявил сын аптекаря. — У Ады отец на лесопилке работает, точильщиком. Она много про лес знает!

— Папа обещал устроить вам всем экскурсию на лесопилку, — высокомерно сообщила Регина, а я приятно удивилась. Значит, Роберваль решил уважить мою просьбу!

— Давайте тогда потом напишем сочинение, после экскурсии! — тут же предложил предприимчивый Дитмар.

— Потом мы напишем другое, о промышленности вашего края. Дитмар застонал и уткнулся в тетрадь.

* * *

На дополнительном занятии я и моя маленькая команда «магов» обсуждали «волшебные» поделки к осенней ярмарке.

Сначала отправились в пристройку, где размещался живой уголок. Тут в клетках жили пушистые кролики.

— Вот мои, — Ада хозяйским жестом указала на три лопоухих комка шерсти. — Хруст, Хвост и Пончик. Но надо придумать им другие имена, как у эльфов. Хрусту дадим страшное имя. Он

черненький, значит, будет темный и злой эльф. Вчера я была у Регины в гостях, мы шили им наряды для ярмарки!

Регина кивнула, подтверждая — да, были и шили!

— Знаете, как у господина Роберваля дома здорово! — простодушно рассказывала Ада. — Красиво, как во дворце! И игрушек куча у Регины, и пони я видела! Мы придумали кроличьи платья, но ткани у нас не было. Тогда Регина достала свое старое платье из шкафа, мы его разрезали на лоскуты. Пришла ее гувернантка и сердилась. А потом пришел господин Роберваль, гувернантка ему пожаловалась, а он как давай хохотать, и велел накрыть для нас чай в гостиной! С пирожными.

— Хватит болтать, — одернула ее смущенная Регина.

Я попробовала представить Роберваля — Корнелиуса! — смеющимся, и не смогла. Он достаивал меня лишь кривой, насмешливой улыбкой, от которой некрасиво натягивалась кожа на щеке возле шрама... шрам оставила ему жена, мать Регины... Действительно ли он любил ее, как говорит? Любил и отправил в лечебницу святого Модеста? В тот ад с холодными стенами и медицинскими пытками?

— А я уже целый мешок сухарей засушила для нашего сладкого дворца! — выпалила Магда. — Когда мы будем их пропитывать сиропом и склеивать? Я не умею. Вы поможете, госпожа Верден?

— Обязательно!

— А что Ланзо будет делать? Какую поделку? — вдруг спросила Регина.

— Он хотел изготовить механическую игрушку, — улыбнулась я. — Но не говорит какую. Это будет сюрприз.

Ланзо потупился и на расспросы детей отвечать отказался, хотя Регина долго не оставляла его в покое.

— Пошли посмотреть тыквы! — потребовал Дитмар.

Мы вышли на огородик за школой.

— Скоро можно собирать, — сказал он, любовно похлопывая по желтому гляцевому бочку. — Жалко, что маленькие. Госпожа Верден, можете своей магией заставить их вырасти побольше? Чтобы сделать тако-о-ой фонарь... огромный, страшный! В дырки для глаз я вставлю закопченные стекла, привяжу мочалку — бороду, и получится разбойник Грабб. Здорово я придумал?

— Ты дурак, что ли? — боязливо сказала Магда. — Не надо безглазого призрака, а то быть беде.

— Госпожа Верден говорит, призраков не бывает!

— Придумал ты отлично, но... там посмотрим, — уклонилась я от ответа. — Нет, прости, я не буду заставлять их расти. Они и так хороши!

— Это крайне неудачная выдумка, — раздался за спиной вежливый, суховатый голос госпожи Лотар. Дети обернулись и замолчали.

Учительница, прищурившись, обошла грядки и покачала головой.

— Магда, почему бы тебе не испечь тыквенные оладьи, как всегда? — с чрезмерной ласковостью спросила она. — Эльфы, сказочные замки... ну и выдумщица же вы, госпожа Верден! — к ласковости в голосе добавилось неодобрение. — Вряд ли горожанам понравятся ваши затеи. Что за странные у вас педагогические методы! Хотите показать, что вы не такая, как все?

— Давайте поговорим о моих методах в учительской, — я многозначительно покосилась на детей.

— Как вам угодно, — промурлыкала госпожа Лотар и пошла к школе, напоследок осуждающе покачав головой.

После ее визита дети поскучнели, и я отправила их по домам раньше обычного. Еще и потому, что спина разболелась, да и повязки на руках пора было поменять.

Вечером я собиралась провести эксперимент: впервые в жизни самостоятельно сварить суп. В хозяйстве нашелся котелок, у зеленщика купила картофеля, луку, моркови, крупы у бакалейщика и полдюжины куриных крылышек у мясника. В теории я знала, что нужно делать, и надеялась поужинать горячим и сытным блюдом.

Госпожа Лотар не дала мне улизнуть. Поймала у выхода из школы, доверительно взяла под локоток и начала выговаривать:

— Госпожа Верден, я понимаю, что вы намерены насаждать передовые методы воспитания, но все же надо учитывать ситуацию. Думать головой! Вы выбросили розги. А вы подумали, что подрываете этим авторитет учителей, противопоставляете себя нам, вашим коллегам? Это раз. Теперь два. На уроке читали детям роман «Архипелаг сокровищ». Про пирата Рыжебородого Генри. Пираты там выведены, как привлекательные негодяи. Они пьют ром, курят трубки,

ругаются! Безобразия! Разврат и порок! Какой пример для подражания вы дали детям?

— Это детская книжка, рекомендованная Департаментом образования!

— Не от большого ума рекомендованная.

— Ну да, а рассказывать и показывать детям страшные легенды о безглазом разбойнике и плести небылицы о засохшем дереве во дворе — это от большого ума?

— Я никогда не поощряла местные рассказы! — резко ответила госпожа Лотар. — Но они часть фольклора. Часть местной истории. Видите разницу?

— В моих историях ничего порочного нет. Дети не идиоты. Они умеют отличать дурное от хорошего.

— Именно что идиоты! Все дети — по умолчанию идиоты! Они тянутся ко всему яркому, вредному. Наша задача — сделать из них разумных людей. А вы что делаете? Вот ваши поделки на ярмарку... Выдумали — голова разбойника из тыквы! Темные эльфы! Домики ведьмы из сухарей! Ваши занятия развивают в учениках стремление к праздности, играм. Вы забываете им голову чепухой. И что станет с ними потом, когда они вырастут? Сколько из них смогут стать Одаренными, прикоснуться к чуду, магии? Единицы! Или никто! Но они потом всю жизнь будут маяться несбывшемся, жить фантазиями! Нам — нашему городу, государству! — не нужны фантазеры. Не нужны праздные мечтатели. Нам нужны люди, которые живут обыденным. Трудлюбивые, почтительные работники. Довольные тем, что имеют, и не хотят большего.

— У меня другое видение. Только благодаря фантазерам мы движемся вперед.

— Ну так пересмотрите ваше видение. Вы еще молоды и неопытны. Слушайте старших! Я объясню вам, в чем задача педагогики.

— Я это и так знаю. Это не ремесло по изготовлению правильных граждан, госпожа Лотар. Это искусство пробудить воображение и жажду знать больше.

— Красивые слова, ничего больше, — отрезала она.

— До свидания, госпожа Лотар.

Я осторожно высвободила локоть из ее хватки и не оглядываясь пошла вперед. Внутри меня все кипело, но я не желала тратить время и силы на спор. Пусть ее...

* * *

Домой вернулась в отвратительном настроении. Перспектива провести одинокий вечер в холодной комнате удручала невероятно. И сердце совсем упало, когда у крыльца меня встретил радостным хрюканьем черный кабан.

— Эх, Велли, шел бы ты в лес... — вздохнула я и потрепала по щетинистой холке. Шлепнула по спине и попыталась прогнать: — Давай, пошел, а то станешь отбивной и сосисками!

Кабан озадаченно наклонил голову набок, попрядал ушами и нырнул в кустарник у сортира.

— Счастливого пути, — пожелала я ему вслед и поднялась к двери, доставая на ходу ключ. И насторожилась, услышав надсадное рычание мотора.

По бездорожью пустыря, тяжело переваливаясь на кочках, крался изрядно потрепанный грузовой автомобиль.

Кого еще принесло? Заблудился кто? Но нет, автомобиль едет прямо к моему дому!

Грудь пощекотал тревожный холодок. Не сходя с крыльца, я ждала, когда незваные гости подъедут ближе. Рука сама собой крепко сжала тяжелый ключ с острой бородкой. Если понадобится обороняться, и такое оружие сойдет...

Автомобиль остановился у сарая, дверца распахнулась, из кабины, поставив ногу в тяжелом ботинке на подножку, высунулся Роберваль. Из кузова выпрыгнули два дюжих парня в рабочей одежде и сияющий от удовольствия Ланзо.

— Эй, хозяйка! — помахал мне Роберваль. — Куда дрова разгружать?

— Я не покупала у вас дрова! — растерянно крикнула я. — У меня нет на это денег!

— Разве я говорил о деньгах?

— Не нужна мне ваша благотворительность!

— Думал, вы умнее. Ваша щепетильность не согреет вас зимой, когда наступят холода.

— У вас же на лесопилке каждая щепка на счету!

— Ничего, я пересчитал. Нашлись излишки.

Работники прислушивались к перепалке с ухмылкой. Но улыбки враз исчезли с их лиц, когда из кустов вылетел двухсотфунтовый кабан и ринулся к ним, выставив клыки.

Роберваль на полуслове оборвал новый язвительный аргумент, ловко втянул Ланзо в кабину и захлопнул дверцу. Велли, не снижая скорости, бухнул клыками в бок автомобиля, оставив вмятину. Еще пару раз наподдал, развернулся и пошел в атаку на работников. Он счел, что пришельцы позарились на его территорию и намеревался выдворить их вон.

Два здоровых парня носились по пустырю, придерживая кепки, лихо перепрыгивали канавы, гикали и ругались, а кабан преследовал их неумолимо и сосредоточенно. Наконец, опомнившись, я сбежала с крыльца и перехватила Велли, когда тот пронесся мимо. При этом покрылась холодным потом: если Велли не послушается, удержать его я не смогу.

Но стоило обхватить мохнатую мускулистую шею, как кабан встал, тяжело дыша и фыркая.

— Пойдем, — я схватила его за ухо и потянула. — Сухари, Велли!

Кабан потрусил к корыту. Пришлось высыпать ему последние сухари. Осталось их всего ничего, Велли на один клык.

Работники с опаской приблизились к дому. Выбрался из кабины и Роберваль.

— Толковый у вас охранник, — заметил он, подходя ближе. — С таким и собаки не надо. Решили оставить свинью себе?

— Мне его кормить нечем.

— Спросите у хозяйки «Хмельной коровы» насчет картофельных очистков.

— Посмотрим.

— Эй, парни! Выгружайте дрова под навес, — он отошел и принялся руководить разгрузкой.

Ланзо остался рядом со мной.

— Я его у школы встретил, — пояснил мальчик. — Господин Роберваль приехал и спросил, ушли ли вы домой. И потом сказал:

«Поехали с нами, парень, подсобишь и монету заработаешь». Я и поехал.

Немало озадаченная, я пожала плечами и пошла в дом. Кажется, Роберваль — Корнелиус! — решил сменить гнев на милость и взять надо мной покровительство. Как ни велик был соблазн отправить его прочь вместе с дровами, делать этого я не стала. И верно, зима на носу. А зимы тут, говорят, холодные.

С улицы доносился громкий говор мужчин, стук и грохот, но я занималась своими делами и вышла, лишь когда услышала звук отъезжающего автомобиля. Все время, пока пряталась в доме, я строила догадки о причинах внезапно проснувшейся щедрости Роберваля, и в каждой причине видела подвох.

Да что гадать: надо было прямо спросить его! Но за долгий день я безумно устала от неудобных разговоров и всячески хотела избежать еще одного.

Но когда вышла на крыльцо, поняла, что увильнуть от разговора мне не дадут.

Автомобиль неторопливо удалялся, а господин Роберваль расхаживал по двору с донельзя деловым видом.

* * *

Я остановилась в дверях, украдкой рассматривая гостя.

Сегодня меня почтил присутствием Роберваль-лесоруб, Роберваль-лесной разбойник: на голове кожаный картуз, куртка расстегнута, широкая грудь обтянута толстым свитером, на ногах грубые брюки и ботинки, в руке топор.

Пожалуй, такой Роберваль нравится мне больше, чем мрачный делец в безупречном костюме. Я окликнула его:

— Почему вы остались?

— Наколю для вас дров, — он снял куртку, подумал, взялся стягивать через голову свитер. Поднял руки, мышцы на его спине напряглись, а я отчего-то смутилась, как будто подумала непристойное. Роберваль остался в тонкой безрукавке, какие носят разнорабочие в жару, чем смутил меня еще сильнее.

— Господин Роберваль... Корнелиус, ну что вы, зачем? Вы и так многое для меня сделали. Большое вам спасибо!

— Сами желаете помахать топором? — сказал он с сарказмом, которого вполне заслужила моя неловкая реплика. — Дайте и мне немного размяться. Я сегодня весь день сидел в конторе за учетными книгами и совершенно окостенел.

Он выбрал чурбак, покачал его на руке, будто взвешивая, ласкающим движением провел пальцами по коре. Определяет направление сучков, догадалась я. Видимо, в колке дров, как и в любом другом деле, даже самом бесхитростном, есть свои секреты.

Корнелиус установил чурбак, широко расставил ноги, удобно взялся за топор, высоко вскинул руки над головой и легко, играючи ударил по торцу. Раздался звонкий, сочный щелчок. Чурбак распался на две половины.

— Парень, помогай! — не оборачиваясь, Корнелиус велел Ланзо. — Складывай в поленницу.

Он перекинул топор из одной руки в другую; я невольно засмотрелась.

Каждое движение этого мужчины отличалось сильной, точной грацией, свойственной человеку с правильно развитыми мышцами.

Корнелиус потянулся за вторым чурбаком, край безрукавки выскочил из брюк, и я успела увидеть, как бугрятся мускулы на его животе, и дорожка темных волос убегает за пояс.

Мои щеки запылали так, как будто к ним поднесли факел; я поспешила в дом.

Взялась готовить обед, но пока чистила картошку и нарезала лук, прислушивалась к звукам топора по дереву, треску и щелчкам поленьев, и низкому мужскому голосу, который что-то неторопливо говорил Ланзо. Один раз мальчик засмеялся в ответ, и это удивило меня ничуть не меньше, чем тот факт, что самый богатый человек Крипвуда в этот момент колет у меня во дворе дрова. Колет со сноровкой человека, хорошо умеющего обращаться с топором. Однако почему он сразу не заготовил дров у себя на лесопилке? У него для этого наверняка есть всякие агрегаты. И правда захотел размяться?

Стук прекратился; на крыльце зазвучали тяжелые шаги, хлопнула дверь, в дом вошли Корнелиус и Ланзо.

— Готово, — сказал Корнелиус, огляделся и сокрушенно поцокал языком. Его цоканье мне не понравилось, но я лишь кротко сказала:

— Скоро будет готов суп. Пообедаете со мной?

— Мне бы сполоснуться сначала. Есть горячая вода?

— Есть, — я сняла чайник с плиты и наполнила таз. Корнелиус подошел и встал рядом. От него приятно пахло смолой, осенью и свежим мужским потом. Безрукавка промокла, подтяжки спущены с плеч и болтаются у пояса, волосы растрепаны, на подбородке вечерняя щетина, от физической работы шрам на щеке покраснел.

Нимало не смущаясь он стянул безрукавку, наклонился над тазом и принялся ополаскиваться.

Я торопливо отошла к столу, чтобы расставить тарелки, но меня так и подмывало обернуться. Я всей кожей чувствовала присутствие за спиной жилистого, энергичного мужчины — вот он набирает воду в ладони, фыркает, крикает, движется...

— Ланзо, возьми ложки в ящике, — попросила я беззаботным тоном, но в моем голосе послышалась хрипотца.

Подошла к печке, чтобы помешать суп. В этот момент Роберваль выпрямился и потянулся к крючку на стене, где висело полотенце. При этом он почти коснулся рукой моей головы, и оказался совсем близко. Не успев отвернуться, я как замороженная смотрела, как бегут тонкие струйки воды по его шее, собираются каплями на темных завитках на груди.

Несмотря на худобу, сложен он был замечательно. Плечи широкие, грудь хорошо развита, и силы он, видать, немалой — мускулы на руках тугие, как пружины. Все это я успела охватить взглядом, а сердце у меня так и билось, и в голове сделалось жарко от постыдного волнения.

* * *

Роберваль взял полотенце и как-то очень уж пристально глянул на меня; вытер лицо и шею, принялся одеваться.

— Идите к столу, — велела я строго.

Мы сели; я разлила суп. Ланзо быстро орудовал ложкой, а вот Роберваль, отведав моей стряпни, недоуменно моргнул и задумчиво

посмотрел в тарелку.

— Все-таки пересолила, — признала я свою неудачу. — Простите, я неопытная хозяйка. Готовить не умею. Берите хлеб и масло.

— Суп очень наваристый, — галантно сообщил Роберваль, однако потянулся к хлебнице и взялся за нож.

Мы молча пили чай. Светильник ярко освещал стол, в углах комнаты было темно. По крыше стучал дождь, на пустыре посвистывал ветер, снаружи у крыльца звонко капало. В печке жарко потрескивали поленья, окна густо запотели.

— Хорошо как, — сказал Ланзо и зажмурился от удовольствия, посыпая кусок хлеба с маслом сахаром. Роберваль прищурился. Обыкновенно сумрачное лицо его сейчас было задумчивым и спокойным.

И хотя мое сердце отчего-то билось глухо и быстро, душу тоже охватило давно забытое чувство покоя. Казалось, так бы и сидела в тишине, под желтым светом лампы, наслаждаясь сухим теплом от печки, от которого хочется тянуться и мурлыкать, как кошка... И главное: я не одна. Что мне теперь страшный лес и потусторонний скрип половиц!

— Как ваши руки? Заживают? — вежливо спросил Роберваль.

— Да, понемногу.

— Помочь вам сменить повязки?

— Спасибо, не стоит.

Кажется, я опять покраснела; уши, щеки и лоб так и пылали. К счастью, Роберваль не стал настаивать и сменил тему.

— Чем вы сегодня занимались в школе?

— Готовились к осенней ярмарке, — улыбнулась я. — Ада рассказала про испорченное платье Регины.

— Прыткие девчонки, — усмехнулся он. — Дай им волю — такого бы натворили. Госпожа Брин была недовольна.

— Где вы взяли вашу гувернантку? В агентстве?

— Мне ее рекомендовала госпожа Денгард, моя столичная... знакомая. Алисия очень старается. В целом я ей доволен. Регине нужно, чтобы рядом была женщина. Возможно, потом надобность в гувернантке отпадет.

— Да, девочек воспитывать непросто, — за неимением других реплик я сказала банальность, и мой голос прозвучал довольно кисло.

— Когда в этом году проводят ярмарку? — поинтересовался Корнелиус.

— Директор говорит, через неделю после этой вашей Дикой ночи. Насколько поняла, Дикая ночь приходится на первое осеннее новолуние?

— Да, — Роберваль нахмурился.

— Мне рассказали немало странного об этом... событии. Сложно поверить, что по улицам бродят призраки и чудовища. А вы что об этом думаете?

Он положил руки на стол и сплел пальцы.

— Дикой ночью тут называют ночь первого новолуния весной, летом, осенью и зимой, — начал он неторопливо. — Горожане вешают новые обереги, крепко запирают двери. Когда я жил здесь мальчишкой, мы с друзьями частенько выбирались на улицы и бродили до утра. Ничего особенного не видели.

— А что особенного видели остальные?

— Иногда утром находят следы шалостей — наверняка таких же шалопаев, какими мы были в детстве. Там повозку перевернут, тут ручки дверей соседних домов свяжут веревкой, где-то разобьют окно, где-то лошадей выпустят из стойла. Но иногда — редко — бывают неприятности. Горят дома. Пропадают люди и возвращаются через несколько дней без памяти. Болтают и о призраках, и о чудовищах. Да, иногда в Дикую ночь и правда случаются вещи, которые сложно объяснить.

— Вы не пытались узнать больше?

— Вести следствие? Зачем? У меня и без этого дел полно. В городе есть полицейский, офицер Брасс, пусть он отработывает жалованье, — ответил он сухо, и я поняла, что больше говорить на эту тему он по какой-то причине не желает.

Ланзо смел со стола хлебные и сахарные крошки в горсть, высыпал их одним махом в рот, облизнулся, виновато глянул на меня и довольно вздохнул. Корнелиус глянул на часы.

— Однако мне пора, Эрика.

Он встал и с шумом отодвинул стул; меня кольнуло разочарование.

— На улице дождь, а вы без автомобиля. Надо было вам уехать раньше.

— Не страшно, не растаю. Ланзо?

Ланзо молчал, потупив глаза, и не выходил из-за стола.

— Госпожа Верден, можно, я у вас нынче останусь? — сказал он едва слышно и мучительно покраснел. — Папка сегодня выпивши. Он и завтра пить будет... пока спит, ничего, а когда встает, тогда... тогда плохо.

— Конечно, оставайся! — я бросила быстрый взгляд на Корнелиуса. Мне хотелось попросить у него совета, что делать. И он понял меня.

— Да, так будет лучше, — сказал он негромко. — Лукаш любит распускать руки, когда нетрезв. Завтра постараюсь поговорить с ним.

— Спасибо... Корнелиус.

— Вам спасибо за приятный вечер. Кстати, на днях едем на экскурсию на лесопилку. С директором уже договорился. Оденьтесь удобно и тепло.

— Большое вам спасибо!

— Четыре, — сказал он.

— Что — четыре? — не поняла я.

— Говорите «спасибо» в четвертый раз за вечер. Приятное разнообразие после гордо поджатых губ и гневного взгляда.

В его глазах мелькнули озорные искры.

Корнелиус надел картуз, вежливо коснулся козырька и ушел.

Когда он спускался с крыльца, раскуривая на ходу трубку, из-под навеса злобно хрюкнул Велли, но, к счастью, кидаться на гостя не стал.

Какое-то время я смотрела, как, удаляясь, вспыхивал в темноте огонек.

Потом закрыла дверь и ободряюще улыбнулась Ланзо.

— Что ж, давай подумаем, как разместиться на ночь.

— Вот эти два стула сдвину, сверху старое одеяло, и лягу, — моментально сообразил Ланзо. — Будет здорово.

— Учти, ночью выходят прогуляться мыши.

— Люблю мышей, они умные, — простодушно признался Ланзо.

Я подошла к окну и глянула на городские огни. Далеко Робервалю идти до дома... там его ждут дочь... и Алисия. А в столице у него подруга — госпожа Вильгельмина Денгард.

Интересно, что он будет делать, когда доберется до дома? Играть с дочерью? Помогать ей с уроками? Сидеть у камина с гувернанткой и вести с ней приятные беседы? Писать письма Вильгельмине?

Глава 17

Лесопильный завод Роберваля

Утром меня разбудили звуки веселой возни. Я открыла глаза: растрепанный и розовый ото сна Ланзо сидел на полу, а вокруг него суетились три мышки. Они подбегали к мальчику, тыкались мордочками в его руку, а когда он делал вид, что хочет их поймать, шустро прятались под стул.

— Ты с ними играешь?

— Ну да! Мыши ужасно умные. Все-все понимают!

— Это ты их понимаешь. У тебя сильный, многосторонний дар сенситива. Ты можешь стать зоомансером.

— Да-а-а? — удивился Ланзо. — Здорово! Тогда я буду выступать в цирке! Со львами! У меня получится, да, госпожа Верден? С Вельзевулом вот не вышло; он не захотел со мной играть.

— Все получится, если будешь учиться. Со свиньями зоомансерам сложнее, чем со львами. У свиней, говорят, мозг устроен почти как у человека. Ланзо, а ты не мог бы попросить мышей уйти из дома жить в другом месте? Или хотя бы не бегать по столу. Вчера они обкусали сыр и нагадили в сахарницу.

— Попробую...

Секунду-другую Ланзо и мыши заговорщицки смотрели друг на друга, а потом его серые подруги, поведя усами, цепочкой отправились к стене и юркнули за половицу, пискнув на прощание.

Мы умылись, собрались, наскоро позавтракали хлебом с маслом, вышли на крыльцо и столкнулись со стариком Герхардом.

— Ну-с, барышня, где мой свинтус? — ворчливо поинтересовался он. — На бойне его уже ждут не дождутся. Хотите, принесу вам потом вырезку на отбивную? Или ножки на холодец.

У меня упало сердце. Я огляделась: кусты за навесом шевелились, хотя ветра не было. Между ветками мелькнула щетинистая спина и кожаный пятак. Но Велли и не подумал выйти навстречу своей печальной судьбе.

— Уже в лес убежал, — быстро ответила я и красноречиво глянула на Ланзо — «Не выдавай!» — Теперь ищи-свищи его.

Герхард недовольно крикнул и сплюнул.

— Делать мне нечего шляться к вам на погост каждый день! — возмутился он. — Как свин явится — пошлите мальчишку ко мне, тогда и приеду с повозкой.

— Да-да! — беспечно отозвалась я, уже зная, что Герхард не получит своего кабана обратно, а я, пожалуй, больше не буду есть мясо.

Ох и дура ты, Эрика! Мало тебе хлопот, как еще свинью завести!

* * *

В выходной день мы с Ланзо с утра пораньше отправились на вокзал. Уже несколько дней мальчик оставался на ночь у меня, потому что его отец, как выразился директор, надолго «нырнул в стакан».

Лукаш валялся у себя в сторожке беспробудно пьяный, лохматый и грязный, на службу не являлся, и до сына ему не было никакого дела. Что Ланзо нисколечки не огорчало: вдвоем в Кривом доме нам жилось неплохо. Но дело придется как-то решать. Может, поискать для Ланзо приемную семью? Я решила написать куратору в Департаменте образования и спросить, как поступить. Но сначала стоит посоветоваться с Робервалем — он глава местного попечительского совета, пожалуй, в его силе решать такие вопросы.

На вокзале собралась шумная толпа детей. Сегодня господин Роберваль будет показывать нам свою лесопилку. Добираться туда нужно было по железной дороге, и я ожидала приятный день, полный впечатлений.

Жаль, погода испортилась. В Крипвуд пришла осень. Срывая желтые листья, дул холодный сырой ветер. Ноги у меня быстро захладели, и я пожалела, что не надела под жакет свитер.

Дети носились по платформе, кричали, визжали, смеялись, но у меня не хватало духу призвать их к порядку, уж больно хорошо они проводили время. Я бы и сама с удовольствием побегала с ними наперегонки.

Последними на платформе появилась Регина Роберваль в сопровождении гувернантки Алисии. Вот уж кто подготовился основательно: пальто до колена с белым норковым воротником и

укороченными рукавами, изящные кожаные перчатки с опушкой, модная шляпка с вуалью. Щеки румяные, глаза блестят — картинка, да и только. Словно не в лес собралась, а на прогулку по главному проспекту столицы. И Регину она принарядила: короткое красное пальтишко, шапочка с помпоном, толстый шарф, который Регина тотчас же размотала и отдала Ланзо, увидев, что нос у него посинел. Маленькая задавака все чаще приятно удивляла меня.

— Где твой папа? — спросила я ее. — Нам пора отправляться!

— Вон он, едет!

Она кивнула в сторону путей, и я увидела, что к вокзалу на всех парах по узкоколейке мчится удивительный агрегат.

* * *

Изящный открытый вагончик с поручнями, украшенными литыми завитушками, задорно стучал колесами и торопливо пыхтел; впереди был установлен спрятанный в медную коробку котел, из высокой трубы валил дым. Суровый дядька в картузе и очках-консервах сосредоточенно орудовал рычагами, на деревянном сиденье, живописно закинув руку на борт, устроился господин Роберваль в черном пальто и котелке.

— Это паровая дрезина, — со знающим видом пояснила Регина.

Паровая дрезина замедлила ход и остановилась. Роберваль распахнул дверцу и приглашающе махнул рукой:

— Забирайтесь!

Дважды детей просить не пришлось; они кинулись к дрезине с такой скоростью, что я испугалась — как бы не снесли вагон с колес!

Наконец, все расселись: вагончик оказался вместительным, сиденья из лакированного дерева удобными. Нам с Ланзо достались места напротив Роберваля, подле лесопромышленника расположились его дочь и Алисия. Гувернантка ловко уселась поближе к своему хозяину; я покосилась на их соприкасающиеся колени.

— Какое интересное средство передвижения, — заметила я. — Я думала, что дрезина — примитивные и медленные. А это прямо королевский прогулочный трамвай! Ваши работники тоже на таких ездят?

— Пусть у детей сегодня будет праздник, — ответил Роберваль с легкой улыбкой. — Работники, конечно, добираются на простых дрезинах и паровозах. Многие живут в бараках при пилораме. Некоторые предпочитают снимать комнаты в городе. Я плачу им достаточно.

Застучал двигатель, дрезина тронулась, ветер ударил в лицо. Но холодно мне больше не было; от топки шли волны тепла.

Вагончик выехал за пределы города и нырнул в коридор сосен и елей. Стук колес стал громче, и со всех сторон его множило эхо. Дети притихли и глазели по сторонам. Выглянуло солнце, стволы зазолотились, между ними клубился легкий голубой туман — значит, небо над ним чистое. Густо пахло смолой и увядшей травой.

Теперь лес совсем не казался страшным — он казался сказочным. И если сейчас мелькнет между сосен лесное диво, то это будет олень с золотыми рогами или добрая фея в платье из зеленого мха, а если разбойник появится, то веселый, белозубый, в шляпе с пером. И лукавой ухмылкой, от которой трепещут сердца девиц.

Иногда мы проезжали рябины, они стояли так близко к пути, что Ланзо исхитрился и сорвал на ходу красную гроздь. Он протянул ее Регине, и та пришила ягоды к шапочке.

— Нам долго ехать? — спросила я Роберваля.

— Еще минут десять. Мы едем по старой узкоколейке. Ей теперь не пользуются, но я выбрал этот путь, потому что отсюда можно увидеть башенки особняка Грабба. Думал, вам будет интересно.

— Конечно! — воскликнула я и добавила с досадой: — Жаль, фотоаппарата нет. Те снимки с горы не удались; Анвил их проявил, и ничего не видно, кроме черных пятен. Что-то я напутала.

Вспомнив об Анвиле, который содрал с меня за проявку два кронодора и по кронодору за печать каждого снимка, я призадумалась. Стоит все же побеседовать с ним о приключении в лесу и поинтересоваться, что он о нем думает. Пока этого сделать не удалось: Анвил был занят, когда я явилась к нему с пленкой, в дом не пустил, забрал пакет и деньги, а потом оставил готовые фотографии в школе. Последние дни он не выходил из дома и в городе не появлялся. У него шел важный эксперимент: аэростат исправно качался в небе, дом изобретателя трещал и гудел, а у всех, кто оказывался поблизости, волосы поднимались дыбом от разлитого в воздухе электричества.

— Вы уже написали свою статью?

— Еще нет.

— Вот, сейчас будет прогалина, и увидите особняк. Он тут недалеко, за болотом. Там, говорят, сохранилась старая гаченая дорога — то есть, настил.

— Значит, до особняка можно добраться?

— Можно, но к такой вылазке надо подготовиться.

Дети замолчали и повернули головы налево. Повернулась и я, и увидела черные зубцы башен, вздымающиеся над вершинами сосен — удивительно близко! И хоть день по-прежнему был ярок и весел, душу царापнуло недоброе предчувствие, словно на сердце легла тень далеких башен особняка призрачного разбойника.

Особняк давно пропал из виду, но встревоженные шепотки в вагоне не утихали.

— Ну-ка, Шульц, поддай пару! — приказал Роберваль, дядька у топки кивнул, двинул рычагом, и дрезина понеслась вперед с умопомрачительной скоростью. Шульц потянул за шнурок, гудок басовито взревел, детские лица разом просветлели.

— Корнелиус, спасибо, — сказала я с чувством, памятуя, как трепетно он считает мои изъявления благодарности. — Вы устроили для детей не только познавательную экскурсию, но и чудесный аттракцион! Они долго не забудут эту поездку.

— Не за что, Эрика, — он широко улыбнулся и добавил вполголоса, чтобы Ланзо и Регина не услышали. — Но я делаю это не только ради детей. Мне приятно смотреть, как разрумянились ваши щеки и глаза сверкают.

Дети, может, и не обратили на его слова внимания, а вот Алисия обратила и все прекрасно услышала.

— Ох, господин Роберваль, совсем забыла! — воскликнула она веселым и немного злым голосом. — Утром, когда вы уже ушли, почтальон принес для вас два письма. Одно от нашей дорогой Вильгельмины. А вот и второе, деловое.

Она порылась в ридикюле и протянула Робервалю два конверта. Первый, надписанный изящным дамским почерком, он сунул в карман; а вот второй, из дешевой серой бумаги, он торопливо открыл и начал читать отпечатанный на машинке текст. И чем больше читал, тем больше хмурился. А потом поднял глаза и посмотрел на меня в упор. И

взгляд его, такой озорной лишь десять минут назад, опять стал мертвенным и непроницаемым.

— Дурные вести? — озабоченно спросила я.

— Скорее, любопытные, — ответил он тяжелым тоном, продолжая пытливо изучать мое лицо. Потом мрачно усмехнулся и спрятал конверт в карман. — Подъезжаем. Вот и мой лесопромышленный завод. Дети, — повысил он голос, — Не вставайте, пока дрезина не остановится! Потом от меня не отходить, без спроса никуда не лезть. Будете шалить — уши оборву, понятно, парни? И девчонки тоже. Но уши — невелика потеря. На лесопилке можно запросто остаться без руки или ноги.

— Поня-я-ятно, — ответил нестройный хор голосов. Дрезина остановилась.

— И вы, госпожа Верден, присматривайте за своими учениками, — хмуро сказал Роберваль.

Ого, удивилась я. Госпожа Верден! А куда делась «Эрика»?

* * *

Роберваль привел нас на пригорок у края вырубki. Внизу мы увидели лесопромышленный завод. Зрелище меня поразило. Признаться, я ожидала совсем другого. Думала, будут груды бревен, кучи опилок да пара складов, а тут, оказывается, целый городок раскинулся!

С удивлением изучала я стены завода из хорошего кирпича, на прочном фундаменте — там, как поведал Роберваль, прятались машинное, котельное и лесопильное помещения. В окнах метались отблески пламени в топках, глухо рычали машины. У завода бродили рабочие, цепляли бревна крюками на длинных палках и подтаскивали их по настилу к пилораме под навесом.

Грохот стоял такой, что наверняка распугал всех лесных призраков в округе.

По причине выходного дня на лесопилке было немногочисленно. Быстрым шагом приблизился управляющий. Он поздоровался, нервно воткнул под бровь монокль, придирчиво оглядел нашу компанию.

— Георг, проведите их по заводу, — велел Роберваль. — Я буду рядом, но говорить придется вам.

— Дети, дети! — замахал руками Георг. — Сюда! Начнем, пожалуй, с пруда...

— Здесь нет реки? — спросила я Роберваля. — Насколько знаю, лесопилки ставят на реках, чтобы сплавливать лес и использовать силу воды для двигателей?

— Реки нет. Поэтому мы используем пар. Это и плюс, и минус. Сплавливать бревна сподручнее, чем перевозить по чугунке, но мы не зависим от сезона, да и отходы производства идут в дело — в топки котлов. Пруд мы устроили сами, чтобы отмывать и сортировать бревна.

Дав объяснения, он отошел к дочери и Алисии. Пришлось вместе с детьми слушать управляющего, хотя я бы предпочла беседовать с Корнелиусом.

Но и Георг знал свое дело. Он привел нас к складу, где отбраковывали лес. Поставил Дитмара и Влада у разных концов бревна. Дитмару вручил большой деревянный молоток, а Владу велел приложить ухо к торцу и слушать. Дитмар ударил молотком по срезу, Влад удивленно поднял брови.

— Если звук глухой, значит, дерево недоброкачественное, с гнилой сердцевиной, — объяснил управляющий.

Все дети захотели попробовать себя в роли приемщиков и сортировщиков. Дошла очередь и до меня. Я выбрала молоток, хорошенько размахнулась и ударила по торцу. Ланзо на другом конце бревна развел руками: ничего не слышно.

— Вы не так держите, — сказал Роберваль, отбирая у меня инструмент. — Вот так надо. Бейте сильнее.

Его ладонь в перчатке на миг легла на мою руку, но Роберваль тут же отстранился.

— Спасибо! — произнесла я выразительно, но он не улыбнулся, как делал в последнее время в ответ на благодарность.

— Вам на лесопилке пригодился бы Одаренный. Сенситив, который видит суть вещей и материалов. Он мог бы сразу сказать, какие бревна хорошие, а какие — плохие.

— На кой ляд он нам сдался, ваш Одаренный? У меня есть работники, которые дерево нутром чувят, — невежливо оборвал меня

Роберваль. — Я и сам в этом разбираюсь. Жаль, с людьми не всегда сходу угадаешь, у кого сердцевина гниловата.

После этого он недобро глянул на меня, сунул руки в карманы пальто, отвернулся и затеял непонятный для меня разговор с десятником.

— Идемте на завод, посмотрите, как все работает, — велел управляющий, когда дети наигрались.

Мимо нас прямо через просеку, дыша паром и отрывисто гудя, покатило локомобиль с огромными колесами. Он тащил за собой обоз, нагруженный досками.

Дети с любопытством смотрели вслед диковинной машине, пока она не скрылась. А уж когда мы подошли к заводу, так и вовсе пораскрывали рты. Да и я глазела по сторонам, испуганная и очарованная настолько, что и думать забыла обо всем на свете.

Настоящее царство чугуна и пара, маховиков, ремней и шатунов! Мощное, хорошо отлаженное! И Роберваль его владыка.

Как и подобает хорошему владыке, он не стал терять времени и празднично гулять вместе с нашей группой; извинился, отошел и погрузился в дела.

Ходил от одного агрегата к другому, разговаривал с мастерами и работниками, советовался с ними о непонятных вещах, отчитывал, наставлял. Скинул пальто и принялся сам поправлять ремень. Потом налег на огромный рычаг; раздался скрежет, у Роберваля на лбу вздулись жилы, но рычаг уступил его силе и встал на нужное положение.

— Георг, проверьте, чтобы смазчик еще раз тут прошелся с масленкой! — приказал он раздосадовано.

Корнелиус хорошо знал свое царство, и я невольно испытала почтение перед его знаниями и умениями.

— Скоро заработает пила, — предупредил управляющий. — Смотрите на манометр; как стрелка встанет здесь, значит, давление в котлах подходящее.

Дети сгрудились у манометра, изучая дрожащую стрелку. Раздался гудок, пронзительный и длинный. Высокую трубу заволокло паром.

— Всем отойти и держаться вместе! — громко приказал Роберваль. — Это сигнал начала работы. Ближе к пилам подходить

нельзя!

— Слушайте моего папу! — строго вторила ему Регина. — Дитмар, дурак, куда полез! Сказано, стой на месте! Тут тебе не шутки, тут острые пилы крутятся и щепки летят! Попадет одна в глаз, вот тогда увидишь!

Рабочий с усилием повернул медное колесо-штурвал; другие огромные колеса начали вращаться, сначала медленно, потом все быстрее. Побежали ремни, пол задрожал. Все сипело, шипело, свистело и содрогалось. От осознания чудовищной мощи механизмов было весело и жутко.

Рабочие загрузили бревно на специальную тележку, закрепили зажимами, тележка поползла туда, где бешено крутились две пилы: одна сверху, другая снизу.

Зубья неумолимо впились в древесину, с визгом распуская ствол на доски. Во все стороны брызнули фонтаны опилок.

Зрелище было завораживающим и пугающим; меня даже озноб пробрал. Я обхватила себя руками и, не отрываясь, смотрела на работу механизмов. Колдовство, да и только! Как будто подчиненные Робервалья по его приказу разбудили железного дракона, пыщущего паром и жаром.

Не я одна испытывала подобные чувства.

— Ужасно, — тихо проговорила за моей спиной Алисия. — Что будет, если туда, под пилу, попадет человек?

— Легко представить, — сухо сказал Роберваль. Он подошел и встал так близко, что коснулся плечом моего плеча.

Я содрогнулась: то ли от его близости, то ли от слов Алисии. Мне совершенно не хотелось представлять, что может сделать с человеком такая пила.

— У вас часто бывают несчастные случаи?

— Нет. Если и бывают, то на делянках; когда валишь дерево, нужно смотреть в оба, не зевать и выполнять все правила безопасности.

— Опасная у вас работа.

— А я о чем твержу.

— Вы хорошо знаете свое производство.

— Конечно. В юности отец заставил меня работать везде: с топором, и на заточке пил, и на сортировке, и тут, наладчиком на

пилораме. При необходимости могу заменить любого рабочего. Даже повара на полевой кухне, — усмехнулся он. — Кстати, о кухне; там мы еще не были. Дети наверняка проголодались. В лесу появляется зверский аппетит. Я распорядился, чтобы им приготовили то же, что и рабочим. Идемте! А потом пора домой.

* * *

Последняя часть экскурсии понравилась детям больше всего. Управляющий велел занять места за длинным дощатым столом под навесом, где работала полевая кухня для лесорубов. Повар, говорливый румяный толстяк, наполнял жестяные миски рагу, наливал в кружки кофе, а его помощница разносила их детям.

— Вот вам, ребяташки, наше лесное угощение. Ну-ка, покажите, кто тут настоящий лесоруб! — крикнул повар залихватски. — Настоящий лесоруб все съедает до крошки и требует добавки. А кто оставляет недоеденное на тарелке, тот топора поднять не сможет!

Дважды уговаривать детей не пришлось. Они доставали и прихваченные из дома припасы. У нас с Ланзо имелась лишь термическая фляга с чаем да по бутерброду на каждого. Но Регина щедро поделилась с Ланзо бутербродами с индейкой и салатом, и на «лесное угощение» повар не поскупился, так что голодными мы не остались.

Хозяин лесопилки к нашей трапезе не присоединился, его долговязая фигура в черном пальто мелькала вдальке, среди рабочих.

После обеда дети притихли. Их разморило, усталость брала свое.

Молча и неторопливо они поднялись в вагончик дрезины и по дороге домой болтали мало, лишь самые неугомонные лениво обменивались впечатлениями.

На этот раз нам с Ланзо достались места в задней части вагончика, и по пути до города мы с детьми вспоминали загадки о лесе и играли в игру «Найди сороку на сосне».

Но я нет-нет да поглядывала вперед, где сидел Роберваль с дочерью и Алисией. Регина увлеченно болтала с отцом, он внимательно слушал, кивал, но улыбался редко. Он казался погруженным в свои мысли, и мысли эти были вовсе невеселые.

Когда дрезина вернулась в Крипвуд, наступил вечер, небо налилось синим, солнце позолотило крышу вокзала. Детей разобрали родители и повели по домам кормить ужином и выслушивать впечатления богатого на события дня.

К моему удивлению — весьма неприятному — среди людей на платформе оказался и Виктор Лукаш, отец Ланзо.

Он побрился, оделся в чистое и выглядел трезвым.

— А, вот ты где! — он положил тяжелую руку на плечо сына. Ланзо сразу поник и обмяк. — Давай домой, хватит где попало шляться!

Лукаш глянул на меня неприязненно и даже не подумал поблагодарить за то, что я заботилась о его сыне в дни его «болезни».

Мне не хотелось отпускать с ним Ланзо, но делать было нечего. Виктор его отец и имеет право забрать сына. Но все же я чувствовала себя предательницей, когда тихо сказала Ланзо «До свидания, увидимся в школе», а Ланзо в ответ лишь кивнул и ничего не ответил, даже в глаза мне не посмотрел.

Когда Лукаш увел сына, я почувствовала себя ужасно одинокой.

— Госпожа Верден, мы вас подвезем, садитесь! — крикнула Регина.

За зданием вокзала стоял автомобиль Роберваля с черноусым шофером за рулем. На сиденье за ним хмурилась Алисия.

Роберваль пристально следил за моими колебаниями, но сам приглашения не повторил.

— Спасибо, Регина, я хочу пройтись, — улыбнулась я. — Вечер чудесный. Подышу воздухом и разомну ноги.

— Пройдусь с вами. Провожу, — вдруг сказал Роберваль, выбрался из автомобиля, с шумом захлопнул дверцу и махнул шоферу: «Трогай».

Автомобиль уехал, и мы с Робервалем остались одни.

Неторопливо двинулись по улицам Крипвуда. Стоял тихий вечер, на удивление теплый и золотой, немного грустный, как все осенние вечера. Над крышами висел тонюсенький месяц, изредка проходил торопящийся домой горожанин, и снова улицы пустели.

Я устала за день до изнеможения. Болела спина, онемели ноги, даже разговаривать не было сил. Хотелось идти не спеша и молчать,

вдыхать пряный запах палых листьев — теперь их было полно под ногами.

Корнелиус тоже молчал. В его молчании мне чудилась враждебность. Я поглядывала на его профиль и думала о внезапном переломе его настроения. Его как будто подменили после того письма; он стал прежним Робервалем, отчужденным, холодным, с мертвыми глазами.

— Завтра выходной день. Как вы его проведете? — спросила я, решив нарушить тишину. Она начала мне не нравится.

— За делами, — коротко ответил он.

— Горожане опять пойдут на вокзал, — улыбнулась я. — Снова проедет Северо-западный экспресс. А значит, будет маленький спектакль длиной в сорок минут. В главной роли — пассажиры первого класса и кондукторы. Дети меня позвали.

— Вы пойдете?

— Нет, — я помотала головой.

— Почему?

— У меня тоже дел полно.

— Только эта причина?

— Ну да, — насторожилась я.

— Или вы боитесь, что вас могут увидеть проезжающие знакомые из столицы? И доложить вашему дяде, где вы скрываетесь?

* * *

Я даже не сразу осознала, что он сказал. Но в следующий же миг противный холодок кольнул сердце, в ушах зашумела кровь.

Я споткнулась и посмотрела на Корнелиуса. Он выпрямился, широко расставив ноги и засунув руки в карманы пальто. Наклонил голову, и его взгляд стал... совсем плохим.

— Какому дяде? — сказала я чужим, слишком высоким голосом.

— Господину Эбнеру Ханту, финансисту, которого вы обчистили. Или боитесь, что доложат вашему жениху Андреасу Красту, которому вы натянули нос?

Моя рука обхватила горло, голова закружилась, каменные стены домов переулка, где стояли, качнулись.

— Вот, значит, что было в том письме, — теперь мой голос, напротив, стал низким и хриплым. — Вам написали обо мне из столицы. Кто написал? Почему? И почему вы обвиняете меня в том, чего я никогда не делала?

Роберваль рассматривал меня с холодным интересом, как охотник тушку лисы, с которой он собирается содрать шкуру и примеряется, как лучше начать.

— Ваше появление в Крипвуде было странным. Много непонятного. Естественно, я решил навести справки. В надежных источниках. Написал знакомому — он работает в сыском бюро Барта Биркентона. Поэтому, как видите, получил достоверную информацию, которую собрал специалист. Я жду объяснений, госпожа Верден. Точнее, госпожа Хант — это ведь ваша настоящая фамилия?

— Верден. У моей матери была двойная фамилия. У меня тоже. Я предпочитаю «Верден». Мой дядя везде представлял меня как «Хант». А ваш сыскарь-специалист не может таковым называться. Потому что все было не так.

— Ну конечно, не так, — он зловеще усмехнулся. — Других слов я и не ждал. Вы слабая Одаренная. Дефектив. Вам пришлось заплатить за обучение в академии. Это тоже не так?

— Так. Это преступление? Я училась наравне со всеми, хоть и не на деньги государства.

— Накануне свадьбы вы разорвали помолвку. Причину мой знакомый не выяснил, но узнал, что вас спешно отправили в лечебницу святого Модеста. А ваш жених всюду рассказывал, что горько обманулся в вас. Из клиники вы сбежали. Затем, сговорившись с горничной, прокрались в кабинет дяди, вытащили документы и крупную сумму из сейфа. Вы воспользовались вашим даром и отвели камердинеру глаза. Сотворили иллюзию пожара. Вот это уже настоящее преступление.

— Я забрала свои документы и свои деньги!

— До двадцатипятилетия деньги вам не принадлежат. Вы использовали дар для неблагоприятных целей. Дядя вполне может отдать вас под суд, и вас лишат лицензии. Почему вас заперли в клинике? По той же причине, по какой я отправил туда свою жену? Почему ваша свадьба расстроилась? Ваш жених не захотел связывать жизнь с

женщиной, которая пристрастилась к опасному зелью, чтобы повысить способности Одаренной?

— Нет!

Он допрашивал меня, как учитель провинившегося ученика. Нет: как дознаватель преступника. И губы его кривились от отвращения.

— Омерзительно! Вы залезли в мою жизнь. Шпионили. Не скрою: я тоже пыталась узнать о вас больше. Но только то, что было в открытых источниках. А вы... обратились к сыщикам!

— Вы не в том положении, чтобы обвинять. Как вы получили свидетельство учительницы? Купили, потратив на фальшивку украденные у дяди деньги?

— Ничего подобного! Я три месяца жила в столице и посещала курсы. Свидетельство подлинное. Разве ваш сыщик этого не узнал?

— Узнал, что курсы не посещала ни Эрика Верден, ни Эрика Хант.

— В списках я была под другим именем. Куратор курсов — родственник моей подруги — вошел в мое положение и не разглашал информации о том, кто я. Но свидетельство мне выдали на настоящее имя.

— Ловкое объяснение.

— Вы разве не разнюхали, с каким диагнозом меня держали в клинике?

— Нет. В вашей карте лишь общие формулировки. Руководство клиники тщательно хранит тайны своих пациентов.

— Вам стоило покопаться поглубже, раз уж взялись! Я разорвала помолвку, потому что Андреас изменил мне накануне свадьбы. А дядя упрятал в сумасшедший дом, потому что хотел добиться послушания. Я никогда в жизни не пробовала зелья из «волшебных грибов»! Я довольна своим мизерным даром и не хочу большего!

Он молчал.

— Что вы теперь сделаете? Выдадите меня дяде?

— Зачем мне это? Хотя он искал вас. Хант тоже обратился в агентство Биркентона, но через день отказался от их услуг. Заявил, что не желает полоскать грязное белье, и что ему стыдно за вас. Возможно, он умыл руки. Но я хочу лишь узнать правду.

— Теперь вы ее знаете!

— Почему я должен вам верить? Зачем вы явились в наш город, Эрика? Только лишь потому, что скрываетесь от дяди? Мне это не кажется убедительной причиной. Вы могли договориться с вашими родственниками, если дела обстоят так, как вы утверждаете.

— Вы не знаете моих родственников!

— Зато я знаю ваш характер. Вы умеете стоять на своем. Но предпочли сбежать. Несостыковка.

— Не собираюсь перед вами оправдываться, — бросила я яростно. — Оставайтесь при своих заблуждениях.

— Буду вынужден рассказать обо всем директору. Вы работаете с детьми. И при этом ваше прошлое настолько запутано, что возникают серьезные сомнения в вашей пригодности для должности. Вы врете на каждом углу. Выдаете себя за другую. Что еще вы скрываете?

— Ничего, — я обхватила себя руками; меня бил озноб. Гнев, обида, разочарование, испуг и тысяча других горьких чувств навалились на меня разом, как болезнь, и я действительно чувствовала себя нездоровой. — Делайте что хотите. О, я понимаю вас! Но то, что случилось с вашей женой, не имеет никакого отношения ко мне. Давайте, напишите вашему знакомому сыскарю еще раз. Пусть, пусть все узнает хорошенько! Может, тогда вам станет стыдно!

Я отвернулась и пошла прочь. После короткой паузы сзади послышались шаги и приказ.

— Эрика, стойте. Не смейте уходить!

— Не смейте мной командовать! — я остановилась, повернулась и сжала кулаки. — Недавно мне показалось, что вы на моей стороне. Что мы можем быть друзьями! Но вы меня обманывали. Все это время вы подозревали меня в непонятных грехах, шпионили! И когда узнали правду, поверили лишь в ту ее часть, которая вас устраивала. Я сама завтра все расскажу господину Степпелю. А вы... пропадите вы пропадом!

На этот раз он остался на месте, а я пошла быстрым шагом и больше не обернулась. Сама не заметила, как оказалась дома.

Долго не могла попасть ключом в скважину, потому что в глазах мутилось от слез. У ног топтался Вельзевул, тихо похрюкивал и тыкался пятакон мне в колени, как будто хотел утешить.

— Прости, Велли, — сказала я ему. — Мне нечем тебя сегодня кормить. Но завтра я схожу к Герхарду и узнаю, где купить для тебя

корм.

Выслушав мою речь, свин покорно ушел в излюбленную яму у крыльца. Ну хоть этот представитель мужского пола не собирается меня предавать и не строит за моей спиной козни!

Я вошла в выстывший дом. Нужно было взять дров в поленнице и разжечь печь, но пользоваться подарком Роберваля было противно.

Без сил опустилась на кровать и огляделась. У печки по-прежнему стояли сдвинутые стулья с постеленным одеялом. Но дом опустел; Ланзо не было, и даже мыши притихли, словно ушли вместе с товарищем по играм. Я осталась одна наедине со своим грустным прошлым, неведомым будущим и запутанным настоящим.

Глава 18

Опустевший город

Хоть я и обещала Робервалю наутро пойти к директору, выполнить обещание не вышло. Мне крепко нездоровилось, бил озноб и болела голова. Знакомое состояние: так отвечал мой организм на душевные потрясения.

Так было весной, несколько месяцев назад, в тот день, когда моя жизнь изменилась. Теперь я вновь словно оказалась на ее изнанке. Там, на другой ее стороне, осталась шумная столица, привычное и в целом беззаботное существование, друзья. Здесь был стылый дом на окраине, одиночество... и новое предательство. Которое ранило меня едва ли не сильнее, чем измена жениха и подлость родственников.

Почти весь день я провела в кровати, в тяжелой дремоте, лишь изредка поднималась заварить ромашкового чая. Одно хорошо: я была сонная, вялая, равнодушная ко всему на свете.

Но дурные мысли вернулись на следующий день и уже не оставляли в покое.

Утром я с трудом поднялась с постели. Не хотелось выбираться из-под теплого одеяла, но я стиснула зубы и одним движением опустила ноги на пол — как в ледяную прорубь.

Погода за окном была под стать моему настроению: серо, туманно, по стеклу бегут мокрые дорожки.

Я собиралась на службу, передвигаясь по комнате медленно, в полусне, и думала.

Что теперь делать? Сидеть и ждать, пока за мной явится дядя? Роберваль сказал, что не будет ставить его в известность, но он может и передумать. Или его столичный друг-сыскарь решит подзаработать и настучит господину Ханту.

Роберваль нанес мне тяжелый удар. И отчего-то больше всего было думать о словах, что я бросила ему в запале гнева. Я призналась, что считала его другом. Призналась, что нуждалась в нем! Призналась в собственной слабости. Я приняла его внимание за что-то другое... а он лишь старался быть ближе ко мне, чтобы выяснить, что я за птица такая.

Мерзавец!

До чего все неудачно сложилось... Зря, зря я приехала в Крипвуд! Но выхода не было: в столице уж точно меня не ждало ничего хорошего, а здесь я хотя бы приношу пользу.

У меня поднимается настроение, когда я иду по темным школьным коридорам и вхожу в класс. Солнце зажигает яркие пятна на картах, мел на доске скрипит внушительно, вкусно, и меловые пылинки танцуют и кружатся в лучах.

А ученики смотрят на меня так, как будто я и правда волшебница! За эти недели я успела неплохо узнать характеры и привычки, их детские огорчения и победы...

Разве это неудачная жизнь? Я столько нового попробовала и узнала! И сколько неразгаданного еще впереди и столько незаконченного!

Школьная ярмарка на носу, статья не дописана, за Ланзо нужно присмотреть, да и свин бегаёт по двору голодный.

Я улыбнулась. Вон какая я востребованная, вон сколько дел!

Нет, я не уеду из Крипвуда с его странными людьми и не менее странными обычаями и легендами. С оберегами и подковами на окнах, старыми домами и темными переулками.

Хватит убегать. Явится господин Хант — встречу его достойно. Посмотрим, кто кого.

* * *

В приступе веселой злости я вытащила из-под обложки учебника профессора Рейна припрятанную банкноту в десять кронодоров и решила до уроков заглянуть к старику Герхарду.

Ехать до его дома не пришлось: фермер ошивался на улице возле булочной.

— Ваше предложение еще в силе? — спросила я, слезая с велосипеда. — Хочу оставить Вельзевула себе.

— Оставляйте! — махнул Герхард коричневой от табака и грязи рукой. — Дарю! Для вас не жалко. Вы ж ребяташек наших учите!

— Чем его лучше кормить?

— Смотрите, барышня, наука нехитрая, — обстоятельно заговорил Герхард. — Делайте так: неделю впроголодь, неделю до отвала. Неделю кашей запаренной, неделю тыква, свекла. Тогда мясо будет нежное, с прослойками сала. Бегать ему много не давайте, он и так жилистый как черт.

— Я не собираюсь его... убивать и есть!

— А на кой он вам тогда нужен? — удивился Герхард, потом опасливо прищурил глаза и отступил от меня на шаг: — Для ваших ведьминских дел, что ли? Слыхал я, что в Дикую ночь ведьмы на шабаш верхом на свиньях летают!

Выпалив это, Герхард перепугался. Сплюнул через левое плечо и быстрым шагом пошел прочь.

Я только усмехнулась невесело. Подумаешь, ведьмой обозвал! Не привыкать. Кем меня только не называли за последние недели... вчера вот — мошенницей.

В соседней овощной лавке я распрощалась с банкнотой, зато купила два мешка свеклы и два мешка овса и договорилась, что завтра мне их привезут домой. Теперь Велли не грозит смерть от голода.

Но надо и о себе подумать. Со вчерашнего дня у меня росинки маковой во рту не было. В кармане отыскалось несколько медных монет, в булочной мне продали вчерашний бублик.

Вышла на улицу, встала под скрипящей от ветра вывеской, с тоской посмотрела через дорогу, на галантерейный магазин Ракочи. Я так и не заглянула к матери Магды, чтобы купить у нее жакет и юбку. А теперь не на что покупать. На следующей неделе будет жалованье, дотяну как-нибудь на свекле и овсянке — придется Велли поделиться, а там посмотрим...

Сунув в рот бублик, чтобы освободить руки, я достала бумажник в глупой надежде, что там завалилась забытая банкнота. Бумажник хрустнул, кольнуло приятное предвкушение, но тут же пропало. Внутри лишь сухие желтые листья. Я собирала их для урока: дубовые, березовые, кленовые, — и забыла выложить. Часть листьев раскрошилась, бумажник был полон золотой трухи. Вот какая я богачка!

Открыла бумажник пошире и начала вытряхивать сор.

На дороге прошуршали колеса. Я покосилась и увидела сверкающий дьявольским черным блеском автомобиль.

И самого дьявола за рулем.

Я поспешила принять холодный и гордый вид. Что было непросто с черствым бубликом в зубах и пустым кошельком в руках.

Мне все равно, остановится он со мной поговорить или нет, твердила я себе. И лукавила: конечно, мне было не все равно.

Заскрипели тормоза; автомобиль остановился.

— Госпожа Верден! Эрика! — позвал меня Роберваль довольно нелюбезным тоном. — Мы позавчера не закончили разговор.

Я дернула плечом, подняла глаза — и почувствовала, что мое лицо непроизвольно стало злым и обиженным, а в груди вспыхнул гневный огонек.

— Мне некогда, — резко ответила я, сунув бумажник и бублик в сумку. — Спешу на занятия. Будет время — поговорим. Но только об успехах вашей дочери. Ни о чем другом я с вами разговаривать не стану.

Роберваль выбрался из автомобиля, собираясь подойти во что бы то ни стало. К счастью, в этот момент ко мне с визгом подбежали Магда Ракочи и ее подруга Ада; девочки уцепились за мои рукава и начали взахлеб рассказывать о кроликах.

Я поторопила девочек и пошла следом, придерживая велосипед.

Школа была моим убежищем, где я могла скрыться от напастей хотя бы ненадолго.

На прощание мы обменялись с Робервалем недобрыми взглядами. Он сел в автомобиль и уехал; давно уж затих рокот мотора, а я все неустанно осыпала Роберваля мысленными упреками и изобретала новые ядовитые слова.

* * *

Утренняя встреча сильно встряхнула мои нервы. На уроках я была сама не своя: сбивалась, теряла нить рассуждений, и даже повышала голос на детей, когда те расходились, и тут же жалела об этом.

Мы говорили о том, что видели на лесопилке. Регина перебивала одноклассников и лезла с уточнениями. Она больше всех знала о работе предприятия ее отца и очень хотела показать, какая она умная.

Дети терпеливо замолкали и давали ей говорить, но потом начали сердиться. Владислас не выдержал первым:

— Замолчи, всезнайка, дай и другим сказать!

Регина обиделась и надулась.

В другой раз я и сама попросила бы девочку быть посдержаннее, но теперь мне стало ее жаль. Регине хотелось внимания, хотелось, чтобы одноклассники видели ее превосходство и восхищались ей, но пока стать самой популярной девочкой в классе ей не удавалось.

Но не одно тщеславие заставляло ее вести себя таким образом. Регина не могла иначе: привыкла быть принцессой у себя дома, и думала, что и другие должны к ней относиться точно так же, как отец и гувернантка. Она еще не умела дружить, хотя в последнее время сблизилась с Адой и Ланзо.

Ланзо сегодня не пришел в школу и никто не знал, что с ним. Виктор куда-то делся: не убрал мусор, не приготовил школу к урокам. Учителям пришлось самим чистить и топить камин и следить за временем, потому как звонить в медный колокол, возвещающий начало и конец уроков, тоже было некому.

Неужто школьный уборщик опять «нырнул в стакан»? Однако недолго длился трезвый период. На перемене загляну в сторожку и проверю, все ли в порядке с Ланзо...

Регина опять влезла с замечаниями, на нее шикнули, глаза у девочки налились слезами от досады. «Почему они так, я ведь и правда знаю о лесопилке больше всех!» — читалось на ее лице. Она тесно сжала розовые губки (нижняя начала дрожать) и в точности, как и ее отец, насупила брови.

Я поспешила вмешаться.

— Регина, давай ты сделаешь отдельный доклад про лесопильный завод, — предложила я. — А мы потом зададим вопросы, и ты нам все-все разъяснишь, что мы не поняли. Попроси папу помочь тебе подготовить рассказ. Может, даже рисунки найдете! Мне бы хотелось понять, что за агрегат мы видели, похожий на мясорубку, только огромный, с трубами сверху. Управляющий не успел нам про него рассказать, а выглядит эта машина страшно.

— Это такая штука для измельчения и обжига опилок! — тут же довольным голосом объяснила Регина. — Ладно, сделаю доклад, раз вам так хочется!

— Очень хочется, — подтвердила я. — Ты пока послушай, что другие рассказывают, и делай заметки, где они ошибаются. Но не перебивай — потом, когда подготовишь доклад, растолкуешь, что не так. Уверена, ты сумеешь хорошо объяснить.

Довольная Регина кивнула и обвела класс победоносным взглядом.

— Дети, что с Ланзо? — спросила я. — Почему он не пришел на занятие?

— Наверное, его папаша заперся в доме и боится выходить. Сегодня же Дикая ночь, — объяснил Дитмар. — А уборщику вечно мерещатся зеленые черти и ведьмы. Он думает, что они заберут его или Ланзо.

И тут я забеспокоилась всерьез. Если у Лукаша приступ белой горячки, Ланзо может грозить опасность. Надо непременно сходить к нему вместе с директором.

Но и директора в школе не оказалось — он прислал записку, что слег с ревматизмом. Значит, еще один мой план насмарку — честно рассказать Степпелю о затруднениях со столичными родственниками. После уроков придется поехать к Степпелю в гости — не хватало, чтобы Роберваль первым донес ему о моей тайне.

Стоило вспомнить о Робервале, как во рту стало горько от обиды, а в висках заколотил пульс. Надо же было так обмануться в человеке! Стоило доверять первому впечатлению — я ведь сразу поняла, что он будет моим врагом... но потом мне показалось, что... Нет, не буду об этом думать!

И все же я чуть не расплакалась как Регина. Нервы, все нервы!

Обстановка в школе не давала успокоиться. О грядущей Дикой ночи шептались везде: в классах, в коридорах, в учительской...

— Интересно, что выкинет безглазый? — со смесью удовольствия и испуга болтали ученики среднего класса, которых я подслушала на заднем дворе, когда ходила проведать, как дела у крольчат Ады. — В городе новая ведьма, — Верден — ух, он ей задаст, наверное! И поделом. Натуральная ведьма — мне двойку за сочинение вкатила!

От услышанного стало вдвойне обидно. Вот так, значит, меня любят и уважают ученики. Увы, со средним классом отношения у меня не сложились. Мотай на ус, Эрика, делай выводы... Далекое тебе еще до опытной учительницы, ох как далеко...

Госпожа Барбута с деловым видом принесла и повесила на окно еще один оберег и проверила, крепко ли держится подкова над дверью.

— Зачем вы это делаете? — не выдержала я. — Зачем подаете детям пример суеверий?

— Вреда не будет, — пробормотала она и потупила глаза, — Обычай, госпожа Верден! Что ж тут такого! Детям полезно помнить о старых традициях. Да и вам не мешало бы... вы возле кладбища живете. Не хотела бы я оказаться рядом с погостом в Дикую ночь.

Я напустила на себя равнодушно-непонимающий вид.

Все словно только и ждут, что этой ночью мне придется познакомиться с местными призрачными страшилищами. Но у меня полно других, куда более реальных забот и проблем.

* * *

Во время пустого урока я наведальась в сторожку школьного уборщика. Небольшой каменный домик выглядел аккуратно, стены недавно побелены, на крыльце новые доски, однако ставни на окнах закрыты наглухо, из трубы не идет дым и дверь заперта. Я долго стучала и в дверь, и в окна, но из дома не донеслось ни звука.

Похоже, никого нет. Может, Виктор и Ланзо отлучились ненадолго и скоро вернуться? Вдруг у Лукаша от постоянных возлияний и правда начались галлюцинации, и он заперся изнутри и не дает Ланзо откликнуться? Не вышло бы беды!

Тревога грызла сердце. Я обошла дом раз, второй. Заметила, что на сторожке нет ни одного оберега, лишь над дверью висит подкова.

Небо затянуло низкими тучами, в саду неподалеку тоскливо орали грачи. Ветер трепал юбку, скоро я озябла до косточек и поспешила вернуться в школу, к камину в учительской.

После уроков загляну в сторожку еще раз. Если Виктор и Ланзо не появятся, подниму тревогу. Тут не до шуток. Угораздило директора заболеть именно сегодня! В его отсутствие в школе распоряжалась госпожа Барбута, а она, на мой взгляд, ко многим вещам относилась легкомысленно. Когда я спросила ее, куда мог подеваться Лукаш, она сложила пухлые руки на животе, задумалась, и предположила, что он засел в трактире.

— Не беспокойтесь, госпожа Верден. Лукаш и раньше такое вытворял. Объявится, куда денется! Господин директор терпит его выходки до поры до времени. В остальное-то время Лукаш исправный работник. Получает жалованье за одного, а работает и за сторожа, и за уборщика, и за садовника.

— Я не о нем беспокоюсь, а о Ланзо. Он не явился на занятия.

— И о Ланзо не беспокойтесь. Мальчику не повезло с отцом, но другой родни у него нет. Такая уж его доля, — госпожа Барбута тяжело вздохнула и покачала головой.

После уроков я задержалась в учительской в надежде, что Ланзо все же появится. Кроме того, сегодня была моя очередь навести порядок в классах и запереть школу. В отсутствии школьного уборщика это приходилось делать учителям.

Проверила тетради, подготовилась к урокам, почитала учебник профессора Кристиана Рейна. Время двигалось к вечеру, учителя ушли по домам; пора было и мне выдвигаться.

Впрочем, я не горела желанием уходить. Невольно вспомнились слова госпожи Барбуты: «Не хотела бы я оказаться рядом с погостом в Дикую ночь...». При мысли о том, как я возвращаюсь в опустевший Кривой дом, запираюсь на засов и всю ночь прислушиваюсь к разным шорохам, становилось не по себе. Дома меня ждет лишь кабан; людей его клыки пугают, а вот призраков? Все-таки тут, в городе, я ближе к людям...

В школе стояла мертвая тишина. Впрочем, не совсем мертвая: в ней было полно звуков, обычно скрытых дневным шумом. И теперь мне открылись неслышные тайны школы: скрип половиц и разохшихся филенок, посвистывание ветра в дымоходе, потрескивание в камине.

Я оделась и заглянула в каждый класс, проверяя, все ли в порядке.

Мои шаги гулко звучали в темном коридоре, а двери надсадно скрипели, когда я их толкала. Эти звуки отдавались в сердце неприятным холодком. Да еще и погода окончательно испортилась; ветер завывал в дымоходах на все лады.

Хотелось стремглав выскочить на улицу, но я заставила себя обойти классы, проверить, не остался ли уголек в камине и закрыты ли ставни.

И только когда убедилась, что все в порядке, вышла на крыльцо и повесила на дверь замок. Пальцы заледенели от растущей тревоги и плохо слушались, в спине подрагивала от напряжения жилка.

Даже мой Кривой дом у погоста казался куда уютнее, чем покинутая учениками школа и пустой двор, где на ветру скрипели качели и качались ветки мертвого каштана.

Я завернула за угол и убедилась, что обитатели сторожки не появились или не подают признаков жизни. Придержала шляпку, которую так и норовил сбить ветер, и задумалась.

Еще не поздно: заеду-ка в трактир, расспрошу хозяйку и посетителей о Лукаше... Если ничего не узнаю — навещу директора. Иначе спать спокойно не смогу — буду гадать, где Ланзо и все ли с ним хорошо.

По пути стоит заглянуть к господину Анвилу. Может, он что подскажет; Ланзо частенько забегал к изобретателю по делам. Кроме того, мне хотелось обсудить с Анвилем мою недавнюю вылазку в лес и приключения в тумане.

* * *

В окнах дома Анвила горел свет. Я прислонила велосипед к стене, поднялась на крыльцо и осторожно коснулась металлической ручки звонка. И тут же отдернула ладонь и на всякий случай сбежала с крыльца.

Кто знает, какие еще улучшения внес в охранную систему чудаковатый изобретатель! Вдруг теперь рука отвечает тумака непрошеному посетителю.

Дом взвыл и загрохотал, через секунду дверь приоткрылась и в щели показалась седая борода и закрученные усы Амброзиуса Анвила.

— Добрый вечер, — поздоровалась я учтиво, но с некоторой опаской. Когда говоришь с Анвилем, неизвестно чего ожидать. — Мне нужно кое о чем вас расспросить. Можно войти? Обещаю, пальцем ни к чему в доме не прикоснусь.

— Ладно, входите, — неохотно разрешил Анвил, поразмыслив, и шире открыл дверь. Я приободрилась: наконец-то посмотрю, что

прячется за стенами самого таинственного дома в Крипвуде!

Вслед за хозяином прошла по узкому темному коридору в гостиную, села на краешек предложенного кресла и огляделась.

В доме изобретателя царило удивительное сочетание хаоса и порядка.

В гостиной ни пятачка свободной поверхности. На стенах гроздьями висят приборы. Шкафы ломятся от книг, полки — от инструментов и полуразобранных механизмов. Там, где у обычных людей стоит сервант с посудой, возвышается стальной шкаф. Он гудит и потрескивает, а на уходящих в дверцу кабелях проскакивают синие искры. На столе россыпью лежат гайки, под потолком тянутся провода. Пахнет машинным маслом, гарью и чем-то едким, но ни пылинки, ни соринки.

— Что вы хотели, госпожа Верден? — нетерпеливо спросил Анвил, дергая себя за ус. Изобретатель был возбужден и немного нервозен. Он расхаживал по комнате и время от времени бросал взгляд на пустынную улицу за окном.

— Ланзо пропал. И его отец. Сторожка закрыта, — поделилась я главной тревогой.

Анвил повернулся на мой голос, в его очках сверкнуло отражение маленьких электрических лампочек.

— Вернется, — нетерпеливо махнул рукой Анвил. — Наверняка отправился проведать знакомого. В такую ночь местные не любят оставаться сами по себе.

От слов Анвила от сердца немного отлегло. Госпожа Барбута, вон, тоже предположила подобное. Что ж, возможно, и правда зря беспокоюсь.

— У вас все? — Анвил недвусмысленно намекнул, что пора бы гостье и честь знать.

— Еще хочу рассказать о том, что видела в лесу неделю назад.

Анвил вздохнул и оседлал стул задом наперед, сложив руки на спинку — приготовился слушать, раз выставить гостью не удалось.

— Слышал, вы все-таки умудрились заблудиться.

— Да. Я расскажу...

Анвил на мой рассказ отреагировал, как и Роберваль: со смесью удивления и скептицизма. И вердикт вынес тот же:

— Вам показалось.

— Нет, — упрямо покачала я головой. — Это не была иллюзия.

— Так твердят все люди, страдающие галлюцинациями. На то они и галлюцинации, чтобы быть неотличимыми от реальности. Есть у меня одна теория, — добавил он поразмыслив. — Что, если болотный туман ядовит? Вызывает видения, если им надышаться. На болотах ведь еще и грибы эти растут, ну, как их... *boletus magicus*.

— Они не вызывают видений. У них другие свойства. А ядовитый туман... не слышала о подобном явлении.

— В мире есть немало непознанного.

— В вашем механическом театре я видела куклу — точное подобие болотного монстра. Скажите, откуда вы взяли этот образ?

— Из рассказов очевидцев. В старинной книге в местной библиотеке есть рисунок. Это, кстати, хорошо укладывается в мою теорию: один несчастный нафантазировал, а другие так впечатлились, что стали видеть похожие галлюцинации. Известное в психиатрии дело. Массовая истерия.

Анвил еще немного подумал.

— Можете показать, где видели этого... монстра? — вдруг озадачил он меня.

— Нет. Во-первых, не помню дороги. Во-вторых, совершенно не тянет опять туда идти.

— В вас нет ни капли исследовательского интереса, — Анвил обвиняюще ткнул в меня указательным пальцем.

— Был да весь сплыл. Мне не понравилось блуждать в лесу в тумане. Скажет, господин Анвил... вы родились в Крипвуде и живете здесь всю жизнь?

Анвил угловато двинул плечами. Снял и протер очки, надел, и как-то очень уж остро посмотрел мне в глаза.

— Нет. Я не местный. Приехал сюда десять лет назад.

— Почему?

Мой вопрос рассердил его: глаза за стеклами очков гневно сверкнули, усы всторопорщились.

— А вы любите совать нос не в свое дело, госпожа Верден.

— Очень люблю. Особенно когда кто-то водит меня за этот самый нос и сует под него разных чудищ.

Он негодующие фыркнул.

— Что за инсинуации! Ладно. Слушайте. Как вы знаете, я исследую метеорологические явления и воздушное электричество. Десять лет назад я обнародовал свои исследования. Мои выводы высмеяли и отказались публиковать. А спустя полгода мой самый яростный критик опубликовал их под своим именем. Я пробовал добиться справедливости, но меня обвинили в воровстве научных идей. Меня, а не его!

Анвил от злости заскрежетал зубами. Он вскочил со стула и принялся расхаживать по комнате взад и вперед, сцепив руки за спиной.

— И что вы сделали?

— Вздул жирного профессора, разумеется. Отдубасил его так, что лицо у него стало, как старая подушка. Меня исключили из всех научных обществ. Я обиделся и уехал из столицы. Выбрал Крипвуд, потому что здесь можно наблюдать интересные воздушные потоки. Холодные с побережья, теплые из леса, необычные по интенсивности грозы, куча аномалий. Не думал, что задержусь здесь надолго, но... — он развел руками и горько усмехнулся. — Вот уже десять лет, а я все еще тут. Быть может, и вас ждет похожая судьба. Болото затягивает. Бегите отсюда, пока не поздно. А то кончите, как я. В забвении и одиночестве.

Глава 19

Дикая ночь

После признания и мрачного пророчества Анвил без церемоний выставил меня из дома.

Он глянул на часы, подпрыгнул, насупился и заявил:

— Вам пора. Идите, идите же!

Пока я шла к выходу, он нетерпеливо подталкивал меня в плечо твердыми пальцами и захлопнул дверь за моей спиной с таким грохотом, что даже в ушах зазвенело.

Ничего не оставалось, как сесть на велосипед и покатить прочь.

Мне хотелось ехать быстро, но ноги еле ворочались, и приходилось смотреть в оба.

Ночь навалилась на город как-то очень уж быстро. Я рассчитывала, что у меня есть в запасе час-два, но просчиталась. Улицы, дома, переулки — все превратилось в глухую тьму. Фонари мигали и грозили погаснуть каждую секунду.

На город, закрывая и без того черное небо, напозла туча. В деревьях шумел ветер, стучал флюгерами и вывесками, кидал в лицо пыль и опавшие листья.

Безлунные и беззвездные ночи и без того вызывали у меня смутную тревогу, а теперь меня даже дрожь пробрала — уж больно мрачным казался город. Ни огонька в окне, ни человека на улице, двери на засовах, ставни закрыты наглухо. Однако на домах появились новые обереги и намалеванные мелом символы. Кто-то не поленился — насыпал на мостовой перед входом соляной круг, который, как говорят, не смеет переступить ни одна ведьма и ни один призрак!

Крупная соль трещала под колесами велосипеда, а ветер безжалостно уносил остатки.

Я ехала в «Хмельную корову» поговорить с хозяйкой о Викторе Лукаше. Но трактир оказался закрыт на тяжелый засов, хотя час был еще не поздний.

Не желая сдаваться, постучала в дверь кулаком. Внутри были люди — из глубин дома донеслась короткая реплика, произнесенная

сердитым женским голосом. Но слова, что удалось разобрать, давали понять, что мне ни за что не откроют, хоть я головой о дверь бейся.

Пришлось убраться несолоно хлебавши.

Я постояла на перекрестке, раздумывая, как поступить. Решила: все же навещу господина Степпеля. Исчезновение Ланзо не давало мне покоя.

Может, заглянуть в полицейский участок? Я была шапочно знакома с единственным полицейским города, но его вид не внушал доверия.

Должность полицейского в городе занимал хрупкий юноша с мечтательным взглядом, и мундир его был очень уж тщательно выглажен и прилажен по фигуре. У меня сложилось впечатление, что офицер Брасс больше заботится о своей красоте и глубоком внутреннем мире, чем о порядке в городе.

Но если придется — заеду и в участок! Но сначала к господину директору...

Я крутила педали, стараясь не приглядываться к темным провалам переулков и арок. Порыв ветра обжег холодом лицо, истошно заскрипели флюгера. Но хуже всего — где-то сорвало кабель от электростанции, и фонари погасли. А масляные фонари в этот вечер никто и не думал зажигать. И оттого на узкой улице стало темно, хоть глаз выколи.

Пришлось остановиться. Бессильная брань рвалась сквозь зубы, а зубы стучали от озноба.

Глухая темень кругом, какая бывает лишь в осенние ненастные вечера. Повсюду непроглядный мрак, очертания домов выступают как призраки.

Сотворив беду, ветер утих. Теперь шорохи, скрип колес звучали очень громко — настолько пустынной была тишина. Казалось, в подворотнях и переулках притаились чудовища и дышат оттуда могильной сыростью.

Неделю назад в лесу, в полном одиночестве, мне и то не было так жутко. Теперь люди недалеко, но они затаились за толстыми стенами и не спешат выйти к одинокой путнице.

Придется отложить поиски Ланзо — тут домой бы добраться!

Не доверяя колесам, я спустилась с велосипеда и повела его, слепо шагая по тротуару. Стараясь при этом не думать о скором

путешествии через пустырь вблизи погоста.

Хоть бы Велли ждал моего возвращения на окраине города! Клыкастый и уверенный в себе проводник мне бы сейчас не помешал.

До конца улицы осталось лишь несколько домов — пустых складов, — впереди ждала чернота. Внезапно в этой черноте появилось голубоватое светящееся пятно. Оно упало на мостовую и плавно ползло вперед. Свет шел из переулка, который, как я знала, заканчивался тупиком.

На свет фонаря это нисколько не походило. Свет был потусторонний, неверный, как отблеск болотного огонька.

Я замедлила шаг, вслушиваясь, но шума чужих шагов не различила. И тут, прямо передо мной, из переулка выплыл... призрак.

Именно выплыл: он висел на два локтя над землей и выглядел, как самый настоящий, реальный призрак — если так можно выразиться о явлении не из мира сего.

* * *

Неудивительно, что я обомлела от страха. У призрака была устрашающая и мерзкая внешность.

На бесформенном теле колыхался длинный саван. На подоле чернели подпалины, как от огня. То, что находилось под саваном (Истлевшее тело? Сгусток протоплазмы? Выкрашенный фосфором мешок соломы?) светилось мертвенно-голубоватым светом. На голове призрака сидела низко надвинутая разбойничья треуголка.

Лица под треуголкой не видать; лишь темнеет треугольная, почерневшая от огня прореха, похожая на искаженный в муке рот.

Я сдавленно охнула и выронила велосипед; он с грохотом повалился на мостовую, но наступившая потом тишина была куда страшнее.

Призрак не издавал ни звука; он плыл прямо на меня. От него пахло сырой землей и горелой плотью.

Ужас сковал мои ноги, зато волосы зашевелились, а по спине пробежала ледяная струйка пота. Потом застучали зубы и затряслись колени.

Призрак замер; треуголка медленно наклонилась налево, направо — призрак как будто принюхивался, не имея глаз, чтобы видеть. Замер, подался вперед — мои уши уловили тягучий стон, похожий на выдох, и из прорехи в саване потекла струя белесого тумана.

Щупальце тумана коснулась лица, ледяные капли обожгли кожу — не оставляя сомнения в том, что это не иллюзия и не галлюцинация!

Налетел порыв ветра, и влекомый им призрак быстро устремился в мою сторону. Рот-прореха безобразно растянулся в гримасе бешенства, лохмотья савана бились и трепетали, а затем край одеяния приподнялся, и я различила тонкие, бледные кости руки, дочерна обгоревшие на концах!

Пальцы скелета скрючились, желая впиться мне в лицо.

Но ждать, когда меня пощупает призрачная рука, я не стала — повернулась и побежала со всех ног.

Гадать, что за явление меня преследовало, было некогда. Довольно того, что оно выглядело опасным. Поэтому я бежала, не раздумывая. Стараясь не представлять, как острые обломки костяных пальцев вонзаются в мои глаза.

Призрак не отставал. По камням мостовой под ногами быстро текло голубоватое сияние, а шею вновь обожгло холодом — призрак продолжал изрыгать ледяной туман!

Совершенно не хотелось узнать на собственной шкуре, на что он еще способен.

Каблуки звонко стучали по камням, дыхание с хрипом вырывалось из горла. Звать на помощь бесполезно: горожане лишь проверят, надежно ли закрыты засовы, и спрячутся поскорей под одеяла. Да и не вышло бы кричать: я ослабевала от бега и отупела от растерянности.

За спиной опять раздался протяжный выдох-стон, сбоку мелькнул оранжевый всполох, в шею дохнуло жаром. Куча сухих листьев у обочины взметнулась вверх, рассыпая пепел и искры.

Монстр перешел к метанию огня!

Призрак Грабба — судя по треуголке, мне встретился именно он — основательно запасся разнообразным потусторонним оружием. Если у него под саваном спрятана разбойничья сабля, мне конец.

Я неслась в темноту молча и сосредоточенно. Метнулась в переулок, перемахнула через ограду, пробежала по грядке — из-за

забора мне вслед неуверенно гавкнула собака — и внезапно вылетела на главную улицу города.

Впрочем, фонари здесь тоже не горят, и ни души вокруг.

Но впереди светится одинокий квадрат окна в доме за высоким кованым забором.

Я понеслась к дому, как мотылек на лампочку. Ни одной толковой мысли в голове больше не было, только липкий страх и глубокое недоумение.

Но тут случилась новая беда: каблук изношенного ботинка зацепилась за камень, ногу пронзила боль. Подошва отвалилась и осталась лежать на земле.

Я взвыла; камни мостовой впились в кожу. Зато теперь мне почти не было страшно, было адски больно, и думалось лишь о том, как бы не упасть.

На бегу оглянулась через плечо и не увидела призрака. Возможно, его отпугнул мой вопль. Но это могло быть уловкой, поэтому замедлить шаг я и не подумала; продолжала бежать, хромя и постанывая.

Вот и конец улицы, и последний дом, большой и богатый. Я уже поняла, кому он принадлежит. Но помощи ждать неоткуда, и поэтому я вцепилась в холодные прутья ажурных ворот и потрясла. Ворота поддались под моей рукой, створка скользнула внутрь — не заперто!

Из последних сил я проковыляла по каменной дорожке к крыльцу. Дом был высок и темен, лишь одно окно светилось в левом флигеле. Но и перед дверью горели небольшие фонари, таинственно подсвечивая снизу разросшуюся сирень у крыльца.

Взбежала по крыльцу, задыхаясь, и сильно постучала в дверь.

* * *

Глубоко в доме слышались шаги; я обернулась, изучая темный сад, но голубоватого сияния не увидела. В дом Роберваля призрак ползть не решился. Возможно, он затаился в переулке и ждет, когда хозяин дома выставит меня прочь — тут-то безглазый со мной и разберется.

Наконец, дверь распахнулась. Я держалась за ручку, и поэтому чуть не ввалилась внутрь, но успела вовремя отпрянуть.

В проходе, освещенный со спины, стоял сам хозяин дома.

Увидев меня, он не выказал удивления. Открыл пошире дверь, шагнул в сторону и кивнул — пригласил войти. Просить дважды ему не пришлось; я ринулась внутрь и прислонилась к стене, хватая ртом воздух.

Роберваль осмотрел меня с ног до головы — зрелище наверняка было странным и жалким, потому что его брови взметнулись вверх, а ноздри нервно дернулись.

Он заложил большие пальцы за подтяжки — Роберваль вышел ко мне по-домашнему без пиджака, рукава рубашки закатаны до локтей — еще несколько секунд безо всякого выражения смотрел на мое покрасневшееся лицо, а потом спросил:

— Чем обязан позднему визиту?

Я помотала головой, потому что на объяснения дыхания не хватало.

— Не просто же так вы забежали поздороваться?

— За мной гнался призрак, — выдавила я. — Хотел меня заморозить, или сжечь, или порубить на кусочки. Я подвернула ногу. В вашем доме горел свет. Пришлось прийти к вам.

Редко я так переживала, как в ту минуту, когда ждала его ответных слов.

— А, призрак, понятно, — кивнул Роберваль совершенно спокойно, как будто к нему каждый день забежали на огонек перепуганные жертвы привидений. — Сегодня же Дикая ночь. Что ж, прошу. Только не шумите — все уже спят.

Я шагнула, охнула и начала падать. Ногу как будто пронзила огненная спица от пятки до самого бедра. Перед глазами замелькали красные мошки.

Роберваль придержал меня за плечо и, вероятно, только теперь понял, что дело серьезное. Без лишних слов он подхватил меня за талию и повел по коридору.

— Обопритесь на меня, — велел он.

Я послушно уцепилась за его плечо и запрыгала.

Из всех помещений в доме он привел меня на кухню. Сухое тепло ударило мне в голову. Безумный бег сначала разгорячил меня, но и

высосал все силы, и теперь тело бил нешуточный озноб.

— Садитесь, Эрика.

Роберваль придвинул высокий старинный стул и усадил меня.

— Вы ранены?

— Нет. Только нога... подвернула. На ботинке отлетела подошва.

Он молча ушел вглубь кухни; загремели склянки, полилась вода.

Я огляделась.

Кухня просторная, обставленная в старинном духе. Здесь не только готовят пищу; здесь отдыхают и коротают долгие вечера. Потолок низкий, с балками. У большого очага, выложенного грубым камнем, стоит удобная скамья. Весело трещат поленья, на отполированной решетке вспыхивают отблески. Напротив — еще одна печь, чугунная, где готовят еду. Буфеты массивные, тяжелые, с витражными стеклами. В центре стол: широкий, темного дерева. Столешница припорошена мукой, лежит скалка, рядом расставлены чашки, плошки, бумажные пакеты, но кухарки не видать. На мягком стуле, тесно придвинутом к столу, сидит смешной тряпичный заяц с длинными ушами и лапами. Я улыбнулась, узнав любимую игрушку Регины — она приносила ее в школу похвастаться.

Корнелиус вернулся, поставил на пол небольшой таз с водой. Опустился на колено и споро расшнуровал мой ботинок. Закончив, осторожно потянул его, снял и взялся твердыми пальцами за мою лодыжку.

— Вы сбили ногу до крови. Нужно промыть и обработать, — сказал он. — Снимите чулок.

Он поднял голову и посмотрел мне в лицо. В его темных глазах плясали красноватые отблески пламени.

— Послушайте, не надо, я сама...

— Снимайте чулок, Эрика. Или хотите, чтобы это сделал я?

Он даже не отвернулся, когда я приподняла юбку и неловко отстегнула подвязку. Но мне было уже все равно; на меня навалилась тяжелая усталость и равнодушие.

Он все же помог мне; перехватил мои руки и стянул грязный, изорванный чулок. А потом без церемоний опустил мою ступню в таз с теплой водой — в первый момент я зашипела сквозь стиснутые зубы от боли — и начал осторожно промывать раны.

Я изо всех сил вцепилась в края стула. Корнелиус крепко держал лодыжку, чтобы я не дергалась, его пальцы скользили по подошве. Закончив, он чем-то смазал кожу и обернул ступню мягкой тканью.

Но он зачем-то подержал еще немного за щиколотку, скользнул ладонью выше, к колену. Я смотрела, как его длинные пальцы сжимают мою ногу, и в груди у меня стало жарко от его вольности. Корнелиус отпустил мою ногу и поднялся.

— Ничего страшного, — сказал он угрюмо, вытирая руки о переброшенное через плечо полотенце. — Порезы неглубокие, вывиха нет. Похромаете денек и вновь сможете бегать.

— Спа... спасибо, — выдавила я.

Стоило боли отступить, как вернулось чувство неловкости. То, что он сделал, показалось мне глубоко интимным. Даже Андреас не касался меня столь уверенно, но осторожно, с трепетом и скрытой силой. Пальцы Корнелиуса были жесткими и горячими; я до сих пор словно чувствовала их прикосновение.

Легкий сквозняк пощекотал обнаженную кожу ноги; я вздрогнула и опустила юбку.

— Не смущайтесь, — сказал Корнелиус. — Если помните, мне уже не впервой вас лечить после ваших приключений. Скоро это войдет в привычку. Подогрею вам вина со специями. Отдохнете, подкрепитесь, и расскажете, что вы там не поделили с призраком.

* * *

Он отошел к буфету, достал бутылки, пакетики со специями и медную кастрюльку; смешивал, гремел, шуршал. Поставил кастрюльку на плиту, и через пять минут вручил мне кружку, исходящую пряным паром.

— Пейте и приходите в себя, — велел Корнелиус. — Собирайтесь с мыслями.

Он отошел к столу, снял полотенце с глубокой круглой миски; оказалось, она была полна поднявшимся тестом. Корнелиус выложил тесто на широкую доску и принялся раскатывать тяжелой скалкой.

Я смотрела на него, вытаращив глаза.

— Что вы делаете?

— Хлебные лепешки со специями. Чутьочку майорана, розмарина, тмина и морской соли. Не люблю хлеб из местной булочной. Слишком пышный и мягкий. В зубах вязнет.

— Вы сами готовите еду дома?!

— Только когда есть о чем подумать, — он поднял голову и посмотрел на меня с любопытством. — Меня умиротворяет это занятие. В голову приходят хорошие решения и мысли. Регине нравится моя стряпня. Но я нечасто ее балую. У нас есть кухарка. Пейте вино, Эрика. Потом угощу вас хлебом.

Он продолжил работу, больше не обращая на меня внимания.

Я замолчала, озадаченная. Ни разу не встречала обеспеченного человека, — мужчину! — который любил бы коротать досуг на кухне, с руками по локоть в муке.

Какое-то время мы молчали. Я мелкими глотками пила подогретое вино. Отблески огня золотом вспыхивали в темной жидкости. Стулья с высокой спинкой бросали на стены фантастические тени. Пахло медом, корицей, дымом, и немного — смолистым табаком Корнелиуса.

Страшная ночь и ее призраки остались за черными стеклами. Что бы там ни происходило, здесь я чувствовала себя в безопасности.

Тихо постукивала скалка по столешнице, трещали поленья. Было тепло и уютно. На меня нашло оцепенение: ни мыслей, ни чувств, только усталость, приятный жар от горячего напитка и очага и покой.

Корнелиус ловко пересадил лепешки на жестяной противень и отправил его в духовку. Скоро кухня наполнилась ароматом свежего хлеба и специй; я невольно сглотнула.

Хозяин дома достал кисет и трубку, жестом спросил у меня позволения закурить, придвинул ближе ко мне скамью, что стояла у очага. Сел, широко расставив ноги, глубоко затянулся, выпустил облако дыма и посмотрел мне в лицо. Его взгляд был одновременно задумчивым и испытующим, словно он пытался решить в уме сложную задачу.

— Готовы говорить? — вдруг спросил он резко.

Вот и начало допроса.

Тени сделали лицо еще более угловатым и жестким, шрам налился красным, а пронзительный взгляд из-под насупившихся бровей напугал меня. Долгий момент я смотрела на него и вдруг увидела перед собой разбойника, который живет в лесном особняке

вдали от людей и ведет игру по своим правилам, не зная ни дружеского участия, ни сострадания. Я вздрогнула и прогнала неожиданный образ.

— Да, я расскажу, что произошло.

Стараясь говорить коротко, без эмоций, я поведала ему обо всем, что случилось за день: о том, как пропал Ланзо и его отец, как я задержалась в школе, пыталась их разыскать и наткнулась на привидение.

Корнелиус молча выслушал, вытащил изо рта трубку, постучал чашечкой по каминной решетке и только потом заговорил:

— Эрика, вы же не верите, что встретили самого настоящего призрака?

— Я уже не знаю, во что верить! Выглядел он как заправское привидение. Летал, носил обгоревший саван и разбойничью треуголку. Светился. Изрыгал ледяной туман и огонь. Стонал.

— Какие, говорите, поделки готовят ваши ученики на ярмарку? Очень уж этот призрак похож на розыгрыш.

Да, у меня были подозрения, что дело нечисто. Не в том смысле, что я столкнулась с подлинной нечистой силой, а в том, что стала жертвой грязной выходки...

— Если так, не представляю, как они его провернули. Если это иллюзия, то такая ни одному сенситиву не под силу.

— Одному сенситиву действительно не под силу, — загадочно сказал Роберваль, встал и отправился вынимать лепешки из духовки. — Попробуйте. Не обожгитесь, — он протянул мне тарелку; я отломил кусок лепешки, ойкнула, подула на пальцы и откусила.

— Восхитительно, — призналась я. — Мне никогда не научиться так вкусно готовить.

— С удовольствием научу вас.

Он опять опустился на скамью.

— Завтра схожу в полицейский участок и заставлю офицера Брасса поискать Лукаша с сыном.

— Вы думаете, с ними случилось что-то ужасное?!

— Не волнуйтесь. Дикую ночь люди предпочитают проводить не одни; скорее всего, Виктор тоже отправился в гости. У него есть друзья — точнее, собутыльники — среди сезонных рабочих.

— Но что делать с Ланзо? Ему опасно жить с таким отцом.

Корнелиус равнодушно пожал плечами.

— Не знаю, что тут можно сделать.

— Но вы глава попечительского совета!

— Это не значит, что я могу отбирать детей у их живых родителей. Эрика, не пытайтесь заботиться обо всех сразу. Вам о себе бы сначала позаботиться. Пока все, что вы делаете, приносит вам неприятности. Вы с головой бросаетесь в то, о чем имеете смутное представление.

Я не любила упреков, пусть даже заслуженных, поэтому упрямо возразила:

— Я не могу оставаться в стороне. Да и вы тоже любите совать нос не в свое дело!

И тут я вспомнила, что он сделал на днях, в горле стало горько, и я бросила в запале:

— Вон, не поленились нанять сыщика, чтобы выяснить мою подноготную, да только выводы сделали из полученной информации неверные!

* * *

Я сердито отставила тарелку и сцепила пальцы.

Да! Я бросила упрек в лицо человеку, который дал мне укрытие в эту страшную ночь. Но я не забыла с кем имею дело. С мужчиной, который запер свою жену в сумасшедшем доме, где она умерла. Возможно, покончила с собой. В это легко поверить, зная порядки в клинике святого Модеста. И этот мужчина наверняка многое скрывает. Он полон загадок и недомолвок. И он вовсе не на моей стороне.

Корнелиус молчал.

Я держала спину прямо, чтобы не показать обиды, но в груди у меня все так и сжималось. Слезы кипели на веках, и я чувствовала себя глубоко несчастной.

Нужно успокоиться. Никогда в жизни я не полагалась на мужчин, а уж в последнее время — тем более. Меня не должно волновать то, что думает обо мне Корнелиус Роберваль, твердила я себе.

— Спасибо, что впустили в дом, обогрели, накормили и напоили — сухо сказала я. — Однако мне нужно идти. Мне неловко просить, но

не может ли ваш шофер отвезти меня до Кривого дома? Одна я вряд ли дойду.

— Никуда вы не пойдете. Останетесь у меня до утра. Разбужу Алисию, она вас устроит в своей комнате, поэтому ваша репутация не пострадает. А завтра найду для вас новое жилье в городе, поближе к школе. Я позабочусь о вас, Эрика.

— Благодарю, это лишнее, — ответила я спокойно, но внутренне клопоча. — Справлюсь сама. Всегда справлялась. Я не нуждаюсь в заботе окружающих.

Я встала, скрипнув зубами от боли в ноге. Поднялся и Корнелиус; он сделал шаг и положил руки мне на плечи. Я изумленно вздернула голову; его глаза смотрели на меня спокойно и сурово.

— Эрика... — он на миг прикрыл глаза и мотнул головой. — Эрика, послушай... позавчера я вышел из себя и наломал дров. Прости. Попробуй меня понять. Ты знаешь, что случилось с моей женой и почему я не доверяю Одаренным.

— И поэтому, получив донос, ты сразу вынес мне приговор. Заклеймил преступницей без суда и следствия.

— Нет! — он замолчал, вздохнул и признал: — Да. Верно. Будь на твоём месте кто-то другой, я вел бы себя иначе. Но ты... все, что связано с тобой, мне дается непросто.

Он опять замолчал, подыскивая слова.

— Пожалуйста, Эрика, давай начнем заново. Тебе не нужно справляться с трудностями в одиночку.

— Я всю жизнь справляюсь в одиночку! И прекрасно жила. Что ты о себе возомнил...

Я попробовала освободиться, но он мягко потянул меня, потом опустился на скамью, усадил к себе на колени и обнял.

— Корнелиус, что ты делаешь! — запротестовала я.

Мое сердце билось как бешеное, от близости Корнелиуса и его внезапной нежности мой гнев пропал, но обида не ушла — мне было больно и страшно.

— Я держу тебя. Я тут, с тобой... — пробормотал он успокаивающе и крепче сжал руки. Наши лица почти соприкасались, его черные глаза — больше не пустые, но страшные в своей выразительности — не отпускали мой взгляд. — Эрика, я понимаю, ты никому не доверяешь. Говоришь: я сама по себе. Я справлюсь. Мне не

о чем грустить. Но ведь это неправда. Ты пытаешься бороться, гнуть свою линию, но на самом деле прячешься. Я хочу помочь тебе.

— Корнелиус, прекрати так говорить! Ты ничего обо мне не знаешь.

— Уже знаю. Очень много... больше, чем ты знаешь сама о себе. Ты хочешь жить по своим правилам. Но пока не знаешь, как этого добиться, и не знаешь, каким жестоким может быть мир. Ты сильно горевала, когда узнала о предательстве жениха, верно? Тебе было жутко, когда тебя заперли в клинике. Моя бедная Эрика...

Его голос звучал так мягко, что я вдруг расплакалась. Крепко сжимала губы, чтобы не всхлипывать, мотала головой, стараясь остановить слезы.

Корнелиус провел рукой по моей спине, а потом крепче прижал к себе и поцеловал.

Легко, очень легко его губы коснулись моих. Поцелуй получился простым, ласковым. Именно таким, который должен успокоить.

Я закрыла глаза; его губы пахли корицей и смолой, а руки и плечи были теплые и твердые под моими ладонями. Я приоткрыла рот, принимая его поцелуй, и обняла его за шею. Его руки сжимали меня все теснее, словно он хотел одновременно и защитить, и раздавить меня, но сопротивляться я и не думала. От его поцелуев я опьянела, как не опьянела от вина. Я пылала словно в горячке; мне хотелось смотреть на него, и трогать, и вдыхать его запах, и быть еще ближе!

Наверное, я хотела этого с того самого момента, как увидела его в первый раз, когда он шел навстречу ко мне в комнате, полной незнакомых людей, а я видела только его и его глаза, мертвые и пугающие, но теперь он был другой — свой, близкий, незнакомый и знакомый мужчина! Я злилась на него и восхищалась им, и всегда, когда он оказывался рядом, не могла оставаться спокойной — теперь то стало ясно, почему. Он словно околдовал меня, этот потомок разбойника...

Но и он терял контроль; теперь его поцелуи стали яростными, почти грубыми, и неизвестно, чем бы это кончилось, если бы я не покачнулась и не соскользнула с его коленей. Он придержал меня, но не отпустил; прижался лбом к моему лбу и несколько секунд молчал, тяжело дыша.

У меня дрожали руки, и губы, и сердце.

— Я думал, что это происходит только со мной, — вдруг сказал он хриплым и неловким шепотом. — А ты, оказывается... тоже?

— Да. Я тоже, — призналась я и сама испугалась своего признания.

Лицо у него было напряженное, на шее и виске бились жилки. Не удержавшись, я коснулась пальцем его щеки и провела по шраму. Он перехватил мою руку и сжал.

— Надо подумать, как нам быть дальше.

А вот тут я уже испугалась по-настоящему.

— Не надо. Не сейчас. Корнелиус... погоди. Не торопи меня.

— Я знал, что ты так скажешь.

— Мне нужно задать тебе много вопросов и получить ответы.

— Эрика, я не обещаю, что отвечу на все. По крайней мере, не сразу.

Я осторожно высвободилась из его объятий.

— По-моему, у тебя сгорели лепешки. Слышишь, пахнет гарью.

— Дьявол!

Он поднялся и стал возиться у печки. Я получила минутную передышку. Схватила кружку и отхлебнула большой глоток; поставила кружку, откинула растрепавшиеся волосы со лба, яростно потерла горящие щеки.

Эрика, угораздило же тебя влюбиться! Так нелепо, в совершенно неподходящего, малознакомого мужчину!

Проще всего верить в воображаемую любовь. В ту, что ты выдумываешь. О которой читаешь в книгах. Такая любовь безопасна и не приносит боли. Но этот мужчина — он реален, и он настойчив, и он собирается обсуждать то, «что будет дальше»!

Что же будет дальше? И я испытывала острое, мучительное желание быть рядом с Корнелиусом. Но не с тем мужчиной, которым он был большую часть времени — язвительным, холодным, с мертвыми глазами и неуживчивым характером, а с тем, кем он был со мной минуту назад — понимающим, нежным, надежным, готовым защитить! Но, наверное, такого Корнелиуса и нет вовсе. Он существует лишь в моем воображении.

— Пойдем, — Корнелиус взял меня под руку. — Отведу тебя к Алисии. Она тебя устроит на ночь и подберет одежду из своего гардероба.

— Твоя гувернантка ниже меня на полголовы, — ответила я неприязненно. — Я не влезу в ее платье. Пожалуйста, не надо ее будить. Корнелиус, мне плевать на сплетни и мою репутацию, но все же я не могу остаться у тебя. Что подумает Регина утром? Извини, что доставляю столько хлопот, но не мог бы ты проводить меня домой?

— Ладно, — согласился он нехотя. — Отвезу тебя.

Все же он добыл для меня обувь — старые, но крепкие ботинки; судя по фасону, принадлежали они не Алисии, а его экономке. Надеюсь, он сумеет утром объяснить почтенной даме их пропажу.

Мы молча вышли из дома, прошли через темный сад на аллею к гаражу. Корнелиус вывел автомобиль. Удачно, что сад у него такой большой и гараж далеко от дома; его домашние и не услышат, что хозяин куда-то отправился на ночь глядя.

Дорога до Кривого дома заняла не больше пяти минут. Автомобиль промчался по черным и безлюдным улицам города, выехал на пустырь и осторожно прокрался к моему дому. Свет фар выхватил встревоженную морду Велли; шум разбудил его, свин выскочил из ямы, но увидев, что это я, отправился обратно.

— Спасибо, — я выбралась из автомобиля, не дожидаясь, когда Корнелиус откроет для меня дверцу. Мне хотелось скорее остаться одной и хорошенько обо всем подумать.

Но Корнелиус молча зашел в дом, а попав внутрь, принялся хозяйничать: развел огонь в печке, вынул из шкафа свернутое одеяло, на котором недавно ночевал Ланзо, и бросил его на пол.

— Ты же не думала, что я оставлю тебя тут одну до утра? Раз ты не захотела ночевать в моем доме, буду ночевать в твоём.

— Это лишнее. Здесь я в безопасности.

— Черта с два ты тут в безопасности. Забыла встречу с призраком?

Я пожала плечами и отправилась умываться. Не раздеваясь, забралась под одеяло и отвернулась к стене. Корнелиус погасил светильник и устроился на полу у печи.

Я знала: он вовсе не ждет, что я приглашу его разделить постель... Но не знала, чего мне хочется больше: все-таки позвать его, обнять,

забыться в его руках, или заставить его говорить, рассказать мне то, что он умалчивал!

Выспаться этой ночью никому не удалось. Иногда я проваливалась в мутное забытие, но слышала, как ворочается Корнелиус, как он поднимается и выходит за дверь.

Он устроился на крыльце с трубкой: легкий сквозняк принес аромат его табака. Когда Корнелиус вернулся, я не слышала, опять забывшись сном.

Утром, когда только забрезжил рассвет, я встала и увидела, что Корнелиус уже давно поднялся.

Он прошелся по комнате, подбросил в печку дров. Постоял у окна, хрустнул пальцами, потер затылок, потянулся, подавив зевок. Увидев меня, улыбнулся; его черные глаза на угловатом лице смотрели на меня спокойно.

— Эрика, оставайся сегодня дома, — попросил он. — Мне нужно уехать на лесопилку и встретиться с поверенным. Когда вернусь, будем решать... наши дела. По дороге загляну в трактир и попрошу доставить тебе обед. В школе предупрежу, что тебе нездоровится.

— Корнелиус, мне вовсе не нужно, чтобы ты...

— Нужно, — прервал он меня сердито. — Пожалуйста, не лишай меня возможности накормить женщину, которая мне нравится. Нравится настолько, что мне хочется не отпускать ее от себя ни на минуту.

Он положил мне руку на плечо и наклонился; я подалась вперед, ожидая поцелуя, но Корнелиус лишь ласково погладил меня по шее. На миг я прижалась щекой к его ладони, и в этот момент совсем не думала о том, что будет дальше...

Я проводила его до автомобиля, постояла, кутаясь в пальто и вздрагивая от утренней прохлады, пока он заводил мотор, а когда уехал, вернулась в дом. Попутно отметив, что нога почти не болит, если не наступать на пятку при ходьбе.

Мне было тревожно, и вовсе не потому, что этой ночью я вновь столкнулась с необъяснимым явлением и своими глазами увидела то, чего боятся жители Крипвуда.

Корнелиус... все изменилось между нами, все перевернулось в одночасье. Я пока не могла этого полностью осознать. Теперь я

испытывала мучительную потребность в другом человеке, в его присутствии, прикосновении, и это меня не на шутку пугало.

Еще свежи были раны, нанесенные Андреасом, хотя я давно убедила себя, что не любила его по-настоящему, а согласие на брак дала лишь под впечатлением той старой детской влюбленности в кудрявого мальчишку, который однажды поразил меня своими взрослыми манерами!

С Корнелиусом все было иначе. Настолько иначе, что я невольно спрашивала себя: любовь ли это или болезненная одержимость?

Разве влюбленная женщина может одновременно злиться, восторгаться, сомневаться, томиться — и опасаться своего возлюбленного?

Я ведь по-прежнему не доверяла Корнелиусу, и на то у меня были все основания. Этот мужчина может стать моей бедой... мне же хотелось стать его счастьем.

Глава 20

Серьезный разговор

Я решила последовать совету Корнелиуса и на службу не ходить. Моей ноге нужен покой, а мне после вчерашних потрясений не помешает выходной.

Но, несмотря на бессонную ночь, я кипела нервной энергией и без дела сидеть не могла, поэтому вытащила тетрадь с заметками к статье. Самое время ее закончить и отослать Анне. Теперь у меня полно новых впечатлений и материалов. Теперь я, можно сказать, специалист по призракам...

Но только очинила карандаш и задумалась над первой фразой, в дверь робко постучали. Вельзевул не подал голоса — значит, посетитель знакомый или, по разумению кабана, неопасный.

Я открыла дверь и ахнула от облегчения, а в следующую секунду схватила Ланзо за плечи:

— Ланзо, миленький ты мой, где ты был? Что случилось?

Он молчал и только таращился голубыми испуганными глазами. На нем не было ни синяков, ни ссадин, но веки красные, щеки ввалились, волосы растрепаны, и одет не по погоде: в короткие штанишки и куртку не по размеру. Тощие коленки темные от грязи, из прорехи в башмаке трогательно торчит большой палец — носки Ланзо не надел.

— Папка... пропал, — выдавил Ланзо и вдруг бесшумно заревел. Нижняя губа выпятилась, слезы катились горохом по впалым щекам, вздрагивали худенькие плечи. Я ни разу не видела его слез, а плакал он как маленький обиженный ребенок. Да он и правда совсем еще малыш, хоть и пытается вести себя как взрослый мужчина!

— Заходи же, заходи!

Я торопливо завела его в дом, усадила перед печкой и вручила кружку горячего чая.

— Когда пропал твой папа? Почему вас не было дома?

Всхлипывая и вытирая нос рукавом, Ланзо рассказал, что вчера утром отец забрал его и повел в гости к старику Герхарду. «В Дикую

ночь папа всегда уводит меня из дома», — объяснил он, и я кивнула, раздумывая о причине странной привычки уборщика.

Мужчины мирно выпивали в лачуге фермера на окраине, играли в кости. Ланзо они предоставили самому себе. Сначала мальчик грелся у очага, возился с щепками, искал картинки в старых газетах, которые Герхард приготовил для растопки. Пробовал позвать мышей, чтобы поиграть с ними, но в доме фермера мышей не водилось, потому что он держал полудикого недружелюбного кота.

Наступила ночь, Виктор сделался беспокоен. Когда Герхард утомился от шнапса и захрапел за столом, Виктор вышел во двор по нужде. И не вернулся.

Ланзо терпеливо ждал его, даже задремал на подстилке, но скоро проснулся и понял, что отца так и нет. Мальчик провел бессонную ночь, слушая храп Герхарда и завывания ветра на улице. Выйти он не решился. Виктор не появился и утром, а когда Герхард проснулся и узнал об исчезновении собутыльника, перепугался, заявил, что уборщика забрал призрак Грабба и вытолкнул мальчика на улицу.

Ланзо побежал домой, но отца там не было, на двери висел замок. Ланзо подождал меня в школе, а когда я не появилась, со всех ног побежал к Кривому дому. По дороге он услышал, что на улице нашли мой велосипед; горожанки подле овощной лавки гадали, что со мной случилось, шептались, ойкали и прижимали к губам ладони.

Ланзо ужасно боялся, что и я сгинула в Дикую ночь.

— Видишь, жива-здоровая, просто ногу подвернула. Уверена, с твоим папой тоже ничего не случилось, — пробовала я утешить его. — Виктор наверняка скоро вернется!

Ланзо помотал головой и ссутулился.

— Он всегда мне говорил, что уйдет по делам. А сейчас ничего не сказал. Просто вышел до ветру и пропал. Даже трубку не докурил, она так и осталась на столе. Свою трубку он бы никогда не бросил. Она его любимая, пенковая, обкуренная. Нет, госпожа Верден, его забрал призрак Грабба. Он этого боялся. Вот и случилось.

Ланзо длинно шмыгнул носом и сжал худенькие ручки. Мое сердце кровью обливалось от жалости.

— Вечером приедет господин Роберваль, он поможет найти твоего папу. Твой папа обязательно заберет свою трубку! Он вернется к тебе. Вот что, господина Роберваля, пожалуй, ждать не будем. Сходим в

город купить провизии, а потом заглянем в полицейский участок. Пусть офицер Брасс приведет нам твоего папу и хорошенько отругает за то, что тот ушел без спросу.

Ланзо по-стариковски вздохнул: в мои наивные утешения, которые сработали бы с другим ребенком, он не поверил. Но все же приободрился и вскочил, готовый отправиться в город незамедлительно.

Выйти мы не успели: на крыльце опять послышались шаги, и в этот раз Велли захрюкал. Но хрюкал он не злобно, а заискивающе, со сладострастием.

Явилась Ванда, служанка из «Хмельной коровы», с тяжелой корзиной в руках. В дом заходить не стала, но жадно заглядывала внутрь: видимо, гадала, как учительница с репутацией ведьмы провела Дикую ночь. Уж не в компании ли с призраком безглазого Грабба?

— Принесла вам обед, госпожа Верден, — сказала она. — Господин Роберваль велел доставлять. На его счет записано.

— Спасибо, — я взяла корзинку из ее рук, но Ванда уходить не спешила. Увы, заплатить ей за труд в этот раз мне было нечем, пришлось служанке довольствоваться признательной улыбкой. Вельзевул высунул из-за крыльца пятак и поглядывал на Ванду с обожанием, чувствуя исходящие от нее запахи кухни. Он тоненько, призывно похрюкивал.

— Твой обед будет позднее, — пообещала я ему. — Сегодня привезут свеклу и овес. Устрою тебе пир горой.

Когда Ванда ушла, мы с Ланзо мигом вцепились в корзину.

Из трактира нам доставили суп из кореньев, пирог с птицей, большой котелок тушеного с грибами картофеля и термическую флягу с какао. Судя по всему, Корнелиус думал, что я ем такие же великанские порции, что и лесорубы с его завода. Но его забота пришлась кстати: хватит и мне, и моему гостю.

И Ланзо не разочаровал. Я радовалась его аппетиту, хотя и удивлялась, как такое количество еды входит в худенького на вид мальчика.

После завтрака (он же обед) Ланзо разморило, движения сделались вялыми, глаза сонными, но он все же собрался в полицейский участок и робко поторапливал меня.

Я потуже перебинтовала ногу, надела поверх бинта толстый шерстяной носок, и мы отправились.

Пока шли до полицейского участка, я без конца ловила любопытные взгляды. На меня жадно смотрели прохожие, продавцы в лавках. Здоровались преувеличенно любезно, а в глазах так и горел вопрос: «Что с ней приключилось прошлой ночью? Почему она хромает?»

Видимо, новость о брошенном велосипеде быстро разлетелась по городу и обросла слухами, а вот объяснение Корнелиуса о моей болезни еще не вышла за пределы школы.

Впрочем, с расспросами ко мне не приставали.

Участок располагался в переулке за ратушей. Мы прошли мимо ящика с кукольным театром, и я покосилась на него, думая об Анвиле и механических монстрах, и пытаюсь увязать свои мысли с тем, что я видела в лесу и вчера на улице города.

Офицер Brass сидел в своем кабинете. Когда мы вошли, он встал из-за стола, вежливо поздоровался, одернул новенький китель и поинтересовался:

— Чем обязан?

— Мы хотим подать заявление о пропаже человека.

После этих слов офицер Brass поскущел. Он жестом пригласил нас занять стулья для посетителей, сам опустился в кресло — мягкое, с подушкой под поясницей, явно принесенное из дому его мамочкой, сцепил пальцы и спросил:

— Кто пропал? Где, когда, откуда?

Я начала рассказывать, сердясь, что офицер Brass не смотрит мне в глаза. Он любовался поздними бархатцами, которые стояли в вазочке на его столе. Время от времени протягивал руку и любовно поправлял цветы длинными пальцами.

Офицер Brass был красивый, осанистый юноша — вряд ли старше меня. Мундир подчеркивал его тонкую талию, два ряда пуговиц сияли, как золото. А его пшеничные усы заставили бы столичных модников попадать в обморок от зависти.

Я закончила рассказ. Офицер Brass молчал. На его лице появилось печальное и чуточку раздраженное выражение.

— Что вы собираетесь предпринять? — спросила я, устав ждать, когда он подаст голос.

— Ничего, госпожа Верден.

Он виновато развел холеными руками.

— Ничего?! — я задохнулась от возмущения. — Пропал человек! Его сын остался один!

— Госпожа Верден, — начал он миролюбивым тоном, — я понимаю ваше беспокойство. Но вы новый человек в городе. И пока плохо знакомы с его жителями и порядками. Виктор Лукаш... как бы это сказать... — он глянул на Ланзо, который не отрываясь таращился на висащие на крючке за спиной офицера кобуру с пистолетом и ножны с шашкой, — человек... не самый надежный. Его нельзя назвать добропорядочным гражданином. В прошлом он уже пропал на несколько дней, и потом выяснялось, что он проводил их в чьем-нибудь сарае с бутылкой в обнимку. Наверняка вчера он отправился в очередную хмельную эскападу.

Завернув блестящий оборот, офицер Брасс щеголеватым жестом поправил усы.

— В этот раз он не предупредил сына!

— Боже, вы слишком многого хотите от негодного отца! Погодите пару дней, и Лукаш объявится. Здоровый, невредимый, пропахший шнапсом. А вы пока можете взять на себя заботу о мальчишке, коль вы его учительница.

— Вчера была Дикая ночь, — вдруг сказал Ланзо. Его голос немного дрожал. Я тревожно глянула на него: он низко опустил голову, и мне показалось, он плачет. Но он не плакал, он был растерян и подавлен. — Я думаю, папку забрал призрак безглазого, — закончил он и шмыгнул носом.

Офицер Брасс дернулся. Заозирался по сторонам, зачем-то оглядывая окно, дверь и углы кабинета, как будто со страхом ожидая, что безглазый вот-вот заявится в участок и тоже потребует завести дело. Например, расследовать его убийство, совершенное по предварительному сговору группой граждан, которое случилось двести лет назад.

— Не болтай глупостей, мальчик! — отрезал Брасс.

Меня так и подмывало рассказать офицеру о вчерашней встрече с призраком, но я предпочла прикусить язык.

— Вы должны действовать, офицер Брасс, — сказала я чуть более угрожающим тоном, чем собиралась. — Вы стоите на страже

спокойствия и порядка в этом городе! Вы обязаны защищать его горожан!

— Не говорите мне о моих обязанностях! — капризно отрезал Брасс. — В Крипвуде покой, порядок, тишь и благодать! В то время как вон что творится в соседнем Ротбурге... — Он взял со стола развернутую газету и постучал по открытой статье указательным пальцем. — Вчера там ограбили банк. Взорван сейф! Есть жертвы. Пишут, что это проделка Химераса и его банды!

Он швырнул газету на стол.

— Мы живем в страшное время, госпожа Верден! — закончил он с пафосом. — Мир сошел с ума. Чародеи-сенситивы стирают грань между выдумкой и реальностью, преступник с сотней лиц держит в страхе столицу, и его сети уже протянулись на все королевство. Каждый день появляются новые изобретения — газовые заводы, паровые станции безумной мощности, дизельные моторы — и далеко не все они безобидны! Жизнь стремительно меняется. Нам повезло жить в таком чудном, тихом городе, где ничего не меняется, и самое ужасное событие — пропажа пропойцы да безумной старухи!

— Какой старухи? — насторожилась я.

Офицер Брасс не ответил. Он поднялся, подошел к окну, насвистывая марш, постоял, глядя на улицу. Он делал вид, что нас уже не было в его участке. Достал расческу, любовно причесал усы и брови, глядя на свое отражение в стекле.

— Ладно, — я встала. — Всего хорошего. Я к вам еще зайду... — я добавила в голос многозначительности, — да не одна, а с одним из первых лиц этого города.

Мы вышли на улицу, и я успокоила Ланзо:

— Вечером к нему зайдет господин Роберваль. Посмотрим, как тогда запоет наш бравый офицер.

И задумчиво добавила:

— О какой старухе он говорил?

— О Барток, — ответил Ланзо. — Она ушла из дома два дня назад и еще не вернулась. С ней это бывает. Она ведьма и травница.

— Зоомансер... она укротила Велли! — вспомнила я.

Новости мне крайне не понравились. Я не была близко знакома со старухой Барток, однако почему в этом городе жители равнодушно относятся к пропаже людей?!

Не успели мы дойти до конца улицы, как Ланзо сдавленно ахнул и прошептал:

— Папка...

А потом заорал во все горло и кинулся к навесу у лавки зеленщика.

— Папка, папка! Госпожа Верден, смотрите, он вернулся!

И верно: на перевернутом ящике у стены сидел Виктор Лукаш. Выглядел он странно. Он пошатывался, его кренило из стороны в сторону. Глаза у него были полузакрыты, нижняя губа безвольно оттопырена, в уголках рта блестела слюна. Время от времени он водил руками перед лицом, как будто желая смахнуть с него невидимую паутину.

Я сразу подумала, что он пьян. Ну вот и отгадка его исчезновения. Прав был офицер Брасс. Ничего сверхъестественного.

Увидев состояние Виктора, Ланзо замедлил шаг и осторожно приблизился к отцу.

— Папа... — он тронул его за плечо. Виктор вздрогнул; его лицо исказилось от ужаса. Он открыл рот, но не вымолвил ни слова, только тягуче и бессмысленно замычал.

Ланзо наморщил нос и растерянно свел брови — он опять собирался заплакать.

— Ланзо... — я взяла его за руку и поставила позади себя, а потом строго окликнула уборщика: — Виктор! Вставайте. Мы отведем вас домой.

Неожиданно он послушался, как ребенок. Попробовал встать, зашатался и опять рухнул на ящик. Grimаса страха не сходила с его лица.

— Ве-е-е... ве-е-е... ведьма, — пробормотал он, икнул и замолчал. Больше из него не удалось вытащить ни слова.

— Госпожа Верден, что нам делать? Надо отвести его домой. Там я о нем позабочусь. Мне не впервой...

Я огляделась в поисках решения и увидела Хеймо. Мой незадачливый лесной проводник спешил куда-то по своим делам, но откликнулся на мой зов.

— Хеймо! — помахала я рукой. — Сюда! Нам нужна помощь.

Подумав, добавила:

— Я заплачу.

Увидев Виктора, он присвистнул.

— Вот свинья! — сказал он с чувством.

Уборщик и правда был на редкость грязен. Мой кабан и то не позволял себе подобного. Лицо Виктора было черно от грязи и копоти, на одежде полно подпалин и прорех, какие появляются, если стоять близко к камину или костру, а на руках вздувались волдыри ожогов.

Хеймо выслушал наш рассказ и предложил:

— Давайте отведем его к Герхарду. Тут недалеко. Куда ближе, чем до школьной сторожки. Тащить его через весь город — благодарно покорно. А Герхард может о нем позаботиться. Если вы его хорошо попросите. Но лучше заплатить.

Это был наилучший выход: оставлять Ланзо с отцом не хотелось.

Хеймо перекинул безвольную руку Виктора через свою шею, рывком заставил уборщика подняться и повел по улице. Ноги у Виктора заплетались, голова упала на грудь и моталась, и выглядел он совершенным идиотом.

— Хм, а шнапсом не пахнет. Интересно, где он так надрался и что пил? — заметил Хеймо и дурашливо усмехнулся: — Не иначе, его собутыльником в Дикую ночь стал сам безглазый Грабб!

Герхард был вовсе не рад свалившейся на него обузе, но когда я посулила вознаграждение, подобрел, велел уложить Виктора на подстилку на полу и пошел согреть воды и заварить крепкого кофе.

— Не извольте беспокоиться, барышня, — сказал он, подмигивая. — У старика Герхарда есть отличное средство привести человека в чувство после веселой ночи. Одно сырое яйцо взбить, перцу побольше, рассольчика туда же, и...

— Ланзо, идем, — я потянула мальчика за руку. Ланзо стоял на коленях подле отца и заботливо поправлял на его плечах одеяло. — Скоро твой папа будет в порядке.

— Оклемается, коли в нем булькает простой шнапс, — заметил Герхард. — Но видал я людей в таком же виде, когда они возвращались из леса, побывав в гостях у безглазого. Они вроде как пьяные или дурные. Ничего не помнят, не говорят, мычат. Тогда мое средство не поможет, конечно. Тут ждать надо.

Я поскорей увела Ланзо, пока Герхард окончательно не запугал его своими воспоминаниями.

...И все же, где Виктор получил эти ожоги? И где он провел ночь после того, как вышел во двор?

* * *

До Кривого дома нас подвезли: мы удачно застали помощника хозяина овощной лавки в тот момент, когда он грузил в повозку купленные мной для кабана мешки со свеклой и овсом, чтобы доставить их по назначению. Парнишка любезно согласился доставить нас вместе с фуражом.

Запряженный в повозку ослик был стар, задумчив и медлителен. На своих двоих мы добрались бы куда быстрее, но нога разболелась, и я радовалась оказии.

На крыльце Кривого дома нас ждала новая корзина с ужином из «Хмельной коровы». Вельзевул жадно обнюхивал ее и пробовал поддеть крышку клыком. Задержись мы в городе, нам ничего бы не досталось.

Я отогнала свина, велела Ланзо забрать корзину и исследовать ее содержимое, а сама занялась ужином для Велли. Вспомнив наставления Герхарда, добыла из кучи старого барахла за домом помятый котел, поставила на печь и задумалась: надо чистить овощи для свиньи или не надо? Решила, что будет достаточно помыть, порезать и отварить.

Сначала нужно натаскать воды: однако я уже привыкла к этой детали быта, потому что пошла к колонке без внутреннего сопротивления, как бывало в первые дни.

Блага столичной цивилизации начали потихоньку забываться, на моих руках появились плотные мозоли. Да и выглядела я теперь настоящей провинциалкой, чуть ли не фермершей. Собираясь за водой, надела самую потрепанную одежду, голову повязала косынкой, ноги сунула в каучуковые сапоги, пожертвованные мне кем-то из горожан — на два размера больше моего размера, но зато шерстяной носок не давил.

В таком неприглядном виде меня и застал Корнелиус, когда подкатил к колонке на своем шикарном автомобиле.

В первый момент я сильно смутилась. Сейчас, при свете дня, то, что случилось прошлой ночью, казалось сном или недоразумением.

Как вести себя с ним? Может, он ждет, что я кинусь к нему на шею, поцелую и спрошу, как прошел день? А вдруг он сожалеет, что вчера позволил лишнее? Сказал ненужные ему слова? Дал опрометчивые обещания?

Мой внешний вид — поношенная юбка, вытянутая шерстяная кофта и каучуковые сапоги не по размеру — также не добавлял уверенности.

Но Корнелиус держался так, как будто мы были близки уже много лет, и никаких недомолвок и недоразумений между нами не возникало. Он не стал говорить, что скучал, не стал требовать приветственного поцелуя, он просто улыбнулся — но так, что я поняла, как рад он встрече — и поднял ведро.

— Уже хозяйничаешь, — сказал он. — Так и надорваться недолго. Я нашел тебе хорошую комнату в городе рядом со школой. Она освободится через две недели. Переедешь туда и поживешь, пока я заново отстраиваю учительский коттедж. Место пожарища расчищать не будем, но недалеко от моего дома есть свободный участок, там и поставим новый коттедж. Что бы тебе хотелось в нем иметь? Обустрой его по своему вкусу.

Он замолчал, глянул на меня хмуро и добавил:

— Конечно, если ты собираешься задержаться в Крипвуде.

— Я сказала тебе это в момент нашей первой встречи и повторю вновь: никуда я не уеду. По крайней мере, до конца этого года. Но я рада, что ты больше не стремишься выставить меня из Крипвуда.

Наверное, я ждала, что он будет пылко уговаривать меня остаться навсегда, потому что была немного разочарована, когда он промолчал.

Он открыл дверь автомобиля и жестом пригласил садиться.

— Честно говоря, не знаю, стоит ли мне переезжать в квартиру в городе, — сказала я. — Теперь у меня хозяйство — кабан. Куда я его дену?

— Кабана придется отдать. Себе я его не возьму, уж прости. Сроду не держал скотину.

— А Регина была бы рада, — ответила я шутливым тоном, чтобы скрыть досаду. — Если его отмыть, выйдет милый домашний питомец. У вас ведь уже живет пони. Как там его... Вилли. Названный в честь столичной красавицы госпожи Вильгельмины Денгард. Жили бы у тебя Велли и Вилли. Разве не прелесть?

Корнелиус улыбнулся и ничего на это не ответил.

— Кроме того, хочу, чтобы Ланзо жил со мной. Он нашелся — ты знаешь?

— Знаю, — кивнул Корнелиус, осторожно выруливая между кочками на пустыре. Дорога к Кривому дому не была приспособлена для автомобилей, и Корнелиус каждый раз болезненно морщился, когда колесо попадало в яму. — Заходил в полицейский участок, потом встретил Хеймо. Заглянул и к Герхарду — ты хорошо решила, что отправила Виктора к нему. Состояние у него. — он нахмурился, — необычное.

В чем заключалась необычность состояния уборщика мы обсудить не успели, потому что подъехали к дому.

— Нам доставили ужин из трактира. Спасибо, что позаботился. Хочешь перекусить?

— Спасибо, я не голоден. Давай-ка лучше помогу тебе.

Он снял пальто и пиджак, закатал рукава и взялся за хозяйственные дела, как будто богатому лесопромышленнику заняться больше было нечем. Но его помощь пригодилась: иначе я бы не дотащила тяжелый котел до кормушки.

Потом Корнелиус разговаривал с Ланзо и умывался, а я старалась не смотреть на него.

Все это было странно и ново для меня: и его забота, и его присутствие в доме, и его покладистость, и нежность, с которой он обращался ко мне. От его голоса у меня вздрагивало что-то в груди, и горели щеки, и думалось о том, о чем думать вовсе не полагалось.

Время от времени он поглядывал на меня, и я поняла, что он ждет, когда я уложу Ланзо спать, чтобы поговорить без помех. Отчего-то приближающийся разговор страшил меня, но в то же время мне не терпелось задать ему давно приготовленные вопросы.

Или же отложить вопросы и разговоры на потом? Действительно, отчего бы не заменить их поцелуями?

Корнелиус беседовал с Ланзо спокойно и дружелюбно. Закутавшись в одеяло, мальчик устроился на полу перед печкой, как маленький бродяга, — только глазенки сверкали да белели босые пятки из-под края одеяла — и восторженно слушал сидевшего перед ним на табурете мужчину.

Он сцепил руки, оперся локтями о колени и наклонился, чтобы быть ближе к мальчику, и обстоятельно рассказывал о том, как все у него устроено на лесопилке. Иногда Ланзо перебивал его вопросами. Казалось, он совершенно забыл о своей робости и ничуть не стеснялся.

Но Корнелиус не просто развлекал мальчика. Иногда он как бы невзначай спрашивал его о том, что произошло прошлой ночью, и о том, как проходит повседневная жизнь школьного уборщика: какие люди заглядывают к нему в сторожку, кого навещает Лукаш, не замечал ли Ланзо странностей в его поведении в последние дни.

Корнелиус выпытывал нужные сведения так мастерски, что Ланзо ничего не заподозрил, отвечал охотно и простодушно. Но Корнелиуса его ответы, кажется, не удовлетворяли. По легкому подергиванию уголка его рта я уже научилась различать скрытую досаду.

Чтобы не мешать их беседе, я накинула жакет и вышла на улицу — пройтись в прохладных сумерках, успокоиться, привести мысли в порядок. В последние дни столько всего случилось, что впору было думать: полно, не сижу ли по-прежнему в палате клиники святого Модеста, одурманенная лекарствами, и воображаю все безумные события и приключения?

Я погуляла немного вокруг дома, взгляделась в черную стену леса и очертания кладбищенской оградки и подивилась тому, что, оказывается, и к мрачному пейзажу я успела привыкнуть. Он больше не вызывал у меня легкого озноба и тянущего чувства под ложечкой.

Если судить не предвзято, Кривой дом расположен в красивом месте. Тишина, покой. Над городом догорает заря, а тут, на окраине, небо темно-синее. Лес слабо шумит, ветер приносит сыроватый хвойный запах. В низинах колышется туман — он всегда приходит на вечерней и утренней заре.

Там, в лесу, сейчас черно и жутко, а окна моего дома весело горят, и от того, что рамы перекошены, вид у них залихватский.

Все кажется другим, когда в доме тепло, уютно, а у огня люди ведут задушевную беседу.

Я плотнее запахнула жакет и села на крыльцо. Через минуту мягко стукнула дверь, и на ступеньки рядом со мной опустился Корнелиус. Он устроился близко, наши плечи и ноги соприкоснулись. Я невольно вздрогнула, не зная, хочется ли мне прижаться к нему теснее или отодвинуться.

Было странно сидеть рядом с ним: он одновременно вызывал во мне чувство защищенности и смутное беспокойство.

Мне не удавалось избавиться от настороженности — слишком уж стремительно изменились наши отношения за сутки. Вчера мы были врагами, он хотел выставить меня из города. А теперь... кто мы? Друзья? Союзники? Будущие любовники? Что он ждет от меня?

— Замерзла? — спросил он. — Может, вернемся в дом? Ланзо еще не спит: я дал ему учебник, чтобы повторил урок на завтра.

— Нет, посидим тут... я не замерзла.

Мы замолчали. Корнелиус, как мне показалось, тоже был в замешательстве и не знал, что сказать. Он достал трубку и кисет, покрутил и спрятал.

— Все же есть своя прелесть в том, чтобы жить на окраине, пусть и в таком безумном доме, как твой, — озвучил он те мысли, что крутились у меня в голове несколько минут назад.

Он опять замолчал, и после паузы признался:

— Я рад, что вернулся в Крипвуд.

— Почему ты уехал отсюда?

— По той причине, по какой молодежь убегает из дома во все времена. Молодым не нравится монотонная жизнь. Им хочется столичного шума и приключений. Кроме того, мне осточертело работать на отцовской лесопилке, — он улыбнулся, и я сжала руку в кулак, потому что отчаянно захотела коснуться его губ, его щеки. пробежать пальцами вдоль его шрама.

— Тогда, двадцать лет назад, наше семейное предприятие было в плачевном состоянии. Все разваливалось, не хватало денег на обновление. Рабочих было трудно найти. Отец не умел договариваться с покупателями. Мир бизнеса менялся, отец был в растерянности.

Когда он умер, я, унаследовав лесопильный завод, начал почти с нуля. Годы вдали от дома многому меня научили. Да и денег удалось скопить.

— Чем ты занимался в столице? — спросила я, а сердце мое гулко заколотилось, потому что вот оно — начало серьезного разговора. Это понял и Корнелиус: он едва уловимо напрягся, выпрямил спину. Глянул на меня исподлобья и ответил после едва заметной паузы:

— Первые годы служил в полиции. Начинал простым патрульным, за четыре года дослужился до младшего помощника комиссара.

* * *

— Ты был полицейским!

Я так изумилась, что невольно ахнула и чуточку отодвинулась. Понятно, откуда у Корнелиуса властные манеры и своеобразные приемы вести разговор!

— Значит, у тебя много знакомых среди полицейских и сыскарей. Вот как ты раздобыл те сведения обо мне.

— Нет, связей в полиции у меня почти не осталось. Потом я перешел в военное ведомство.

— Ты еще и в армии успел послужить! Ты воевал?

— Нет, не воевал. Работал в отделе, который занимается сбором информации.

— Разведка?!

— Почти. Я возился с бумагами, показаниями. Ничего такого... волнующего. Но меня заметили и отправили учиться. Почти десять лет я занимался кабинетной работой. Я был, по сути, клерком, хоть и немало ранга.

— Что же заставило тебя вернуться в Крипвуд?

— Смерть отца и несчастье с Клэр.

Стоило прозвучать имени его жены, как у меня по спине пробежал холодок. Разговор будет куда сложнее, чем казалось.

Мне хотелось отвернуться, спрятать глаза, но я продолжала смотреть на Корнелиуса, страстно желая узнать о нем как можно

больше — узнать все. Пока несомненно одно: передо мной непростой человек, который прожил непростую жизнь.

А Корнелиус продолжал говорить, размеренно и угрюмо:

— Даже имея знакомых в полиции и департаменте внутренних дел, я не сумел найти того, кто снабжал Клэр зельем. Слишком поздно спохватился. Я во всем ей доверял. Считал ее сильной. Но ее сил не хватило, они уступили ее амбициям. После смерти жены я решил уехать из столицы и начать новую жизнь. Мне хотелось увезти дочь. Чтобы она росла там, где я провел детство. Клэр не нравилась провинция, она была до мозга костей столичной жительницей.

— У вас был счастливый брак?

— Да. Первые годы.

— Корнелиус, скажи. — прежде чем задать следующий вопрос, я облизала губы; в горле у меня стоял сухой комок. — ...Ты оплакивал ее, когда она умерла?

Он вздохнул, пригладил рукой волосы и покачал головой.

— Нет. Я оплакал ее куда раньше. Когда стоял в ванной перед зеркалом, заливая раковину кровью, и пытался зашить суровыми нитками свое лицо после того, как она кинулась на меня с ножом. У меня не было времени, чтобы обратиться к врачу. Сначала нужно было позаботиться о дочери, пока Клэр рыдала в комнате, где я ее запер, а потом найти помощь для Клэр. В тот миг я понял, что уже потерял ее, и что бы я ни сделал, не станет спасением.

Мне казалось, я не могу дышать, так остро я чувствовала его боль.

— Как долго твоя жена провела в клинике святого Модеста?

— Три месяца.

— Три месяца... Корнелиус, ты бывал там? Внутри клиники?

— Конечно. Я проводил много времени с Клэр. Ей дали уютную и удобную палату, обеспечили хороший уход. Но, как оказалось, недостаточно хороший.

— Как ты знаешь, и я там побывала. И те условия, в которые меня поместили, нельзя было назвать уютными.

Он повернулся ко мне и взял за руку.

— Расскажи, Эрика. Обо всем, что ты пережила.

В глуховатом, низком голосе Корнелиуса опять послышались хорошо знакомые властные нотки. Я колебалась. Рассказывать не

хотелось, но попробуй не Расскажи, когда на тебя смотрят эти черные как у ворона глаза!

Я криво улыбнулась.

— По сравнению с тем, что пришлось пережить тебе, все, что со мной приключилось, теперь кажется ерундой.

— И все же Расскажи.

Он полным сочувствия жестом коснулся моего плеча.

И я заговорила, неторопливо и обстоятельно, стараясь не давать волю эмоциям.

Он выслушал, не перебивая, лишь иногда задумчиво кивал.

— Тебе выпало тяжелое испытание, — сказал он, когда я закончила. — Считаешь, дядя запер тебя в клинике, чтобы добиться послушания? Или чтобы тебя признали недееспособной?

— Да, я так считаю.

— Мой знакомый написал, что, по его сведениям, господин Харт бережно и успешно управляет твоими средствами. Господин Харт известный финансист, ранее в махинациях замечен не был.

— Это так. Дядя любит деньги, уважает их, относится к ним с трепетом. Он не хочет, чтобы капитал ушел из семьи. Андреас его устраивает в качестве моего мужа, он сын его старого партнера. Дядя считает меня сумасбродной и истеричной. Его пугало мое желание учиться в академии и развивать дар.

— Я напишу знакомому и попрошу лучше разобраться в этой ситуации.

— Корнелиус, пожалуйста, не надо. Хочу сама встретиться с дядей лицом к лицу. Тогда я была слаба и испугана, тут ты прав. Но теперь я готова постоять за себя. Не думаю, что дядя вновь упечет меня в сумасшедший дом.

— Пусть только попробует. Я поддержу тебя во всем, что бы ты ни решила.

— Спасибо, Корнелиус. Я рада, что ты мне веришь... хоть это и неожиданно. Но довольно обо мне. Вернемся к тебе.

— Что еще ты хочешь узнать?

Мне показалось, или он нахмурился?

— Какие отношения связывают тебя с Вильгельминой Денгард?

Я пожалела, что спросила. Мне не хотелось выглядеть ревнивой особой, которая предъявляет на него права. Да и прав-то никаких у

меня нет...

— Близкие отношения. Достаточно близкие.

Я желала откровенности, но все же меня передернуло.

— Эрика, прости, я пока не могу рассказать тебе о многих вещах,
— продолжал Корнелиус мягко. — Дай мне время.

— Разумеется.

«О каких это некоторых вещах он не может мне рассказать?»

— Хочешь еще что-то спросить? — он протянул руку и убрал с моего лица локон.

— Ты собираешься остаться в Крипвуде навсегда?

— Через пару лет, думаю, придется вернуться в Сен-Лютерну. У меня там дом. Когда Регина подрастет, ей будет лучше жить в столице, а не в глухом уездном городе.

— Да еще таком, где водятся призраки и живы старые легенды и суеверия. Я так и не поняла, Корнелиус, что ты думаешь обо всей этой чертовщине.

— Я пытаюсь разобраться. Послушай, должен признаться: вчера я побывал в особняке Грабба.

Услышав это, я всполошилась.

— Ты забрался в это проклятое место! Как ты только не побоялся!

— Решил посмотреть мою лесную недвижимость, — улыбнулся он. — И это оказалось легче, чем я думал. Туда ведет вполне приличная дорога через болота со стороны старой узкоколейки. Без подготовки идти было бы опасно, но я был не один, а с тремя парнями с лесопилки. Мы заменили прогнившие доски и кое-что расчистили.

— Что ты там видел?

— Пока немного, но скажу, ничего страшного там нет. Старый дом, неплохо сохранившийся, построен крепко, на века. Никаких монстров, никаких привидений. В этот раз я прихватил с собой полдюжину моих ребят, их помощь не помешает. Мне кажется, тебе придется по душе это место и понравится побыть исследователем.

— Да... пожалуй! Когда едем?

— Как насчет ближайших выходных?

— Идет!

Он привлек меня к себе и поцеловал, а потом поднялся и сказал:

— Мне пора. Не забудь закрыть дверь на ночь. Мне будет спокойнее, когда ты переедешь в город.

— Не волнуйся. Я теперь не одна.

— Свинья и мальчик — не защитники.

— Велли надежнее любой овчарки, а преступникам, которые, как все утверждают, в вашем городе не водятся, взять в этом доме нечего. Если же призраки в гости заглянут, буду только рада — с ними тоже пора разобраться. Уж они от меня не уйдут без воспитательной беседы...

Глава 21

Особняк безглазого

На следующий день я отвела Ланзо в школу и передала его госпоже Барбуте, а сама отправилась в сторожку, чтобы успеть поговорить с отцом мальчика до начала урока.

Уборщик уже вернулся от Герхарда. Он помылся, переоделся и побрился, и казался вполне разумным. Меня он встретил крайне неприветливо.

— Что вам нужно? — спросил он, не пуская в дом, и при этом так хмурился и скалил желтоватые зубы, что я чуть не отпрянула. Его гримаса не сулила мирный разговор.

— Вижу, вы уже пришли в себя, — заметила я холодно. — Значит, сможете меня выслушать. Будет лучше если Ланзо какое-то время поживет со мной. Вы не в состоянии обеспечить мальчику должный присмотр.

— Да кто вы такая, чтобы распоряжаться! — он бешено вытаращил налитые кровью глаза. — Явились в наш город, начали устанавливать свои порядки, теперь и детей решили отбирать?

Он сжал руку в кулак и сунул мне его под нос, так близко, что я хорошо рассмотрела следы копоты под обломанным ногтем его большого пальца и красные пузыри ожогов на коже.

— Проваливайте, — велел уборщик злобно.

Я не дрогнула, хотя внутри у меня все сжалось от напряжения.

— Нет. Сначала мы с вами поговорим, как нормальные, цивилизованные люди. Мне не нравится, как вы обращаетесь с сыном. Я готова обратиться в столичный комитет по образованию и просить помощи. Известны случаи, когда детям из неблагополучных семей находили временных опекунов. Хотите, чтобы я пошла по этому пути?

Несколько секунд Виктор смотрел на меня не отрываясь; на его лбу вздулись жилы.

«Сейчас он меня ударит», мелькнула мысль.

Но Виктор вдруг обмяк и отвел взгляд.

— Ладно, забирайте мальчишку, — он неприятно усмехнулся. — Вы ведьма... поди, сумеете позаботиться о ведьминском отродье.

Может, это и к лучшему... если Ланзо поживет немного с вами... у погоста.

Я вздернула брови, раздумывая, что привело его к такому выводу.

— Но только до первых заморозков, — заявил Виктор. — Как только с рябины опадет лист, я его заберу.

Я сказала успокаивающе:

— Поверьте, я буду хорошо за ним смотреть. Вы его отец; я уверена, вы любите Ланзо. Но поймите... так нельзя. Может, вы как-то измените свою жизнь... начните с привычек. Откажитесь от алкоголя. Вам тоже нужна помощь, Виктор. Хотите, напишу куратору и узнаю, что можно для вас сделать?

— Ха! — вскричал он и опять сделался страшен. — Изменить мою жизнь! Советы она мне вздумала давать! Да что ты, ведьма столичная, знаешь о жизни здесь, в этом лесном болоте?! Или тебя послали они... те, кто в лесу?

«Он либо заговаривается, либо знает куда больше, чем показывает, о “тех, кто в лесу”, — подумала я. — Любопытно!»

— Виктор, где вы провели Дикую ночь? — произнесла я со всей мягкостью.

— Не помню! — рявкнул он. — А если бы и помнил, вам бы докладывать не стал!

С этими словами он захлопнул дверь перед моим носом. Однако я радовалась своей маленькой победе: мне удалось отстоять Ланзо.

Но вот господин директор вовсе не обрадовался, услышав о моем решении взять мальчика под опеку.

Степпель явился на службу бледный, скрюченный, с обмотанным вокруг поясницы шарфом из собачьей шерсти. Видимо, ревматизм привел его в дурное расположение духа, потому что директор впервые резко выразил недовольство моим поведением.

— Послушайте, Эрика, — начал он, дробно постукивая карандашом по парте. — Когда вы появились здесь, я был полон оптимизма. Я радовался, что к нам приехала решительная, современная девушка. Одаренная. Я думал, что вы сможете внести в нашу жизнь свежую струю. Посадить зерно разума в дубовые головы горожан. Но понимаете, дорогая моя... перемены нужно вводить постепенно. Если новатор настраивает окружающих против себя,

ничего не выйдет. Надо действовать иначе. Мягче, тактичнее, разумнее...

— Я делаю только то, что необходимо!

— Вам сейчас необходимо завоевать доверие горожан. Заниматься школьной ярмаркой — до нее осталось всего ничего! Подружиться с родителями детей. А вы с ними без конца ссоритесь.

— Ну, это преувеличение. Ни с кем я не ссорюсь. Даже с Виктором мы достигли кое-какого понимания.

— Да? А с господином Робервалем вы достигли понимания? Он глава попечительского совета, и он не так давно в ультимативной форме требовал, чтобы я отослал вас в столицу.

— С господином Робервалем мы тоже... пришли к пониманию! — я вспыхнула и смутилась. — Мы подружились. Он пригласил меня к себе в гости, и собирается на днях устроить еще одну экскурсию... в лес.

От директора не укрылись мои покрасневшие щеки. Его глаза сузились, и он посмотрел мне в лицо очень внимательно.

— Что случилось с вами позавчерашней ночью? Когда в городе нашли ваш брошенный велосипед?

— Я встретила на улице призрака и испугалась. Убежала и подвернула ногу.

Директор вздрогнул. Он бросил карандаш, сцепил пальцы и судорожно сглотнул.

— Какого... призрака?

— Призрака безглазого Грабба, я полагаю, — я беспечно пожала плечами. — Он щеголял в обгоревшем саване и треуголке. Кто-то решил меня разыграть, — пояснила я. — Наверняка ученики среднего класса. Они ужасные шкоды и шалопаи.

Плечи директора расслабились.

— А... вот, значит, как... — сказал он неуверенно, но тут же опять принял воинственный вид: его седые бакенбарды встопорщились, как у рыси. — Вот еще повод задуматься! Ученики младшего класса вас обожают, а с детьми постарше у вас отношения не сложились. Лучше поработайте над этим, вместо того, чтобы вмешиваться в семью школьного уборщика. А то дождетесь, что вам будут строить каверзы посерьезнее.

— Господин директор, простите, но порой вы сами себе противоречите. Сложно понять, что именно вы от меня хотите. Говорите, что ждете от меня новых методов и новой мысли. Но сами постоянно сдерживаете, укоряете!

— Если вас, молодых, не сдерживать, вы можете натворить дел, — улыбнулся он прежней доброй улыбкой. — И я не укоряю, а даю дружеский совет. Подсказываю, как лучше взяться за нелегкое дело нести цивилизацию в глухие уезды...

Я задумалась: стоит ли рассказать ему о моем прошлом? О том, что я бежала от дяди, вырвалась из сумасшедшего дома? И решила, что сейчас не лучший момент. Корнелиус на этом больше не настаивал. Кроме того, вины за утаивание этой информации я за собой не чувствовала. В конце концов, какое кому дело, что было в моей жизни раньше, до того как я стала учительницей! Я не преступница. И уж точно не настоящая сумасшедшая, а жертва дядиных интриг.

У местных жителей тоже полно скелетов в шкафах. И они вовсе не стремятся знакомить с ними окружающих.

* * *

Удивительно, но на следующей неделе не случилось ничего неожиданного или пугающего. Но и скучной назвать ее было нельзя: я решила последовать совету директора и уделить больше внимания своим прямым обязанностям.

Школа готовилась к осенней ярмарке. В этом году ее пришлось перенести на пару недель, потому что бургомистр Фалберт Флегг уехал по делам в столицу. Горожане не пожелали праздновать в отсутствие первого лица города — из года в год ярмарка проводилась по строгому сценарию, в котором бургомистр исполнял важную роль.

Флегг произносил приветственную речь, перерезал праздничную ленту, а затем в сопровождении самых важных горожан ходил от прилавка к прилавку, пробовал угощения, хвалил кособокие глиняные чашки, кривые свечи и сплетенные из разноцветных шнуров коврики. Он же выпивал первый бокал пунша после закрытия торговли и объявлял начало танцев и конкурсов.

Вместе со школьниками я усердно осваивала науку лепить из глины и отливать из воска, выпекать тыквенные оладьи и клеить ежиков из шишек. Моим ученикам ужасно нравилось, когда я приходила на занятия госпожи Барбуты по домоводству и садилась вместе с ними за парту.

Поначалу мои свечи и чашки выходили хуже, чем у восьмилеток, и дети наперебой подсказывали мне, как правильно взяться за дело. Им доставляло столько радости учить учительницу, что я вовсе не спешила совершенствовать свои навыки.

Но и собственные проекты я не запускала. Вместе с учениками мы извели гору сухарей и с пяток кастрюль помадки, проектируя сладкий сказочный замок. Потом мы брали ножи и вырезали из тыкв фонари со страшными или веселыми лицами.

Кроме того, я объявила родителям, что буду навещать учеников дома, чтобы посмотреть, как обустроено их место для занятий.

Одни рассыпались в заверениях, что будут счастливы видеть меня в гостях. Другие морщились и отвечали уклончиво. Мое требование пришлось им не по нраву.

Однако я настояла на своем и взяла за привычку заходить после занятий в один-два дома, порой без предупреждения. Возможно, это было бесцеремонно, но такова моя обязанность — следить за жизнью учеников не только в стенах школы.

Чаще всего меня встречали дружелюбно. Дети кидались показывать свои богатства — книги, игрушки, котят, а родители усаживали за стол и не выпускали, пока я не попробую каждое из выставленных блюд. Вечером Ланзо приходилось одному справляться с корзинами, которые приносили нам из «Хмельной коровы».

Но были и те, кто не желал пускать меня за порог, а если и пускали, стремились поскорей выпроводить.

Особенно холодный прием мне оказали в доме аптекаря Крежмы. Отец Владисласа вел себя вежливо, но его взгляд и интонации были едкими, как йод из его склянок. Аптекарь ни в какую не желал выслушивать мои замечания о недопустимости телесных наказаний.

— Да, иногда я вынужден прописать моему сыну пару хворостин. Что в этом такого? — говорил он воинственно, поправляя указательным пальцем пенсне. — Это самое действенное средство донести до мальчишки нужный урок. Не чужой человек ведь его учит,

а отец родной! Как видите, у Владисласа есть все необходимое: своя комната, книги. Я не жалею средств на его образование. И вправе определять, как именно буду заставляю его усваивать знания.

Я вздохнула и решила вернуться к разговору позже; мне не терпелось убраться из холодного дома, насквозь пропахшего карболкой. Этот запах вызвал у меня воспоминания о клинике святого Модеста, и я чувствовала себя крайне неудобно.

Побывала я и в гостях у Регины Роберваль. Однажды после уроков она задержалась в классе и торжественно пригласила меня на чай.

— Я покажу вам, какие наряды мы сшили для кроликов Ады! Папа сказал, чтобы вы и Ланзо привели. Он теперь у вас живет, да? Завтра папа приедет и заберет нас после школы.

На следующий день после занятий Корнелиус действительно ждал у ворот в автомобиле. Со мной он поздоровался церемонно, но уголок его губ едва заметно подрагивал от скрытой улыбки, и я поняла, что идея позвать учительницу на чай исходила не только от Регины.

— Наконец-то ты побываешь у меня дома открыто и при свете дня, — шепнул он мне, когда помогал забраться в автомобиль. — И увидишь не только кухню.

Регина сразу же пожелала устроить для гостей экскурсию по дому. Она водила нас по комнатам, мы с Ланзо шли следом, замыкали процессию Корнелиус и гувернантка Алисия. Ее присутствие меня стесняло, особенно потому, что она то и дело порывалась вести себя как хозяйка. Поправляла Регину, без конца приглашала полюбоваться рисунком на обоях или оценить светильники.

Корнелиус помалкивал, и только едва заметно усмехался своим мыслям.

Признаться, дом меня поразил. Он был старый, его возраст выдавали панельные обшивки, тяжелые балки в потолках и гладко отполированные дубовые перила на лестнице. Но мебель была новой, и тот, кто подбирал ее, обладал хорошим вкусом и знал толк в уюте.

В комнатах полно солнца, стены от пола до потолка увешаны картинами, ногам приятно ступать по мягким коврам. В то же время заметно отсутствие настоящей хозяйки — женских безделушек нет на полках и в шкафах, на диванах ни одной вышитой подушки, которые так любит моя тетя.

Пожалуй, дом моего дяди отличался большей роскошью, но у этого дома был свой характер. Он обещал теплые вечера у камина, вкусную еду и задушевные разговоры в приятной компании.

— Вы привезли мебель из города?

— Да, — ответил Корнелиус. — Все выбирал сам, не стал поручать это важное дело постороннему.

— У вас замечательный дом! — воскликнула я с энтузиазмом, и это так развеселило Корнелиуса, что теперь он уже улыбался во весь рот.

Мне хотелось попросить его показать кабинет: эта комната как нельзя лучше отражает вкусы и привычки хозяина. Но тут выступила Алисия:

— В гостиной для вас приготовили чай, — сказала она с милой улыбкой, переводя цепкий взгляд с меня на Корнелиуса.

— Но я еще не познакомила госпожу Верден с пони! — запротестовала Регина. Алисия наклонилась и что-то сказала ей строго — вероятно, напомнила о хороших манерах. Регина закусила губу, а потом церемонно пригласила:

— Прошу, госпожа Верден, сюда, на второй этаж...

Во время чаепития Корнелиус предоставил говорить Алисии и Регине: те болтали наперебой, словно стремились переговорить одна другую.

Регина радовалась от души, а вот в нотках Алисии мое ухо улавливало искусственную оживленность.

Впрочем, могло и казаться. Меня колола ревность к девушке, которая жила под одной крышей с Корнелиусом и которая, вероятно, была в него влюблена. Возможно, и Алисия чувствовала во мне соперницу. Она упорно подводила разговор к моей жизни до приезда в столицу, и ее реплики были полны разных намеков.

То скажет с сочувствием: «Наверное, ваши столичные знакомые молодые люди были безутешны, когда вы выбрали назначение в этот далекий город!» То спросит невзначай: «Чем вы планируете заниматься, когда вернетесь в столицу? Надеюсь, вы задержитесь здесь до весны. Но зимы у нас скучные, мы прекрасно пойдем, если вы захотите уехать раньше!»

На все ее слова я отвечала вежливой улыбкой и легким пожатием плеч.

Ланзо глазел по сторонам, прятал руки под столом и старался не шмыгать носом. Он ужасно стеснялся.

После чая Регина увела меня и Ланзо в свою комнату, и тут я провела интересные полчаса, выслушивая рассказы об игрушках и платьях.

За окном начало темнеть, я поспешила раскланяться; Корнелиус повел нас к автомобилю, чтобы отвезти в Кривой дом.

По дороге мы молчали; в присутствии Ланзо мы все равно не смогли бы говорить о том, о чем хотелось.

Но когда мы прибыли, и Ланзо проскользнул в дом, Корнелиус поймал меня за подбородок и быстро поцеловал:

— Завтра едем в лес навестить дом Грабба, помнишь? — спросил он. — Не передумала?

— Конечно, нет!

— Тогда до завтра, — он еще раз поцеловал меня и уехал.

* * *

Мне не терпелось провести целый день с Корнелиусом, хотя предложи мне кто другой вернуться в проклятый лес — отказалась бы наотрез. Но я училась доверять Корнелиусу и знала, что он сумеет защитить меня. Он был подлинный король и владелец здешних лесов; куда призракам тягаться с ним и его страшными паровыми машинами!

Собираясь в гости к Граббу, я оделась тепло и удобно, не особо заботясь о красоте.

Когда я была помолвлена с Андреасом, на свидания выбирала лучшие наряды, проводила часы за туалетным столиком, продумывала поведение, шутки и темы разговоров, желая поразить жениха.

Готовясь к встречам с Корнелиусом, я лишь старалась выглядеть опрятно, но и это не всегда удавалось.

Он видел меня в платье, испачканном навозом, когда я возилась с кабаном; он заботливо стряхивал мел с моей блузки, когда заглядывал в класс после занятий. Но я не испытывала смущения, появляясь перед ним в непрезентабельном виде. Я знала, что привлекаю Корнелиуса вовсе не красотой и элегантностью, и уж точно не кротким нравом.

Добираться до особняка Грабба предстояло по старой узкоколейке, поэтому мы договорились встретиться на вокзале.

Когда я пришла, у платформы уже пыхла простая паровая дрезина, какую используют рабочие. Одну скамью заняли четыре крепких парня в одежде лесорубов. В ногах у каждого стояли ящики с инструментами. На вторую скамью сели мы с Корнелиусом.

— Госпожа Верден пишет заметки об истории нашего края, — объяснил он своим рабочим. — Ей будет интересно ближе познакомиться с лесом и посмотреть особняк.

Парни в моем присутствии смутились, попрятали трубки и примолкли. Когда им требовалось что-то сказать, они долго думали, краснели и сопели — видимо, мысленно вычищали из фраз крепкие словечки.

При посторонних мы с Корнелиусом вели себя как хорошие знакомые. Он — самый важный человек города, я — женщина, которая учит его дочь, ничего более.

Я старалась не смотреть на него слишком пристально. Мне нравилось, когда он вместо строгого костюма надевал одежду лесоруба. Отчего-то в этом наряде он казался ближе и понятнее, хотя мне было куда привычнее иметь дело с городскими господами, а не простыми людьми, зарабатывающими на жизнь руками и смекалкой.

Но все же во многом — почти во всем! — Корнелиус оставался для меня закрытой книгой.

Шли первые недели наших новых отношений. Я пока боялась дать им точное определение, даже мысленно опасалась назвать их любовными. Но это были волнующие недели поцелуев украдкой, неловких слов нежности, недели узнавания и притирки.

Я изумлялась тому, как внезапно и безоговорочно Корнелиус поверил моей истории. Когда нам удавалось побеседовать без посторонних ушей, он расспрашивал меня о детстве, об учебе в академии, о жизни в доме дяди. И никогда больше не говорил категорично ни о моих поступках, ни о дядиных.

— Эрика, — сказал он однажды. — Ты не думала, что между тобой и Хартом полно недопонимания? Ты считаешь, что он был против твоих планов и желаний, ставил тебе палки в колеса, не хотел, чтобы ты развивала дар. А ты пыталась понять его точку зрения?

— Тысячу раз говорила с ним, — ответила я сердито. — Дядя меня и слушать не желал. Ругался, пыхтел и брызгал слюной, стоило мне заикнуться об обучении в академии. А когда я спроваживала навязанных им женихов, топал ногами — однажды даже паркет проломил. Он меня ненавидит.

— Но он заботился о тебе, разве нет?

— Его забота привела меня в лечебницу святого Модеста! Это были ужасные два дня. Каждый раз, когда я их вспоминаю, меня дрожь пробирает.

— Мне жаль, что тебе выпало такое, — сказал он мягко, потом легко погладил по спине, обнял и поцеловал в висок. — Ты не выносишь насилия. Ты не жертва и никогда ей не будешь. Ты всегда готова бороться, в том числе сама с собой; это то, что мне так нравится в тебе.

Отчего-то я вспомнила тот разговор, когда сидела рядом с Корнелиусом на платформе подрагивающей дрезины и вглядывалась в его лицо, пытаюсь разгадать его мысли.

Он заметил мой взгляд и улыбнулся, а я задумалась: Корнелиус уже многое знает обо мне. Но я знаю о нем? Почти ничего. И все же я переживала лихорадочное счастье первых дней влюбленности и узнавания. Быть может, сегодня мне повезет, и самые большие открытия я сделаю вовсе не в старом лесном особняке.

Запыхтел двигатель, застучали колеса, вокзал поплыл назад, и скоро мы ехали по узкому лесному коридору. Погода выдалась прохладной, но солнечной. Я радовалась прогулке и пыталась представить, что мы обнаружим в доме Грабба.

Камни, разрушенные стены, провалившаяся крыша, птичьи гнезда... А вдруг там все же прячутся лесные монстры, наподобие того, что привиделся мне в тумане? Корнелиус продолжал утверждать, что я приняла гнилое дерево за чудовище, но у меня были свои соображения на этот счет.

— Для чего вам инструменты? — я показала на ящики в ногах рабочих.

— Чтобы начать приводить особняк Грабба в порядок.

— Зачем?! Неужели вы считаете, что в нем можно жить?

— Отчего нет? Он в прекрасном состоянии.

Он, должно быть, шутит? Я глянула на Корнелиуса с удивлением, но он лишь загадочно улыбнулся в ответ.

* * *

Дрезина пронеслась по темному, пахнущему хвоей лесному коридору, пыхнула дымом и остановилась на пригорке.

— Приехали, — объявил Корнелиус и помог мне выбраться. Рабочие попрыгали на насыпь и выгрузили ящики с инструментами.

— Теперь пройдем по болотной дороге. Тут недалеко, с четверть лиги. Настил крепкий, однако ни в коем случае не сворачивайте с него. За последние годы мшары высохли, но есть участки с вязкой почвой. Туда лучше не соваться.

— Говорят, безглазый разбойник топил в болотах горожан, которые отказывались ему подчиняться, — подал голос бородатый рабочий.

— Еще болтают, тела в грязи остаются целехоньки, — подхватил разговор кудрявый парнишка. — Глянешь в болотную воду — а оттуда на тебя белая рожа тарачится. И манит: иди, мол, ко мне, заскучал я тут за двести лет в грязи.

— Эй, парни! Хорош ерунду болтать, — осадил их Корнелиус. — Не пугайте даму.

— Господин Роберваль, она ж за тем и поехала, чтобы легенды края узнать, — возразил бородатый. — У нас есть что ей рассказать. Успели местных послушаться, хоть сами мы люди пришлые.

— Я вовсе не испугалась, мне интересно! Пожалуйста, рассказывайте дальше, — уверила я их и достала блокнот и карандаш.

— Потом, — Корнелиус мягко улыбнулся, жестом попросил убрать блокнот и взял меня под руку. — Спускайтесь осторожно, Эрика... смотрите под ноги. Бревна неровные.

Мы спустились с пригорка и ступили на бревенчатый настил. Он так зарос мхом, что без подсказки я бы его не нашла. Бревна под ногами были крепкими, лишь иногда под ними чавкало и хлюпало.

Лес вокруг был мертвый, нехороший. Из рыжего мха торчали покосившиеся обломки сухих деревьев, дальше стеной стояли сосны. Оттуда, из мрака, размеренно ухала сова, хотя до ночи было далеко.

— Настоящий разбойничий лес, — заметил бородатый лесоруб, вытирая лицо кепкой.

— Лишь бы туман не пришел, — прошептала я и крепче вцепилась за руку Корнелиуса.

— Обещаю, тумана сегодня не будет, — ответил он спокойно. — И призраков мы не встретим.

— Откуда такая уверенность? Тот болотный монстр где-то неподалеку, — прошептала я ему. — Может, поищем? Только топор прихвати.

— Из вас, госпожа Верден, выйдет прекрасная журналистка, — усмехнулся Корнелиус. — Вы не упустите возможности разобраться в загадке до конца. Но сначала заглянем в особняк Грабба. Он уже близко. Вот и гать закончилась.

Мы свернули на извилистую, едва заметную тропку среди ельника. Обошли овражек, поднялись на холм, ступили на пологий спуск и шли ниже и ниже, мимо поваленных деревьев и непролазных кустов. Колонии «волшебных грибов» облепляли сухие пни и поваленные стволы. В воздухе стоял насыщенный землистый запах.

Ветви плотно переплетались над головами, по земле тянулись узловатые корни, становилось темно и сыро, но я горела от нетерпения и любопытства. Я нисколько не боялась. Корнелиус шагал так уверенно, словно шел по собственному дому. Зычно переговаривался с рабочими, хозяйской рукой отводил с пути ветку, оценивающим взглядом смотрел на мощные стволы сосен, что желтели среди ельника.

У Корнелиуса имелись определенные планы на этот колдовской лес, и его призрачным обитателям придется с ними смириться.

Еще один поворот — и перед нами, словно по волшебству, возник лесной особняк.

Рабочие поставили на землю ящики, уселись на них и раскурили трубки, а я, как замороженная, двинулась вперед мелкими шажками.

— Парни, отдохните, потом займитесь дорогой; нужно сменить настил на подходе, — приказал Корнелиус. — Мы с госпожой Эрикой заглянем внутрь.

— Корнелиус, он восхитителен! Как иллюстрация к детской книжке со страшными сказками, — прошептала я благоговейно.

Особняк разбойника Грабба и впрямь неплохо сохранился. За века двухэтажный дом с двумя остроконечными башнями врос в землю, но

выглядел крепко, крыша не осыпалась, в черных провалах стрельчатых окон остались решетки.

От времени и копоты давнего пожара камень стен почернел, его серым пологом покрывал мох, сухие плети вьюнка заползали в окна и двери.

Старый дом сохранил величественный и мрачный вид. Глядя на колючие лапы охраняющего его ельника, на черные глазницы окон и зубцы башен, легко было поверить, что над этим местом тяготеет проклятие.

И все же мне не терпелось попасть внутрь. Кто же упустит возможность побывать в самом сердце легенды!

— Не боишься? — улыбнулся Корнелиус, подавая мне руку, когда я шагнула на выщербленную ступень крыльца. — Все еще отмахиваешься от суеверий и считаешь легенды глупостями?

— В Крипвуде легко заразиться суевериями. Я поняла, что страшные сказки делают жизнь интереснее и поэтичнее, — улыбнулась я.

— Верно, — кивнул Корнелиус. — Непознанное притягивает и детей, и взрослых. Но суеверия рождаются из страха, а страх порождает жестокость. Это место — он показал на особняк, — в прошлом знало немало жестокости. Исторический факт. Мой предок был натуральный садист.

— Но мы не дадим ему вернуться в современный мир, — закончила я легкомысленно. — Идем же скорей: не терпится посмотреть, как он жил!

* * *

Мы медленно поднялись по обветшалому крыльцу. Под подошвой похрустывали сорняки и ветки, покачивались истерзанные временем камни.

Меня охватило торжественное и трепетное настроение — но разве можно входить с другим чувством в дом, где в прошлом творилось немало злодеяний, а в настоящем обитают привидения!

Двери в особняк были плотно закрыты, но одна створка покосилась, сорванная с петель. Корнелиус потянул дверь, она

открылась легко, без скрипа.

Мы попали в темный коридор. На полу вдоль стены негромко прошуршало что-то живое.

Впереди мутно светлел прямоугольный проем, за ним открылся пустой зал.

Помещение было огромным и темным, словно склеп великана. Пахло в нем, как всегда пахнет в таких местах: старым камнем, полынью и сладковатой гнилью. Шероховатые стены подпирают тяжелый каменный свод. Сквозь высоко расположенные окна пробиваются неяркие лучи. В полосах света кружится пыль. В дальней части зала виднеются широкие ступени парадной лестницы. На них даже сохранились лохмотья ковра.

В углах висят черные гроздья — летучие мыши. Время от времени они встряхивают перепончатыми крыльями и переползают с места на место.

Потолок украшен резьбой, на непрошенных гостей смотрят пустыми глазами каменные лица: недобрые, задумчивые, настороженные, или искаженные гримасой безумного веселья. Заметив их, я постаралась не задирать голову лишний раз.

Почти под самым потолком зал опоясывает галерея с каменными перилами. На миг у меня мороз пробежал по коже: показалось, что там, в густых тенях, стоит бесплотный человек и внимательно наблюдает за нами.

Корнелиус заговорил — громко, уверенно, и его голос разрушил чары:

— Дом построил для своего приятеля Грабба знаменитый мастер Жакемар — механик, кукольник, анатом и зодчий. Каждый его дом — шкатулка с секретом. Может, ты слышала о замке Морунген, другом творении Жакемара? Он расположен в соседнем округе вблизи Ольденбурга. Замок напичкан механизмами от подвала до чердака и, говорят, обладает собственной душой. Его секреты до сих пор не раскрыты. Нынешние владельцы замка не любят пускать в него посторонних.

— Да, слышала... Дом Грабба тоже полон загадок старого мастера?

— Не исключено, что он устроил в нем пару-другую сюрпризов. Например, наверняка где-то спрятан подземный ход до побережья —

до него отсюда не больше лиги. Грабб, старый пират, промышлял контрабандой и таскал по тайному ходу запрещенные товары. Но все-таки этот дом создавался как лесное убежище для разбойника, который возомнил себя хозяином местных земель. Здесь все устроено по-простому, но с размахом. Отставные пираты любят жить в роскоши. Вот главный зал: тут Грабб устраивал попойки. На втором этаже несколько комнат.

— Удивительно, как все хорошо сохранилось. Ни обвалившейся штукатурки, ни мусора... даже паутины нет. Как будто здесь бывают люди и поддерживают дом в приличном состоянии.

Корнелиус искоса посмотрел на меня, словно его озадачило мое предположение.

— Люди? Жители Крипвуда не пойдут сюда добровольно. Добраться из города сложно. Есть старая дорога через болота, но она почти непроходима. Та дорога от насыпи, по которой мы шли, расположена далековато для пешей прогулки.

— Тогда дом охраняют защитные чары. Они не дают ему развалиться окончательно.

— Еще недавно ты возмущалась, когда тебе говорили о магии, и утверждала, что чудес не бывает, — Корнелиус повел меня по залу. — Грабб пользовался услугами ведьм и колдунов — то есть, сенситивов. Если его подручные баловались с эфирными полями и потоками, не исключено, что дом обладает какими-то особыми свойствами. Мы еще многое не знаем об Одаренных и не изучили все их возможности.

— Я помню рассказ о Граббе. В легенде говорится, что Жакемар заключил его душу в кристалл, и это позволяет Граббу возвращаться из запределья и творить новые непотребства. А что, если этот кристалл спрятан где-то тут?

— Хочешь его отыскать и выпустить разбойника на волю? Взять у него интервью для «Вестника оккультизма»?

— Вот еще! Хотя эксперимент был бы интересный. Помнится, когда я отрицала возможность сохранения ауры Одаренных, ты заявил, что нет ничего невозможного, и в столице ведутся исследования в этом направлении. Ты много знаешь об Одаренных. Наверное, ты разделял интересы твоей жены, много читал об этом...

— Эрика, оставим наш ученый спор на потом, — он улыбнулся и подхватил меня за талию, чтобы помочь перешагнуть через

обвалившуюся часть камина.

* * *

Я медленно шла вдоль стены, касаясь ее пальцами. Холод камня пронизывал руку и доходил до самого сердца.

Неужели предок Корнелиуса и впрямь жил в этом мрачном, пышном лесном доме? Какие преступления и пороки видели эти стены? А вот темное пятно на полу: не пролитая ли это кровь?

Однако я не могла не признать, что окутанный страшными легендами особняк в целом выглядел вполне обыденно. Просто старый дом, в котором долго никто не жил. Не знай я о легендах, ничего особенного бы в нем не разглядела. Видала я развалины помрачнее и поживописнее, когда ездила с девочками из пансиона на экскурсии по историческим местам.

Корнелиус подвел меня к парадной лестнице. Ступени были ладные, лишь кое-где тянулись трещины с проросшими в них сорняками.

Эхо на галерее было громче, шорох и попискивание летучих мышей звучали отчетливо, и в веселой ругани рабочих, которые бродили снаружи, можно было разобрать каждое слово.

Мы заглянули в темные коридоры, но исследовать комнаты не стали. Корнелиус достал фонарь и осветил вглубь. Вот тут было полно паутины, остатки обивки свисали со стен неопрятными лохмотьями, до дрожи напоминающими куски содранной с тела кожи.

Спустились в зал и Корнелиус показал мне проход в подвал. Он был закрыт железной дверью. Я потянула за кольцо, дверь неожиданно легко отворилась, старые петли даже не скрипнули.

— Ты был в подвале?

— Был, — сказал Корнелиус и прикрыл дверь. — Там полно рассохшихся бочек. Безглазый был не дурак выпить. Вернемся. Мне надо дать указания рабочим.

— Ты и правда хочешь восстановить этот дом, чтобы жить в нем? Зачем? Твой городской дом куда удобнее и уютнее.

Корнелиус рассмеялся:

— Нет, жить в нем, пожалуй, не стану. Но послушай...

Мы устроились у небольшого окна, узкого, как амбразура. Корнелиус поставил ногу на приступку у стены, оперся локтем на колено и глянул на меня, словно оценивая мое настроение.

— У меня в столице есть знакомые, которые очень интересуются мистикой. С удовольствием читают «Вестник оккультизма» — тот самый журнал, куда ты хочешь отправить статью. Ходят на заседание общества мистиков, проводят спиритические сеансы... Среди них и Одаренных немало. Некоторые сенситивы склонны считать свои способности чем-то недоступным человеческому пониманию, божественным или дьявольским даром. Как правило, это не самые талантливые сенситивы.

— Этим они стараются придать себе важности.

— Так вот, когда мои знакомые узнали, что я стал владельцем этого окутанного легендами дома, — он взмахнул рукой, обводя каменные стены зала-склепа, — они пожелали навестить меня и заглянуть в особняк Грабба.

— Чего доброго, ты еще сделаешь его туристической достопримечательностью.

— Скоро состоится праздник города — будут отмечать двухсотлетний его юбилей. К нему приурочена и школьная ярмарка, ради которой Регина изрезала хорошие платья на тряпки для поделок. Можно устроить для горожан экскурсию в особняк Грабба. Пусть своими глазами увидят и убедятся, что легенды — это лишь легенды. Эту идею мне подкинул директор Степпель. Приедут и мои городские знакомые. Довольно важные люди.

— Неплохая идея... и при этом странная. Отдает легким безумием.

— Не скажу, что принял ее с энтузиазмом. Но отказываться не стал. Мои городские знакомые отличаются редкой настойчивостью. Конечно, сначала надо немного привести дом в порядок. Чем я и собираюсь заняться. Как-никак я уже привык к роли городского благотворителя. Надо поддерживать репутацию.

— Не думаю, что горожане с радостью отправятся в логово Грабба! Они же до дрожи боятся леса и связанных с ним легенд.

— Не представляешь, на что способны тщеславные люди. При определенных условиях они легко забудут о страхах и суевериях. Еще и будут биться за право быть приглашенными.

— Задумка может принести кое-какие плоды... — я прикрыла глаза, представляя. — Если украсить этот зал светильниками, расставить канделябры, положить на пол ковер... зал будет выглядеть таинственно и интересно. На галерее будут играть музыканты... а приглашенные будут танцевать! — я раскинула руки и закружилась по залу. — Да! Устроить праздник в мрачном месте, привести сюда жизнь и веселье — отличная идея. Так и нужно бороться со злом и темными силами... музыкой, светом и весельем!

Но Корнелиус не улыбнулся. Он хмурил лоб, как будто что-то его беспокоило.

— Да. В любом случае, эта часть леса скоро перестанет быть дикой. Думаю наладить здесь еще один лесопильный завод.

— Вот так и умирают мрачные легенды — под шум и грохот паровых машин.

Смеясь, я положила ладони на его плечи и потянула, приглашая танцевать со мной, но он не двинулся с места. Мы стояли в квадрате света, который лился в окно — а вокруг были тени и мрак.

Я подняла голову и замерла, всматриваясь в его черные глаза, в которых появилось новое для меня выражение. Тревога, нежность, досада.

— Что? — спросила я. — Почему ты так смотришь? Что у тебя на уме?

Он протянул руку и осторожно заправил локон за мое ухо.

— Ты так легко увлекаешься всем, что для тебя интересно, — сказал он тихо. — Любишь неожиданные решения и идеи, строишь грандиозные планы, но тщательно их обдумываешь. За обликом строгой учительницы прячется авантюрная девочка.

— А что прячется за твоим обликом богатого промышленника, Корнелиус? Разбойник, каким был твой предок? Он заманивал ведьм в свой особняк. И вот я тут — Одаренная, ведьма. Зачем ты привез меня в особняк Грабба? Только ли затем, чтобы утолить мое любопытство? Я стою перед тобой и пытаюсь угадать, что за участь ты мне приготовил. И что ты ждешь от меня...

Я пыталась шутить, но мой голос дрогнул — оттого, что Корнелиус смотрел на меня серьезно, и его глаза опять стали мертвыми и безжизненными. А когда он заговорил, мне и вовсе стало жутко.

— Что жду от тебя? Я не жду, что ты останешься со мной на всю жизнь. Не жду, что ты скажешь, что влюблена в меня, — сказал он тихо.

— Корнелиус, послушай... — заговорила я обескураженно.

— ...Но я хочу, чтобы ты доверяла мне. Знаю, что пока не заслужил твоего доверия, и, наверное, прошу слишком многого. Но все же: пожалуйста, доверяй мне, Эрика. В малом и в большом. Что бы ни случилось. Не обещай ничего. Но поверь, что я не желаю тебе зла. Что я не использую тебя для своих целей. Мне хочется, чтобы мы стали друг для друга чем-то большим, чем просто мужчиной и женщиной, между которыми есть известное влечение.

Более странной речи я не ожидала! Я молчала в замешательстве, не зная, что на это ответить, но лишь только открыла рот, чтобы пробормотать какие-то слова — даже не знаю какие! — Корнелиус крепко сжал меня и поцеловал, нежно и испуганно.

А в моих руках разлилась слабость. Я прижималась к твердой груди и животу Корнелиуса, отвечала на поцелуи, запрокидывала голову, то осторожно, то жадно касалась пальцами его шеи, щеки, затылка... Я казалась себе неуклюжей, торопливой. Но меня дурманила его близость и его внезапный, яростный натиск. От Корнелиуса шла вибрирующая, очень мужская энергия, которой невозможно было не уступить.

Безусловно, это было не просто влечением. Но много ли я знала о подобной страсти? Такой, что заставляет терять контроль над собой и совершать необдуманные поступки? Почти ничего. Хотя я хорошо усвоила, какую боль может принести привязанность к другому человеку, когда тот отбрасывает твои чувства.

Снаружи громко заговорили рабочие, следом раздался треск и грохот топора.

Корнелиус отпустил меня и пригладил волосы; я торопливо застегнула жакет. Мы тяжело дышали.

— Пойдем наружу, — он взял меня под локоть и потянул. — Скоро пора возвращаться. Эрика... — он поймал пальцами мой подбородок, заглянул в глаза и произнес хриплым голосом: — Все же ты ужасно безрассудная. И это мне тоже нравится. Будь мы тут одни... я настоял бы на большем, чем поцелуи, — он криво улыбнулся и медленно обвел пальцем контуры моих губ.

— Отличные намерения для потомка разбойника, — улыбнулась я в ответ и смело посмотрела ему в глаза. — Пожалуй, они мне по вкусу. Но все же пойдем наружу; в этом доме определенно водится какое-то колдовство. Не стоит давать ему много воли.

Глава 22

Преступление на школьной ярмарке

Решение Корнелиуса восстановить лесной особняк вызвало в городе пересуды. Об этом болтали на улице, в школе, в лавках...

— Плохое дело затеял господин Роберваль, — говорила госпожа Крежма, аптекарша, отпуская госпоже Лотар мятные пастилки. — Уж двести лет не отыскать охотника провести ночь под крышей того дома в компании призраков. Ежели кто и бывал там, то не по своей воле... ну, вы понимаете, о чем я. Суеверной меня не назовешь, но есть вещи в мире, с которыми нужно считаться. Вы согласны, милочка?

— Вполне, дорогая, — мягко отвечала госпожа Лотар, отсчитывая монеты. — Любой образованный человек признает существование сумеречного мира... пока неподвластного человеческому разуму.

— Уж деды наши не дураки были! — воодушевленно подхватила аптекарша. — Знали, куда лезть не стоит. И не зря железными гвоздями пороги обивали... Господин Роберваль слишком долго жил в столице, там такие вещи поднимают на смех, — она посмотрела на меня искоса.

Я терпеливо дожидалась, когда кумушки наболтаются, чтобы купить нужной в хозяйстве марганцовки. Аптекарша продолжила:

— Не в моих правилах судить, но, на мой взгляд, господин Роберваль действует опрометчиво.

— Да бросьте! Как знать, не прижмет ли хвост безглазый, когда Роберваль возьмется за его дом, — воскликнула госпожа Барбута, подхватывая пакетик с пилюлями от несварения. — Уж сколько поколений Робервалей в лесу хозяйничают. Робервали знают в лесу наперечет каждую сосну и с каждым лешим за руку здороваются, — она засмеялась своей шутке. — Признаться, мне было бы любопытно побывать в особняке разбойника. Там будет праздник для приезжих господ. Да и для местных тоже! В большой компании да с бутылкой доброго вина не страшно. Разве ж призрак рискнет показаться толпе?

— Пожалуй, в ваших рассуждениях есть здоровое зерно! — улыbnулась госпожа Лотар.

Я громко кашлянула, устав ждать, когда покупательницы обсудят планы Корнелиуса.

— Вам пастилки для горла, госпожа Верден? — кисло улыбнулась аптекарша. — Сию секунду.

Подобные разговоры велись повсюду. Город разделился на два лагеря. Одни качали головами и бормотали «Как бы чего не вышло», другие считали, что если кому и под силу совладать с лесными призраками, так это хозяину лесопилки.

И вторых было больше: они гадали, во что превратится особняк разбойника, после того как его обустроит Роберваль, и с нетерпением ждали возможности побывать там на празднике.

Я передавала слухи Корнелиусу, тот лишь кивал и усмехался: «Так я и думал».

От любопытных глаз горожан не ускользнуло и то, что лесопромышленник стал частенько заглядывать в школу побеседовать о делах дочери, да и его машину не раз замечали возле Кривого дома.

Удивительно, но слухи о нашей с Корнелиусом дружбе пошли мне на пользу. Горожане стали относиться ко мне куда любезнее. Видать, опасались, что местный крупный работодатель, арендодатель и благотворитель может осерчать, если его протеже или зазноба — уж не знаю, кем они меня считали, — начнет ему жаловаться на дурное обращение.

Но у меня хватало других дел, кроме как думать о сплетнях, что ходят обо мне по городу.

До ярмарки оставалось несколько дней. Проекты моих учеников были почти готовы: тыквы собраны и вычищены, кролики откормлены и обеспечены нарядами, сухарный домик ведьмы обзавелся башенками, флигелями и глазурной крышей.

Бывало, я засиживалась в школе с учениками допоздна, придумывая, чем бы еще удивить посетителей ярмарки.

— Госпожа Верден, пожалуйста, используйте магию! — умоляли ученики. — Вы же можете! Пусть тыквенные головы летают по воздуху! Пусть кролики разговаривают! А из окон сухарного домика выглядывает ведьма и грозит кулаком. Вот все обалдеют, когда увидят! Жирдяй Клеменс из среднего класса лопнет от зависти, когда мы возьмем первый приз. А дурак Владислас не будет дразнить нас чокнутыми ведьмаками!

Но я отказывалась наотрез. Школьная ярмарка не место демонстрировать Дар.

Во-первых, обман. Во-вторых, за такое меня по голове не погладят, если узнают в Департаменте образования. В-третьих, не уверена что справлюсь с несколькими «фокусами» одновременно.

Поэтому пусть все будет как есть, по-честному. Все равно наши проекты куда интереснее, чем у учеников моих коллег! Те предлагали горожанам из года в год одно и то же: свечи, кружки, тыквенные оладьи...

Мои ученики держали свои проекты в секрете, но многозначительно намекали соперникам из других классов, что покажут Крипвуду «настоящие чудеса». Поэтому всех разбирало любопытство. У двери пристройки, где хранились наши «волшебные» поделки, постоянно крутились посторонние.

— Да ничего там у них особенного нету, врут поди! — насмешничали соперники. За этими словами сразу разгоралась ссора. Пару раз пришлось разнимать драку. Я прикладывала Дитмару примочки на лоб и строго просила не хвастаться и не поддаваться на провокации.

Иными словами, страсти горели нешуточные. Мои коллеги тоже не остались в стороне.

Господин Степпель хвалил меня за рвение. Госпожа Барбута предлагала помощь. А вот госпожа Лотар нажаловалась директору на то, что я задерживаю учеников после уроков, и сетовала, что я переманила к себе Магду, на чьи тыквенные оладьи у нее были большие надежды. Степпель кое-как утихомирил госпожу Лотар, а я злорадствовала: раз строит козни, значит, завидует и опасается.

Я уже предвкушала, какая толпа соберется у нашего прилавка на ярмарке — это ли не лучшее доказательство успеха моих уроков, на которых дети учатся не только тому, как быть послушными и полезными!

* * *

Наконец, наступил день праздника. И открывался он школьной ярмаркой, которую устраивали во дворе школы.

Накануне я с интересом наблюдала из окна учительской, как Виктор Лукаш обносит забором мертвый каштан. Старое дерево было одновременно пугалом и достопримечательностью Крипвуда. Согласно городским архивам, на его ветке встретил свой бесславный конец разбойник Иоахим Грабб, а значит, так или иначе, каштан не обойдут вниманием на празднике.

Кроме забора, на лужайке появились длинные столы, навесы, шатры, трибуна для почетных гостей и небольшая сцена, где ученики будут показывать таланты в пении и танцах.

Ланзо помогал отцу, и мне было приятно видеть, как Виктор беседует с сыном. Однажды даже шутливо ткнул его кулаком в бок и сказал что-то одобрительное.

Похоже, уборщик взялся за ум. Скоро Ланзо вернется домой... и тот день станет для меня печальным. Я привыкла к тихому присутствию Ланзо, к его ненавязчивой помощи, к его наивным вопросам. Он теперь был куда больше, чем моим учеником; я видела в нем младшего брата, которого у меня никогда не было.

Вся моя настоящая семья — дядя и его жена. Никаких вестей от них не поступало, чему я радовалась: если они умыли руки, то мне это только на пользу.

Я долго выбирала, как одеться на праздник. Корнелиус порывался скупить для меня содержимое галантереи госпожи Ракочи, но я наотрез отказалась. Хватит с меня дров и ужинов из трактира... Госпожа Ракочи сдержала слово, и после выдачи жалованья я обновила гардероб — купила со скидкой хороший теплый жакет, юбку и блузку с отложным воротником.

Однако для школьной ярмарки выбрала наряд поинтереснее.

Ярмарка — часть праздника, посвященного городу и его мистической истории. Я, учительница, которую за глаза кличут «ведьмой», буду стоять за прилавком с «колдовскими» товарами.

Что ж, пусть будет ведьма!

Поэтому утром, собираясь выходить из дома, я распустила волосы, повязала голову ярким платком, сделав узел над ухом, как носят бродячие гадалки. Натянула две юбки — верхняя короче, наскоро сшитая из старой зеленой бархатной шторы. На руки надела звенящие браслеты. Посмотрела на себя в зеркало, притопнула ногой и зловеще ухмыльнулась.

Ланзо прыснул в ладоши.

— Вы выглядите как настоящая колдунья, — сказал он. — Только все равно добрая, а не злая.

— Надеюсь, меня не прогонят, когда я являюсь в таком виде!

— Не прогонят! Многие наряжаются. Госпожа Барбута наденет поварской колпак, а жена аптекаря нацепит на шляпку сигнатурки, как на бутылки со снадобьями. Праздник же!

— Вот и славно!

Я с удовольствием оглядела Ланзо. Моими усилиями мальчик был тщательно умыт, причесан, и одет в новый костюмчик (я попросила Корнелиуса вспомнить о его роли городского благотворителя и ссудить семью Лукашей деньгами — и проследила, чтобы эти деньги не пошли на пойло для Виктора).

Ланзо бережно прижимал к груди коробку, в которой лежала его поделка на ярмарку. В последние дни он подолгу пропадал у Анвила и изготовил какую-то хитрую механическую игрушку. Но никому ее не показывал — хотел устроить сюрприз.

— Что ж, идем! — я потрепала его по голове. Мы вышли на крыльцо. Я оглядела двор и порадовалась, что неплохо содержу его в порядке: мусора нет, старый хлам убран, кабан отдыхает после сытного завтрака у крыльца.

Небо чистое, голубое, предзимнее. У губ от дыхания клубятся облачка пара. На траве блестит иней. Но до зимы далеко, и к обеду станет так тепло, что придется снять жакет.

День будет жарким — и не только благодаря погоде!

* * *

За ночь город поразительно изменился. Поперек улиц висели гирлянды фонариков. На крышах трепетали яркие флаги. С городской площади ветер приносил беспорядочные звуки — сиплые голоса труб, буханье барабанов и пиликанье скрипок. Там репетировал оркестр.

Несмотря на ранний час, повсюду царила суета. Попадались на улицах незнакомые господа и дамы. Накануне прибыли родственники и друзья горожан, и теперь они неторопливо гуляли и глазели по сторонам. Двери беспрестанно хлопали, колокольчики истошно

тренькали — лавки сегодня закрывались рано, нужно было успеть сделать необходимые покупки.

Школьная ярмарка — лишь малая часть праздника, развлечение для детей и их родителей. А вечером будут и торжественные речи, и конкурсы, и танцы, реки вина со специями и продажа сладостей с прилавков.

Но главное случится завтра: господин Роберваль пригласил именитых горожан посетить лесной особняк, таинственную обитель безглазого разбойника Грабба, покровителя и мрачного проклятья города!

Корнелиус скупно рассказывал о том, как наскоро обустроил старый дом. Он убрал мусор, привел в порядок галерею и настелил пол в главном зале, где состоятся танцы. На прием явятся и гости из столицы — быть может, и журналисты! Они охочи до таких экстравагантных мероприятий.

Разумеется, и меня пригласили — вместе с другими учителями школы. Мы с Корнелиусом не выставляли напоказ наши отношения. Я попросила его об этом, он не настаивал. Сегодня мы обязательно увидимся на ярмарке. Он будет на трибуне рядом с бургомистром Флеггом и другими первыми лицами города — богатыми лавочниками и чиновниками, а я останусь в толпе горожан. Но это меня вполне устраивало.

Мы с Ланзо неторопливо шли к школе, любуясь чисто вымытыми витринами, лентами и флажками, отвечали на приветствия, желали встречным доброго утра и наказывали первым делом наведаться к нашему прилавку на школьном дворе. Горожане изумленно изучали мой наряд, улыбались и обещали быть.

Постепенно во мне вырастало радостное ожидание праздника. Сегодня ничто не испортит моего настроения.

У школы было шумно. Вереницей подходили родители и дети, притихшие и неуклюжие в строгих праздничных костюмах. Посвистывая, прокатил тележку мороженщик, и все детские головы дружно повернулись в его сторону.

За прилавками уже хлопотали участники ярмарки: расставляли корзины с печеньем, развешивали вышитые салфетки, ругались из-за мест, спорили и смеялись. Уже кто-то маленький и несчастный горевал от того, что у ежика из шишек отвалилась лапка, а у дальнего прилавка

задиры затеяли потасовку. Туда как коршун метнулась госпожа Лотар. Кому-то сейчас попадет. С этой хрупкой пожилой учительницей шутки плохи.

Угрюмый, но ради праздника опрятный и выбритый Виктор Лукаш стоял у ограды и указывал, кому какой прилавок занять.

— Ваш там, — ткнул он рукой в сторону трибуны.

Неплохое место! Я вытянула голову и прищурилась.

За прилавком никто не стоял, а сам прилавок был пуст. Это меня озадачило. Магда и Дитмар обещали прийти первыми и расставить поделки загодя. Неужели опоздали? Ничего, не страшно. Времени еще полно — ярмарка откроется через час, а то и позже.

Мое сердце пело в предчувствии приятного дня.

Я вспоминала годы, проведенные в пансионе. Мы с подругами обожали ярмарки школьных талантов и игровые вечера. Обычно мы готовили на них гимнастические номера с маршем под музыку и живой пирамидой. А вечером устраивали в спальне тайные пиршества, вспоминали все шутки и забавы дня, и хохотали, утопив лица в подушки, чтобы не услышала наставница.

И сейчас, среди шума и возбужденных голосов, я почувствовала себя так же беззаботно, как в детстве. Я буду радоваться вместе с моими учениками!

Мы не только приготовили поделки — для каждой мы придумали маленький спектакль, смешные сценки, сказки и игры, где будут участвовать и продавцы, и покупатели, и зрители. Мы сумеем всех вовлечь в наше представление!

— Идем-ка на задний двор, — позвала я Ланзо. — Пора переносить клетки с кроликами. Если Ада и Регина еще не нарядили их в платья эльфов, мы им поможем.

— Надеюсь, краска на картонной ведьме успела высохнуть, — озабоченно заметил Ланзо.

— Не беспокойся — мы не дадим зрителям трогать ее руками!

В пристройке было полно народу, но при этом стояла странная тишина. Собрались все мои ученики. Но занимались они совсем не тем, чем следовало.

Дитмар сидел на полу, потупив глаза, и по давней привычке грыз ногти. Магда хлюпала носом, а Регина неловко гладила ее по спине. «Да как, да как... почему... кто...» горестно бормотал толстощекий

Тилло и чесал затылок, рассматривая кучу ярко-оранжевых обломков на полу.

Иными словами, в комнате царило глубокое уныние.

У меня сердце ушло в пятки. Я поняла, что случилось что-то очень-очень плохое.

— Госпожа Верден! — Ада схватила за руку. — Что теперь делать? Все испорчено!

— Кто-то обгрыз глазурь с крыши домика? — предположила я, уже понимая, что дело не в этом — все куда серьезнее! — Не страшно, у нас осталась помадка, мы сейчас разогреем ее и...

— Кто-то испортил все наши поделки! — громко крикнул Дитмар. — Больше ничего нет! Ни домика, ни тыкв! И кролики сбежали! Нам нечего показывать на ярмарке! Не будет никаких чудес!

* * *

После этого поднялся невероятный шум.

Ада ругалась сквозь стиснутые зубы словами, которых девочки знать не должны. Магда плакала, оттопырив нижнюю губу и размазывая кулаком слезы по щекам. Регина старалась выглядеть невозмутимой, но слезы собирались в ее глазах, бежали по щекам и точеному носику, а потом капали на воротник ее нарядного платья. Дитмар и Тилло отвернулись, не желая показывать девчонкам, что и они вот-вот готовы разреветься в голос.

Я молчала, онемев от шока.

— Как все пропало? Тихо, тихо... объясните по порядку.

— Вот, смотрите, госпожа Верден! — дрожащим голосом произнесла Регина и обвела комнату рукой.

Я медленно переводила глаза от разбитых тыкв к куче размолотых в труху сухарей. Все, что осталось от волшебных фонарей Дитмара и сказочного домика Тилло и Магды... Вырезанные из бумаги фигурки валялись тут же, скомканные и изорванные... В клетках, где сидели кролики Ады, дверцы нараспашку, и ни одного лопухого обитателя...

— Кто это сделал? — спросила я, проглотив комок в горле.

— Мы не знаем!

— Наверняка жирдяй Клеменс из среднего класса! — закричал Дитмар, сжимая кулаки от бессильного гнева. — Или Владислас Крежма! Ух я ему задам! Все зубы выбью и заставлю есть грязь! А потом возьму самый большой клистир его отца, и...

— Клеменс уже два дня лежит дома с ангиной, а Владисласа вчера наказал отец и не выпускал из дома, — возразила Магда, вытерла глаза ладонью а потом сжалась, как испуганная старушка, оглянулась и прошептала: — Вы всегда запирали пристройку на ключ, но нынче утром она оказалась открыта. А вдруг... вдруг... это натворили призраки? Вдруг им не понравилось, что Дитмар сделал из тыквы голову разбойника Грабба? И что мы с Региной нарядили кроликов злыми эльфами? И что Тилло и Магда построили сухарный домик, который... который похож на дом Грабба?

Она повернулась к Регине:

— Твой папа там сейчас хозяйничает и хочет пригласить в него гостей. Вдруг он разбудил Грабба, и призрак решил нам отомстить?

Я только открыла рот, чтобы попросить ее не строить нелепых предположений, как заговорил Ланзо. С момента, как мы зашли в пристройку, он стоял у двери, неподвижный и бледный.

— Призрак не будет ломать детям игрушки... — тихо сказал он. — Грабб пришел бы ночью к взрослым и наказал их по-своему. Но он не придет. Он боится папу Регины. Грабб его не тронет. Это кто-то другой сделал. Чтобы нам плохо было... чтобы госпожу Верден ругали...

Все замолчали. В комнате сгущалось отчаяние. Призрак или живой хулиган, он здорово нам насолил.

— И что теперь делать? — тоскливо сказала Ада. Больше не сдерживаясь, она закрыла лицо руками и заплакала.

— Что делать? — откликнулась я, стиснула зубы и приняла решение. Я сказала уверенно:

— Конечно, заняться магией! Когда нет другого выхода, только и остается, что творить чудеса.

* * *

Всхлипывания стали тише, однако обещание чудес не вызвало у детей восторга.

— Вы говорили, редким сенситивам под силу восстановить вещи при помощи магии. То есть, при помощи манипуляций с эфирными полями. Это могут делать лишь эти... как их... репликаторы? И их всего дюжина на все королевство.

— Это так, — подтвердила я. — Молодец, Регина, ты внимательно слушала урок.

— Значит, вы не сможете сделать все как было? — уныло протянул Дитмар. — Даже своей магией...

— Нет. Но у нас полно других ресурсов. Мой дар тоже пригодится. Для начала оценим ущерб. Посмотрим, что у нас осталось...

Магда принялась перечислять, загибая пальцы:

— Все тыквы-фонари разбиты. Только осколочки вон... валяются. Дитмар принес для фонарей шляпы, бороды, и накладные носы, но куда их теперь надевать?!

— Кролики пропали... Где они теперь? Хруст, Хвост и Пончик? Ой как жалко... — Ада прерывисто вздохнула. Регина крепко сжала губы и задрала голову.

— Мы обязательно найдем всех кроликов, — твердо пообещала я. — Скорее всего, злоумышленник выпустил их на лужайке. Проголодаются — живо прибегут.

— Я испек для ярмарки праздничный пирог, — сын булочника Миклош убрал салфетку с круглой коробки. В комнате запахло ванилью. Пирог вышел кособоким, но пышным. На нем красовалось столько кремowych розочек, что хватило бы на клумбу. — Мы будем продавать его по кусочкам.

— Отлично! — я похлопала его по плечу. — Ты молодец!

— Еще у нас есть игрушка Ланзо, — сказала Регина, сведя темные тонкие брови в точности, как ее отец. И, как сделал бы он, она сразу начала распоряжаться и решать: — Значит, мы выставим на прилавок пирог и игрушку Ланзо. Осталось много бумаги, можно быстро сделать бумажные фонарики. Вчера я принесла в школу доклад о лесопилке папы. И коллекцию образцов древесины, которую заготавливают в наших лесах. Я сама собирала чурочки. Можно выставить ее на прилавок, госпожа Верден?

— Все равно это не то, — горько сказала Магда. — Этого мало. Не будет у нас волшебного прилавка... с домиком ведьмы, и

сказочными животными, и бумажными цветами с предсказаниями... их тоже порвали и помяли. Видите?

Я посмотрела на грудку бумажных обрывков, и на миг от ярости перед глазами встал красный туман.

Это каким надо быть подлецом, чтобы испортить детям праздник! Я обязательно найду того, кто это сделал. Попрошу Корнелиуса вспомнить свою полицейскую юность и отыскать улики. Но потом.

— Все будет. Будут и волшебные животные, и предсказания. У нас есть час. Ланзо, пожалуйста, возьми Дитмара и отправляйся в Кривой дом. Вот тебе ключ. Вымани из подпола мышей, поймай и принеси сюда. Мы будем продавать зачарованных мышей. Прихвати с собой клетку.

— Правильно! — обрадовался Ланзо. — Это мы сможем!

Дитмара и Ланзо как ветром сдуло.

— А вместо сухарного домика и цветов с предсказаниями... мы сделаем горшок волшебной говорящей каши. Тыквенной! У нас осталось несколько отличных спелых тыкв. Светильники из них не сделаешь, корка подкачала, да и времени нет, но каша выйдет превосходная. Кто возьмется сварить горшок каши?

— Я! — крикнула Магда.

— И я! — вызвался Тилло.

— Тогда бегите в класс домоводства госпожи Барбуты. Вот, напишу ей записку. Я подойду чуть позже и помогу... заколдовать кашу.

— Правда? — с трепетным восторгом прошептала Магда. — Вы сделаете волшебную кашу?

— Да. Пришло время показать настоящую магию, — я улыбнулась, не чувствуя при этом никакой уверенности. Я и сама поражалась тем идеям, что пришли мне в голову. Надо же было придумать такое! Но что делать? Теперь все средства хороши. Дети получают свой праздник! — Остальные помогут мне украсить прилавок. За дело!

И все закрутилось.

Дети кинулись творить чудеса со рвением, какого не проявлял самый искусный волшебник.

Мы вооружились ножами и в одну минуту покромсали тыкву на мелкие кусочки.

Раздобыли самый красивый глиняный горшок. Он тоже был сделан руками моих учеников, обожжен по всем правилам и расписан орнаментом, в котором, безусловно, было что-то магическое.

Тилло, сын бакалейщика, пулей слетал в лавку отца и принес мешочки с изюмом, корицей, сахарной пудрой, имбирем и сушеной вишней. Через десять минут варево аппетитно булькало на медленном огне.

— Каша будет шептать покупателям предсказания. Мы будем подавать ее в глиняных мисках... да, тех самых, которые мы делали вместе — все пригодится! И как только покупатель опустит ложку в кашу, каша прошепчет... точнее, пробулькает ему предсказание.

— Как вы это сделаете?!

— Использую свой дар. Магию сенситивов-иллюзионистов. Помешаю кашу, прошепчу разные слова и обеспечу задержку распространения звуковых волн в неоднородной среде... впрочем, неважно. Сами увидите и услышите.

* * *

Мы стояли вокруг печки. С поварешкой в руке я чувствовала себя настоящей ведьмой, которая колдует над зельем. А за окнами уже шумели голоса и смех: собирались посетители ярмарки.

— Магда, Тилло, как каша поспеет, несите горшок и миски на прилавок. Только осторожно, не обожгитесь! Попросите школьного уборщика вам помочь. А мы с Региной и Адой пойдем приготовить прилавок.

Набрав полные руки лент, фонариков и скатертей, мы вышли на улицу и начали протискиваться к нашему месту.

Хоть и казалось, что учеников в городской школе немного, на ярмарке было не протолкнуться. Тут словно собрался весь город.

Попутно я поглядывала на другие прилавки. За прилавками стояли не только дети, но и их родственники и взрослые горожане, которые когда-то учились в этой школе и решили тряхнуть стариной — а заодно сбывать кое-какой товар.

Фермер Герхарт выкладывал пирамидой яблоки, любовно протирая каждое салфеткой. Соседний прилавок занял Амброзиус

Анвил — я немало удивилась, увидев его. С верхних перекладин его лавки свисали крошечные механические марионетки. Его товар будет пользоваться спросом — кто же откажется от забавной игрушки!

Сам изобретатель со скучающим и раздраженным видом сидел на табурете и обмахивался сложенной газетой.

Наконец, мы добрались до своего прилавка. Девочки взялись расстилать скатерть, я развешивала цветы и фонарики, которые мы спешно тут же вырезали из цветной бумаги.

К прилавку неторопливо подошла госпожа Лотар. Она оглядела наше хозяйство прищуренными глазами. Пожилая учительница разоделась на ярмарку как в театр: высокий воротник белоснежной блузки подпирал ее острый подбородок, в сложной прическе блестел полудрагоценными камнями гребень.

— Вы не торопитесь, — сказала она с легкой улыбкой, в которой я углядела триумф. — Ярмарка открывается через полчаса. А у вас все пусто. Ребята так на вас рассчитывали... Надеюсь, вы их не подведете? Когда замахиваешься на слишком многое, часто выходит пшик. Поэтому в воспитании детей лучше идти знакомыми, безопасными путями.

— Не беспокойтесь, мы выставим много чего интересного и волшебного, — невнятно ответила я, перекусывая зубами бечевку. — У нас вышла небольшая накладка, вот мы и задержались. Но скоро мы вас поразим.

— Вот как? — в ее голосе дрогнуло какое-то острое чувство, которое заставило меня насторожиться. Я посмотрела на нее внимательнее. Подобно кнуту, меня хлестнула и обожгла злая догадка.

Острый нос правого ботинка госпожи Лотар был испачкан желтым. А это что зацепилось за перламутровую пуговицу на ее жакете? Неужели клочок кроличьей шерсти?

Не может быть! Неужели... это... это она проникла в нашу пристройку и уничтожила все поделки?! Разбила тыквы и выпустила кроликов? Почтенная учительница, которая проработала в школе столько лет? И которая негодовала на приезжую учительницу за то, что та забрала ее предметы, подвергала сомнению ее методы и осмеливалась спорить?!

— Вы в порядке, госпожа Верден? — сладко спросила госпожа Лотар. — У вас покраснели щеки, и вы застыли, как изваяние.

— Кое-что вспомнила, — я зловеще улыбнулась. — Столько хлопот, не упустить бы чего! Желаю вам удачи с вашими оладьями и восковыми свечами, госпожа Лотар. Надеюсь позже увидеть вас у нашего прилавка. Мы тут будем раздавать волшебные предсказания, постараюсь подобрать для вас что-то особенное.

Госпожа Лотар внимательно посмотрела на меня откровенно злыми глазами.

— Вы так... вызывающе выглядите, госпожа Верден. Что за наряд, подумать только! Цветастый платок, браслеты... юбки эти...

— На ярмарку многие надели карнавальные костюмы. Вон, госпожа Крежма выглядит как бутылка касторки. У того парня бумажные ослиные уши и хвост. А госпожа Лумм, владелица «Хмельной коровы», решила стать символом своего заведения. У нее рога, вымя из каучуковых перчаток и бутылка шнапса в руке. Она серьезно подошла к делу.

— Но то трактирщица! А вы учительница! А вырядились как ведьма!

— Ну и что в этом плохого?

— Она не понимает! — она всплеснула руками.

Пару секунд наши взгляды вели молчаливую дуэль, а потом госпожа Лотар скорбно покачала головой и ушла.

Скатертью дорога. Вот уж кто ведьма, так это она!

Глава 23

Чудеса на школьной ярмарке

Народ прибывал. У трибуны появилась группа разряженных в пух и прах господ. Самым расфранченным был, разумеется, бургомистр Фалберт Флегг. Он снял котелок, от его лысины и золотой цепочки часов отскакивали солнечные зайчики.

Рядом с бургомистром чинно прохаживались директор Степпель, начальник пожарной части Матибор, офицер Брасс, городской казначей, начальник станции и другие почетные гости.

Корнелиус Роберваль был погружен в беседу с незнакомыми господами, которые держались важно, со столичным шиком. Корнелиус, как всегда, был одет в черное. Сухопарый, подтянутый, строгий и очень внушительный, он выделялся из толпы ростом и статью.

Корнелиус был чем-то озабочен; я успела неплохо изучить его, и его заложенные за спину руки, и особый наклон головы, и пристальный взгляд из-под сведенных бровей о многом мне поведали.

Я помахала ему, но он меня не заметил.

Но все же я улыбнулась, потому что была рада его увидеть.

О чем бы я ни думала в последние дни, чем бы ни занималась, мои мысли перескакивали на Корнелиуса, и сердце начинало стучать быстрее. Я вспоминала наши разговоры, касания, поцелуи — и заново переживала их, и предвкушала следующую встречу.

Но меня тревожило предстоящее прибытие его знакомых из столицы. Их ждали завтра, но, возможно, кто-то явился сегодня утром. Уж не с ними ли он сейчас ведет деловую беседу?

Толпа закрыла от меня Корнелиуса; вздохнув, я вернулась к текущим хлопотам.

Между прилавками медленно ходили торговцы с корзинами и предлагали настойчиво, нараспев:

— Печеные яблоки! Пирожки! Самые лучшие!

В другое время мои ученики не отказались бы ни от пирожков, ни от яблок, да и я бы с удовольствием заморила червячка. Но сейчас нам

было не до лакомств. Мы были взвинчены, напряжены и полны боевого азарта.

Постепенно наш прилавок приобрел нарядный вид. Миклош выставил свой пирог и усердно размахивал салфеткой, отгоняя мух.

Виктор Лукаш принес из школы глиняный горшок, полный тыквенной каши. Горшок был раскаленным, только с печи, но уборщик всего лишь обернул его тонким полотенцем и сжимал в руках, как будто вовсе не чувствуя жара. За Виктором шла взволнованная Магда. От переживаний она грызла кончик своей косы.

— Ланзо и Дитмар еще не вернулись?

— Да вот они! — возбужденно вскричала Ада.

В толпе на краю лужайки послышался шум и недовольные крики.

— Парни, вы рехнулись, что ли? А ну прочь отсюда с вашей скотиной! Еще бы корову притащили! Шкодники! — грозно распекал мужской голос. Ему отвечал ломкий, дерзкий голос Дитмара и... ворчливое хрюканье!

Я обмерла, когда увидела своих учеников. Ланзо тащил клетку, полную мышей. А Дитмар вел на поводке Вельзевула. Он соорудил хомут из старого пожарного рукава, но ума не приложу, как уговорил кабана надеть его!

Кабан шагал смиренно, опустив голову, и поглядывал по сторонам хитрыми заплывшими глазками.

— Зачем вы привели его сюда?! — вскричала я, когда троица подошла к прилавку.

Ланзо и Дитмар начали оправдываться, перебивая друг друга:

— Он сам за нами увязался! Мы не хотели! А потом подумали: пусть он тоже будет на ярмарке! Мы нацепим на него бороду и треуголку! И будет разбойник Грабб!

— А вот это уже плохая идея, — проговорила я медленно, стараясь не рычать. — Кабан — не кролик. Придется его где-то привязать, чтобы не путался под ногами.

С ума сойти с этими детьми! Никогда не знаешь, чего от них ожидать.

Я огляделась в поисках подходящего места, где кабан не будет пугать посетителей ярмарки своими клыками.

— Идем, — я потянула за поводок. Велли покорно пошел следом. Я привела его к мертвому каштану, убрала планку штакетника, сделав

проход, завела кабана внутрь оградки и крепко-накрепко привязала поводок к самой прочной ветке.

Велли не возражал: тут была тень и полно грибов. Ему будет чем заняться в ближайший час. На эту часть лужайки народ не заходит, кабан никому не мешает. Чем он хуже породистого пса, которого привязали неподалеку, к самому высокому флагштоку? Ничем не хуже. Вот и пусть украшает своим присутствием городскую легенду.

— Сиди смирно! — строго приказала я напоследок, вернула штaketник на место и крепко вколотила в землю. Глядя на мои манипуляции, посетители ярмарки выразительно переглядывались. Но сделать замечание никто не посмел.

— Все хорошо, — бормотала я, успокаивая себя. — Все под контролем.

— Вот мыши, — Ланзо гордо продемонстрировал клетку.

— Умница! Поставь клетку здесь. Давайте нальем им воды в миску и дадим печенья...

— Как вы их заколдуете? — поинтересовался Миклош.

— Раскрашу, как праздничные яйца. Мне нужна зрительная опора... кремовые розочки на твоём пироге подойдут. Я займу их цвета и отдам их мышам. У нас будут разноцветные мыши. Розовые, желтые, зеленые и голубые.

— Привяжем к их хвостам бантики! — азартно решила Регина. — И наденем на головы кукольные парички. Мы приготовили их для кроликов. Но мыши меньше, чем кролики. У меня с собой нитки и ножницы. Попробую подшить. Ланзо, поможешь? Надо, чтобы мыши сидели тихо. Ты умеешь им приказывать, правда?

— Да, я помогу! — с готовностью откликнулся он. — И заставлю делать разные трюки. Я учил их танцевать. Мы будем продавать разноцветных танцующих мышей.

— Бедные мыши... — пробормотала я вполголоса.

— Это даже лучше, чем кролики-эльфы! — рассмеялась Ада.

Я не разделяла ее радость. У меня голова шла кругом от хлопот и шума. А еще нужно «заколдовать» кашу...

Тилло принес поднос с глиняными мисками. Я взяла поварешку и принялась распределять порции тыквенной каши.

Каша умопомрачительно пахла пряностями и вишней, а когда Тилло посыпал ее сверху сахарной пудрой, она превратилась в

изысканное лакомство.

Я брала миску за миской, подносила к губам и, войдя в легкий транс, шептала в каждую одно или два слова.

Говорила, не задумываясь о смысле. Предсказания не бывают четкими; чем больше тумана и недомолвок — тем лучше.

Такой розыгрыш любили студенты академии Одаренных. Манипулируя эфирным полем, они меняли свойства звуковых волн, заставляя их задержаться в жидкой или вязкой среде. В коридорах академии фонтанчики с питьевой водой могли плюнуть вам в лицо оскорбление, а овсянка в столовой так и норовила пожелать «Приятно вам подавиться!»

Занятно, что опыт, полученный от сокурсников-шалобаев, запомнился куда лучше, чем уроки аудиомансии.

Спрятанные в каше слова прозвучат позднее, когда нарушится целостность ее структуры. То есть, когда кто-то зачерпнет кашу ложкой. Несложный фокус для обычного Одаренного, но в свое время я освоила его с трудом. Когда перекраиваешь законы физики, тратится немало сил. Теперь у меня кружилась голова, глаза застилал пот, а руки мелко дрожали.

Нужно срочно подкрепиться. Я подозвала торговца печеными яблоками и купила дюжину: себе и ученикам. Пока мы ели, я оглядела прилавки и убедилась, что все готово.

Колокольчики звенят, фонарики покачиваются на ветру, стараниями девочек и Ланзо мыши превратились в неведомых зверушек, но сидят тихо и выглядят довольными. Миски с кашей выставлены рядком. Кабан... занят чем-то интересным у дерева.

* * *

Часы на ратуше пробили одиннадцать. На флагштоке взвился флаг, залиvisto проиграла труба. Настало время открывать ярмарку.

Бургомистр поднялся на трибуну и окинул толпу отеческим взором.

— Дорогие жители города Крипвуда! Сегодня, в этот день...

Дальше полилась заготовленная речь. Я не рассчитывала услышать что-то занимательное, поэтому отдала все внимание моим

помощникам. Не помешает лишний раз похвалить их за смекалку и расторопность.

Дети волновались не меньше моего. Магда покачивалась из стороны в сторону, приложив к щекам ладони, как будто у нее болели зубы. Регина и Ада прилипли носами к клетке и шептали разноцветным мышам нежности. А Ланзо стоял, положив обе руки на принесенную из дома коробку, и медлил.

— Ланзо, ну что же ты! Доставай свою поделку! — спохватилась я.

Ланзо густо покраснел. Он медленно развязал бечевку, снял крышку и вытащил игрушку размером с настольные часы. Он поставил ее на прилавок, отошел на шаг и отвернулся, как будто боялся того, что мы сделаем или скажем.

Когда я поняла, что вижу, у меня даже в носу защипало.

Это действительно были настольные часы. Похожие я видела в доме Анвила; возможно, он отдал их мальчику и разрешил переделать на свой вкус.

Теперь на верхней части часов появились крошечные фигурки. Первая изображала даму на велосипеде. Дама одной рукой держалась за руль, вторую горделиво уперла в бок. Рядом стояли две фигурки поменьше — мальчик и девочка. Одежда куколок была искусно сделана из тонкой жести, лица отлиты из олова, как у солдатиков, и раскрашены.

— Это же госпожа Верден на велосипеде! — благоговейно прошептала Магда. — Видите — шляпка набекрень, и зонтик на ремне за плечами! А рядом кто?

— Регина, это ты, — Ада легонько толкнула подругу плечом и хихикнула. — Косы как у тебя, короной! И бант на платье! А рядом... сам Ланзо!

Все замолчали, рассматривая игрушку. Ланзо не поворачивался, но было видно, как отчаянно пылают его уши и подрагивают плечи. Он ужасно боялся насмешек.

— Ланзо, это восхитительно! — сказала я.

— Они двигаются, да? — спросил Дитмар. — Тут шестеренки!

Ланзо повернулся и ответил едва слышным голосом, скрывая волнение.

— Да, двигаются... Я покажу... Когда часы бьют время, госпожа Верден крутит педали, и колеса крутятся, а мальчик и девочка... машут руками.

— Вот так штуку ты замудрил! Не хуже чем у Анвила! — восторгался Дитмар. — Однако жалко ее продавать. Может, не будем?

— Не будем продавать! — сказала я. — Пусть посетители подходят и смотрят. Это настоящее произведение искусства!

— Это для вас, госпожа Верден... подарок.

— Спасибо! — не удержавшись, я обняла его. — Мы поставим часы в школе, в шкаф с самыми лучшими поделками и призами!

Ланзо улыбнулся, часто дыша от облегчения, и испуганно скосил глаза на Регину.

— Платье на этой девочке... — Регина осторожно дотронулась пальцем до крошечной копии самой себя, — очень красивое. Ты сам придумал? И сам все сделал?

— Ну да... Анвил мне совсем чуть-чуть помог...

— Молодец, — строгим голосом похвалила она Ланзо. — Надо показать моему папе. Ему тоже понравится.

Я испытала огромное облегчение. Были опасения, что Регина может бросить что-нибудь вздорное. Но она оказалась неожиданно мудрой для такой юной и избалованной девочки. Конечно, она знала, что Ланзо влюблен в нее. Но не пользовалась этим и не насмешничала, как стали бы другие.

Тем временем приветственные речи закончились, ярмарка забурлила.

Заложив руки за спину, бургомистр Фалберт Флегг неторопливо шел между рядами и кивал участникам ярмарки, показывая свое одобрение. За ним шла его свита.

— Это та самая госпожа Верден, новая школьная учительница, Одаренная из столицы, и ее подопечные! — пояснил спутникам Флегг, останавливаясь у нашего прилавка.

— Очень интересно, — ответил господин средних лет, хорошо одетый, высоколобый, с бесцветными глазами, вялыми губами и тонкими усами щеточкой. Наверняка приезжий богатей из столицы или из соседнего Шваленберга. Мне показалось, я раньше видела его где-то... но, порывшись в памяти, подсказки не нашла.

Усатый вкрадчиво добавил:

— Странно видеть выпускницу прославленной академии на посту простой школьной учительницы.

Мне не понравилась его реплика и его взгляд, которым он бесцеремонно впился в мое лицо, как будто я была какой-то диковинкой.

Прищуриив глаза, усатый отвернулся и отошел к соседнему прилавку, но продолжил рассматривать меня украдкой.

— Ну-ка, ну-ка, чем вы нас удивите? — отеческим тоном поинтересовался бургомистр

— Что за звери у вас в клетке?! — изумилась его супруга, тонкая и длинная, как помело, на которое надели нарядную шляпу с лентами. — Похожи на разноцветных и волосатых мышей. Вы продаете мышей?!

Ее глаза округлились.

— Это эльфы! — пискнула Ада.

— Это мыши, — призналась я.

Теперь у госпожи Флегг округлились не только глаза, но и рот. Она приготовилась завизжать, а может, и свалиться в обморок.

— Не просто мыши, а заколдованные! — светским тоном заявила Регина. — Если вы купите одну и будете обращаться с ней ласково, она станет обычной счастливой мышкой. Серой или белой. И принесет счастье в ваш дом. Так работает магия!

— Господи, ну кому придет в голову покупать мышей! — с мягкой укоризной заметила из-за спины бургомистра госпожа Лотар.

— Мне, — решительно сказал директор Степпель и подмигнул. — Лучше подарка для моих племянников не найти. Заверните парочку мышек, пожалуйста!

* * *

Девочки взялись пересаживать мышек в небольшую плетеную корзинку. Толпа у прилавка росла.

— Хм... а это что? Каша? — бургомистр взял миску и понюхал. — Отрадно видеть, что девочки помнят о своей будущей роли хозяек и учатся готовить полезные и питательные блюда. Как видите... — он обратился к спутникам, — ...в нашей школе уделяют много внимания традиционной подготовке детей к бытовым сторонам жизни.

— Это не просто каша, а волшебная, — авторитетно заявила Регина. — Она говорит... булькает разные предсказания.

— Каша? Булькает предсказания?! — бургомистр захохотал, его смех подхватили и другие. — Юмористы! Волшебники! — в порыве чувств он хлопнул себя по толстым бокам.

— А вы попробуйте, — предложила я. — Одна миска — полкronодора.

— Недешево, однако... — весело изумился бургомистр. Я пожалала плечами — общение с ушлым изобретателем Амброзиусом не прошло для меня даром. Я не собиралась продешевить.

Монета звякнула в кружке, бургомистру торжественно подали самую красивую миску.

— Хороша кашка, да мала чашка... — добродушно пробормотал он. Все как зачарованные следили, как бургомистр вытягивает губы трубочкой, дует на горячее варево и открывает рот, готовясь снять пробу.

В этот момент в миске булькнуло, на поверхности надулся пузырь, лопнул, и каша пробормотала ворчливым тоном:

— Сш-ш-ш... буль... ливые гш-шды...

Бургомистр вздрогнул, уронил ложку и забрызгал оранжевыми каплями свой ослепительный жилет.

— Что? Ваша каша говорит?

— Раздает предсказания, — напомнила я.

— И что она сказала?

— По-моему, «сопливые гады», — предположил начальник пожарной части Матибор.

— «Счастливые годы»! Каша предсказывает вам счастливые годы, — наперебой закричали дети.

Бургомистр неуверенно улыбнулся.

— Да вы попробуйте кашу, господин бургомистр. Она хороша сама по себе, без предсказаний. Очень вкусная. Дети варили, старались... — я из кожи вон лезла, проявляя дипломатию. Успех нашего проекта висел на волоске.

И тут я заметила Корнелиуса. Он стоял в отдалении, не пытаясь протиснуться сквозь толпу, но благодаря высокому росту мог наблюдать все, что происходило возле нашего прилавка. Уголки его губ

подрагивали от едва сдерживаемого смеха, глаза горели весельем. Регина тоже его увидела и обрадованно замахала руками.

Бургомистр никак не решался снова взять миску. Но под взглядами жителей города, хозяином которого он был, не мог показать себя трусом.

Когда ему подали чистую ложку, Флегг осторожно зачерпнул каши. Все, затаив дыхание, смотрели, как он морщится, глотает и вытирает рот салфеткой.

— Хм... весьма недурно. Очень, очень вкусно!

После этого миски расхватали в два счета. Покупатели набирали кашу в ложки и подносили их к уху. Смотреть на это было уморительно. Одни умудрились перепачкать физиономии, другим каша затекла за воротник.

Я кусала губы, чтобы не рассмеяться. Мое «колдовство» работало, хоть предсказания выходили невнятные. Покупатели прислушивались, пытались догадаться, что посулила им волшебная каша: «Удачную сделку» или «Ужасную грелку»? «Великую любовь» или «Липкую бровь»? Мои ученики взяли на себя роль толкователей, и горожане уходили довольными.

Клетка с мышами опустела: на каждую нашелся покупатель. С новых хозяев мышей взяли клятву, что они окружат питомцев заботой и лаской.

Наш прилавок, безусловно, пользовался успехом, и я старалась не обращать внимания на кислые физиономии тех, кто шепотом обсуждал со спутниками «ведьмовские фокусы» и то, что за ними может последовать.

Сейчас меня таким не проймешь. У нас все получилось! Мы с моими учениками преодолели козни недоброжелателей. Пусть наш прилавок не самый богатый на поделки, но он привлек больше всего внимания. Мы заставили посетителей улыбаться. Мы дали им капельку доброй сказки.

Но не время расслабляться: из кухни принесли второй горшок с кашей, и мне пришлось ей заняться. Попутно я заметила, что помощников у меня поубавилось: за прилавком остались только девочки и Ланзо, а другие мальчишки куда-то смылись — наверное, решили наведаться к прилавку Амброзиуса с механическими игрушками, где тоже собралась толпа.

Но дело уже шло к концу. На помосте расположились музыканты, лавки начали заполняться слушателями — скоро начнется конкурс талантов. Дети будут декламировать стихи, петь песни и зачитывать отрывки из сочинений.

Толпа в проходах начала редеть. Я собирала пустые миски в специальную корзину, чтобы позднее отнести на кухню, когда почувствовала, что на меня смотрят — пристально и недружелюбно.

Я подняла голову. Понадобилась железная выдержка, чтобы остаться невозмутимой и не уронить стопку мисок. Потому что в соседнем ряду стоял мой дядя Эбнер Хант, и следил за мной ястребиным немигающим взглядом.

* * *

Кажется, этот день станет для меня испытанием на прочность.

Не отводя глаз от так некстати явившегося родственника, я выпрямилась. Отставила грязную тарелку и вытерла руки полотенцем.

Дядя коротко кивнул мне, показывая, что заметил меня, но не сделал попытки подойти.

Господин Эбнер Хант, почтенный финансист, был одет в мятый дорожный костюм, лицо усталое, под глазами мешки, как у человека, который провел бессонную ночь.

Саквояжа при нем не было — видимо, успел снять комнату в Крипвуде и оставить там вещи.

Я крепко сжимала руками прилавок и ждала, когда дядя подойдет и выложит мне то, с чем явился. Требования вернуться, угрозы... кто знает, что еще он припас!

Но он просто стоял и наблюдал, и посетители порой толкали его плечами и бросали на него недоумевающие взгляды. Потом он нахмурился и легко махнул рукой, как бы давая мне знак: «Позже». Отвернулся, заложил руки за спину и пошел прочь, опустив плечи, как под неимоверным грузом.

Хотелось надеяться, что его давит груз совести, но верить в это у меня не хватило оптимизма.

— Госпожа Верден! — Магда дернула меня за рукав. — Сейчас начнутся выступления. Тилло будет петь песню, а Регина читать

доклад о промышленности края! За ней явилась гувернантка и увела. Поидемте и мы!

— Да, сейчас... подожди.

Я мельком посмотрела на толпу, но дяди уже не увидела.

Все-таки он разыскал меня... и явился в Крипвуд самолично. Что он задумал?

От нового потрясения шумело в ушах, но паники не было. Я сжала кулаки и перевела дух.

Дядя не сможет забрать меня и вернуть в столицу силой. Кажется, он приехал один, значит, хочет поговорить без свидетелей. О чем? Что он собрался требовать?

Что бы то ни было, я готова отстаивать свою независимость. Теперь меня голыми руками не возьмешь. У меня есть союзники. Но справлюсь и без них. Суесться не буду; дам ему сделать первый шаг, сказать первое слово. Хорошо, что он не подошел и не учинил скандал на глазах детей. Но надолго его не хватит; терпением дядя не отличается. Наверняка он вернется очень скоро.

Я огляделась в поисках моих учеников. Мальчишки околачивались возле старого каштана. Они стояли, перегнувшись через ограду, — видимо, украдкой давали кабану угощение.

Надеюсь, там все в порядке. А нам пора закрывать прилавок и отправляться на представление.

Я подозвала Ланзо и девочек, и мы пошли к помосту, устроенному под навесом.

Первый ряд заняли почетные гости, но Корнелиуса среди них не было. Жаль: не мешало бы с ним поговорить и сообщить последние новости. Наверное, он сейчас с дочерью или с важными господами, что явились в уездный город из столицы.

Магда подвела меня к скамье, где сидели ее родители. Завязалась беседа; я рассказывала госпоже Ракочи об успехах ее дочери, потом госпожа Ракочи вывалила на меня ворох сплетен. За болтовней у меня и секунды не было, чтобы подумать о собственных заботах.

Ланзо глазел на музыкантов, которые настраивали инструменты, и с удовольствием грыз леденец. Все происходящее ему очень нравилось.

На помост вышел господин Степпель, прокашлялся, взмахнул рукой, хитро прищурил глаза и объявил:

— Начинаем конкурс талантов! Первой выступит Регина Роберваль. Она прочитает нам свой рассказ о том, как работает лесопильный...

Договорить он не успел; в рядах послышался невнятный шум, шепотки, смех, кто-то выкрикнул: «Только посмотрите на это!»

Головы зрителей повернулись налево; директор Степель окаменел, прижав руку с платком к сердцу. Но быстро опомнился, налился свекольным цветом и крикнул:

— Эй, кто-нибудь! Уведите его отсюда!

Я вскочила, предчувствуя дурное, и увидела, как к помосту на всех парах несется мой кабан. За ним волочился оборванный хомут. На голове кабана набекрень сидела черная треуголка, а к шее была привязана огромная черная борода. И шляпу, и бороду я сразу узнала: их изготовил Дитмар, чтобы украсить ими тыквенные фонари!

Ясно, чьих рук проделка! Проказники — Дитмар и его вечный враг Владислас, который внезапно оказался его сообщником — бежали следом за кабаном и пытались его остановить. Тщетно: кабан увидел поднос с яблоками и сладостями, приготовленными для награждения победителей, и несся к нему со всех ног. Поднос поставили на край помоста, поэтому кабан вознамерился стать гвоздем конкурса талантов — в скоростном поедании лакомств ему равных не было.

Кругом поднялся переполох. Люди падали и вскакивали со скамеек, ученики заливались хохотом, взрослые ругались.

Я живо присоединилась к погоне. И опоздала лишь самую малость. Кабан подбежал к блюду с лакомствами, и то ли играючи, то ли случайно, со всей мощи ударил боком по деревянному столбу, на котором держался навес над помостом. Столб хрустнул, как спичка, верхние перекладины просели, навес угрожающе покосился.

— Назад! Все назад! Прочь! — страшным голосом закричал директор. Я похолодела.

Если столб не выдержит, верхние перекладины рухнут, и навес упадет. Тем, кто окажется под ним, не поздоровится.

Я перепрыгивала через скамьи, еще не зная, что предпринять. Кабан испугался криков и заметался, натываясь на лавки и опрокидывая стулья. В панике он может сломать и другие столбы! Надо во что бы то ни стало удержать его!

Вот бы сейчас старуху Барток сюда! Но, вернувшись после трехдневного таинственного исчезновения, она не выходила из дома и на ярмарке я ее не видела.

Рассчитывать не на кого, и мой слабый талант вряд ли поможет. Недолго думая, я обхватила кабана обеими руками за мускулистый загривок и навалилась на него всем телом. Но при этом лихорадочно призывала свой дар, пытаюсь дотронуться до ауры животного. Я чувствовала ее, видела вторым зрением: энергетические нити горели алым и тревожно мерцали. Зверь был, как выражался наш профессор, «в ажитации». Но это было ясно и без заумных терминов. Вопрос в том, как снять эту ажитацию, как установить со зверем ментальный контакт!

Никак. Для этого нужны особые умения. Поэтому я шептала в мохнатое ухо ласковые слова, обещая самые изысканные угощения «плохому мальчику», если он станет паинькой и не будет разносить школьную сцену в труху.

Кабан недовольно мотал башкой, порывивал, а я ужасно боялась, что в любую минуту его дикая сторона возьмет верх, и он легким ударом копыта переломает мне ноги или ребра.

Но вдруг кабан издал усталое, утробное урчание, потоптался на месте и как подкошенный повалился на бок, предлагая почесать ему пузо.

Я медленно сползла с его жесткого щетинистого бока и села на корточки, отдуваясь, не в силах поверить, что случилось столь необходимое мне чудо.

Оказывается, прошло всего несколько секунд; даже позы стоящих вокруг людей не изменились. Но глазели они вовсе не на меня. Ошарашенные лица были обращены на навес над помостом.

Подняла голову и я. Балки совсем покосились. Под тяжестью брезента они все больше подавались вниз; еще секунда, и они рухнут!

Перед помостом застыла хрупкая фигурка мальчика. Он раскинул руки и задрал голову вверх, как будто пытаюсь взлететь.

— Ланзо, отойди! Что ты делаешь! — крикнула я, но из горла донесся лишь хрип.

И тут произошло второе чудо. Медленно-медленно, со скрипом и стоном, балки подались вверх, потом вбок, как будто их кто-то тянул на канате.

Толпа ахнула и дружно подалась назад. Стояла такая тишина, что можно было услышать, как пролетает муха.

Потом тишину разорвал надсадный скрип древесины. Навес продолжал тянуться вбок, он подрагивал, влекомый невидимой рукой!

— Что происходит? — растерянно спросил голос из толпы. — Что за чертовщина?!

Я вскочила на ноги, подбежала к Ланзо и все поняла.

Он вздрагивал всем телом и часто дышал. На его лице было застывшее, отрешенное выражение, какое бывает у сенситивов в глубоком трансе, когда они проделывают сложные манипуляции с энергетическими полями.

Ланзо удерживал навес и не давал ему рухнуть!

Потрясающе! Одаренных такой силы мне не приходилось встречать! Ланзо интуитивно владеет искусством перемещать вещи на расстоянии — телекинезом!

Но это может плохо для него закончиться. Ему самому нужна помощь!

В этот момент навес дрогнул, мягко сполз набок, и с грохотом обрушился на землю. Но вреда он уже никому не причинил: и выступающие, и зрители давно успели отбежать на безопасное расстояние.

Ланзо уронил руки и медленно сел на корточки, обхватив себя за колени.

Я опустилась рядом и сжала его виски ладонями. Я вливала в него свои энергетические потоки — они уже едва мне подчинялись — и говорила:

— Ланзо, миленький, посмотри на меня! Вернись! Вернись немедленно! Ты больше не должен этого делать. Ну же!

Он медленно открыл глаза и слабо улыбнулся. Из правой ноздри у него побежала струйка крови.

— Все целые? — спросил он едва слышно. — Никого не зашибло?

— Никого.

— Регина собиралась выступить... я боялся, что она...

Я бросила взгляд в толпу. Бледный как смерть Корнелиус стоял поодаль и держал Регину на руках. Рядом застыла ее гувернантка, сжав щеки ладонями в жесте ужаса.

Регине с самого начала ничего не грозило; ее отец успел увести ее, но я не стала говорить об этом Ланзо.

Наконец, люди зашевелились и начали к нам подходить. Они вполголоса и очень сердито переговаривались:

— Это он? Мальчишка? Он двигал эту махину?

— Колдовство! — резко выкрикнул чей-то скрипучий голос. — Магия! Это все из-за нее, этой учительницы!

— А мальчишка-то настоящий колдун, — добавил третий, испуганный голос. — Он и сглазить, наверное, может.

— Весьма, весьма любопытно... — лениво протянул тот самый усатый господин, который недавно подходил к нашему прилавку вместе с бургомистром. И Флегг был тут же: он хмурил брови и что-то бормотал. Столичные гости за его спиной возбужденно переговаривались. Директор Степель тяжело дышал, приложив к груди ладонь.

— Посиди, Ланзо, не вставай, — я удержала мальчика за плечи. А он вдруг обнял меня за шею, прижался губами к уху и прошептал:

— Госпожа Верден, я сам не удержал бы навес... Я начал, но потом понял, что не справлюсь. У меня плохо получалось управлять теми серебрястыми линиями... ну, которые я вижу. Мне кто-то помог... я это чувствовал.

— Кто? Кто тебе помог?

— Не знаю...

В этот момент меня грубо толкнули в плечо, и я чуть не упала. Виктор Лукаш подхватил сына на руки и с дикой злобой бросил в мою сторону:

— Ведьма! Что ты натворила с моим сыном, дрянь!

— Виктор, послушайте... — заговорила я гневно, но он уже ушел прочь, унося Ланзо. Мальчик опустил голову на его плечо, уборщик крепко, но бережно держал сына и выглядел до смерти перепуганным. Более того: на его лице было отчаяние.

— Дайте Ланзо сладкого чая, и он быстро придет в себя! — крикнула я ему вслед. Пусть Виктор и был плохим отцом, но в этот миг я была уверена, что он позаботится о сыне.

Со второй попытки я поднялась. Мельком глянула на кабана: тот лежал как мертвый, но его бок мерно поднимался и опускался, подергивалось волосатое ухо.

Громко заговорил бургомистр Флегг, разрядив ситуацию:

— Все хорошо, что хорошо кончается! Мы должны поблагодарить госпожу Верден. Она проявила хладнокровие в непредвиденной ситуации и пришла на выручку своим ученикам! Только благодаря ее смекалке и ее дару катастрофу удалось предотвратить!

После томительной паузы раздались несмелые хлопки, а потом и все разразилось аплодисментами.

— Спасибо вам, госпожа учительница! Спасибо! — выкрикнула госпожа Ракочи, и госпожа Барбута подхватила:

— Ловко вы это все уладили! И кабана завалили, и мальчишку остановили! Я такого даже в синематографе не видела!

Я выпрямилась и поправила косынку, стараясь выглядеть невозмутимо. Что было непросто. Потому что, несмотря на аплодисменты, далеко не все направленные на меня взгляды лучились восторгом и благодарностью. Злых и настороженных взоров хватало с избытком.

Бургомистр Флегг взял из рук помощника рупор и забубнил:

— Господа, праздник продолжается! Забудем же поскорей это досадное происшествие. Нас почтили присутствием столичные гости; покажем же им все чудеса нашего маленького, но прекрасного города! Сейчас на площади у городской ратуши будут танцы и конкурсы. А завтра нас ожидает нечто небывалое: бал и фейерверк в лесном особняке, чья история потрясает воображение жителей Крипвуда на протяжении уже двух веков! Оркестр, музыку!

Глава 24

Столичные гости

Несмотря на призывы бургомистра, люди не торопились расходиться. Им было что обсудить, и было на что поглазеть.

Рабочие споро убрали обломки навеса, а я стояла, опустив плечи, и не знала, что делать. Навалилось такое изнеможение, что хотелось лечь рядом с кабаном и закрыть глаза.

Но пришлось взять себя в руки. Казалось, все до одного жители Крипвуда вознамерились перекинуться со мной парой слов, высказать недовольство или похвалить. Меня гладили, тормошили и успокаивали, бранили и наставляли. Предлагали мятного чая, горячих лепешек и умыться.

Я согласилась лишь на предложение Хеймо и старика Герхарда присмотреть за кабаном и отвести его обратно в Кривой дом. У Герхарда при себе полно яблок, Хеймо не отличается умом, но он плечистый, здоровый, кабану не уступит. Вдвоем они справятся, а мне проблемой меньше...

— Госпожа Верден... Эрика... вы в порядке? — Корнелиус тронул меня за локоть, мы обменялись быстрыми взглядами, как заговорщики. Я знала, что ему хочется обнять меня и утешить, но сделать этого он сейчас не мог, и поэтому лишь сказал то, что говорили другие: — Вы опять показали себя настоящей героиней. Совершенно не думали о себе, когда кинулись укрощать это животное, — добавил он с досадой.

— Того, кто отвязал кабана да нарядил Граббом, надо примерно наказать, — заявил аптекарь.

— Ваш сын, между прочим, был зачинщиком этой шалости, — грозно сказал директор. — Он нацепил на животное парик и бороду и выпустил его на волю.

Аптекарь не смутился: он раздул ноздри и потер ладонь о ладонь. Кажется, у Владисласа вечером опять будет болеть мягкое место.

— Если бы не госпожа Верден и ее дар, неизвестно, чем бы все кончилось! — разорвался директор. — Кабан мог покалечить детей. Кого-нибудь могло придавить навесом!

И тут заговорил усатый столичный господин, который все это время стоял рядом и прислушивался.

— Удачно, что в центре этой... кутерьмы оказался столь талантливый сенситив, — произнес он своим неприятным вкрадчивым голосом, шуря бесцветные глаза и нервно теребя пальцами отворот пиджака. — Насколько я понял, вы обладаете даром зоомансера, госпожа Верден? В таких глухих уездах их называют заклинателями животных.

— Я не применяла дар, — учтиво ответила я. — Доброе слово куда сильнее любого заклинания.

— Кто же удержал от обрушения тот тяжелый брус? — не отставал усатый. — Тот мальчик, которого вы обнимали? Этот ребенок владеет даром двигать вещи на расстоянии? Весьма, весьма любопытно!

— Госпожа Верден преподает в школе предмет, призванный разбудить в детях зачатки сенситивного таланта, — ответил за меня бургомистр, который задержался послушать занятный разговор. — Признаться, мы не ожидали такого результата. Этот мальчик, Ланзо Лукаш... он же полоумный! — он постучал по виску согнутым жирным пальцем.

— Ланзо не полоумный! Ему прямая дорога в Академию, — горячо вступилась я за ученика. — Он сообразительный и обладает огромным даром! Считаю, городские власти должны оказать ему поддержку. Ланзо нужно отправить в столицу прямо сейчас, попросить профессоров заняться им!

— Госпожа Верден, мне кажется, вы торопитесь в своих выводах, — вдруг прервал меня Корнелиус.

Я ошарашенно глянула на него, а он продолжал:

— Мальчику не под силу повернуть такой трюк. Нельзя говорить о наличии дара в столь юном возрасте. Как и пытаться развить его. Это не приведет ни к чему хорошему.

Опять он за свое! Я была готова пуститься в спор, но меня перебили.

— Я вас всецело в этом поддерживаю, — прозвучал знакомый голос, и я ненавидяще посмотрела на человека, который продолжал говорить размеренно, поучительно — ух, сколько раз эта интонация доводила меня до белого каления! — Желание иметь магический дар

сенситива развивает в детях нездоровые амбиции и направляет их на путь саморазрушения, — закончил мой дядя и вздернул подбородок.

Значит, Хант продолжал наблюдать за мной украдкой из толпы и стал свидетелем этого спектакля! И не выдержал — решил подойти и прилюдно меня унижить, не иначе...

Корнелиус резко спросил:

— С кем имею честь беседовать?

— Эбнер Хант, финансист. Дядя госпожи Эрики Хант и ее законный опекун, — ответил мой дядя, кривовато улыбнувшись и заложил руки за спину, как всегда делал, когда нервничал.

Корнелиус не представился в ответ; он продолжал сверлить моего родственника взглядом.

— Эрики Хант? — изумился директор. — В нашей школе работает госпожа Эрика Верден.

— Видимо, она для каких-то целей решила воспользоваться фамилией своей матери, — весьма язвительно ответил дядя.

Все взгляды обратились на меня.

— Именно так, — подтвердила я сквозь стиснутые зубы. — Верден — моя настоящая фамилия, и я горжусь ей.

— Что же привело вас в Крипвуд, господин Хант? Решили проведать племянницу?

— Разумеется. Она так внезапно уехала, никого не предупредив... Я беспокоился за нее. Вижу, Эрика, ты нашла здесь свое место. Однако я удивлен, что ты учишь детей тому, в чем сама не преуспела.

— Что вы имеете в виду? — переспросил директор. — Как мы успели убедиться, госпожа Верден — весьма одаренный сенситив. Детям полезно знать, что так называемая магия — молочная сестра науки, и бояться ее не стоит.

— Весьма одаренный сенситив? — дядя поднял брови. — Отнюдь! Ее практически признали дефективом. Человеком, который едва ли может управлять этими... как их там... эфирными потоками. Она едва окончила академию, и то лишь потому, что училась в ней за свои деньги.

У меня запылало лицо. Дядя не изменяет себе!

Он всегда стыдился того, что его племянница — Одаренная, как будто это было пороком. Бывало, стоит знакомым заговорить о моем

даре, он тут же начинает его отрицать и ставить мои способности под сомнение. И теперь не удержался!

— Вот оно что! — с непередаваемо злорадной интонацией протянул аптекарь. — Выходит, вы ввели господина директора в заблуждение?

— Я никогда не утверждала, что владею сильным даром, — ответила я. — Он вовсе не обязателен для учителя. Но я разбираюсь в том, как научить детей принять то, что в них заложено природой. Разве я не справилась со своей задачей?

— Вы подошли к этой задаче крайне легкомысленно! — негодуя воскликнула госпожа Лотар. — Начали своевольничать. Вышли за рамки того, что было предусмотрено программой. Я считаю это нарушением закона! Господин директор, я требую разбирательства.

Степпель потряс головой и развел руками.

— Госпожа Лотар, здесь не время и не место обсуждать подобное!

— Кстати, о нарушении закона... — заговорила я из последних сил сдерживая гнев. — Порча чужого имущества, детских поделок — это разве не преступление? Однако куда более страшное преступление — забрать у детей радость, заставить их плакать!

— Не понимаю вас. Вы о чем? — хладнокровно спросила госпожа Лотар, но быстро моргнула, пряча взгляд. — Не пытайтесь свалить вину на чужие плечи. Мы сейчас говорим о вашей некомпетентности, потому что вы...

Тут Корнелиус посмотрел на нее очень пристально, и госпожа Лотар осеклась, наконец, сообразив, что сказала лишнего и при человеке, с которым лучше не спорить.

— Моя дочь учится в классе госпожи Верден. Я внимательно следил за тем, что и как преподается на занятиях, — произнес Корнелиус таким тоном, что будь я на месте госпожи Лотар — упала бы в обморок от ужаса. — Госпожа Верден прекрасно справляется со своими обязанностями. Как глава попечительского совета, рекомендую вам изложить свои соображения на бумаге и направить их мне на рассмотрение.

По его интонации было ясно, что, поступи госпожа Лотар именно так, ее кляуза отправится в мусорный бак быстрее, чем почтенная учительница успеет пикнуть.

— Прошу, хватит! — чуть ли не простонал господин директор. — Довольно! У нас праздник, не будем устраивать педагогические дебаты! Отложим все на потом. Идемте же, идемте!

Он помахал руками, как будто желая разогнать толпу. Господа и дамы, поняв, что больше на школьной ярмарке не случится ничего интересного, начали, наконец, расходиться.

Не сдвинулись с места лишь я, мой дядя и Корнелиус.

* * *

— Каковы ваши намерения в отношении племянницы, господин Хант? — грубовато поинтересовался Корнелиус.

Этот вопрос заставил дядю враждебно насупиться, но он ответил учтиво, хоть и не без ехидства:

— Вы — господин Корнелиус Роберваль, не так ли? Я слышал о вас. Однако странно, что вы озабочены делами Эрики. Вы ее... покровитель? — он многозначительно поднял бровь.

— Он отец моей ученицы и мой друг! — отрезала я.

— Господин Роберваль, вот-вот прибудет автомобиль из Шваленберга! — звонко позвала Алисия от школьных ворот. — Вас ждут у ратуши, пожалуйста, поторопитесь! Принесли телеграмму; не представляете, какая новость ждет вас!

— Папа, идем! — крикнула Регина.

— Минуту! — Корнелиус махнул рукой и повернулся к Ханту.

— Ответьте на мой вопрос, Хант, — продолжил Корнелиус. — Очень важно, как вы на него ответите. Мне нужно решить, позволить ли вам остаться в городе или выставить отсюда поскорее.

— Не много ли вы на себя берете, Роберваль?! Это семейное дело. Какого черта вы вмешиваетесь! — вспыхнул дядя, но тут же взял себя в руки. — Полагаю, Эрика вам рассказывала о том, что случилось в столице. И вы придумали себе невесть что...

— Кто приехал с вами?

— Я приехал один, утренним поездом. Оставил саквояж в трактире, узнал, где найти Эрику и... нашел ее.

Дядя отвечал на удивление терпеливо, тона больше не повышал. Он прикрыл глаза, потер переносицу и устало сказал, как будто через

силу:

— Уверяю вас, что я действительно приехал убедиться, что моя племянница жива и здорова. Больше ничего. Эрика...

Он повернулся ко мне.

— ...Пожалуйста... нам нужно поговорить.

— О чем же? — сухо спросила я.

— О твоём возвращении в столицу.

— Под конвоем санитаров?

— Эрика, будь благоразумна, — настойчиво говорил дядя. — Клянусь, я желал тебе только добра. Возможно, в чем-то я ошибался, но готов все объяснить.

— Госпожа Верден, вам действительно стоит поговорить с господином Хантом, — вдруг заявил Корнелиус. — Идите в «Хмельную корову». Устройтесь в общем зале. Там сейчас пусто, вам не помешают. Но будут свидетели, если что-то пойдет не так.

Он угрюмо глянул на дядю, тот обидчиво вздернул подбородок.

Корнелиус взял меня за локоть, отвел на несколько шагов и сказал негромко, настойчиво:

— Эрика, все будет хорошо. Присутствовать при вашем разговоре я не могу, меня ждут в другом месте. Но ты в безопасности. Постарайся услышать и понять своего родственника. Не горячись. Ты справишься.

— Сегодня я столько горячилась, что на дядю запала уже не хватит. Обещаю, буду осторожной и рассудительной. Иди скорее. Регина ждет. Увидимся позже.

— После разговора с дядей пошли мне весточку с мальчишкой из трактира, чтобы я знал, все ли в порядке.

Я посмотрела ему в лицо и улыбнулась. Обо мне беспокоились, за меня переживали, и это было новым и приятным для меня чувством. Как и мысль о том, что я теперь не одна, и есть к кому обратиться, если что-то пойдет не так. И радовало то, что Корнелиус верит в меня, мою рассудительность и способность держать вещи под контролем.

— Иди. Я справлюсь.

Я легко дотронулась до его руки.

— Не знаю, получится ли нам сегодня увидеться. Но завтра я жду тебя на приеме в лесном особняке. И вот еще... — он наклонился ко

мне и прошептал: — Эрика, ты чертовски хороша в наряде бродячей гадалки. Самая красивая и загадочная девушка на ярмарке.

Простые слова, но он произнес их так, что я вспыхнула от удовольствия.

Мне хотелось услышать больше, но он лишь почтительно поклонился и ушел.

Я вернулась к дяде.

Было слышно, как Алисия возбужденно заговорила, когда подошел Корнелиус, но слов я уже не разобрала.

* * *

В зале «Хмельной коровы» и впрямь оказалось пусто. Публика заполнит трактир позднее, когда закончатся уличные празднования.

За стойкой сидела помощница хозяйки. Кухонный мальчишка — точнее, дюжий парень, который порой выполнял обязанности вышибалы, — лениво развалился на табурете, двое стариков перебрасывались в кости за столом у очага.

Мы с дядей уселись в дальнем углу. Я заказала сладкого чая и ватрушку, дядя не стал заказывать ничего. Пока мы добирались до трактира, не обменялись и дюжиной слов.

Он молча смотрел, как я жадно пью горячий чай, в который положила шесть ложек сахара.

Силы, надо срочно восстановить силы! Впрочем, чувствовала я себя недурно, хотя за день несколько раз входила в транс и прибегала к дару. Жизнь и физический труд на свежем воздухе принесли пользу; я определенно стала выносливее, хотя никогда не считала себя слабой городской неженкой.

Дядя сцепил руки, прокашлялся и заговорил все о том же:

— Эрика, тебе нужно вернуться в столицу.

— Зачем? Чтобы ты опять упек меня в сумасшедший дом?

— Я отправил тебя в клинику святого Модеста, потому что беспокоился о тебе!

— Не обо мне. О состоянии, которое уплывало из твоих рук.

— Да! — заговорил он с ожесточением. — Ты скоро станешь владелицей большого наследства. Я бережно управлял им эти годы.

Меня коробило твое пренебрежительное отношение к деньгам! Я видел, что ты своевольна, упряма и сумасбродна. Чего только стоило твое желание учиться в академии и развивать дар, которого у тебя считай что нет! Зачем тебе это было нужно? Для чего?

— Я хотела идти своей дорогой и не растрачивать впустую то, что мне дано!

Он нетерпеливо отмахнулся.

— Я боялся, что после совершеннолетия ты захочешь изъять деньги из фонда и пустить их на ветер. На какой-нибудь нелепый проект!

— Неужели я казалась тебе настолько сумасбродной?! Плохо же ты меня знаешь!

— Именно — ты сумасбродная! Поэтому я желал видеть твоим мужем надежного, достойного человека, который сможет тебя обуздать. Образумить. Я надеялся, что Андреас станет именно таким супругом и твердой, настойчивой рукой поведет тебя по жизни.

— Переломать бы этому негодяю его настойчивые руки! — энергично сказала я и жестом попросила подавальщицу принести еще чая.

Дядя помолчал, покраснел, потер лоб и вдруг удивил меня.

— Тут ты права! — выпалил он с досадой. — Он негодяй. Точнее не скажешь. После того, как расстроилась ваша свадьба, Андреас приходил ко мне. Уверял, что совершил маленькую шалость... а ты придавала ей слишком большое значение. Молодые склонны к импульсивным поступкам. Я хотел, чтобы между вами все наладилось. Но потом, когда ты сбежала, я много думал. Решил разобраться. И выяснил: все это время, что Андреас ухаживал за тобой, он содержал двух любовниц. Стань ты его женой, он превратил бы твою жизнь в ад и разбазарил твое состояние. Видишь... — дядя побагровел от натуги и выдавил. — Я готов признавать свои ошибки. Хорошо бы и тебе признать свои.

Я была поражена, но и рассержена.

— Какие ошибки, позволь узнать? Ошибка в том, что я не осталась в клинике, где надо мной издевались?

— Тебя лечили! После размолвки с Андреасом ты днями не выходила из комнаты, ничего не ела и ни с кем не разговаривала. Я консультировался с семейным врачом. Он сказал, что у Одаренных

такое состояние чревато серьезными проблемами с ментальным и физическим здоровьем. И если не принять срочных мер, будет поздно. Доктора в клинике обещали, что подберут для тебя терапию, которая вернет тебе силы и желание жить. И ведь они справились! Именно это было нужно тебе: встряска. И ты ее получила! Ты стала сама собой и начала действовать. Правда, как всегда, сумасбродно.

Он недобро усмехнулся и начал перечислять:

— Сбежала из клиники, ограбила меня, решила начать новую жизнь. Которая, судя по всему, тебе весьма нравится. Кажется, это называется «шоковая терапия». Клянусь, я не знал, что в клинике применяются столь радикальные методы. Но они сработали! Телесный дискомфорт помог тебе преодолеть черную меланхолию.

Я откинулась на спинку стула и сложила руки на груди. Моему возмущению не было предела.

— Сказала бы, что думаю об этих методах, но учительнице не полагается выражаться такими словами.

— Эрика, рад видеть тебя прежней, — криво улыбнулся дядя. — Действительно, рад. Поверь, я устроил этим докторишкам такое, что они не скоро забудут! За то, что они меня не поставили в известность... о своих методах. Я не сторонник физического насилия. Даже если оно идет человеку на пользу. Вспомни, я ведь ни разу не поднял на тебя руку. Хотя были моменты, когда ты заслуживала затрещины.

— Попробовал бы ты только! — сказала я сквозь зубы.

— Разве я запирал тебя дома? Нет! Я злился, но все же давал тебе поступить по-своему! Разрешил тебе учиться в академии, хотя мог запретить, настоять на своем! Не стал обращаться в полицию, когда ты обманула камердинера и вытащила бумаги из сейфа. Не стал устраивать погоню. Дал тебе время одуматься.

— Как ты меня нашел? Через сыскное бюро Биркентона?

— Сначала я обратился туда, но их услуги не понадобились; один человек из Департамента образования узнал тебя и написал мне. Первым порывом было забрать тебя и силой вернуть домой, но я сел, подумал... и не стал.

Он как будто смутился и ненадолго замолчал, но я поняла, что он не договорил: дядя боялся скандала, боялся привлечь к нашим семейным делам недоброе внимание и испортить свою репутацию. Вот почему он выжидал! Ему нужно было время, чтобы утихли слухи.

— Время от времени я получал о тебе известия... от твоего куратора из Департамента. Прошло почти пять месяцев, и я решил: пора. Я приехал с добрыми намерениями.

— Да ну?

— Ладно! — он досадливо помотал головой. — Не буду настаивать, чтобы ты вернулась домой. Хочу лишь, чтобы ты поняла меня. Не буду утверждать, что любил тебя, как полагается близкому родственнику. Я обещал брату, что позабочусь о его дочери. Наверное, плохо выполнял свое обещание. Но, видишь ли, у нас с твоей тетей нет своих детей... Мы не были готовы к тому, что нам достанется такая своевольная племянница. Ты не слушала нас, мы не слушали тебя. Каждый желал настоять на своем.

Он тяжело вздохнул и после паузы произнес:

— Но я старше, поэтому и спрос с меня больше. И вот я тут, и протягиваю руку примирения.

Дядя казался искренним. Он говорил с трудом, то замолкая, то выпаливая слова одно за другим. Было не узнать хладнокровного, язвительного финансиста Ханта.

Я покосилась на его руки, словно ожидая, что он выполнит свое обещание буквально. Дядя и правда двинул руку по столу, как будто желая коснуться моего запястья, но под моим взглядом быстро отдернул пальцы и спрятал руку под стол.

Я внимательно посмотрела в его лицо. И увидела пожилого, усталого мужчину, одышливого, несчастного, с растрепанными седыми волосами. На его помятом лице выступили багровые пятна неровного румянца.

Дядя никогда мне не нравился. Я не любила его. Считала тираном и самодуром. Негодовала, когда он забрал меня из пансиона и решил поселить в своем доме, и нисколько не ценила то, что он мне дал — наряды, украшения...

Теперь меня кольнула жалость и сожаление. Ему и тете было одиноко. Они решили, что я скрашу их старость. Но не знали, что делать с упрямой девочкой-подростком, как ладить с ней, как сблизиться... Они воспитывали меня так, как когда-то воспитывали их самих.

— Я лишь желала жить по своим правилам, — пробормотала я.

Я попыталась увидеть себя его глазами — такой, какой я была, когда жила в его доме.

И увидела свою горячность, и предубеждение, и желание доказать свою правоту во что бы то ни стало, протестовать, идти напролом! Я так горячо отстаивала свою независимость, что мне не приходило в голову просто попросить помощи. Не хватало терпения убеждать и уговаривать.

Многое переменилось с тех пор. Я стала другой, училась доверять и быть терпеливой.

Дядя молча смотрел на меня. Потом он вздохнул и сказал:

— Пожалуй, пойду к себе в комнату и прилягу. Ночь не спал. В мои годы путешествия даются тяжело. Обдумай то, что я сказал. Завтра я бы хотел проведать тебя, посмотреть, как ты живешь и где работаешь.

Он фыркнул и добавил:

— Захудалая уездная школа, подумать только. И ты держишь свинью и разгребашь навоз!

О нет, мой дядя не стал ангелом в одночасье! Он по-прежнему был тем же язвительным, высокомерным, твердолобым финансистом. Что ж, родственников не выбирают...

— Если наведишь меня завтра, я дам тебе лопату и ты проверишь, что легче: грести деньги или разгребать навоз.

Дядя невесело рассмеялся, я поднялась, чтобы уйти.

— Постой... — он полез во внутренний карман пиджака и достал бумажник. — Эрика, полагаю, тебе нужны деньги. Вот, возьми. И не ломайся, пожалуйста! — добавил он раздраженно. — Они твои.

— Хорошо. Спасибо, — я взяла протянутые купюры, чувствуя себя неловко, хотя неловкость с гордостью были совершенно лишние.

— Обращайся, если понадобится что-то еще, — ворчливо сказал дядя, морщась — и ему было здорово не по себе. Для смирения собственной гордыни требуется немало сил. — Помощь, совет... все-таки я твой дядя, занимаю не последнее место в столичном обществе и не слышу дураком. Могу сгодиться на что-нибудь... До завтра, Эрика.

— До завтра, дядя.

Уже у дверей я вспомнила о просьбе Корнелиуса, быстро написала короткую записку и попросила служащего в трактире парня отнести ее господину Робервалю.

Я вышла из трактира и посмотрела на стремительно пустеющую улицу. Горожане спешили в направлении ратушной площади, где уже играл оркестр. Мимо пронеслась стайка нарядных девушек. Они покосились на меня, прыснули и помчались дальше.

После всех перипетий я выглядела как подлинная бродячая гадалка — юбки в пыли, косынка сползла, на лицо выбиваются волосы... Не стоит в таком виде появляться на празднике. Да и участвовать в нем больше не хотелось. День только начался, а уже случилось столько — на месяц хватит.

Дошла до перекрестка; налево открывался переулок, по которому я быстро доберусь до окраины. Но можно сделать крюк через ратушную площадь.

Впереди бурлила яркая толпа. Она занимала всю площадь и затекала в ближайшие улицы и переулки.

Люди собирались у прилавков, покупали у разносчиков напитки и усаживались на вынесенные на улицу стулья и скамьи, болтали, веселились. Оркестр замолчал, на деревянную трибуну вышел важный старик и начал уныло вещать об истории города. Его слушали не очень внимательно.

Ноги сами понесли меня вперед; гляну одним глазком, что да как, а потом домой.

Как только я прошла сквозь группу парней в новеньких картузах и ярких галстуках, меня окликнули:

— Эрика! Госпожа Верден! К нам, сюда!

За длинным деревянным столом в переулке у кондитерской сидела галантерейщица Ирма Ракочи с подругами. Перед ними стояли кружки с подогретым вином, щеки у женщин разругались, глаза горели.

— Мы хотим выпить в вашу честь, — заявила госпожа Ракочи, когда я подошла, и тут же пододвинула мне кружку. — Садитесь! Отсюда открывается отличный вид на площадь. Вот закончит бубнить архивариус, начнутся конкурсы с призами! Моя Магда с подружками уже там. Хотите поучаствовать? Бег в мешках такая умора!

— Я сегодня набегалась, — улыбнулась я. — Пожалуй, пойду домой и отдохну.

— Да, вам стоит набраться сил на завтра... Вы ведь получили приглашение от Роберваля?

— Да, все учителя получили приглашение, — подтвердила я.

— Странная затея — устраивать бал в проклятом лесном особняке. Отчаянные головы те, кто туда едет. Однако никто из приглашенных не подумал отказаться. Скажу честно, я тоже не прочь там побывать. Господин Роберваль найдет чем удивить. Будет оркестр, и танцы, и фейерверк. Но мы, простые горожане, будем развлекаться как обычно: пойдем на вокзал смотреть в окна Северо-западного экспресса. Полюбуйтесь сквозь стекла столичными птичками. Сегодня их немало прилетело в Крипвуд. Приехали чиновники к бургомистру, и господин Роберваль пригласил знакомых и деловых партнеров.

Она вздохнула и поднесла кружку к губам, но не донесла — вытянула руку и ткнула кружкой вперед.

— А вот и господин Роберваль. Смотрите, кто с ним!

Я привстала и вытянула голову. На тесной площади было полно народу, над головами прыгали воздушные шары, и я не сразу нашла Корнелиуса. Но потом толпа расступилась.

Корнелиус стоял у крыльца ратуши. Подле него я увидела несколько господ, которые ранее почтили присутствием школьную ярмарку.

Но я смотрела не на них, а на даму, которая держала Корнелиуса под локоть и что-то весело ему говорила. Другую руку она положила на плечо Регины. Девочка смотрела на даму, задрав голову, с выражением неопишуемого восторга на лице. Рядом скромно улыбалась гувернантка, очень хорошенькая в голубом платье и шляпке с лентами.

Дама была высокой, статной, как королева, с величавыми движениями и изумительной осанкой. Она была одета в синее свободное платье, с ее плеч ниспадала и струилась накидка из белоснежного меха, а на голове сидела яркая шляпка.

— Знаменитая журнальная красавица Вильгельмина Денгард! — воскликнула госпожа Ракочи, подтверждая мое предположение. — Час назад прибыла на автомобиле. Говорят, господин Роберваль помолвлен с ней. Он не ждал ее, но она решила сделать сюрприз. Взяла и явилась, вот как! До чего романтично! Они познакомились, когда он жил в столице, а когда вернулся в Крипвуд, изредка ездил к ней в Сен-

Лютерну. И вот госпожа Денгард поняла, что больше не может жить в разлуке, и приехала к нему сюда, в нашу глухую провинцию! Это ли не настоящая любовь! Мы, провинциалы, обожаем такие истории. Отраднo знать, что они случаются не только на экране синемаатографа...

Госпожа Ракочи вдруг осеклась и посмотрела на меня. Видимо, вспомнила о слухах, которые ходили о моих отношениях с Корнелиусом.

— И правда, очень романтично! Она красавица, — улыбнулась я как можно небрежнее.

При этом я чувствовала себя так, как будто галантерейщица взяла нож и ткнула мне его под ребра. Я задыхалась. Кровь прилила к моим щекам, лицо отчаянно горело. Я не могла оторвать взгляда от Корнелиуса и стоящей возле него женщины.

Тонкая кисть в белой перчатке лежала на его локте; Корнелиус нежно накрыл ее своей рукой. Его глаза были устремлены на прекрасное, выразительное лицо. Вильгельмина говорила; ее алые губы то и дело складывались в ослепительную улыбку. И Корнелиус улыбался в ответ...

Видимо, она сказала что-то приятное про его дочь: их взгляды переместились на Регину, девочка засмеялась, засмеялась и Вильгельмина. Она погладила Регину по голове. Обратилась к Алисии; та подобострастно кивнула, взяла девочку под руку и повела прочь. Корнелиус окликнул дочь; она весело помахала ему ладошкой на прощание.

Мороженщик прокатил тележку-фургончик и на миг скрыл от моих глаз стоящую у ратуши пару. А когда он прошел, я увидела, как Вильгельмина медленно снимает перчатку, касается ладонью щеки Корнелиуса, ласково гладит... тянется к нему и быстро целует в губы, как будто ей нет никакого дела до того, что они стоят среди толпы...

Корнелиус... отвечает на поцелуй. Уверенно касается завитка волос, что падает на шею Вильгельмины. Опускает руку на ее плечо... жестом любовника... жестом жениха, который имеет на это право.

— Они отлично смотрятся вместе! — сказала Ирма Ракочи голосом, полным романтического умиления. — Наверное, завтра на балу объявят о скорой свадьбе.

— Так и будет! — подтвердила подруга госпожи Ракочи, незнакомая мне полная дама. До этого она не вмешивалась в разговор, потому что была увлечена вылавливанием из кружки цукатов. — В прошлом месяце в «Столичном вестнике», в разделе «Светские сплетни» писали, что госпожа Денгард не будет проводить зимний сезон в столице. Потому что она сказала «да» избраннику и проведет медовый месяц в небольшом городке на севере королевства. Журналисты гадали о личности ее жениха... писали, он крупный экспортер древесины. Мы-то с вами знаем точно, кто он!

— Конечно, это наш господин Роберваль! — подтвердила госпожа Ракочи.

Я даже кивнуть не могла — боялась пошевелиться. Чувствовала: стоит мне двинуться, как я сделаю что-то ужасное — швырну кружку, вскочу на стол и закричу во все горло, чтобы выпустить раздирающую меня боль.

Кругом полно народу, но мне казалось, передо мной бесконечная пустота; и там, далеко, но в то же время отчетливо я вижу красивую пару: мужчину в черном костюме и холодную, прекрасную женщину, которая прижимается к его плечу... и в этом жесте я вижу скрытую страсть и обещание... и вижу, как мужчина склоняет к ней голову, чтобы любоваться ее лицом, и поправляет край накидки на ее плече, и при этом едва заметно, ласково проводит по гладкой коже лебединой шеи...

Госпожа Ракочи продолжала говорить — ее голос доносился глухо, как сквозь толстую стену.

— Госпожа Верден, что вы наденете завтра на бал в лесной особняк? Вчера в мой магазин прислали платье вашего размера. К нему и шляпка есть, и сумка. Я видела такой фасон в последнем номере «Светской львицы»! Вам пойдет; вы высокая, как госпожа Денгард, и держитесь не хуже! Отложить для вас? Платье не дешевое, но могу уступить в рассрочку. Нет, берите так! Отдадите потом, понемногу. Послушайте, дорогая, вы должны блистать на этом балу. На приеме будут господа из столицы. Один из них обязательно влюбится в вас без памяти, я уверена! У вас тоже все будет как в синематографе.

— Спасибо, госпожа Ракочи, — произнесла я непослушными губами. — Я возьму это платье и обязательно буду блистать. Но в

рассрочке нет нужды. Пришлите счет моему дяде, господину Эбнеру Ханту. Он приехал утром и остановился в «Хмельной корове».

Глава 25

Бал в лесном особняке

Остаток дня я чувствовала себя одной из механических марионеток, что продавал Амброзиус Анвил. Я ходила, разговаривала, но от меня осталась лишь оболочка.

Ирма Ракочи привела меня в свой магазин и отперла дверь ради единственной покупательницы. Я примерила платье, мельком глянула на себя в зеркало.

Недурно. Весьма. Серебристый шелк и свободный покрой преобразили меня, напоминая о той Эрике, что когда-то жила в столице, строила радужные планы, боролась и мечтала о будущем.

Распроставшись с галантерейщицей, я вернулась в трактир, отдала дяде чек на покупку и предупредила, что завтра буду отсутствовать в городе. Дядя кивнул:

— Что ж, побеседуем позже, — сказал он с легкой досадой. — Я задержусь здесь на пару дней.

Просить меня составить ему вечером компанию он не стал; заказал бутылку шнапса и уединился в комнате.

Я вернулась на школьный двор и постучалась в сторожку, чтобы узнать, как дела у Ланзо. Уборщик открыл не сразу, сначала Виктор изучил меня сквозь мутное окно и придирчиво оглядел опустевший школьный двор, словно желая убедиться, что я одна. В дом он войти не позволил, лишь дал от порога глянуть на Ланзо, который крепко спал в своей кровати. На тумбочке перед кроватью стояли кружка с чаем и тарелка с остатками немудреного ужина. Я успокоилась: с мальчиком все в порядке.

— Больше сюда не приходите, — грубо предупредил Виктор и захлопнул дверь. Изнутри лязгнули засовы.

Я медленно побрела в Кривой дом. На улицах гудел и шумел городской праздник, до которого мне больше не было дела. Хотелось скорее вернуться на пустырь у погоста и никого не видеть до конца своих дней.

Полночи я просидела на кровати, в темноте, завернувшись в платок и смотрела, как медленно движется квадрат лунного света по

стене. Сердце горело от острого чувства потери. Порой тянуло выскочить на улицу, уйти в ночь, в проклятый лес и бродить там до изнеможения.

Вновь и вновь перед глазами вставала картина: мужчина и женщина, тесно прижавшись друг к другу, их губы слились в поцелуе. Пальцы Корнелиуса касаются изящной женской шеи.

Мое сердце билось медленно и глухо. Уже дважды я столкнулась с крушением любовных надежд. Первое предательство больно ранило меня. Оно случилось в и без того тяжелое время. Однако, по большому счету, не оставило серьезной раны в душе; уже спустя месяц, погрузившись в новые заботы, я думала об Андреасе больше с насмешкой и презрением, чем с горечью.

Теперь все было иначе. Мое сердце разбито, доверие втоптано в прах. Я должна испытывать ненависть к Корнелиусу... но ненависти не было. Были лишь печаль, тоска и болезненное недоумение.

Все произошло так быстро... так необратимо. И так странно!

Я встrepенулась. Нет, Корнелиус не мог предать! Он не говорил мне о любви, не давал обещаний... но я чувствовала, как остро я нужна ему. Так же, как и он нужен мне...

Я должна услышать, как он скажет, что между нами все кончено. Но что — все? Между нами, по сути, ничего и не начиналось... Были споры и разговоры, поцелуи, трепещущая радость, предвкушение большего... Безумное волнение и безграничное спокойствие в присутствии другого. Вот что я чувствовала при каждой встрече с Корнелиусом. И он чувствовал это, я видела это в его глазах, они оживали, когда смотрели на меня!

Неужели он лгал все это время? Мы никогда не говорили о его столичной знакомой Вильгельмине Денгард. Мне было неловко задавать вопросы. Однажды Корнелиус признался, что его связывают с ней какие-то отношения... достаточно близкие, сказал он. Просил подождать, пока он в чем-то разберется.

Выходит, разобрался? Решил, что ему нужна она, а не я?

Он должен сам сказать мне об этом. Я добьюсь от него объяснения. Больше я не буду убегать и прятаться, притворяясь, что веду борьбу.

У здания вокзала прогуливались разряженные горожане. Утро выдался славным; осеннее солнце светило мягко, чистое небо обещало ясную ночь.

На перроне собралось человек тридцать: на прием приглашена вся верхушка общества Крипвуда. Здесь присутствовал и бургомистр, и прочие уважаемые и богатые люди, которые и раньше частенько собирались на приемах в городском доме лесопромышленника. Столичных господ не было; вероятно, они отбыли в особняк раньше, вместе с Корнелиусом. Он будет встречать и приветствовать гостей в доме, где когда-то жил и бесчинствовал его печально знаменитый предок.

Всех охватило приподнято-возбужденное настроение. И чуточку нервозное: горожан ожидало небывалое событие. Их повезут в гнездо легенд, которые определяли уклад жизни Крипвуда. Об этом доме им в детстве рассказывали страшные сказки.

Теперь им предстояло встретиться со сказками лицом к лицу. Убедиться в том, что они не более чем выдумка... или наоборот. Вероятно, мысль об этом добавляла празднику особой остроты и привлекательности.

Я подошла к директору Степпелю и госпоже Барбуте. Госпожи Лотар с ними не было, что не могло не радовать.

Учителя держались особняком. Директор надел лучший костюм и вычистил цилиндр. Госпожа Барбута щеголяла в бархатном вишневом платье с накидкой. Ее добродушное полное лицо светилось удовольствием — она ждала развлечения с тем же предвкушением, что и когда-то мои ученики экскурсию на лесопильный завод.

Меня радостно приветствовали и сказали немало комплиментов.

— Вы выглядите в точности как актриса из синематографической ленты, что показывали в прошлом месяце в Шваленберге! — восторженно сказала госпожа Барбута.

Я вежливо улыбалась и кивала, а внутри у меня все сжималось. Я вовсе не была уверена, что Корнелиус будет рад увидеть меня на приеме. Он пригласил меня до того, как узнал, что к нему вот-вот явится из столицы его невеста... Наверняка увижу Вильгельмину рядом с ним. Он будет хозяином приема, а она — хозяйкой...

Возможно, мне не следовало ехать. Но желание увидеть Корнелиуса пересиливало все — и гордость, и здравый смысл.

Предстояло пережить немало горьких минут, поэтому мне не удалось разделить радость толпы на платформе, когда подъехал нарядный паровоз с единственным вагоном.

Салон был отделан роскошно, не хуже изысканной столичной гостиной: позолоты, бархата и зеркал хватало с избытком. Хозяин приема позаботился, чтобы уже во время короткого путешествия гости погрузились в атмосферу праздника.

Веселье заиграло новыми красками, когда стюард подал вино и легкую закуску. То и дело звучали тосты, звон бокалов и смех.

Колеса стучали на стыках, за окном проносился осенний лес, солнечные зайчики прыгали на бархате обшивки. Господин Степель и госпожа Барбута с удовольствием соглашались на предложение стюарда наполнить бокалы, выпивали, закусывали и вспоминали разные забавные школьные случаи.

Я сидела в оцепенении, хотя порой мне приходилось смеяться и шутить.

Путешественники притихли, когда паровоз остановился посреди густого леса. Мы прибыли к месту, откуда через высохшие болота вела короткая дорога к старому особняку.

Сквозь окна виднелись мощные сосны и мрачные ели, стояла гробовая тишина. Ну какой может быть праздник в этой глухомани?! Гости ощутимо забеспокоились: кто-то громко заговорил, чтобы скрыть волнение, кто-то отпустил неудачную шутку, кто-то потребовал еще вина.

Однако когда дверь вагона распахнулась, выяснилось, что нас встречают.

Несколько слуг в черном почтительно стояли у свеженастеленной дощатой тропы. Путь до лесного особняка пройдет с комфортом. И гости, пожалуй, впервые поверили, что прием этот ничем не будет отличаться от приемов на загородных виллах, что так любят устраивать столичные богачи.

Желающим предложили еще игристого, и алкоголь прогнал остатки опасений. Каблуки стучали по доскам бодро, шутливые замечания разрывали тишину. Изредка на них зловещими голосами откликались лесные птицы. Стоял густой, смолистый запах нагретой солнцем хвои, немного отдававший гнилью, как бывает осенью.

Я шла позади веселой толпы и постоянно озиралась. Мне было здорово не по себе. Каждый шаг давался с трудом. Чудилось, что призраки леса, близко, как никогда, они затаились и наблюдают за беспечными гостями.

Не сходи с ума, Эрика, одернула я себя. Призраков не существует. Несмотря на все странные вещи, которые тебе довелось увидеть в последнее время. И сдастся, очень скоро я узнаю ответы на все, даже еще незаданные вопросы и найду объяснение необъяснимому.

Корнелиус неспроста устроил этот прием. В особняке лесного разбойника определенно затевается что-то нехорошее. Все мои чувства вопили об этом.

* * *

Деревянный настил закончился, мы ступили на прогалину перед лесным особняком.

Мусор и обломки исчезли, кусты перед домом оказались подрезаны, через лужайку тянулась ковровая дорожка. На лужайке появились вазоны с цветами и миниатюрными деревьями, стулья и накрытые столы. Слуги в ливреях стояли навтыжку.

Сцена выглядела точно так же, как обычный пикник на природе у живописных развалин, какие порой устраивали дядины знакомые. Все знакомо и привычно — если не смотреть на дом и подступающий к нему лес.

Внешне особняк не сильно преобразился; рыжий мох все так же затягивал серые каменные стены, но в окнах появились стекла и исчезли сухие плети вьюнка.

Массивный, темный, с изломанными башнями, выступами и узкими окнами, дом поразил меня куда сильнее, чем в первый раз.

Когда я побывала здесь с Корнелиусом, дом был пуст и мертв; теперь его вернули к жизни, но не оживили полностью. Он казался необъяснимым в этом глухом лесу, который окружал его плотной стеной. Он явился из времен, когда существование призраков не вызывало сомнений.

Сами собой вспоминались все страшные сказки о лесных разбойниках, которые заманивают к себе путников яркими огнями.

Помнится, в сказках такие лесные дома таили в себе куда больше, чем показывали посторонним, и ревниво прятали свои тайны до поры до времени.

«Изумительно! Потрясающе!» — раздавалось со всех сторон. Жена бургомистра нервически рассмеялась, плотнее запахивая накидку.

— Теперь я вижу, что усилия Роберваля стоили того! — сказала она. — Весьма небанальная идея. Может, подобные приемы и не редкость в столице, но для нас это в диковину.

С ней все согласились.

Гости ступили на лужайку, по которой бродили ранее прибывшие столичные господа. Слуги задвигались, провожая важных горожан к хозяину дома.

Корнелиус Роберваль стоял у крыльца. Я старалась не смотреть в его направлении и не привлекать к себе внимания. Неспешно пошла между фуршетных столов, поглядывая по сторонам и изучая незнакомцев.

По моим подсчетам их прибыло человек двадцать или больше. Судя по виду, столичные чиновники или дельцы с железной хваткой и немалым состоянием. Лица холеные, пресыщенные. Мужчины в сшитых на заказ костюмах, не очень формальных, в каких можно выбраться за город. Все с ухоженными усами и бородками, либо гладко выбритые, с бледными, припудренными тальком щеками, холодными и расчетливыми глазами. Курят дорогие сигары, беседуют негромко, внушительно. Дам мало — я увидела двух далеко не юных особ, укутанных в шелк и меха, и одну хорошенькую штучку, одетую и накрашенную как актриска варьете.

Однако любопытную компанию собрал тут Корнелиус... кто эти люди? Его деловые партнеры, старые коллеги по департаменту, где он когда-то служил? Вероятно, так и есть. Выехали в провинцию развеяться, подышать свежим лесным воздухом, попробовать что-то новенькое, а заодно обсудить важные дела.

Я приблизилась к группе мужчин возле фуршетного стола, чтобы послушать, о чем они говорят. К моему удивлению, в их компанию затесался Амброзиус Анвил, который в разговор не вступал, но кивал в ответ на замечания господина с зачесанными назад жидкими волосами, скрывающими лысину.

В этот момент меня взял под локоть господин Степпель:

— Надо подойти поздороваться с Робервалем, — заявил он слегка заплетающимся языком — кажется, директор перебрал дарового вина по дороге на прием. Его седоватые бакенбарды растрепались, придавая ему глуповатый вид.

За другой локоть меня подхватила госпожа Барбута:

— Пора засвидетельствовать уважение главе попечительского совета! — сказала она, тоже слегка спотыкаясь на словах.

Делать нечего; я позволила провести себя по ковровой дорожке, которая лежала прямо на рыжеватой хвое и примятой траве, и предстала перед хозяином дома и его спутницей.

— Рад приветствовать вас в своем новом — и очень старом — лесном особняке, — произнес Корнелиус своим сильным, глуховатым голосом, от которого у меня по спине пробежали мурашки. — Дорогая Вильгельмина... наши школьные учителя.

Он назвал нас; я подняла голову и впервые посмотрела прямо на него, не таясь.

Он стоял, высокий и бледный мужчина — потомок разбойника в дорогом костюме. В его черных волосах блестели отсветы ламп, выбритые щеки отливали синевой, как у всех брюнетов, щеку перечеркивал бледный шрам.

Стоило мне взглянуть на Корнелиуса, как я тут же забыла все, что собиралась ему сказать. Я продолжала механически держать натянутую улыбку на лице, но в груди прочно обосновался ледяной холод.

Мне хотелось ударить Корнелиуса. Выкрикнуть что-то бессвязное. Поцеловать...

Его лицо выражало лишь приличествующую случаю доброжелательность. Однако когда наши взгляды встретились, его глаза изменились; Корнелиус глянул на меня пристально, серьезно, мышцы возле рта едва заметно напряглись.

— Благодарю за оказанную честь, господин Роберваль, — произнесла я лишь слегка дрогнувшим голосом. — Весьма рада оказаться на вашем необычном приеме.

— И я несказанно рад.

Он легко нахмурился и отвернулся к прекрасной женщине, которая произнесла певучим грудным голосом:

— Наслышана о вас, госпожа Верден. Регина мне все уши прожужжала, рассказывая о новой учительнице. Вы захватили ее воображение! — Вильгельмина очаровательно улыбнулась.

— Регина тоже здесь?

— Нет, она осталась дома. Этот прием не для детей, — учтиво ответил Корнелиус.

— Регина наверняка расстроилась. Она любит праздники.

— Она утешится подарками, которые я ей привезла! — воскликнула Вильгельмина и заговорила с директором, который отвесил ей неуклюжий комплимент.

— Прошу, госпожа Верден, попробуйте этот коктейль, — Корнелиус жестом подозвал слугу. — Пейте, угощайтесь, веселитесь... получите удовольствие.

Я взяла бокал с подноса; мое сердце билось так сильно, что жидкость в бокале подрагивала ему в такт. Но я держалась спокойно — только этим спокойствием я могла защитить себя от глухого отчаяния.

Корнелиус вел себя так, как будто был едва знаком со мной. Передо мной стоял чужой человек. Собранный, холодный, отстраненный... С мертвыми, жестокими глазами. Такой, каким я увидела его впервые. Каким он, наверное, был всегда.

— Не могли бы вы уделить мне минуту наедине? Я бы хотела поговорить с вами, господин Роберваль. О школьных делах, — сказала я через силу и заметила, как остро глянула на меня Вильгельмина при этих словах.

— Быть может, позже, — ответил он спокойно. — Прошу извинить...

Он повернулся к Вильгельмине, которая задала ему какой-то вопрос, и коснулась при этом его локтя.

Я молча отошла, сжимая бокал так сильно, что онемели пальцы.

* * *

— Прошу в дом! — позвал всех хозяин приема. Гости торопливо потянулись за Корнелиусом и Вильгельминой. У двери чуть не образовалась давка: всем не терпелось посмотреть, что находится внутри особняка, который пару веков стоял заброшенным.

Корнелиус постарался на славу. Его рабочие не делали полный ремонт, но настелили в зале пол, привели в порядок стены, протянули провода и развесили электрические лампы, расставили кушетки, кресла и столики.

Однако современные детали никого не вводили в заблуждение. Роскошь и разруха создавали странный контраст. Мрачный дух особняка никуда не делся, многочисленные углы, ниши и альковы зала утопали в сумраке, трещины в каменных стенах напоминали о возрасте дома, а эхо голосов заставляло мороз гулять по коже.

Это была именно вечеринка в населенных привидениями руинах и ничто иное, и осознание этого приятно щекотало нервы гостей и заставляло чаще подзывать официантов с напитками.

Электрические лампы светили ярко, тени от фигур гостей падали на стены. Темные силуэты двигались, взмахивали руками, поднимали бокалы, и, казалось, призраки лесного дома присоединились к общему веселью.

В дальней части зала расположился небольшой оркестр, музыканты негромко играли, не мешая гостям беседовать. Столичные господа держались уверенно, а вот приглашенные первые лица Крипвуда заметно тушевались, озирая высокий потолок, выщербленную лепнину и узкие окна.

Многие поднялись на галерею, заглядывали в проемы и полусшепотом обсуждали расходы, которые понес господин Роберваль, организуя оригинальный прием. Обустройством зала он не ограничился, на втором этаже гостей ждали комнаты для отдыха, курительные и бильярд.

Прием шел своим чередом, но меня не покидало ощущение неправильности происходящего. Не добавляло спокойствия и обилие прислуги.

Официантов было много, все рослые, подтянутые, с бесстрастными лицами. Я прикинула, во что обошлось Корнелиусу выписать такую армию прислуги из столицы. Да еще музыканты, да еще плечистые парни, что провожали нас до особняка и теперь застыли навтыжку у проходов в ту часть дома, которую оставили нетронутой. Корнелиус позаботился, чтобы за гостями следили и не давали им забредать туда, где можно легко покалечиться.

Прогуливаясь по залу, я не упускала из виду Корнелиуса. Он и Вильгельмина стояли в окружении гостей и вели беседу. До меня хорошо долетал низкий голос хозяина особняка. Он развлекал гостей рассказами о своем предке; то и дело звучало имя разбойника Иоахима Грабба, гости ахали, восклицали и ежились, поглядывая по сторонам.

Амброзиус Анвил помахал мне рукой, но я сделала вид, что не заметила его, и проскользнула в дальнюю часть зала, где в закутке пряталась небольшая дверь. Как я помнила, дверь вела в подвал.

Мной овладело любопытство. В прошлый раз Корнелиус не пустил меня осмотреть остальную часть здания, но я помнила его рассказ о том, что где-то в доме могут скрываться тайные ходы и другие странные вещи.

Отчего бы не поискать их сейчас? Все лучше, чем смотреть на то, как мужчина, которого я недавно считала своим, обнимает другую.

У двери в подвал караулил здоровый парень в черном костюме, который сидел на нем весьма неловко. У парня была толстая шея и круглое лицо. Маленькие глазки смотрели на меня тупо, как на пустое место, но так, что по спине вдруг пробежала холодная волна страха.

— Простите, госпожа, туда входить гостям не позволено, — сказал он фальцетом, неожиданным для такого громилы, сделал шаг вперед и сложил руки перед собой, давая понять, что нечего и думать попытаться прошмыгнуть мимо него.

Я лстиво улыбнулась и отошла, ломая голову, как бы все же провести охранника и юркнуть за заветную дверь — старую, проржавевшую, но снабженную новеньким замком. Небольшая щель красноречиво говорила о том, что замок не заперт и совсем недавно эту дверь открывали.

В этот момент оркестр заиграл тягучую, красивую мелодию; ноты нарастали и срывались, заставляя трепетать сердце, скрипки плавно пели, но эхо придавало их пению зловещий оттенок.

Гости зашевелились; я обернулась и увидела, как хозяин дома и его спутница открывают танцы.

Корнелиус положил руку партнерше на талию; Вильгельмина подалась к нему... Ее узкая ладонь легла на его плечо, выразительное лицо с крупными чертами было дерзко вскинута к лицу кавалера, алые губы чувственно улыбались, каштановая прядь волос колыхалась от движений и касалась щеки Корнелиуса.

Они двигались слаженно, прекрасно чувствуя друг друга. К ним присоединились и другие пары, но я видела лишь Корнелиуса... он был очень красив сейчас, высокий, статный, с внушительным разворотом плеч. Он вел Вильгельмину бережно, но уверенно... она чутко откликалась на каждое его движение. Они скользили и кружились, медленно, как во сне, но для меня этот сон был кошмаром.

Зал как будто подернулся туманом, фигуры гостей расплылись, а музыка долетала до меня словно из другого мира. В реальности остался лишь высокий мужчина в черном и его дама.

Шаг, поворот; и тут глаза Вильгельмины встретились с моими. Мое сердце пронзила ледяная игла, потому что Вильгельмина обожгла меня насмешливым взглядом, а ее губы тронула улыбка, полная превосходства..

Мы смотрели друг на друга лишь миг; вот уже пара кружится дальше, они погружены друг в друга, и им нет дела до остальных...

Я вздрогнула, страхивая болезненное наваждение. Должно быть, мне почудились этот взгляд и эта улыбка. Но, черт побери, что я здесь делаю? Зачем я здесь? Как дождаться конца вечера? Сама я не доберусь до города. Нужно ждать, когда гостей повезут обратно, а это случится не раньше полуночи.

Внезапно меня охватил сильный гнев. И я не уйду отсюда пока не поговорю с Корнелиусом. Он мог хотя бы предупредить меня запиской о том, что затевает! О том, что в город приехала его невеста или кем там она для него является! Я бы осталась в Крипвуде. Но он знал, что я приеду сюда и буду наблюдать за ним!

Танец закончился, оркестр заиграл следующую мелодию. Корнелиус отошел от Вильгельмины на пару шагов и заговорил с двумя господами, а к Вильгельмине подошел мужчина. Я узнала столичного усатого типа с вкрадчивым голосом, который приставал ко мне на ярмарке с расспросами.

Он беседовал с Вильгельминой, как будто хорошо знал ее; в ее наклоне головы было что-то льстивое, улыбка показалась неестественной.

Они двинулись в дальний угол, плечом к плечу, не прерывая разговора; и опять мне почудилось, что раньше я встречалась с усатым; в том, как он теребил отворот пиджака, определенно было что-то знакомое.

Но мне не было сейчас до него дела; я всматривалась в толпу, выглядывая Корнелиуса, и увидела, как его фигура мелькнула подле закутка, где располагалась дверь в подвал.

Вот и мой шанс встретится с ним наедине! Я быстро устремилась за ним, бормоча на ходу извинения, когда со мной пытались заговорить.

Дорогу мне преградил Амброзиус Анвил; его обойти мне не удалось.

— Вы не подошли к моему прилавку на ярмарке, — сходу заговорил он обвиняющим тоном. — Как вам понравился подарок Ланзо? Он обращался ко мне за помощью, но почти все сделал сам.

— Спасибо, — я признательно улыбнулась и попыталась отойти, но он схватил меня за локоть.

— У меня для вас тоже есть подарок. Я привез его с собой. Вот... — он порылся в кармане и протянул мне предмет длиной с ладонь. — Это вам на память, если вы решите покинуть Крипвуд. Говорят, за вами приехал дядя. Возможно, мы больше не увидимся. Но я буду вспоминать вас. Мне было с вами интересно.

Я удивленно посмотрела на него и покрутила игрушку в руках. Эта была искусно сделанная кукла с движущимися руками и ногами. Похожую я видела в его механическом театре. Кукла была наряжена в зеленый камзол и треуголку, у нее была борода, черные глаза-камни и сабля в руке.

— Это безглазый разбойник Иоахим Грабб!

— Он самый, — сказал Анвил без улыбки. — Мы имеем удовольствие присутствовать в его доме.

С этими словами Анвил легко поклонился и ушел. Я сунула куклу в сумку, удивляясь поступку и словам изобретателя. Но долго размышлять не стала и продолжила путь к своей цели.

Но когда подошла к закутку, подле него по-прежнему торчал дюжий лакей — точнее, сторож. Это вызывало ряд подозрений. Отчего эту часть охраняют так тщательно?

Повинуясь порыву, я легко погрузилась в транс и проделала несложные манипуляции со светом, что шел от свечей в канделябре, которые поставили в алькове напротив — там был оборудован уютный закуток для тех, кто желал уединиться.

Несложный трюк, который в прошлом помог мне сбежать из заведения, где меня запер дядя.

В углу неподалеку от охранника зашевелилась призрачная фигура, сотканная из отблесков света и теней. Я постаралась придать фигуре странные, вытянутые очертания...

Охранник заметил движение и встрепенулся. Он медленно повернул голову, протер глаза, сомневаясь в том, что он видел. А видел он самого настоящего призрака, которого я создала своим талантом.

— Что за чертовщина... — пробормотал охранник, скорее с досадой, чем со страхом, и стремительно пошел в сторону моей иллюзии.

Я проводила его спину внимательным взглядом. Охранник дошел до угла и помахал руками, как будто пытаюсь поймать ускользающие тени. Тени колыхнулись и растворились.

«Храбрый малый. Но глупый», — подумала я, на цыпочках кинулась к двери и потянула кольцо.

Дверь бесшумно отворилась, и я ступила в небольшое помещение.

* * *

Льющийся из зала свет выхватил приступку, на которой стоял горящий керосиновый фонарь, дальше виднелся черный провал лестницы.

Я прикрыла за собой дверь в зал и тут же услышала глухие шаги. Шаги удалялись — Корнелиус спускался в подвал. Он ушел уже далеко; я хотела окликнуть его, но не стала.

Меня охватила злость, переходящая в исступление. Вот как, теперь он будто убегает от меня!

Я взяла фонарь и пошла вниз. И тут не в первый раз кольнуло противное опасение: впереди ждет некая тайна, и она вряд ли окажется приятной.

Мои руки, плечи и, кажется, даже спина покрылись гусиной кожей. Пальцы подрагивали, пятно фонаря прыгало. Но я упорно шла вперед. Меня гнало вперед желание действовать, расставить все точки. Гнев рос с каждым шагом и глушил страх.

В день, когда я прибыла в Крипвуд, я невольно вступила в чью-то игру. Меня водили за нос, запугивали, ввали. Пора, пора во всем разобраться! Игра зашла слишком далеко. Кто ее затеял? Корнелиус или другой человек?

...И не грозит ли всем гостям смертельная опасность?

Спуск казался бездонным, лестница закручивалась, и из-за бесчисленных поворотов я не могла увидеть, что скрывается дальше; фонарь освещал лишь несколько ступеней и кусок стены, а в спину мне смотрела темнота. Чужие шаги давно стихли, я слышала лишь биение своего сердца.

Нежданно-негаданно лестница закончилась в небольшой комнате. Пол был выложен неровным камнем, впереди низкая дверь. Я открыла дверь, и в лицо дохнуло студеным земляным воздухом.

Пригнувшись, я вошла и тут же остановилась, пораженная.

Действительно, подвал. Но какой огромный! Свет фонаря не мог достичь ни стены, ни потолка. Я медленно двинулась вперед и тут же наткнулась на груды деревяшек и пару проржавевших обручей. Иоахим Грабб действительно когда-то хранил тут вино. Дальше виднелись пузатые темные силуэты — не все бочки рассыпались от времени. Я поежилась, вспомнив призрака, что преследовал меня в переулках Крипвуда. А ну как сейчас похожий выплывет из старой бочки и замогильным голосом поинтересуется, чего я тут забыла?

...Пускай появляется! Злости и досады во мне столько, что хватит на всех призраков. Посмотрим, из чего они сделаны!

...Скоро я обнаружила кое-что поинтереснее. За старыми бочками ровными рядами стояли деревянные ящики, накрепко забитые гвоздями. Однако ящики были новенькими, в таких отгружают товары в лавки. Что внутри? Вещи и продукты, которые привезли сюда для приема? Маловероятно. Когда гости разъедутся, особняк опять опустеет, какой смысл хранить запас?

Наконец, я нашла стену и пошла вдоль нее, касаясь левой рукой. Каменная кладка была ледяной и влажной. Мои пальцы нащупали железный приступок — еще одна дверь! Я потянула ее без колебаний и вышла в узкий коридор. Пройдя до конца, я очутилась в новом подземном тайном помещении.

Ничего подобного я не ожидала увидеть!

Это был еще один зал с земляным полом и высоким потолком. У самого потолка имелись небольшие оконца, сквозь них лился тусклый свет.

Пол и стены зала были сплошь покрыты «волшебными» грибами! Грибы вида *Boleus magicus* росли привольно в сырости и полумраке. Это была настоящая плантация! Грибы испускали едва видимый синеватый свет, невыносимо пахло сырой землей и ацетоном. Если собрать урожай, можно нагрузить пару больших телег!

Посадки щедро подкармливали — у одной из грядок стоял наполовину пустой мешок со знакомой печатью. Немало навидалась я таких мешков с удобрениями в оранжереях флорамансеров в академии.

Но куда поразительнее оказался закуток у самого входа. В нем пряталась отлично оборудованная химическая лаборатория. Здесь имелись перегонные кубы, горелки, стеклянные трубки, и пустые деревянные ящики, набитые ватой, готовые к тому, что их заполнят бутылками.

Невероятно... немислимо! В подвалах лесного особняка Грабба кто-то добывал то самое зелье, за которые слабые Одаренные, желающие усилить свой талант, платили немалые деньги!

Я часто дышала, пытаясь обуздать и привести в порядок мысли.

Жена Корнелиуса пала жертвой вредоносного зелья. Корнелиус приобрел этот особняк. В его подвалах тайно выращивают сырье для зелья. На прием приехали странные гости из столицы... В юности Корнелиус служил в полиции, а потом в ведомстве, которое занималось сбором информации и расследованиями...

Кусочки загадки складывались в моей голове то так, то эдак. Меня попеременно кидало то в жар, то в холод.

— Корнелиус, теперь ты не отделаешься туманной отговоркой... Ты должен мне кучу объяснений! И не только по поводу того, какие отношения связывают тебя с Вильгельминой... — шептала я, медленно отступая к выходу. Чтобы задать ему эти вопросы, я должна выбраться отсюда живой. В любой момент здесь может появиться тот, кто хозяйничает на этой плантации, и тогда мне не поздоровится.

Нужно вернуться к гостям.

Гости! Зачем вообще понадобился этот прием? Зачем приглашать на него жителей Крипвуда? Корнелиус, на чьей ты стороне? Что за

игру ты затеял?! Кто ты: жертва заговора, хитрый игрок или... главный злодей?

* * *

Но поразительные открытия на этом не закончились.

Как только я вернулась в подвал, услышала в дальней его части грубый говор двух мужчин. Голоса приближались. Пришлось торопливо накинуть шарф на фонарь и искать укрытия.

У стены стояла огромная разошедшаяся бочка, в которой в стародавние времена Иоахим Грабб держал вино для своих гостей. Надеюсь, именно вино, а не что-то другое, более зловещее. Например, тела тех гостей, которые не угодили разбойнику. В бочку вошло бы штук пять, не меньше.

Там, где бочка соприкасалась со стеной, доски прогнили. Я юркнула в дыру и задохнулась от запаха плесени. Паутина облепила лицо, в носу засвербило от пыли.

Изо всех сил зажав нос ладонью, затаилась, слушая, как мимо проходят тяжелые шаги. Мужчины продолжали разговаривать. Они говорили о каком-то железнодорожном разъезде и о том, что надо бы послать туда еще пару парней. Смысла разговора я не поняла, куда больше меня волновало то, что голоса теперь не удалялись, и им вторили глухие стуки и скрежет дерева о дерево.

Зашедшие в подвал занялись делами и уходить не спешили. А значит, я в ловушке. Сиди и жди теперь, пока тебя обнаружат.

Страх сменился тупым оцепенением. Невероятных происшествий случилось за последние дни так много, что моя нервная система не успевала их усваивать.

Я осторожно сдвинула шарф на фонаре, оглядела внутренности моего убежища и обнаружила, что у бочки не хватает половины досок. Дырявой стороной она была прислонена к каменной стене. Нет, не каменной... плечо упиралось в шершавое железо. Пошевелившись, я больно ударилась о кольцо.

Дверь! Низкая, мне по пояс. Еще один потайной ход. И, судя во всему, новые хозяева особняка о нем не в курсе, потому что дверь основательно проржавела.

Не особо надеясь на успех, потянула кольцо; заскрипели несмазанные уже лет двести петли, дверца подалась. Я сжалась в комок, ожидая, что сейчас-то меня и обнаружат, но обошлось.

Посветила в новый проход. И ничего особенного не увидела: за дверью пряталось крошечное помещение, где едва-едва поместился бы один человек. Похоже на кладовку, в которую не заглядывали уже пару веков. Я нагнулась, протиснулась в лаз и с облегчением обнаружила, что могу встать в полный рост.

То, что находилось внутри, было словно окутано плотной ватой — тут жили поколения пауков. Содрогаясь от отвращения, я смахнула паутину и изумилась чуть не до потери сознания.

Это вовсе не кладовка!

От пола до потолка в камерке громоздились шестеренки, рычаги, тяги, чье назначение я не бралась угадать. Они уходили в пол, стены и потолок и наверняка соединялись с какими-то другими механизмами в доме или за его пределами.

На память пришло имя мастера Жакемара, который построил этот лесной дом для своего друга разбойника Грабба. Мастер был известен любовью к странным поделкам, автоматам и смертельным ловушкам. Наверняка он устроил парочку-другую и в этом доме.

Любопытство мое было так сильно, что я даже забыла, что в подвале я не одна.

Отмахиваясь от паутины и зажимая нос от пыли, повыше подняла фонарь и огляделась. И увидела на небольшой полке пачку пожелтевших листов бумаги, сшитых грубым шнуром. Подрагивая от предчувствия тайны, я осторожно перевернула верхний лист и вздохнула от разочарования.

Чертежи. В чертежах я ничего не понимаю. Но кому-то вроде Амброзиуса Анвила они могут показаться интересными.

Перевернула еще один лист и сдавленно охнула. Потому что на нем красовался рисунок... монстра, которого я встретила в лесу! Ветки, череп, неестественно длинные руки... а ниже — разметки, линии и обозначения, как на любом другом чертеже. На следующей странице — карта, испещренная схематическими изображениями елочек и сосен.

— Так-так... — пробормотала я. — Значит, дом разбойника... призраки леса... Ожившие деревья. Все, как в сказке. Только сказка эта

на особый лад. И сочинил ее безумный мастер Жакемар...

Что мне делать со всеми этими открытиями я не знала. Главное — выбраться из темноты и пыли, а там разберемся. Прислушалась: голоса затихли, в подвале опять царила мертвая тишина. Понадеявшись, что незваные визитеры ушли, я осторожно выбралась наружу, и на цыпочках побежала туда, где, по моим предположениям, находился выход. Сверху доносились едва слышные звуки музыки; похоже, я двигаюсь в верном направлении. Прием в разгаре. надеюсь, моего отсутствия никто не хватился.

Преследуемая по пятам темнотой, я нырнула в проем и начала осторожно подниматься по лестнице. Но музыка не становилась громче, и лишь добравшись до самого верха я поняла, что ошиблась. Это была другая лестница и другой проход — узкий, тесный. Я попала в незнакомую часть дома.

Возвращаться в подвал, полный гнилых бочек и страшных тайн, мне больше не хотелось, поэтому я осторожно двинулась вперед.

Глава 26

Преступный план

Коридор напоминал крысиную нору. Узкий — даже рук не развести. Скорее всего, он проложен прямо в стене. Особняк лесного разбойника и впрямь таит тысячи тайн! Даже те, кто взялись вернуть его к жизни, узнали далеко не все.

Ход закончился крепко запертой дверью, на вид ровесницей особняка. Не исключено, что последний раз ее открывал сам разбойник Грабб.

Я взялась за ржавую ручку, но тут же разжала пальцы, потому что в помещении за дверью беседовали несколько человек.

Недолго думая, я мигом прижалась к двери ухом. Слова доносились невнятно, скоро от неудобной позы у меня затекла нога, но я жадно прислушивалась.

Разговаривали двое мужчин. Корнелиуса среди них не было, либо он хранил молчание.

— Вы славный и старательный человек. Я весьма доволен вашими успехами, — произнес вкрадчивый голос, натужный и неприятный. Я узнала его сразу, потому что слышала не далее как вчера. Говорил тот усатый столичный господин! — Вы многого добились за эти годы, — продолжал он размеренно, с паузами, скупое роняя слова. — Подошли к делу с фантазией. Отличное место. Рад здесь побывать. Посадки хороши. Переработка налажена отлично. Товар поступает исправно, и он высшего качества. Мы заметили ваши усилия. Они будут вознаграждены.

Товар! Он наверняка говорит о зелье, что варят в подвале особняка. Не о партиях же древесины с завода Корнелиуса!

Ему торопливо ответил второй мужчина, но кто это был — я не поняла и слов не разобрала, лишь отметила льстивые, торопливые и как будто испуганные интонации.

— Нет, нет! — раздраженно ответил первый. — Будем ждать до конца приема. Северо-западный экспресс нынче идет по новому расписанию. Позднее на несколько часов. Сдвинули специально, ожидая нападения. Ха! Как будто это нам помешает. В вагоне груз

столетия! Неслыханное богатство. Оно скоро окажется в наших руках. Мой план безупречен. Как всегда. Или вы сомневаетесь?

Угрожающие нотки в голосе заставили второго мужчину судорожно и виновато бормотать в ответ.

— Правильно. Никогда не сомневайтесь. Чтобы я больше не слышал от вас трусливых слов. Прием — отличная идея. Благодарите Вильгельмину, она ее автор. Эти местные люди... наша гарантия безопасности. А мальчишка — гарантия успеха. Вовремя он подвернулся. Мы давно к нему присматривались. Накануне убедились — он то, что нужно. Сбережет нам время и силы. Удачно сложилось.

Мужчина хохотнул. Ему вторил угодливый смешок.

— Сначала я делал ставку на молодую учительницу. Но от нее толку бы не было. Дефектив. Почти бесполезна. Училась в Академии, что осложнило бы дело.

«Мальчишка?! Какого мальчишку они имеют в виду? Что они задумали? А учительница... Дефектив... это он обо мне!»

Усатый помолчал. Потом заговорил вновь, ласково:

— Дорогая... что сказал Роберваль?

— Он с нами до конца, — теперь ответила женщина — без сомнения, Вильгельмина! — Рассчитывайте на него.

— Нельзя рассчитывать ни на кого. Будьте осторожнее. Роберваль себе на уме.

— Верьте в меня, дорогой, — отозвалась Вильгельмина. — Роберваль любит меня. В обмен на поцелуй он исполнит любую мою просьбу. Он обычный мужчина! Он любит меня, и любит деньги. Идеальное сочетание.

— Я верю в вас, но все же будьте осторожнее, — с нажимом повторил усатый. — Я не хочу вас потерять. И не прощаю ошибок, — последние слова прозвучали зловеще.

От услышанного у меня в висках громко стучал пульс, перед глазами плыли разноцветные пятна.

Видимо, именно поэтому я не заметила, что ко мне подошли со спины. Сзади шевельнулось что-то большое; я отпрянула от двери, но огромная рука легла на мое лицо, зажав и глаза и рот разом, вторая обхватила поперек груди как обручем, не давая шевельнуть руками и вздохнуть.

От дикого ужаса я забилась, ноги оторвались от земли. Скрипнула дверь, меня с размаху бросили вниз. Я упала ничком, от удара вышибло из груди воздух, в голове зазвенело, и я на мгновение потеряла сознание, уткнувшись лицом в холодный пол.

Открыла глаза и увидела грязноватые, выщербленные плиты пола, освещенные тусклым электрическим светом.

Надо мной разгневанно и испуганно что-то сказала женщина, мужчина грязно выругался. Я слышала их словно сквозь ватное одеяло.

— Откуда она взялась?

— Под дверь подслушивала, — фальцетом объяснил напавший.

— Опять она! Эта проклятая учительница! — сердито сказал знакомый мужской голос — тот, что до этого оправдывался перед усатым.

— Уберите, — брезгливо приказал усатый. — Не стоило ее сюда. Впрочем, неважно: она ничего не расскажет. Позаботьтесь об этом. Пока в подвал ее. Там посмотрим.

Я с усилием вскинула голову, чтобы взглянуть на собеседников усатого, и увидела лишь силуэты трех человек, подсвеченные электрической лампой. Больше ничего разглядеть не успела, потому что один из силуэтов — широкий, расплывшийся — наклонился, замахнулся, и что-то жесткое ударило меня в висок. Мир схлопнулся, лампа погасла, я провалилась в черноту.

* * *

Первым, что увидела, когда пришла в себя, был бледный гриб на тонкой ножке. Он вызывающе торчал из рыхлой черной почвы перед моими глазами. Сильно пахло ацетоном.

Я проморгалась, соображая, где я и что произошло. Через секунду вспомнила: на меня напали. Голова раскалывалась, было тяжело держать веки открытыми. Кроме того, отчаянно болели руки и ноги. Пошевелившись, установила, что мои щиколотки и кисти связаны черным шнуром, а я лежу в подвале-плантации прямо между грядками, усеянной сотнями грибов.

С огромным трудом я села и, выворачивая связанные спереди руки, потрогала затылок. Крови не было, даже шишки нет, лишь ссадина. Уже неплохо.

Нет! Все не просто плохо — все ужасно! Корнелиус предал меня. Я забралась в подвал дома, напичканного тайнами. В котором хозяйничают преступники. Теперь я в их руках и положение мое скверное.

Оглядевшись, немного успокоилась. В подвале никого. Кругом тишина. Сквозь отверстия сверху льется сероватый свет. Воздух неприятный, спертый, но дышать можно.

И тут бурным потоком хлынула бодрящая злость. Преступники здорово меня недооценили! Я найду выход.

Первым делом избавиться от веревки.

Сначала попробовала грызть шнур, потом больно прикусила язык и поняла, что так ничего не выйдет, я скорее сломаю зуб. И вовремя вспомнила о закутке, где располагалась химическая лаборатория... там можно найти подходящий инструмент и перепилить шнур!

Добраться до закутка со связанными руками и ногами оказалось непросто: сначала я ползла, как червяк, потом двигалась на четвереньках, подтягивая колени к локтям. За мной тянулся след раздавленных грибов, что принесло некоторое удовлетворение. Вот вам ваш урожай, чертовы бандиты!

Утомившись ползти, я кое-как поднялась и запрыгала, каждую секунду опасаясь упасть и разбить нос. Но до лаборатории добралась без потерь и обнаружила, что подходящих для перерезания веревок инструментов там нет.

Но есть стеклянные бутылки, в которые потом будут разливать полученное из грибов вещество. Я скатила бутылку на землю и прыгнула на нее. Выбрала осколок покрупнее, крепко загнала его в щель между тяжелым медным кубом и стеной и начала перепиливать шнур о свободный острый край. Удалось это на удивление легко: через минуту мои руки были свободны, я отделалась лишь небольшим порезом на запястье.

Хорошо, что похитители связали мне руки спереди, а не за спиной, тогда пришлось бы труднее...

Удача ободрила меня. Теперь переходим к пункту два: выбраться из подвала. Тут везение закончилось — дверь в лабораторию оказалась

запертой. Но похитители допустили второй просчет. В подвале-плантации полно деревянных ящиков. Я могу добраться до проемов наверху, поставив контейнеры один на другой. Тут шесть ящиков: должно хватить

Стараясь не шуметь, я принялась за работу и скоро убедилась, что дело это не такое простое: ящики надо ставить лесенкой или пирамидой, чтобы можно было удобно карабкаться наверх.

Поразмыслив, вытащила из лаборатории табурет, который сгодился в качестве опоры. Лестница наверх получилась шаткой, неверной, и если она рухнет, грохот будет такой, что сбежится весь особняк.

Это хорошо или плохо? Может, мне стоит кричать, чтобы услышал Корнелиус? Вдруг он все же не в курсе, что со мной происходит?

А если в курсе? Нет, не хочется в это верить! Во мне говорит ревность, но я не знаю его роли в этой истории. Если он придет ко мне на помощь, то тоже может пострадать. Придется действовать одной...

Отчаянные мысли помогли собраться. Прodelав серию сложных гимнастических упражнений, хватаясь за каждый выступ в стене, балансируя на ящиках, я все-таки добралась до небольшого проема в кладке и обрадовалась, увидев, что оно достаточно широкое и не забрано решеткой. А новая удача: прямо за проемом растут кусты. Меня никто не увидит.

Самым сложным оказалось подтянуться на руках и вытолкнуть себя наружу. Уже в который раз я от души поблагодарила моего наставника по гимнастике в академии, который привил мне любовь к физическим упражнениям. Последние недели в Крипвуде я ленилась, но силы в руках хватило — перетаскивание тяжелых ведер от колонки до дома развивает мускулы не хуже упражнений с гириями. Скоро я лежала на плотном слое хвои, перемазанная, измученная, и хватала ртом прохладный осенний воздух.

Самым удивительным было то, что снаружи еще даже вечер не наступил. Солнце ярко светило сквозь ветки. Ветерок разогнал туман у меня в голове, холод дал прийти в себя.

Но что теперь? Куда бежать? Кто мне в этом особняке друг и кто враг? Могу ли я рассчитывать на чью-то помощь? И главное: как в этом всем замешан Корнелиус?

Самым верным решением будет добраться до узкоколейки и пешком дойти до города. Это займет несколько часов, но зато я не собьюсь с пути. Возвращаться в дом я не собиралась, памятуя, как усатый — наверняка главарь преступной шайки! — велел позаботиться о том, чтобы я ничего никому не рассказала.

Нужно убраться отсюда пока не поздно, иначе моя жизнь закончится бесславным образом.

Прилипнув спиной к стене, я дошла до угла и осторожно вытянула шею, но разглядеть ничего не смогла: у этой части дома густо рос кустарник. Мне нужно через лес, в обход лужайки перед домом прокрасться до настеленной дороги. Надеюсь, на ней нет охраны, иначе придется идти по болотистым участкам, а это чревато верной гибелью.

За кустарником виднелось полуразвалившееся строение. Вероятно, во времена Грабба там была сторожка. Если доберусь до нее, смогу незамеченной нырнуть в лес.

Пригнувшись, я осторожно вышла из кустарника и что было мочи помчалась к развалинам, надеясь, что шатающимся перед особняком слугам не придет в голову глянуть в моем направлении.

Подумала, не прибегнуть ли вновь к простенькой иллюзии, но, поразмыслив, отказалась от этой идеи. Теперь, учитывая все, что произошло, использование дара может меня выдать.

Поэтому я понадеялась на свою быстроту и тенью метнулась к сторожке.

Удача снова оказалась на моей стороне: меня не заметили. Задыхаясь от волнения, я прижалась к стене. Теперь за угол, пройти вдоль еще одной стены, а там до леса рукой подать. Через лес выйду к гати, а там...

За углом я столкнулась грудью в грудь с мужчиной, одетым в простую рабочую одежду. Сердце подскочило к горлу, я не успела даже пикнуть, как он схватил меня за плечи и прижал к стене. Но тут же отпустил и потрясенно выругался.

— Черт побери, это вы, Верден! Я вас искал среди гостей, — яростно сказал Виктор Лукаш. — Что с вами случилось?

Хватая ртом воздух, я со страхом и недоумением смотрела на отца Ланзо. Школьный уборщик выглядел хуже некуда: всклокоченный, помятый, на бульдожьем лбу собрались складки, под опухшими глазами глубокие тени, взгляд отчаянный и злобный. Однако он не делал попытки схватить меня и уволочь в особняк, чтобы сдать преступникам.

— Вы меня искали? — повторила я тупо. — Зачем?

— Вы должны спасти Ланзо, — выплюнул он яростным шепотом. — Все из-за вас! Все случилось по вашей вине! Я оберегал его, и тут вы явились, расфуфыренная ведьма из столицы, и все пошло наперекосяк! Из-за вас они узнали о его силе и забрали его, как и остальных. Давайте, исправляйте то, что натворили!

Он грязно выругался, но его ругань странным образом меня успокоила, потому что дала понять: Виктор не на стороне тех, кто засел в особняке и замыслил недоброе!

— Тихо! — шикнула я на него и огляделась — не услышал бы кто! — Рассказывайте по порядку. Что случилось с Ланзо? Кто его забрал?

— Сначала вы ответьте... Почему вы тут, а не с ними? — он с видом глубочайшего омерзения кивнул в сторону особняка.

— Потому что я спустилась в подвал, увидела и услышала там то, чего не должна. Меня поймали, связали и заперли, чтобы потом убить. Я сбежала и теперь собираюсь вернуться в Крипвуд.

Виктор выслушал меня молча, потом опять выругался и сплюнул.

— Это Химерас и его шайка, — сказал он.

Меня было уже ничем не удивить, даже именем выдуманного журналистами преступника-фантома.

— Кто именно Химерас?

— Полагаю, нынче это усатый черт из столицы. Тот, кто говорит как лис, и при этом хрипит, как удушенник.

— Что значит «нынче»?

— Потому что он чертов колдун. Меняет лицо как перчатки. То он является жирным лысым боровом, то кудрявой бабой в цветастом платье и с шалью, то щеголем в очечках, с тростью и бородкой. Но это один и тот же человек. Я научился узнавать. Он вот так скребет пальцами... — Виктор потерел воротник своей куртки, точно так же, как делал усатый. И как делал кто-то еще... жест был мне знаком!

— И голос, — продолжал Виктор угрюмо. — Он не может долго разговаривать одним голосом. Потом начинает сипеть и хрипеть. Так его можно узнать.

— Зачем ему Ланзо? Какое отношение вы имеете к Химерасу?

— Тут в городе заправляют его сошки. Роберваль и еще кто-то. Кто — не знаю. У нас место тихое, удаленное. Последние лет десять Химерас и его шайка обосновались тут, в особняке. Грибы выращивают... делают из них пакость на продажу. Местных запугали, чтобы они в лес не совались. А сами берут к себе таких, как я. Как делал безглазый... Грабб. Забирают тех, кто может... колдовать.

Виктор как будто подавился, когда выговорил последнее слово, его лицо исказила гримаса отвращения.

— Одаренных. Они берут Одаренных, сенситивов. Вы, Виктор, не колдун. Вы сенситив с даром управлять эфирными полями. Что вы можете?

— Многое. С огнем хорошо управляюсь... немного с водой. Эти... столичные... всему находят применение. Старуха Барток может сторожевых псов заговаривать. И людям глаза отводить. В Кривом доме, где вас поселили, тоже жила одна баба... Мазена. Она покойников обмывала и умела с ними говорить.

— Бывшая хозяйка Кривого дома была некрогностом, — пробормотала я. — Зачем преступникам некрогност?

— Ясно, зачем... Известно, жизнь у бандитов опасная, они по грани ходят. Сегодня ты ешь, пьешь, гуляешь, а завтра тебе нож под ребра или пулю в голову. Мертвые не говорят, но знают много. Вот Мазена им и помогала их разговорить. Но мы люди не ученые. Поэтому когда они кого из колдунов забирают, напичкивают их этой дрянью из грибов. Вот тогда мы можем колдовать в полную силу, на износ. Такое делать получается, что в здравом уме и не вообразишь. Я сейфы для них взрывал, — признался Виктор. — Поджоги устраивал. Но когда тебя заставят выпить ту отраву, ты потом себя плохо помнишь. Несколько дней ходишь как в тумане. Если зелья перебрать, то и окочуриться можно. А Ланзо многое умеет. На ярмарке показал, благодаря вам, госпожа учительница магии, черти бы вас взяли, — Виктор опять разозлился. — Вы ему мозги запудрили, толковали о неслыханном таланте, вот он и полез выступать. Показал свое умение... Ланзо и вещи может двигать, и многое другое. Вот они его и

забрали. Этой ночью они хотят остановить поезд. Взломать банковский вагон.

— Откуда вы знаете?

— Подслушал, — хмуро ответил Виктор и вытер рот рукавом. — Еще в прошлый раз... в Дикую ночь. Тогда они меня забрали, чтобы я сделал для них известное дело. Дали зелья, привезли в банк... потом были взрывы, пожар... все это я устроил. После валялся как мертвый, от зелья отходил. Они думали, я ничего не соображаю, и говорили при мне. Но в тот раз я слышал и запомнил.

— Преступники собираются остановить и ограбить Северо-западный экспресс?

— Именно. О чем и толкую! Они сначала меня хотели использовать, но забрали и меня, и Ланзо. Ланзо им полезнее. Ему тоже дадут выпить отравы... и он сделает для них то, что нужно. Своей силой выдернет сейф из вагона и вскрыет его. Самим им не справится, там железо новое, толстое. А Ланзо... он может не выжить после этого. Но кому до этого дело!

Последние слова Виктор произнес хриплым шепотом, тяжело дыша. Его руки сжались в кулаки, и он посмотрел на меня с ненавистью и одновременно с надеждой.

— Мне больше не к кому обратиться. Все тут одной веревкой повязаны. А вы не с ними. Вы из столицы, и вы ведьма. Одаренная, в академии обучались. Только вы и можете помочь.

— А... Корнелиус... господин Роберваль... он?..

Виктор зло усмехнулся.

— Снюхался с Химерасом в столице. Недавно вернулся сюда и выкупил особняк Грабба. Затеял для подельников прием. Эти, что из столицы, устроили тут сходку. Говорят о бандитских делах, планируют, готовятся. Пригласили городских шишек, чтобы ими прикрыться, если что не так пойдет. Они теперь у Роберваля в лапах. Половина городских замешаны в делишках Химераса, это как пить дать. Но кто из них второй после Роберваля — я не знаю. Бургомистр, аптекарь, директор, Анвил — да кто угодно!

Я сглотнула.

— Виктор, вы уверены, что Роберваль...

— Да, черт вас дери! Уверен! Этот уж точно. Про него разное говорят... что он жену уморил, когда она о его делишках узнала.

Опоил ее зельем. После того как они добудут золотые слитки из поезда, они уберутся отсюда. Потому что это неслыханные деньги. И Роберваль уедет, это уж точно. Свою-то дочурку он бережет. До чужих детей ему нет дела.

— Но... что теперь делать? Как я могу помочь?

Мне было плохо как никогда. У меня дрожали руки, ноги, раскалывалась голова. Я судорожно сглатывала горькую слюну, от сухости саднило горло.

— Есть вода? — спросила я осипшим голосом.

Виктор молча протянул мне флягу, и пока я пила, продолжал быстро говорить:

— Ланзо держат на разъезде у тоннеля в пяти лигах от Крипвуда. В заброшенной будке обходчика. Когда пойдет поезд, Ланзо прикажут его остановить, пустить по старому пути в лес, в тупик, а потом вскрыть вагон. Ланзо нужно вытащить, пока они не дали ему зелье.

— Как я это сделаю?!

— Я расскажу. Слушайте. Возвращайтесь в Крипвуд. Оттуда попробуйте как-то добраться до разъезда. Он у автомобильной дороги на Шваленберг. Потом... не знаю. Вы ведьма, Одаренная, чтонибудь придумаете. А не придумаете — хотя бы доберитесь до Шваленберга и свяжитесь с тамошней полицией. Или дайте оттуда телеграмму в столицу. Из Крипвуда нельзя — донесут.

— Как я вернусь в Крипвуд? Пешком по узкоколейке долго. Я не успею.

— Успеете, если через лес. Я знаю короткую дорогу через мшары. Объясню... Смотрите, сейчас около пяти. Солнце сядет часа через три. Вы доберетесь за час-полтора. Тут всего-то пара лиг, если напрямую. Но сворачивать нельзя — увязнете и сдохнете. Идите на запад, так, чтобы солнце светило вам прямо в левый глаз. Понятно? Дайте нарисую.

Он порылся в карманах, добыл мятый счет из трактира, поднял с земли гнилушку и набросал дорогу грубыми черными линиями.

— Мимо кривой сосны. Потом будет сосна с развилкой наверху. Вот тут дорога через мшары к лесной избушке, где я вас тогда запер.

— Это вы меня заперли в сторожке? Когда был туман?!

— Да, — нехотя ответил Виктор. — Мне велели. Я сделал, как велели. Зачем — не знаю. Наверное, чтобы вы не совались, куда не

надо. Или они решили вас к себе прибрать. Вы сбежали, они злились тогда. Но Роберваль вас нашел. Неважно! Слушайте дальше. Вот тут мшары. И тут... не пугайтесь, если увидите болотную образину.

— Кого... увижу?

Виктор глянул на меня хмуро.

— Образину. В болоте живет лесной дух. Он сам как бы из веток, сверху череп. С незапамятных времен тут живет. Остался от Грабба. Но образина встает, скрипит, и все. Если близко не подходить, беды не будет. Тут в лесу много всякого. Духи, привидения, лешии, мертвые. Их много лет назад подняли колдуны Грабба.

— Вы верите в привидений?!

— Как же не верить, когда я их своими глазами видел? Поначалу боялся. Но потом понял, что вреда от них особого нет. И вы не пугайтесь.

— Не испугаюсь.

Я решила не объяснять невежественному и суеверному Виктору природу болотной образины. Я сама еще толком не разобралась в чем дело, но найденная каморка с механизмами и старые чертежи дали мне важную подсказку.

— Эти, которые в особняке, в болота сами не ходят, — продолжал Виктор. — Зачем им? Им не надо. Но они пользуются тем, что местные призраков боятся. Анвил тоже умеет духов призывать. И грозу... Тоже колдун столичный...

Мне хотелось больше расспросить про Анвила. и про Корнелиуса, но было ясно, что Виктор и сам толком мало что знает. В любом случае на расспросы времени нет. Если все так, как он говорит, нужно спешить, иначе Ланзо грозит страшная опасность.

— А вы? Почему вы не идете спасать сына?

Он помотал головой.

— Не могу. Я должен остаться тут, с ними. Меня привезли сюда, но не заперли, знают, что я от них никуда не денусь. Если сбегу, Ланзо не поздоровится. Но они не подумают, что вы отправились за мальчишкой. И вы умеете управлять своим даром. У меня сильный дар, но я... не умею им управлять. Они стараются не связываться с образованными. Вас, ученых колдунов... ну, тех, кто учился в академии, не так-то просто сломать. С нами, необразованными, проще. Они давали мне зелье, и потом один человек как бы забирался ко мне в

голову и говорил, что делать. Он только и может, что мысленно приказывать. Но если ему не повинуешься, он сделает так, что ты не сможешь дышать.

— Менталист и странгулятор. Такие Одаренные блокируют импульсы, которые регулируют дыхательные движения. Это редкий дар, тех, кто им обладает, полицейские ставят на специальный учет...

— Сдается, этого не учли ваши столичные полицейские, потому что он служит Химерасу. Когда вы приехали, они к вам приглядывались. Сожгли ваш дом молнией, чтобы выселить вас на окраину, подальше от городских дел. И на окраине до вас было бы легче добраться, коли надо. Но потом они списали вас со счетов. Ну, что еще я должен вам рассказать?

— Как я доберусь до разъезда, где держат Ланзо?

— Наймите в городе повозку, возьмите автомобиль... черт побери, я не знаю! Слышал, к вам приехал из города дядя, богатый и важный. Обратитесь к нему. Он ведь не с ними?

— Нет, он сам по себе... Виктор, вы должны отправиться со мной. Спасти сына. Одна я не справлюсь!

Виктор колебался: он потер затылок, оглянулся и решил:

— Ладно. Идемте.

Но тут на лужайке появился плотный парень и позвал:

— Лукаш! Это ты там в кустах, черт тебя побери? Где ты шляешься?!

Нас заметили! Точнее, заметили спину Виктора. Я стояла за ним, в тени, уборщик и кусты заслоняли меня.

Парень решительным шагом пошел к сторожке. Виктор толкнул меня прочь и торопливо прошептал:

— Я должен вернуться. А вы должны идти. Поспешите, госпожа Верден! — теперь Виктор почти умолял, его губы дрожали, дыхание сбилось. — Скажу прямо, шансов у вас мало, и я не верю, что увижу сына живым и здоровым. Но вы — его и моя единственная надежда. Прошу, сделайте все, что можете... вы натворили, вам и исправлять.

Он повернулся и вышел из кустов.

— Что ты там делал, Лукаш, идиот ты безмозглый?

— Отливал, — буркнул Лукаш.

— Тупая деревенщина! — выругался парень. — Иди сюда! Скоро отправляемся. Не думай сбежать, болван!

Виктор покорно пошел следом. Я осталась одна.

Глава 27

Призрак против бандитов

Принять решение следовало быстро. Однако у меня не было времени упорядочить в мыслях то, что вывалил на меня Лукаш. Я терялась в догадках и не могла сделать ни одного толкового умозаключения.

До конца поверить Лукашу не получалось. Школьный уборщик не отличался смекалкой, в голове у него царил кавардак. Он не обманывал меня специально, но мог сделать неправильные выводы.

Невозможно, немыслимо представить, что Корнелиус — правая рука Химераса! Я знала его куда лучше, чем необразованный уборщик, который едва ли перемолвился с ним парой слов. Или же я ни черта не знаю о Корнелиусе? Мне недостаточно того, что я видела?!

Но все же всерьез обдумывала возможность найти хозяина приема и рассказать ему обо всем, что со мной случилось, и обо всем, что я услышала в подвале. Открыть ему глаза на Вильгельмину, на то, что она использует его, играет им, как марионеткой! Но разве можно играть Корнелиусом? Легче поверить в то, что он кукловод.

Поколебавшись, я осторожно выглянула из кустов и увидела Корнелиуса. Он стоял на лужайке в обществе Вильгельмины, незнакомого столичного господина — длинного, худого, со снулым рыбьим лицом, — и мордворота в костюме официанта. Хмурясь, Корнелиус слушал, что спутники говорили ему поочередно, волнуясь и жестикулируя. Вильгельмина то и дело касалась рукой его плеча и требовательно качала головой.

Корнелиус поднял голову и пристально посмотрел прямо в сторону сторожки.

Я была уверена, что он заметил меня, но не могла сдвинуться с места.

Меня словно загипнотизировали. Сердце билось коротко, неровным ритмом. Я не отрывала взгляда от лица Корнелиуса, на котором застыло подчеркнуто холодное деловитое выражение.

Сейчас Корнелиус прикажет схватить меня... и больше у меня не останется никаких сомнений.

Но он отвернулся и коротко отдал мордовороту распоряжение, ткнув рукой в направлении, противоположном от сторожки. Столичный господин одобрительно кивнул. Мордоворот быстрым шагом отошел к другим слугам и передал приказ. Те разошлись в разные стороны, взглядываясь в лес на опушке. Если они вернуться, обнаружат меня.

Больше не колеблясь, я нырнула в подступающий к сторожке подлесок и припустила бегом в направлении, что указал Лукаш.

Я по-прежнему не знала, что делать, и видела пока лишь одно решение — убраться подальше от лесного особняка и его гостей, вернуться в Крипвуд, а там действовать по обстоятельствам. Разве я смогу спасти Ланзо в одиночку?

...Не смогу. Но попытаюсь, если иного выхода нет.

От слабости у меня подкашивались ноги, ссадина на виске тупо пульсировала. К горлу подступала тошнота. Сердце обливалось то холодом, то жаром. Но вскоре я почувствовала себя лучше от свежего лесного воздуха.

Время от времени останавливалась и прислушивалась: нет ли погони? Но в лесу было тихо, лишь поскрипывали и гудели на слабом ветру вершины сосен. Только бы к вечеру не поднялся туман! Иначе я точно потеряю дорогу.

Вскоре под ногами зачавкала почва: начались заболоченные места.

Остановилась, справилась с грубым чертежом Лукаша и внимательно огляделась в поисках примет. Сейчас, когда не было тумана и солнце светило сквозь ветки, сухую дорожку было видно неплохо, хотя внимания ослаблять не стоило.

Старалась идти так быстро, как только возможно, но примерно через полчаса замедлила шаг, потому что среди желтоватой травы стали попадаться участки, затянутые грязной зеленой пленкой, а кое-где поблескивала вода.

И я остановилась, когда увидела, как из мокрой почвы торчит груда веток, а посередине белеет и скалится череп.

— Привет, болотная образина, — пробормотала я. — Давно не виделись. Ну-ка, покажись... посмотрим, как ты оживаешь.

Внутренне вздрагивая, я пошла вперед, каждый миг ожидая увидеть, как встает из грязи страшный силуэт... Но куча веток не

двигалась. Я миновала ее, не отводя глаз от черепа, и мне показалось, что я увидела под ним тяги и шестеренки.

Механическое привидение. Дело рук человеческих. Творение безумного мастера Жакемара. Здесь должны быть и другие лесные пугала, чья задача — не подпускать к особняку излишне любопытных...

Вот они! У поваленного дерева примостилось железное, заржавевшее чудище, у которого имелось сразу два черепа, соединенных затылками. Рядом под корягой было удачно замаскировано нечто, похожее на иссохшего покойника, которого наштиговали шестеренками.

И хотя я знала, что это не более чем механические чучела, зубы у меня стучали, а руки покрылись гусиной кожей.

Выглядели монстры вовсе не безобидно, что бы ни утверждал Виктор. К счастью, ни один не ожил; вероятно, нужно было наступить на определенный участок земли, чтобы привести в движение ловушку, а я шла по безопасной тропинке. Но когда почти достигла ее конца и уже увидела стены знакомой лесной избушки, монстр под корягой медленно, с ужасным скрипом приподнял когтистую руку и безжизненно ее уронил.

Я помчалась прочь из последних сил, стремясь скорее вырваться из царства механических привидений, чей создатель давно ушел из этого мира.

Куда страшнее встречи с привидениями — механическими или потусторонними — станет для меня встреча с живыми. Для привидений игры со смертью давно закончились. Живые играют в них с азартом...

* * *

До Крипвуда добралась, когда солнце уже висело низко над горизонтом. Через час начнет темнеть.

Задворками прокралась до трактира. Никого по пути не встретила: после вчерашнего праздника город словно вымер. Даже в трактире стояла тишина, подле него не болтались гуляки.

В трактир заходить не стала. Соглядатаи Химераса... или Корнелиуса могут быть повсюду.

Дядя занимал комнату на первом этаже. Я нашла нужное окно и осторожно постучала в раму, надеясь, что дядя не отправился прогуляться по городу.

Через секунду к стеклу прильнуло рассерженное лицо финансиста Ханта. Его глаза вылезли из орбит, когда он меня увидел.

Знаками показала ему, чтобы он вышел ко мне. Дядя раскрыл было рот, но тут же закрыл, кивнул и скрылся в комнате.

Я ждала в саду за трактиром, нервно озираясь. Скоро показался дядя.

— Что случилось? Почему ты в таком виде? — начал он, срываясь на крик. — Ты попала в беду?!

— Тише! — прошипела я. — Да, я попала в беду! И не только я! Мне нужна помощь...

Я коротко рассказала ему все, что случилось, и все, что успела узнать. Однако не стала упоминать о том, что Лукаш считал Корнелиуса одним из преступников. Просто потому, что сама поверить в это никак не могла.

Реакция дяди была предсказуема:

— Мы немедленно убираемся отсюда, — заявил он, багровея и задыхаясь от гнева. — Так и знал, что грядет катастрофа! Как только я приехал сюда и увидел, как ты стоишь за прилавком ярмарки и вытворяешь глупые фокусы, сразу понял, что твоя жизнь здесь не привела ни к чему хорошему! Посмотри, во что ты вляпалась со своим упрямством и сумасбродством!

— Прежде чем мы уедем, мы должны помочь мальчику! Ему грозит гибель. Планируется преступление!

— Собралась в одиночку противостоять банде преступников? Ты в своем уме? Где здесь можно взять напрокат автомобиль? Отвезу тебя в Шваленберг, там мы сядем на поезд до столицы и постараемся забыть обо всем, что тут происходит! Найму для тебя охрану. Или отправлю тебя за границу. Ты будешь в безопасности. Это не наше дело, Эрика. Пусть этим занимается полиция! В городе есть полиция?!

— Есть офицер Brass, сопливый мальчишка, он сейчас в лесном особняке вместе с остальными. Возможно, он тоже невинная жертва и

будет использоваться как заложник, а возможно, он действует по указке бандитов. В этом городе верить нельзя никому.

— Идем искать автомобиль, — безапелляционно приказал дядя. — Спрошу у трактирщицы, где можно его достать. Жди меня тут: соберу саквояж, оплачу счет и вернусь.

Пока дядя собирал вещи, я ломала голову, как убедить его помочь.

— Госпожа Верден! — позвал сверху детский голос. Я подскочила, как ужаленная. С дерева на меня смотрел круглыми глазами сын начальника пожарной части, а на ветке выше расположилась Магда Ракочи.

— Дитмар, Магда! Что вы тут делаете?

— Ищем птичьи гнезда, — ответила Магда, испуганно хлопая глазами. — Мы все слышали... Ланзо убьют?

— Не убьют! Я... мы его спасем.

— Мой папа тоже там, — сказал Дитмар несчастным голосом. — В лесном особняке господина Роберваля... ему грозит опасность?

Я сглотнула.

— Думаю, нет. Он большой и сильный. С ним все будет в порядке.

«Не исключено что он сообщник преступников, — подумала я. — Впрочем, никто не в безопасности. Ни те горожане, кто помогает Химерасу, ни те, кто находятся в неведении».

В саду слышались шаги, пыхтение и ругань вполголоса. Вернулся дядя.

— Что за дыра этот Крипвуд! — бушевал он. — Тут нельзя взять автомобиль напрокат. Поезд будет на станции лишь утром. Даже коляску с лошадьёю не отыскать ни за какие деньги! Мне предложили осла. На осле мы будем добираться до Шваленберга вечно! И я не умею управлять ослами!

— Автомобиль есть у господина Роберваля, — сказали сверху. — Но он заперт в его гараже. Еще есть у директора Степпеля... Директор оставил его возле школы.

— Черт побери! — дядя подскочил от неожиданности и уставился на детские лица, выглядывающие из ветвей. — Вы что тут делаете, негодяи?

— Они не негодяи, — резко оборвала я его. — Это мои ученики. И они подали хорошую идею. Дядя, ты умеешь управлять автомобилем на паровом ходу?

— Да, — неожиданно ответил дядя. — Мой первый автомобиль был на паровом ходу, с парафиновой горелкой. Он куда проще в управлении, чем автомобиль с мотором внутреннего сгорания. Нам дадут его в аренду?

— Нет. Придется взять его без спросу.

— Украсть? — уточнил дядя поморщившись.

— Давай не будем использовать это слово. Хозяин автомобиля не станет возражать. Идем к школе! Магда, Дитмар... пожалуйста, ни слова никому о том, что вы меня видели!

— Мы не скажем! — испуганно ответили дети.

Переулками добрались до школы. Дядя держался неплохо: по крайней мере, он отошел от первого шока и больше не бранил меня. Ему очень хотелось убраться из Крипвуда как можно скорее, подальше от неприятностей, а когда он видел цель, действовал быстро и упорно, без оглядки на приличные манеры или моральные законы. Именно благодаря этому качеству он стал успешным финансистом.

Автомобиль директора Степпеля стоял за школой, бережно прикрытый брезентовым чехлом.

Дядя сорвал чехол и принялся осматривать автомобиль, разражаясь удивленными возгласами.

— До чего любопытная конструкция! Так... двухцилиндровая паровая машина. Котел небольшой, установлен спереди... Надеюсь, не взорвется. Горелка на керосине... заправлена. Воды полно. До Шваленберга пятьдесят лиг по дороге, должно хватить.

Он запустил двигатель; мы забрались внутрь и подождали несколько минут, пока в котле образуется нужное давление. Затем дядя передвинул рычаг, и машина покатила.

— Я не знала, что ты умеешь так ловко водить, да еще такой агрегат. Дома у тебя шофер...

— Ты многого обо мне не знаешь, — проворчал дядя. — Разве тебя когда-то интересовало, кем я был в молодости или чем увлекался? Тебе было плевать. Едем к твоему дому. Заберешь вещи и документы. Сюда ты больше не вернешься.

Я возражать не стала и показала ему объездную дорогу через пустырь. Чем меньше людей нас увидит, тем лучше.

В Кривом доме пробыла не более пяти минут. Этого времени хватило, чтобы быстро переодеться, умыться и сунуть в сумку

документы и кое-какие вещи. Повинуясь сентиментальному порыву, прихватила и подаренную Анвиллом игрушку. Удивительно, что она осталась в кармане и не потерялась во время моих приключений, ну а ключ от дома я и вовсе с собой не брала, он так и лежал за приступком у двери.

Потом пошла проверить, в порядке ли Вельзевул.

Кабан был в полном порядке. Увидев меня, он радостно захрюкал. Его кормушка была полна.

— Не знаю, увидимся ли мы с тобой еще, свинья ты эдакая, — я потрепала его по холке. — Если не вернусь — уходи в лес. Живи там привольно... прощай.

Мое сердце разрывалось, когда я села в автомобиль. Дядя безглаголиво озирался и беспрестанно ругался сквозь зубы.

— Знай я, в каких условиях ты живешь, приехал бы за тобой раньше, — сказал он.

— Мне было тут хорошо, — ответила я, стараясь не заплакать.

...Да. Мне было тут хорошо последние недели. Когда жила с Ланзо. Когда ждала по вечерам, когда меня придет навестить Корнелиус...

Автомобиль протрясся по пустырю, выехал к складам и вывернул к дороге, что шла вдоль железнодорожного полотна. Тут было полно выбоин, поэтому ехали мы небыстро.

Дядя озабоченно посмотрел в зеркальце заднего вида.

— Эрика, по-моему, за нами бежит твоя свинья, — сказал он. — Ничего, сейчас наберем скорость и оторвемся.

Я обернулась и увидела, как Велли несется за автомобилем во весь опор, но когда начался лес, он отстал. Надеюсь, с ним все будет в порядке и он не станет жертвой охотников.

И все же я всхлипнула. Моя жизнь в Крипвуде до вчерашнего дня, со всеми ее нелепыми трудностями, показалась забавной сказкой. Которая внезапно обернулась кошмаром.

Дядя скосил глаза, потом повернул голову и посмотрел на меня внимательнее.

— Тебе нужно обработать ссадину возле уха, — сказал он. — След от удара? Как только прибудем в Шваленберг, первым делом обратимся к врачу. У тебя может быть сотрясение.

— У меня нет сотрясения, — ответила я отрывисто. В любом случае я не собиралась в Шваленберг, но дяде пока об этом говорить не стала.

— Странный синяк на виске. Тебя ударили чем-то твердым — кожа повреждена. Синяк расплылся, но в середине он темнее. Выглядит как буква «Ф». И еще одна рядом.

И тут я поняла, кем был собеседник усатого, его сообщник, тот, кто был с ним в комнате и нанес мне удар по голове! У него на руке была золотая печатка, а на ней выпуклый вензель в виде двойной буквы «Ф». Первые буквы имени бургомистра Фалберта Флегга. Вот и нашелся второй сообщник Химераса...

* * *

Начинало темнеть, автомобиль бодро бежал среди леса, дядя зорко всматривался в дорогу и ловко орудовал рычагами управления. Мелькали дорожные столбы, я внимательно следила за отметками.

Достала из сумки прихваченную карту и справилась с набросками, которые сделал Виктор Лукаш. Мы отъехали от Крипвуда примерно на пять лиг..

— Дядя, останови, — попросила я, когда в лесной чащобе показалась едва заметная прогалина.

— Зачем? — дядя недовольно покосился на меня, но притормозил. Я быстро схватила холщовую сумку, выскочила из автомобиля и отошла на несколько шагов, чтобы дяде не вздумалось схватить меня за руку.

— Поезжай в Шваленберг и свяжись с полицией, — торопливо сказала я. — А я иду к будке у железной дороги, где держат мальчика. Посмотрю, можно ли чем-то помочь.

— Эрика, стой! — закричал дядя, открывая дверцу, чтобы выскочить. — Ты собралась рисковать собой ради чужого мальчишки?! Идешь одна в лес, полный вооруженных преступников?! Ненормальная! Тебе точно место в сумасшедшем доме!

Я отступила еще на несколько шагов.

— На рожон лезть не стану. Со мной все будет хорошо. Все-таки я Одаренная, и мы умеем то, чего не могут обычные люди, даже если

они вооружены.

— Да какая ты Одаренная! Ты чертов дефектив, но вообразила о себе невесть что!

— Возвращайся с полицией. Если не смогу помочь, хотя бы буду свидетелем всего, что произойдет на разъезде.

После этого я повернулась и нырнула в гущу веток, слушая, как дядя бранится вслед.

В лесу было темнее, чем на дороге, но у меня был предусмотрительно взятый из дома фонарик. Я зажгла его и стала светить под ноги, чтобы не сбиться с тропинки.

Однако вскоре кое-что все же заставило меня насторожиться и выключить фонарь. Я остановилась, сошла с дорожки и спряталась за кустом. Потому что услышала странные звуки... кто-то шел. Точнее, ломился сквозь чащобу, не особо заботясь о том, чтобы остаться незамеченным.

Чертово невезение! Я сжалась в комок, обливаясь холодным потом. Шум затих, а потом мне коротко хрюкнули прямо в ухо, и кожаный нос ткнулся в шею.

— Пустить бы тебя на сосиски, Велли!

Кабан не отстал! Он бежал за нами по дороге и нашел меня в лесу! Теперь я не одна. Какой-никакой союзник. Немало он доставил мне хлопот, но и приходил на выручку. В любом случае хорошо иметь подле себя живое существо, пусть и обросшее щетиной, но весьма сообразительное, да еще со здоровыми клыками, которые не уступят бандитской дубинке или ножу, коли дело дойдет до стычки.

— Идем, и не шуми, — приказала я ему.

Кабан послушно пошел за мной неспешным шагом. В лесу он чувствовал себя как дома и очень радовался ночной прогулке.

Скоро лес закончился, нога скользнула по уклону откоса, из-под подошвы посыпалась галька, а свет фонаря блеснул на путях внизу.

Я выключила фонарь и взгляделась в темноту. К счастью, вошла луна и осветила окрестности. Сильно похолодало, изо рта у меня при каждом вздохе вырывались клубы пара, но холод здорово бодрил. Голова работала четко, хотя никакого плана пока так и не сложилось.

Я легла на землю и стала изучать место будущего преступления.

Внизу лежало искусственное ущелье, по дну которого шли рельсы, прежде чем нырнуть в туннель. Насколько я помнила, после

туннеля пути раздваивались, но стрелка не работала, потому что один из путей вел в тупик, которым давно не пользовались. Поэтому и семафор не горел, и будка обходчика была заброшена.

Здесь и правда удобно устраивать засаду. Виктор предположил, что рельсы после тоннеля будут испорчены, или будет устроен завал — руками человека или усилиями Одаренных, по доброй воле или по принуждению служащих бандитам. Человек с даром как у Ланзо может натворить многое, если его дар усилить искусственными средствами.

Поезд будет остановлен, бандиты заберут то, что им нужно. Банковский вагон охраняется, поэтому наверняка случится стычка.

Окна будки тускло светились. Внутри горела лампа, окна были занавешены плотной тканью. Перед будкой расхаживал человек, красный огонек сигареты то вспыхивал, то пригасал.

Человек бросил сигарету, потянулся, шумно зевнул. Он повернулся, его лицо озарил свет луны.

Я узнала сторожа. Это был житель Крипвуда, здоровый парень, который подрабатывал грузчиком в магазинах. Помнится, он помогал тушить учительский коттедж и болтал о том, что учительницу настигла кара разбойника Грабба... Рядом появился второй парень, тоже из Крипвуда. Пару раз я видела его в «Хмельной корове», изрядно пьяным.

Они заговорили, торопливо, почти шепотом.

— Мерзко здесь, — сказал первый. — Уж скорей бы... Лес рядом.

— Боишься леса? — опасливо спросил второй.

— Как не бояться... — первый угрюмо замолчал. — Сам знаешь, кто оттуда может явиться. Все-таки эти колдовские штуки не по мне. Пусть и платят за них хорошо.

— Скоро сюда придут столичные фраеры. Они сейчас там, дальше на путях. Слышишь, стучат?

Действительно, время от времени из жерла туннеля доносился гул и постукивание.

— Они что-то делают с полотном, чтобы остановить поезд. Недолго осталось.

— Долго-недолго, но там... — он ткнул рукой в сторону будки, — сидит мальчишка, который умеет колдовать. Видел, что он вытворял вчера? Известное дело: у него отец колдун, мать ведьмой была.

Чертовщина. Не хочу иметь дела с чертовщиной. Пусть даже ее называют разными учеными названиями. А ну как мальчишка призовет кого из леса?

— Безглазого? — спросил второй совсем тихим голосом.

— Цыц! — прикрикнул на него товарищ. — Не болтай! Сам знаешь: не зови призраков. Они услышат и придут.

— Ты первый болтать начал...

Они опять закурили. Потом грузчик достал из корзины бутылку, выразительно показал ее сообщнику, тот одобрительно кивнул. Они по очереди прикладывались к бутылке, но алкоголь не бодрил их, а усиливал страх. Парни сели на корточки и продолжили полусшепотом делиться друг с другом разными жуткими историями, при этом непрестанно озираясь.

Понять их тревогу было можно. Место это и правда выглядело угрюмо.

Откос нависает у них над головами, сверху недвижно стоит густой черный лес. Дно выемки заполнено тенями, а дальше чернеет горловина туннеля, выложенная грубой кладкой. Пахнет могильной землей и креозотом. И никого из людей рядом. Если ты веришь в призраков, то в таком месте невольно ждешь их появления.

В этот момент ткань на окне сдвинулась в сторону, у стекла появился освещенный сзади силуэт; он прильнул к окну и тут же пропал, а ткань вернулась на место. Но я успела разглядеть фигуру — она была детской, с узкими плечами и тонкой шеей.

Это Ланзо! Его держат под охраной, но скоро придут те, кто даст ему запретное средство и заставит его использовать свой дар для преступных целей. И бандитам все равно, что станет с Ланзо после этого. Самое малое: он навсегда лишится дара. Либо сойдет с ума. Или умрет...

Помощи ждать неоткуда. Я ломала голову, как помочь мальчику. Скоро сюда придут орава бандитов. Они недалеко, за туннелем. Сейчас мальчика охраняют двое. Мне с ними не справиться, даже если натравить на них Велли. Они крепкие, рослые парни...

...И верят в привидений. Верят в призрака безглазого Грабба. Они боятся.

Я посмотрела на Велли, который неспешно бродил за моей спиной и обнюхивал пожухлую траву.

— Вельзевул, дружок, — позвала я его ласково. — Твой выход.

* * *

Пусть я почти дефектив. Не умею передвигать предметы на расстоянии, не могу призывать грозу, заставляя реки течь вспять или лишая людей дыхания силой мысли.

Но мне удаются иллюзии. Слабенькие, достаточные для того, чтобы развлечь детей в классе. Сейчас этого хватит. Суеверные охранники нескоро забудут мое представление!

Даже если мой план не сработает до конца, ничего страшного. Велли не даст себя в обиду. Так или иначе, я заставлю бандитов побеспокоиться. А все, что им во вред, мне на пользу.

Я начала приготовления. Для иллюзии, которую я задумала, понадобится зрительная опора.

Достала из сумки спички, собрала веток, нашла ямку и сложила туда растопку для небольшого костерка. Вытащила марионетку, что подарил мне Анвил. Кукольный разбойник Грабб выглядел именно так, как нужно: страшный, бородатый, с черными кружками вместо глаз.

Подумала и положила рядом с марионеткой два черных камешка.

Парни внизу поднялись и подошли поближе к будке. Надо поторопиться: если они зайдут внутрь, ничего не выйдет.

Я чиркнула спичкой, запалила костер, позвала кабана и схватила его за загривок, чтобы не убежал. Кабан недовольно хрюкнул.

— Ты ничего не слышал? — донеслось снизу.

— Вроде нет... А что?

Надеюсь, что охранники не увидят мой огонь и не полезут наверх узнавать, в чем дело.

Я села на землю, скрестив ноги, глубоко вздохнула и вошла в транс.

Мир тут же подернулся дымкой и потемнел, но одновременно с этим я видела все очень отчетливо. Теперь предметы казались нарисованными мелом на черной бумаге. Понемногу линии начали светиться; силуэты деревьев, две струны железной дороги, будка, две мужские фигуры... я видела их даже сквозь камень и землю откоса, там, внизу.

Я часто и размеренно дышала. Посмотрела на крошечные языки пламени и спроецировала их на массивный силуэт кабана, который топтался рядом. Кабан от неожиданности хрюкнул. Я не знала, видят ли животные иллюзию, но человек увидит охваченное пламенем, страшное, клыкастое существо.

Кабана? Нет! Это существо больше походит на горящего человека в камзоле, треуголке, с длинной черной бородой, которую тоже лизут языки пламени! Потому что кроме огня я проецировала на Велли образ игрушечной марионетки. Иллюзия не удалась в полной мере, получившийся образ имел в себе черты и человека, и животного, имел клыки и копыта, но так даже лучше — настоящее дьявольское создание! Особенно хорошо удались мертвые глаза, которые я «нарисовала», используя два черных камня.

— Пошел! — крепко держа Велли за загривок, я подвела его к извилистой тропинке, что вела к путям. Хлопнула по спине и послала вниз.

Это был самый напряженный момент: если кабан не захочет спускаться, моя затея прогорит! Но кабан не подвел. Возможно, он почувствовал запах бутербродов, которыми подкреплялись охранники. Он помчался вниз по тропинке, хрюкая, порывая и поскальзываясь. Но на ногах держался; неустойчивая иллюзия то вставала в полный рост, то опускалась на четвереньки.

Я подползла к краю насыпи и вгляделась в то, что происходило внизу.

Потревоженные копытами, посыпались камни. Один из сидящих на корточках охранников резко вздернул голову, увидел огненного монстра, да так и свалился на спину.

Второй вскочил, заорал как полоумный, бросил в кабана пустую бутылку и кинулся наутек.

— Грабб! Безглазый призрак! — кричал он, а потом и кричать перестал, что было сил работая руками и ногами, желая убраться подальше как можно скорее.

Он подбежал к противоположному откосу и начал шустро взбираться наверх. Через пару секунд скрылся в лесу.

Оставшийся охранник перевернулся на живот и какое-то время бежал на четвереньках вдоль полотна, а потом все же вскочил на ноги

и понесся к горловине тоннеля; скоро темнота скрыла его, а следом затих и шум шагов.

Я перевела дух; если бы им вздумалось укрыться от привидения в будке, пришлось бы туго. Тогда я бы перекинула огненную иллюзию на дверь, чтобы создать впечатление горящего дома, но на это могло не хватить сил.

Все получилось! Я встряхнула головой и вернулась в реальный мир.

— Ты был прав, парень, — пробормотала я с удовольствием. — Не стоит звать призраков, они обязательно услышат и придут.

Мой костерок догорал. Внизу все было тихо; Велли ворочал рылом оставленную охранниками корзину со снедью.

На подрагивающих ногах я спустилась по тропинке и подошла к будке.

* * *

Снаружи дверь подпирала палка; я нетерпеливо откинула ее и заглянула внутрь.

— Ланзо? — позвала я, вглядываясь в темноту. Свет в комнате больше не горел.

— Госпожа Верден! — детские руки обхватили мою талию, от толчка я чуть не упала, но с облегчением обняла Ланзо. — Вы пришли за мной! Я видел в окно, как из леса явился призрак. Это вы его вызвали?!

— Это не призрак, это Вельзевул и иллюзия. Смотри...

Я вывела Ланзо наружу и показала ему кабана, который споро справлялся с содержимым брошенной бандитами корзинки. Иллюзия давно развеялась, но Ланзо поверил мне сразу и безоговорочно. Он залился истерическим смехом.

— А я подумал, что это лесное чудище!

— В лесу нет никаких чудищ. В лесу есть старинные механические марионетки. Пугала! Потом расскажу. Сейчас нам нужно скорее уйти отсюда...

В горловине тоннеля нарастал шум. Сдается, один из охранников оказался трусоват, но смекалист: увидев призрака, он помчался

прямоком к сообщникам и поднял тревогу.

Я потянула Ланзо за собой, мы взбежали по тропе наверх и нырнули в лес.

Здесь остановились перевести дух. Ланзо обхватил себя руками. Он сильно дрожал: поверх рубашки на нем была лишь тонкая куртка.

— Куда теперь? — спросил он. — Нас могут поймать. Скоро пройдет поезд; они ждут его. Мне сказали, что... что я должен помочь им забрать золото из банковского вагона.

— Знаю, мне рассказал твой отец.

— Вы видели папу?!

Я кивнула, мучительно раздумывая. Пока внизу никто не показался, но нам с Ланзо по-прежнему грозила опасность. И огромная опасность грозила пассажирам поезда, который вот-вот подъедет к Крипвуду. Если бандиты уже разобрали часть дороги, катастрофа неминуема.

Как предупредить машиниста и охрану? Дядя вряд ли успел добраться до телеграфа и послать весточку в полицию.

И я решилась.

— Ланзо, идем вдоль полотна в ту сторону, — я махнула рукой в направлении Шваленберга. — Нам нужно остановить поезд. Сможешь бежать? Тебя не били? Тебе ничего не давали выпить или съесть?

— Нет... Я постараюсь идти быстро.

И мы пошли. Сначала по верху ущелья, но вскоре земля пошла под уклон и выровнялась. Мы старались держаться в подлеске, к счастью, заросли не были густыми.

Было сыро и холодно. Когда из-за облаков появлялась луна, на земле появлялись яркие полосы света, над ними колыхалась туманная дымка. Силуэты деревьев же казались очень черными, словно вырезанными из бумаги, и от каждого тянулась длинная тень. Кругом было необыкновенно тихо.

Кабан какое-то время бежал за нами, но потом отстал. Искать его не было времени.

Я поминутно прислушивалась, но погони не обнаружила. Если нас ищут, то, скорее всего, обшаривают ближайший к разъезду лес или дорогу. Найти человека в ночном лесу не так-то просто, поэтому у нас были шансы уйти незамеченными.

Но как долго мы сможем идти? Если удастся выполнить задуманное, мы спасены. А если нет... нам придется туго.

Чтобы не заикливаться на этой мысли и подбодрить Ланзо, я принялась развлекать его рассказом о своих открытиях в старинном особняке. Поведала ему о тайной каморке, набитой механизмами управления лесными пугалами, и о чертежах. Ланзо история поразила настолько, что он и думать забыл бояться. Шаггал споро, подпрыгивая и заваливая меня вопросами.

— Значит, чудовищами можно управлять, как марионетками в театре Анвила?! — спрашивал он, захлебываясь от восторга; голубой свет луны отражался в его блестящих глазах.

— Несомненно! Возможно, ими управляют и сейчас...

«Например, Амброзиус Анвил, который наверняка связан с бандитами...»

— Слышите?! — вдруг спросил Ланзо. Он встал как вкопанный и показал в темноту, куда уходили рельсы. — Шумит! Это, наверное, идет Северо-западный экспресс!

Земля под ногами слегка задрожала, рельсы едва слышно загудели, потом издалека донесся короткий, сердитый свисток.

Поезд стремительно приближался; над темными верхушками деревьев, затуманив луну, поднялись клубы вырывающегося из его труб пара.

Настало время действовать! И тут я осознала, что понятия не имею, как дать машинисту знать, что впереди — опасность!

Мы не можем выскочить на пути и начать махать руками — нас попросту не заметят, машинист не снизит ход.

— Госпожа Верден, разожгите на путях костер, скорее! — возбужденно заговорил Ланзо.

— Но как... — начала я и хлопнула себя по лбу, — иллюзия, ну конечно!

Торопливо вынула коробок, чиркнула спичкой и уставилась на трепещущий огонек. Меня трясло от напряжения, а когда вошла в транс, то чуть не свалилась в обморок. Пришлось другой рукой что есть силы ущипнуть себя за мочку уха, чтобы взбодриться.

— Я вам помогу, — сказал Ланзо. — Попробую...

Я помотала головой, с усилием перенося проекцию пламени на рельсы. Вот-вот покажется паровоз, машинист увидит, как путь

впереди полыхает, как во время лесного пожара.

О, я переоцениваю свои силы! Какой пожар, куда там! Хоть бы маленький костерок изобразить и продержат иллюзию минуту-две! Беда в том, что одновременно воздействовать на органы зрения машиниста вряд ли получится. Это намного затрудняет дело! Иллюзия должна быть плотной, полноценной и видимой зрителям, которые находятся вне поля воздействия моих энергетических потоков...

Я бешено производила в голове нужные расчеты, вспоминая все, что нам рассказывали на лекциях и показывали на практических занятиях в академии...

И вот на шпалах появились языки пламени. Такие бледные, что их едва можно заметить с двадцати шагов. Болотные огни и то ярче!

И тут я почувствовала, как меня охватывает мощный поток энергии, которым управляет кто-то другой, не я!

Ланзо! Я скосила глаза и увидела вторым зрением полупрозрачный контур застывшего от напряжения мальчика, и серебристые нити, которые тянулись от него во все стороны. Он чувствовал мои действия и инстинктивно копировал их. Но приказать ему остановиться уже не было сил.

Рельсы гудели и дрожали, шум поезда стал оглушительным.

Я махнула рукой, показывая, чтобы Ланзо держался подальше от рельсов и не выходил из подлеска, но он и так все понимал.

И тут на шпалах взметнулось высокое, ровное пламя, и я на миг ослепла. Такой костер увидит не только машинист, но и все, кто находится в лесу!

Поезд засвистел громко и отчаянно, и тут же раздалось шипение и скрип тормозов. Машинист увидел наш сигнал!

Я рывком отпустила иллюзию и метнулась к Ланзо.

— Довольно! Все получилось! — я трянула его за плечи. Его ноги подкосились, и мальчик чуть не упал, но я сумела удержать его.

Вдалеке застыла черная махина паровоза; из кабины выпрыгнул человек и встал, озираясь.

— Скорее к нему, предупредим!

Ланзо кивнул и бросился бежать, старательно петляя между молодыми деревцами. Я удобнее закинула сумку на плечо и собралась бежать следом.

Ланзо выскочил на рельсы и вдруг остановился и повернул ко мне свое бледное личико. Лунный свет обливал его тонкую фигурку.

— Это не Северо-западный экспресс! — крикнул он.

Я вгляделась в очертания паровоза и похолодела. Мы ошиблись! Паровоз был небольшой, и к нему был прицеплен один-единственный вагон. Это паровоз Роберваля, на котором нас доставили в лесной особняк!

Ланзо внезапно попятился, как будто увидел что-то в поросли и это его испугало.

В этот момент меня сильно ударили в спину и сбили с ног. Я уткнулась лицом в землю, еще не сообразив, что произошло. Лязгнули зубы, в глазах вспыхнул фейерверк.

— Лан... — я подняла голову, чтобы позвать мальчика, но получила такой удар под ребра, что захлебнулась. И в тот же миг меня схватили грубые руки, дернули, перекинули через плечо и потащили прочь, в темноту леса.

Глава 28

Маски сняты

Я ничего не видела и не могла поднять голову. Мое лицо уткнулось в грязную куртку, жесткое плечо похитителя больно передавливало ребра, от чего меня жутко тошнило.

Кто-то коротко выругался. Вскоре меня скинули на землю, надели на голову мешок, схватили за плечи и заставили встать. Но далеко мы не ушли; меня опять подняли, потащили куда-то наверх и снова грубо бросили — но уже не на землю, а на твердый пол. Голоса теперь звучали громче, как в помещении. Пол содрогнулся, застучали колеса, и я поняла, что меня погрузили в вагон.

В ушах тонко звенело, я улавливала лишь обрывки разговора, но разобрала то, что меня несказанно обрадовало: Ланзо не поймали! Бандиты надеялись, что его отыщут те, кто остался в лесу и возле железной дороги.

Хоть бы у Ланзо хватило сообразительности затаиться до рассвета, а потом выйти на дорогу и позвать помощь!

О своей участи я старалась не думать.

Поездка продолжалась недолго; вскоре закрипели тормоза, покачивание прекратилось. Меня без церемоний вытащили наружу и поволокли вперед. К этому моменту я уже мало что соображала, время от времени проваливаясь в забытье.

* * *

...На лицо обрушился поток ледяной воды, грубо возвращая в реальность. Я замотала головой, рванулась, но меня швырнули назад. Я вскрикнула, открыла глаза и обнаружила, что сижу в кресле, а прямо передо мной маячит лицо усатого столичного господина; в руке он держал пустой стакан.

— Пришли в себя, госпожа Верден? — спросил он серьезно, помаргивая бесцветными глазками. — Прошу прощения за грубое обращение, но иначе было нельзя, сами понимаете.

Я вжалась в спинку и медленно огляделась.

Просторная полутемная комната, освещенная лишь керосиновой лампой. Стены неровные, каменные, кладка в выбоинах и паутине. Особняк Грабба, не иначе.

Лампа стоит на столе у заколоченного окна. На стенах вытягиваются тени людей. Их несколько в комнате...

За столом, нервно постукивая пальцами и посверкивая очками, сидит Амброзиус Анвил. У стола, заложив руки за спину, стоит, нахмурившись, бургомистр Фалберт Флегг и возмущенно дышит. Его жирный живот так и колыхается...

...А напротив моего кресла, за спиной у усатого, сложив руки на груди, подпирает плечом стену Корнелиус Роберваль.

Он смотрел на меня не отрываясь, но его глаза оставались непроницаемыми. Его лицо в тусклом свете казалось бледнее, чем обычно, у рта проступили жесткие морщины, и он выглядел гораздо старше.

Чужой, незнакомый... враг.

Я первой отвела взгляд и сфокусировала зрение на противном, длинном лице усатого с вдавлинами возле висков и вялым ртом.

Рот двигался, продолжая говорить.

— Шустрая вы особа, госпожа Верден, — он выпрямился, схватил отворот пиджака и нервно помял. Я как зачарованная смотрела на его неестественно длинные пальцы, гладкие, как будто резиновые. — Чуть не порушили наши планы. Решили, что остановили Северо-западный экспресс? Похвальный порыв. Но вы ошиблись. Он пойдет лишь через два часа. У нас полно времени. Мы найдем мальчишку и с его помощью...

Он не договорил, лишь издал короткий смешок. Помолчал, покачал головой и спросил:

— Ну, и как вам понравился Крипвуд и его обитатели? Помнится, когда вы туда ехали, были полны радужных надежд. Жаль, что они не сбылись. Вы такая наивная... милочка.

Я вздрогнула.

— Мы с вами встречались раньше... — проговорила я хриплым голосом. — Вы... были женщиной.

— Узнала, — сказал усатый с удовлетворением. — Да, мы с вами ехали в одном купе до Шваленберга. Я был в другом облиии. Что

скрывать: я тщеславен и люблю поговорить сам о себе. И заодно выяснить что-нибудь о человеке, с которым разговариваю.

— Вы — Химерас? Преступник с сотней лиц?

— Ну, не с сотней, что вы! У меня не больше дюжины личин.

Он помолчал, а потом вытянул длинный гладкий палец и обвиняюще ткнул мне в грудь:

— Признаться, тогда, в поезде, я был крайне расстроен тем, что вы так пренебрежительно говорили обо мне и отвергали факт моего существования. Я есть. Я существую! Теперь, милочка, вы в этом убедились.

Я покачала головой, не веря в происходящее. Химерас! Передо мной стоит Химерас! Он не выдумка, не фантом! Он реален! ...И Корнелиус — его правая рука.

Я внимательно всмотрелась в своего крайне неприятного собеседника. Журналисты писали, что никто и никогда не видел его настоящего лица. Если он носит маску, то она сделана очень искусно — от кожи не отличить!

...Нет, отличить. Складки у век лежат не так, как у живого человека. И рот... мышцы возле губ остаются неподвижными, когда он говорит. Усы это маскируют, но если приглядеться...

От открытия мне стало так жутко, как будто я смотрела на лицо говорящего покойника. А тот продолжал с удовольствием болтать:

— Узнав, что Одаренная направляется в Крипвуд, город, которому отводилось важное место в моих гениальных планах, я забеспокоился. И не зря. Так и вышло! Вы принялись совать нос, куда не следует. Видите, какая это нехорошая привычка. К чему она вас привела! Мои сообщники. — он кивнул на Анвила. Тот отвернулся, — ...за вами приглядывали. Но ни у одного из них нет таланта сенситива, увы! Вы могли нам пригодиться. Какое-то время я думал вас использовать, пока не узнал, что вы — дефектив. Это ведь мальчишка устроил те иллюзии в лесу? Вы на такое неспособны, как понимаю. Но мы благодарны вам за то, что вы рьяно взялись выявлять дар у местных детей. Без вас мы бы не обратили внимания на мальчишку Лукаша. Да здравствует новая программа Департамента образования!

Он картинно похлопал в ладоши.

Я молчала, не зная, что ответить.

— Вопрос в том, что делать с вами теперь. Вывести вас из игры, раз и навсегда, или все же найти вам применение...

— Что вы задумали? — спросила я.

— Ну, вы уже знаете! Болван Лукаш вам рассказал, не так ли?

— Вы... собираетесь ограбить Северо-западный экспресс?

— Ну конечно! Именно! — он рассмеялся. — Увы, накануне в банковском вагоне установили сейфы новой конструкции, чтобы перевезти немислимое количество золота и банкнот. Чтобы их вскрыть, понадобится взрывчатка. Но она же может повредить содержимое. Выход один: выдернуть дверь, используя манипуляции эфирными потоками. Для этого нужен сильный Одаренный... и мы его нашли.

И тут он внезапно разозлился.

— И потеряли — из-за вас! Что вы кинулись спасать мальчишку! Любой здравомыслящий человек бежал бы подальше! Из-за вас наш план под угрозой!

Он сделал шаг ко мне, размахнулся и коротко ударил по щеке. Моя голова мотнулась, зубы клацнули, на глазах выступили слезы.

— Прекратите, — холодно произнес Корнелиус. — Если еще раз поднимете на нее руку, мне придется вас остановить.

Усатый оглянулся.

— Никто не сможет меня остановить, дорогой мой Роберваль, — сказал он обманчиво мягким голосом. — Я прощаю вам дерзкие слова, потому что ценю вашу помощь. Да, я знаю, что вы сблизились с этой храброй и бестолковой учительницей. Наша дорогая Вильгельмина весьма огорчена. Но я пощажу ваши чувства и больше пальцем не притронусь к госпоже Верден. Я не лишен благородства.

Он отвесил Корнелиусу шуточный поклон. Тот молча посмотрел на него и ничего не сказал.

— Простите, госпожа Верден, что поднял на вас руку, — усатый повернулся ко мне и был теперь сама любезность. — Не сдержался. Думаю, многим в городе хотелось отвесить вам затрещину. Вы прямо-таки напрашиваетесь на нее.

— Где гости, которые приехали на прием из Крипвуда? — спросила я, растирая щеку. — Вернулись домой?

— Какое вам до них дело? — удивился усатый, но все же ответил: — Нет, не вернулись, и не вернуться в ближайшее время. Они побудут

тут... пока дело не будет сделано. Нам нужно себя обезопасить, если нагрянет полиция. Жизни почетных горожан будут неплохим залогом. А теперь вы мне ответьте... — он оскалился. — Что вы рассказали вашему дяде? Какие дали указания? Кто еще в курсе о том, что произойдет сегодня?

— Никому не говорила. Мой дядя ничего не знает. Я сказала ему... что мне нужно уехать из города, потому что мой возлюбленный предал меня и решил жениться на другой.

Нет, даже эти слова не произвели впечатления на Корнелиуса. Он и бровью не повел. Продолжал смотреть на меня безразлично, но все же уголок его губ дернулся в усмешке.

— А, хорошо! — сказал Химерас. — Но, конечно, я вам не верю, госпожа Верден. Я отправил людей за вашим дядей. Его перехватят у Шваленберга. Ну, а теперь перейдем к вам...

— В болото ее, — выпалил бургомистр Флегг, который до этого хранил молчание. — Или на лесопилку Роберваля. В аппарат для измельчения опилок или в топку для сжигания отходов.

— Да, пожалуй, — кивнул Химерас. — Красивый будет конец юной бестолковой жизни.

— Нет, — сказал Корнелиус. — Госпожа Верден нам пригодится. Она поможет выдернуть сейф вместо мальчишки.

— Она дефектив. У нее не хватит сил, — отмахнулся Химерас.

— У нее достаточно сил. Она просто не умеет ими толком управлять. Поздно начала учиться в академии. У нее склонность к различным проявлениям дара. Умеет всего понемногу. Это ослабляет каждое отдельное умение, но они у нее есть. Тот трюк на ярмарке с навесом — мальчишка выполнил его не сам по себе. Она ему помогла. У нее есть дар двигать предметы на расстоянии. Если его усилить вытяжкой из *boletus magicus*... это сэкономит нам немало времени.

— Вы уверены? — спросил Химерас после некоторого раздумья. — Что ж вы раньше молчали?

— Да, уверен, — спокойно сказал Корнелиус. — Я близко общался с госпожой Верден эти недели. Узнал о ней многое. И знаю, на что способны обученные Одаренные, если их... стимулировать. У меня большой опыт, — он усмехнулся, — вы помните, на ком я был женат.

Я изумленно уставилась на Корнелиуса. Зачем он это говорит?! Он знает, что у меня нет дара телекинеза! Я ничего не умею, кроме простеньких фокусов с огнем, звуком, ну и слабые иллюзии мне удаются!

...Однако сообразила, что если опровергну его слова, мигом закончу этот день в болоте. Или под пилой на лесопилке. Меня передернуло.

— Да, — сказала я. — Я немного могу... разное.

Химерас смотрел на меня долго-долго.

— Ладно, — произнес он и хрустнул пальцами. — Попробуем. Пулю в голову пустить недолго.

Он повернулся к Корнелиусу:

— Вы сами это сделаете, если от нее не будет толку. Проверим, насколько вы нам преданы, мой дорогой Роберваль. А если откажетесь — ваша невеста Вильгельмина охотно возьмется за пистолет. И я не ручаюсь, что вторая пуля не достанется вам, — он мерзко хихикнул.

Корнелиус равнодушно пожал плечами.

— Идемте, господа, — сказал Химерас, подошел к двери и поманил длинным пальцем. — У нас много дел. Пусть она пока посидит здесь. Мальчик мой, следи за коридором и дверью, — велел Химерас кому-то за моей спиной. — Будь осторожен. Впрочем, лишние глаза не помешают. Анвил, останьтесь с ней. Приглядите. Чтобы она не вытворяла фокусов. Уж в вас-то я не сомневаюсь. Ваша любовь к деньгам обеспечивает мое доверие. Как и ваше умение противостоять проявлениям дара.

Изобретатель, который было поднялся, послушно сел на место и нервно подкрутил ус.

Подошел угрюмый мордоворот, без церемоний заломил мне руки за спину и крепко-накрепко связал бечевкой. Я морщилась от боли в запястьях.

Все ушли; Корнелиус задержался на миг и послал мне последний взгляд, внимательный, пристальный.

* * *

Как только троица ушла, Анвил сорвался с места, подошел к двери, выглянул наружу и сразу нырнул обратно.

Потом придвинул стул к креслу и внимательно посмотрел на меня.

— Поверьте, мне очень жаль, — он нервно потеревил бородку. — За эти недели я успел проникнуться к вам симпатией. Я не хотел для вас подобного исхода. Но есть обстоятельства, против которых мы бессильны.

— Вы служили бандитам все это время? — уточнила я, стараясь не выказывать негодования.

— Не служил. Выполнял некоторые поручения.

— За деньги?

— За деньги, — подтвердил он сухо. — Но не только. Также в обмен на обещание помочь мне наказать моих врагов. И еще потому, что выбора мне не оставили. Я многого не успел. Мечтал спокойно закончить исследования. И вовсе не стремился оказаться в болоте с пулей в голове.

— Какие же поручения вы выполняли? Управляли механическими пугалами в лесу?

— Пугалами? — озадачился Анвил. — Вы про то лесное чудовище? Оно... творение создателя особняка, верно? Черт побери!

Он возбужденно поправил очки.

— Нет, к ним я не имел отношения. Хотя догадывался, что они из себя представляют. Как вы узнали? Это точно?

— В этом доме есть каморка, где находятся управляющие ими механизмы, — охотно выложила я, почувствовав, что Анвил заинтересовался. Мне хотелось расположить его к себе. Быть может, удастся уговорить помочь...

— Расскажите, — потребовал Анвил.

Я рассказала. Он слушал, покачивая головой и усмехаясь.

— Изумительно, — подытожил он. — Подвал и окрестный лес никто толком не исследовал: у новых владельцев особняка были заботы поважнее. Но теперь...

Он задумался.

— Так какие услуги вы выполняли для Химераса? — полюбопытствовала я. — Понимаю, он не оставил вам другого выхода, — я добавила в голос сочувствия. — Вы следили за мной? И вы...

обладаете даром сенситива? Управляете погодой. Вы метеомансер? Вы напускали тот туман?

— Вы опять ошиблись. Туман приходит сам по себе. Дара у меня нет, но я невосприимчив воздействиям менталистов и сенситивов-иллюзионистов. Благодаря особому складу ума и моей методике развития рационального мышления.

— Вы толковый инженер и метеоролог. Вы оборудовали их тайную лабораторию? И сделали так, что в мой дом ударила молния, верно?

— Верно, — признал Анвил. — Флеггу втемяшилось убрать вас на окраину города. Чтобы вы были подальше от него и его делишек. И чтобы, в случае чего, до вас было легче добраться. У них с Робервалем натянутые отношения, он не предупредил его о своих планах. Роберваль потом был очень недоволен, что построенный на его средства дом сгорел. Но Флегг радовался возможности насолить ему. Чувствовал, что с приходом Роберваля он может потерять свои позиции любимчика Химераса.

— А призрак? — я посмотрела на него в упор. — Тоже ваших рук дело? Вы помогали бургомистру держать суеверных горожан в страхе. Чтобы они не совали нос, куда не надо. И чтобы посторонние считали Крипвуд местом со странностями... и не принимали прочее всерьез. Тот призрак, которого я встретила в Дикую ночь, плыл над землей. Летел. Полагаю, под саваном прятался ваш аэростат, который вы запускаете в небо каждую ночь.

— Что мне в вас больше всего нравится, Эрика, это ваш ум. Вы умеете сложить два и два. Все так. Бургомистру иногда нужно, чтобы горожане сидели по домам и не видели лишнего. Когда к нему кто-то приезжает из столицы, или привозят разный груз. В складах на окраине города хранится много вещей, за которые полиция надолго отправит за решетку. Тут рядом побережье, процветает контрабанда и торговля другим запрещенным товаром. Обычно бургомистр назначает такие randevu на Дикую ночь. Ну а я помогал... поддерживать в городе порядок. Это нельзя считать преступлением. Простая шалость, ничего более. Просто поразительно, до чего сильно магическое мышление у местных необразованных болванов. Управлять такими легче легкого.

Он презрительно наморщил лоб и завершил:

— В остальном я невиновен. Вряд ли полиция предъявит мне обвинение.

— Не предъявит, если на ваших руках не будет моей крови, — сказала я негромко.

Анвил кивнул, но потом помотал головой.

— Я не могу развязать и отпустить вас, Эрика. В коридоре охранник. Но... — он прищурился. — Вы не потеряли мой подарок? Марионетку?

— Нет, — удивилась я. — Ваша кукла была в моей сумке. Но сумку забрали...

— Вот она, — Анвил встал, взял мою сумку из угла, порылся внутри, достал игрушку и любовно посмотрел на нее. А потом подошел, нагнулся за моей спиной и вложил марионетку в мою ладонь.

— Сабля в руке Грабба очень острая. И края жестяной шляпы тоже, — быстро проговорил он.

В коридоре послышались шаги. Анвил отошел к двери, достал часы, посмотрел на циферблат.

— Северо-западный экспресс пройдет через час. Сейчас вас поведут туда... к дороге. Посмотрим, что я смогу сделать. Где, говорите, та каморка? За бочкой? И чертежи есть? Интересно, в каких точках старый мастер установил своих пугал... недалеко от особняка, это понятно. Сколько их? Не знаете? Вряд ли одно или два. Легенды твердят об армии призраков. Не пришло ли время им вернуться и встать в строй?

Он вскинул голову и усмехнулся, но больше ничего сказать не успел, потому что дверь распахнулась.

За мной пришли.

* * *

В комнате появились трое незнакомых. Анвил отступил в угол.

Меня подняли за плечи. Кольнул острый, животный страх. В эту минуту казалось, что надежды на спасение нет, и скоро жизнь моя оборвется глупо и нелепо.

Они вытолкнули меня в темный коридор и повели. Я пошевелила руками: кисти от веревки почти онемели. Острый край игрушечной сабли больно врезался в пальцы: в моих руках по-прежнему была сделанная Анвиллом кукла. И тут я, наконец, сообразила, для чего он всучил свой подарок.

Я словно очнулась от тупого оцепенения. Мысли понеслись быстро, в нужном направлении, страх отступил.

Стараясь не делать лишних движений, я покрутила игрушку в ладонях и переместила ее так, чтобы лезвие сабельки оказалось прямо под веревкой, и стала осторожно двигать ее вниз и вверх. Каждую секунду опасаясь, что уроню игрушку, или что мои манипуляции заметят. К счастью, в коридорах и переходах было темно, а сопровождающие смотрели вперед и по сторонам, а не на пленницу.

Полученный ранее опыт весьма пригодился: бандиты использовали такой же шнур, что пришлось перепиливать в подвале осколком стекла. Теперь имелся более подходящий инструмент, дело пошло споро.

Наконец, натяжение веревки ослабло, но ее петли продолжали обвивать мои запястья. Однако теперь можно легко сбросить путы, когда потребуется.

...И что потом? Куда бежать? Вон какой у меня эскорт! Бандиты таятся в каждом закутке особняка!

Анвил не обещал помочь, но намекнул, что попробует «что-то сделать».

Но что? Запустит армию механических привидений? И какой от них толк? Полагаться на старинные железяки как-то не получалось. Однако нужно держать ушки на макушке и использовать каждую возможность.

Последний коридор закончился, меня вывели на улицу — не через главную дверь, через другую, узкую, сбоку от здания.

Стояла глухая ночь, луна светила сквозь облака неохотно. Холод стоял жуткий.

У края леса, где начиналась настеленная дорога, ждала группа людей, человек десять-двенадцать. Химерас, Корнелиус и бандитские сошки — силовая поддержка.

— Время, время! — озабоченно сказал Химерас, сверился с часами и нервно дернул головой. — Поспешим. Она должна быть на

месте в срок.

Он обратился к одному из громил:

— Что с мальчишкой?

Тот развел руками и прошептал в ответ. Химерас выругался, что меня обрадовало. Раз новости для него плохие, то для меня — так очень даже хорошие.

— Значит, вся надежда на нее, — он глянул на меня кисло, с недоверием. — Вам придется постараться, милочка. Иначе не дам за вашу жизнь ломаного гроша. Исправляйте вашу ошибку.

И этот туда же! Обвиняет меня в ошибке, требует исправлять. Ну уж нет, господин с каучуковой рожей...

Однако я покорно кивнула.

— Вперед!

Мы двинулись по дощатой дороге прочь от дома. Кругом стояла темень — хоть глаз выколи. Фонарь имелся только у идущего впереди громилы.

Бандиты шагали бесшумно, молча, сосредоточенно. Корнелиус держался позади Химераса и шел спокойно, руки в карманы, как на прогулке, разве что не посвистывал.

Я оглянулась и бросила последний взгляд на разбойничий особняк. В нем не горел ни один фонарь, лишь луна подсвечивала его зловещим голубоватым светом.

Что случилось с гостями из Крипвуда? Наверное, их заперли до конца операции. Теперь-то они убедились в том, что страшным легендам стоит верить. Поди, ругают себя, что приняли приглашение потомка разбойника посетить его родовое гнездо!

Корнелиус споткнулся, выругался, наклонился, потер ногу. Я тоже приостановилась, но меня толкнули в спину.

Когда я проходила мимо Корнелиуса, он выпрямился, шагнул вперед, как бы невзначай оттеснил моего сопровождающего и быстро произнес, не поворачивая головы, так тихо, что никто, кроме меня, не услышал:

— Когда начнется, падай на землю.

И тут же быстро ушел вперед, где маячил длинный, сутулый силуэт Химераса. Преступник с сотней лиц шел быстро, наклонив голову, сложив руки за спиной.

После предупреждения Корнелиуса я подобралась.

Что начнется? Когда начнется? Полно, не слышалось ли мне эти слова?

От напряжения не хватало воздуха, а от страха тряслись все поджилки.

И тут началось...

Ухнула сова, и в темноте обступившего нас леса слышались странные звуки. Скрип, бульканье, скрежет и чавканье!

Луч фонаря лихорадочно заметался вправо и влево, выхватывая невероятные картины: почва поднималась неровными буграми, плескалась черная болотная жижа, кучи опавшей хвои взлетали и опадали.

А из грязи поднимались костяные руки, головы, искореженные тулова, черепа! Накренившаяся сухая сосенка словно переломилась, ветки разошлись в сторону, сложились по-новому, и мертвое дерево превратилось в сутулого монстра, имевшего очертания богомола! Кора треснула вдоль, в расщелине показался ужасный лик с продольно разрезанными глазами и безгубым ртом.

— Что за черт! — выругался Корнелиус и застыл на месте. Вид у него был ошарашенный, и я поняла: началось-то началось, но вовсе не то, о чем он меня предупреждал. Он растерян, как и я, как и все остальные!

Тем не менее, я двумя движениями сбросила веревки и послушно улеглась на землю. Точнее, свалилась, потому что ноги меня не держали.

Поднимать меня никто не стал, у членов шайки и без того хватало забот. С минуту на деревянной дороге царили суэта и паника.

Ближайший ко мне бандит присел на полусогнутых ногах. Он срывающимся голосом бормотал защитные заговоры, которые наверняка узнал в детстве от неграмотной няньки. Его лицо даже в свете луны казалось серым от страха, губы истоиво шевелились.

Здоровяк с перебитым носом и вовсе повалился рядом со мной и закрыл руками голову.

Трое громил без лишних слов повернулись и помчались обратно к особняку — только пятки сверкали.

На миг мелькнула мысль присоединиться к убегающим. Я ни секунды не сомневалась, что чудовищ поднял Амброзиус Анвил.

Выходит, он нашел ту каморку, разобрался с механизмами и устроил это представление, чтобы дать мне шанс сбежать!

Однако пришлось остаться на месте. Не все бандиты поддались панике. Некоторые не растерялись: выхватили пистолеты, направили их в лес и застыли в напряженном ожидании. Каждую секунду мог грянуть выстрел, но пока вокруг раздавался лишь треск ветвей, шорох почвы, бульканье воды и скрип от несмазанных шестеренок, такой пронзительный, что вполне мог сойти за потусторонние стоны.

Корнелиус на чудовищ не смотрел; он отступил к самому краю гати и быстро переводил взгляд с одного бандита на другого. Вот он едва заметно мотнул головой, подавая неведомый знак; один из вооруженных охранников кивнул, отвечая на молчаливое приказание.

И тут среди какофонии звуков раздался самый неожиданный: громкий, издевательский смех.

Хохотал Химерас. Он веселился от души: хлопал по коленкам, утирал длинными пальцами слезы.

— Идиоты! — закричал он. — Болваны! Трусы! Это автоматы Жакемара. Вот ваши привидения и монстры! Набор ржавых шестеренок и жестяных деталей. Жакемар устанавливал такие во всех домах, которые возводил! У меня все не доходило руки поискать их в особняке Грабба. А они сами нас нашли! Красота, красота! Торжество инженерной мысли!

После его слов пистолеты опустились, однако подельники бандита продолжали настороженно смотреть по сторонам.

Там, в темноте, скрипело, шевелилось и стонало. Самые суеверные члены шайки продолжали вздрагивать и бормотать. Видимо, слова главаря показались им недостаточно убедительными.

— Потом, когда дело будет сделано и суматоха уляжется, я собирался вернуться в особняк и хорошенько исследовать его тайны, — продолжал Химерас, и вдруг его веселье как рукой сняло: он выпрямился, сжал кулаки и притопнул ногой.

— Но кто-то меня опередил, — сказал он низким, тяжелым, осипшим голосом, полным такого безудержного гнева, что я оцепенела. — Возникает вопрос: кто? Кто сделал это? С какой целью? Нас хотели напугать, сбить с толку. Для чего? Сдается, среди нас есть предатель. И сдается, дело не обошлось без этой!

Он выпрямил руку и ткнул в меня пальцем. На беснующихся в темноте монстров больше никто не обращал внимания — такой силой обладал этот нечеловеческий мерзкий голос.

Луч фонаря ударил мне в лицо. Я приподнялась и попыталась сесть. О том, чтобы улизнуть под шумок, теперь было нечего и думать.

— Не двигаться! — заорал Химерас и поднял пистолет. Как зачарованная я смотрела на черную дыру дула, направленного мне прямо в лоб. — Наша учительница была готова сбежать. У нее свободны руки. Она избавилась от веревок. До чего ловкая особа!

Он щелкнул курком.

— Кто твой сообщник? Отвечай! Считаю до трех...

— Вы не можете убить ее, — спокойно сказал Корнелиус. — Она нам нужна. Продолжим путь. Экспресс пройдет уже скоро. Нужно успеть добраться до места и все подготовить.

Химерас оглянулся на него и осклабился. Его улыбка напоминала улыбку резиновой куклы — такая же жуткая и безжизненная.

— Я думаю, мой дорогой Роберваль, что на месте нас уже ждет засада. Нас предали, как вы не понимаете?

— Вы излишне подозрительны, — Корнелиус поднял руки в успокаивающем жесте. — Это всего лишь случайность. Совпадение.

— О нет, это не совпадение. Я привык доверять чутью, мой дорогой Роберваль. И оно говорит мне, что вы сейчас не вполне искренни, — теперь голос Химераса сочился патокой и медом. Он сделал шаг вперед, чтобы удобнее держать меня на мушке.

— Отвечай, учительница. Кто предатель? Кто устроил эту заварушку? Кто запустил механизмы?

Я сглотнула. Ствол пистолета едва заметно подрагивал.

Неважно, отвечу я или промолчу. Результат будет один: пуля в лоб, а потом мое тело упадет в болото и будет покоиться рядом с механическими привидениями, думала я отрешенно.

Когда ты молод, не веришь в то, что смертен. Но теперь я оказалась со смертью лицом к лицу, и она приветливо махала мне костлявой рукой.

— Значит, так тому и быть, — вздохнул Химерас и его палец едва заметно пошевелился на собачке.

Словно со стороны я видела то, что произошло потом.

Корнелиус прикрыл глаза, его лицо застыло, губы плотно сжались. Он едва заметно подался вперед, как будто готовясь преодолеть невидимую преграду.

Я поняла, что за этим последует. Догадка озарила меня вспышкой. Сколько раз я видела, как Одаренный входит в транс! В нашей «магии» не нужно бормотать заклинания и делать пассы. Сенситив, манипулирующий энергетическими флюидами, почти всегда остается неподвижен и сосредоточен.

Я торопливо прильнула к земле.

В тот же миг Химераса отшвырнула прочь невидимая сила. Его протащило по деревянному настилу до самого края.

Химерас сдавленно охнул, нелепо взмахнул руками; пистолет со стуком упал на настил. Секунду-другую преступный гений балансировал на краю, но все же не удержал равновесия и навзничь упал в прогалину между деревьями.

Негромко чавкнуло; Химерас барахтался в полужидкой грязи, оставшейся от высохшего болота, а когда выпрямился, оказалось, что он увяз по колено. Он судорожно дергался, и от каждого движения уходил в грязь все глубже.

— Дьявол, дьявол! — закричал он неожиданно тонким голосом. — Вытащите меня, пока я не утонул!

За его спиной вырос грязевой бугор, из которого восстал еще один монстр, напоминавший скелет лошади на двух ногах, с длинными, паучьими конечностями.

Зажужжали шестеренки, верхние конечности с щелчком вытянулись вперед и почти ласково коснулись плеч бандита.

Тот попробовал обернуться и присел. Монстр давил на его плечи, затапливая дальше в грязь.

Химерас хватался за металлический каркас, пытаясь выкарабкаться; это была отчаянная схватка между человеком, сбрендившим механизмом и природой. Шансы человека — нет, еще одного монстра в человеческом обличьи! — были невелики.

И тут его сообщники пришли в себя. Фонарь полетел на настил, прокатился и замер; его луч упал в болото, тускло освещая заросли кустарника, все прочее поглотила темнота. Оставалось на слух догадываться, что творилось в лесу и болоте.

Бандит кинулся к краю настила, снял куртку, лег на живот и бросил куртку Химерасу.

— Шеф, хватайтесь! — кричал он.

В слабом свете луны я увидела, что шайка разбилась на две группы: одна слева, другая справа от меня. Те бандиты, что оказались слева, навели оружие на меня и на Корнелиуса. Но и сами оказались под прицелами — трое охранников сошлись возле Корнелиуса и подняли пистолеты.

Я ничего не понимала.

— А вот теперь действительно началось, — сухо сказал Корнелиус. — Не в то время и не в том месте. Эрика, лежи, где лежишь.

— Заткнись! — заорал один из стоявших напротив от него громил. — Это твоих рук дело? Ты сенситив?

Корнелиус ответом его не удостоил. Он выпрямился, замер на миг; я вжалась в настил, и тут же надо мной прошла мощная волна эфирной энергии.

Меня она не задела, но бандитов как ветром смело: их отшвырнуло на несколько шагов назад, за ними кубарем покатился и тот, кто пытался вытащить главаря из болота.

Трое оставшихся на ногах — те, что выступил на стороне Корнелиуса — метнулись следом; вокруг меня протоптали три пары ног в тяжелых ботинках. Я приподняла голову и увидела, как сообщники Корнелиуса ловко заламывают бандитам руки и щелкают замками наручников.

Корнелиус вскинул голову, и высоко над нами вспыхнула шаровая молния. Иллюзия была такой яркой, что наш с Ланзо лесной костер по сравнению с ней казался сущим пустяком.

Сотворивший эту иллюзию сенситив, безусловно, обладал неслыханным, многосторонним талантом. Он мог легко манипулировать предметами на расстоянии. Что еще он мог? Управлять погодой, вызывать туман и грозу? Зажигать пожары? Подчинять волю других людей?

Я с восхищением и ненавистью посмотрела на Корнелиуса.

Он подошел ко мне и протянул руку, помогая подняться.

— Я подал сигнал, сейчас сюда придут парни из оперативной службы, — сказал он усталым голосом. — Они ждали у железной

дороги. Но, благодаря тебе, все закончилось здесь. Не знаю, к добру или к худу. Пока неясно. Ты цела?

— Цела, — сказала я сквозь зубы, встала и от души отвесила ему пощечину. Он не дрогнул, лишь потер щеку.

— Да, пожалуй, я заслужил, — мрачно признал он. — Хотел бы принять на себя каждый удар, который тебе нанесли. Разорвать голыми руками тех, что причинил тебе боль.

— Тогда тебе придется разорвать самого себя.

Я отвернулась и подошла к краю настила, подняла фонарь и всмотрелась в болото.

Механические монстры больше не двигались, они застыли в разнообразных позах. Почва вокруг была искорежена. Лужа грязи блестела ровно, как нетронутая. И ни следа Химераса.

— Он утонул! — я обернулась к Корнелиусу.

— Нет. Смотри... — он указал на настил. На досках чернели грязные следы. Они уходили прочь, в темноту.

— Его встретят, — уверил меня Корнелиус. — Слышишь? Идут.

По доскам слаженно стучали подошвы тяжелых ботинок, и скоро появился новый отряд собранных, серьезных молодчиков в черных костюмах. Один из них подошел к Корнелиусу, мужчины обменялись короткими, непонятными для меня фразами.

Я не вслушивалась в разговор; стояла, обхватив себя руками за плечи, и дрожала от холода. Пульс стучал в висках, я была готова свалиться в обморок от изнеможения.

— Эрика... — теплая рука Корнелиуса легла мне на спину. — Идем в особняк. Нам больше ничто не угрожает.

Он попытался обнять меня за плечи, но я собрала последние силы и вырвалась. Потом, не оглядываясь, пошла обратно в дом, сглатывая тугой ком в горле.

* * *

Оказалось, мы ушли недалеко. Минут через пять я ступила на лужайку перед домом.

Шла как в тумане, лишь слышала шаги Корнелиуса за спиной. Он больше не пытался дотронуться до меня или взять под руку, и не

говорил ни слова.

Теперь особняк был ярко освещен. Горели установленные снаружи лампы, у входа было полно народу. Подтянутые молодцы с хмурыми лицами перемещались, отдавали и выслушивали приказы, осматривали окрестности с оружием в руках.

Меня никто не остановил, я беспрепятственно дошла до крыльца, поднялась к двери и зашла внутрь. Корнелиус задержался снаружи: к нему подошел один из столичных гостей, невысокий, лысоватый, с военной выправкой, и стал отрывисто о чем-то докладывать. В его манерах отчетливо угадывался важный полицейский чин.

В зале, где тоже раздавались краткие команды и топот множества людей, меня встретил Амброзиус Анвил... а подле него стоял Ланзо!

Я молча обняла мальчика и спросила:

— Как ты сюда добрался?

— По железной дороге! — радостно ответил Ланзо, высвобождаясь из моих рук и вскидывая ко мне сияющее лицо. — Бежал как угорелый. Вы рассказали о лесных механических монстрах. Я решил найти ту каморку и попробовать их включить.

— Он ловко проник в подвал через оконце, — продолжил Анвил. — Хорошо, что попался мне на пути. Иначе у этой истории был бы другой конец. Безмозглый мальчишка! Впрочем, он неплохо мне помог.

— Вы запустили монстров, чтобы я могла сбежать!

— Полагаю, я верно рассчитал время, — кивнул Анвил. — Но меня уже поставили в известность, что мое вмешательство было лишним.

— Вы практически сорвали нам планы, — резко сказал подошедший Корнелиус. — Из-за ваших фокусов все пошло наперекосяк! Эрика чуть не погибла, а Химерас сбежал. Черт вас побери, Анвил!

Анвил пожал плечами и ответил хладнокровно:

— Откуда мне было знать, что вы не с ними? Я считал вас первым подпевалой Химераса.

— Уйдите с глаз моих, — с отвращением сказал Корнелиус. — Потом мы с вами разберемся. Позаботьтесь о мальчике. Его отец где-то здесь. Найдите его.

— Пойдем, — Анвил положил руку на плечо Ланзо и увел его.

— Эрика, мне нужно отдать распоряжения, но потом, когда мы вернемся в Крипвуд. — начал Корнелиус.

— Нет. Ты объяснишь все здесь и сейчас, — отрезала я. — Твои помощники неплохо справляются и без тебя.

Он покорно кивнул.

* * *

Мы расположились в зале, пустом, неприбранном и неудобном после скандального приема.

Я села в кресло. Лампы горели ярко, от их света болела голова, и щипало глаза.

Потерла глаза ладонью, потом устало уронила руки на колени. В груди царила холодная пустота, под ложечкой сосало. Безумно хотелось спать.

— Возьми, — Корнелиус поставил на столик бокал с вином. Сам садиться не стал; заложив руки за спину, он прошелся по залу, остановился, вернулся и встал напротив, мрачно глядя на меня сверху вниз.

Я изучила его настороженным взглядом. Выглядел он хуже некуда: бледный как смерть, под глазами залегли тени, щеки ввалились. Мое сердце кольнули жалость и волнение, но я не подала виду. Показала на второе кресло и предложила:

— Садись. Ты еле на ногах стоишь. Знаю, как чувствуют себя сенситивы после сложных манипуляций с энергетическими флюидами.

— Я в порядке.

Но он повиновался и сел. Достал трубку, но набивать ее не стал: покрутил в руках и посмотрел на меня исподлобья.

— С чего мне начать? — спросил он довольно угрюмо. Я хмыкнула: ни один мужчина не любит оправдываться и объяснять. Корнелиус не исключение.

— Начни с самого важного. Кто ты, Корнелиус Роберваль?

Мой голос все же дрогнул. Корнелиус невесело улыбнулся.

— Сейчас я тот, кем ты меня знаешь. Владелец лесопильных заводов, поставщик древесины, бизнесмен. Бывший служащий при военном ведомстве. Точнее, я был сотрудником отдела по

использованию Одаренных в военном деле, а потом отдела по расследованию преступлений, совершенных Одаренными.

Я перевела дух. Последнее уточнение многое объяснило. Собственно, теперь все стало ясно! Кроме некоторых деталей. Которые я собиралась прояснить во что бы то ни стало.

— При этом ты сам, оказывается, сильный Одаренный. Но всячески отрекся от своих талантов. Что ты умеешь?

— Телекинез. Метеомансия. Иллюзии. И еще кое-что. Не все мои умения хорошо развиты.

— Все равно список впечатляющий. Мало кто из Одаренных владеет более чем двумя развитыми талантами. Ты помог мне и Ланзо на ярмарке, верно?

— Да.

— Ты разогнал туман в лесу, когда нашел меня?

— Да.

— И при этом лгал очень убедительно. Я поверила, что у тебя нет ни капли дара. Я даже ничего не почувствовала!

— Еще один мой дар, самый важный: я умею маскировать свои манипуляции с эфирным полем.

— Но почему я никогда о тебе не слышала? Сенситивы с широким набором талантов известны и уважаемы. Их немного, по пальцам перечесать можно!

— Ты обо мне слышала. Ты учишь детей по моему учебнику, — он устало потер костяшками висок.

— Ты — Кристиан Рейн?!

— Это мой псевдоним. Точнее, мой и моей жены Клэр. Одно время я помогал ей проводить исследования. Ввиду особого характера моей деятельности я не мог публиковать работы под настоящим именем.

— Ты учился в академии?

Он кивнул.

— Дар обнаружили у меня поздно, когда я работал в полиции. Мне было двадцать три. Именно поэтому меня заметили и забрали в ведомство. Отправили в академию. Я учился по специальной программе.

— Ты начал даже позже, чем я... и все же преуспел. Сумел развить свой дар...

— Да. Это приводило Клэр в бешенство. Она считала это несправедливым. Она работала куда больше моего, но ей достались лишь крохи.

Он сжал трубку так сильно, что даже пальцы побелели, и дальше говорил монотонно, но не отводя глаз. Я невольно поежилась под его мертвенным взглядом.

— Мне приходилось проводить научные исследования в рамках моей работы. Повторю: я на собственном опыте хорошо знаю, сколько бед могут принести сенситивы, лишённые моральных принципов. Или просто запутавшиеся, амбициозные люди. Какой была моя жена.

— Что случилось после ее смерти? Ты... встретил Вильгельмину?

— Я оставил службу еще до смерти Клэр. В этом я не лгал тебе. Вильгельмина подошла ко мне на одном из светских мероприятий. Она приложила все усилия, чтобы очаровать меня. Но я вовсе не собирался начинать с ней отношения. Однако спустя несколько дней ко мне заявился бывший начальник. У нас состоялся непростой разговор. Он обратился ко мне с просьбой... точнее, это был приказ. Теперь я могу рассказать тебе — в общих чертах.

— Ну так рассказывай!

— Его подчиненные установили, что нити организации Химераса тянутся в Крипвуд. Город, где я родился и вырос. Постороннему нечего было и думать, чтобы затесаться в местное общество. Один из наших агентов пропал там без следа. Некий Штукар... он недолго жил в Кривом доме.

Я кивнула. Ланзо рассказывал мне эту историю.

— Но, вернувшись в Крипвуд, я имел все шансы узнать, что там происходит. Мой начальник рассказал, что госпожа Вильгельмина Денгард связана с Химерасом и действует по его указке. И ее интерес ко мне имеет не романтические, а практические причины. Дело в том, что лесной особняк и прилегающий к нему участок были сданы в аренду государству. Но срок аренды истекал. Засевшие в лесу преступники решили, что лучше, если эта земля окажется в частных руках. Так будет проще запутать следы. А учитывая, что по городской легенде я — потомок Иоахима Грабба, мое желание приобрести старый особняк не вызовет толков. Кроме того, им хотелось пополучить в свои ряды бывшего полицейского, а ныне состоятельного промышленника, который собирался развернуть дело в местных лесах.

Не представляешь, сколько преступных замыслов можно реализовать на лесопильном заводе. Начиная с вывоза контрабанды в вагонах с древесиной и заканчивая изготовлением фальшивых денег на бумажном заводе при лесопилке. И верно: во время наших встреч Вильгельмина расспрашивала меня о моих планах. Мой начальник... велел мне сблизиться с ней.

— И ты охотно выполнил его распоряжение, — горько сказала я и отвернулась.

— Я пошел навстречу ее желанию завести дружбу, — ответил Корнелиус со всей возможной деликатностью, которая тем не менее изрядно меня покорибила. Но я взяла себя в руки и не стала настаивать на подробностях.

— Что было дальше?

— Вильгельмина свела меня с нужными людьми. Мои коллеги пустили слух, что я сам отравил жену, что меня отправили в отставку из-за взяток, и что я имею кое-какие связи с преступным миром. Они, как у нас это называется, создали мне «легенду». Для того чтобы я мог заслужить доверие преступников. Моей целью было выйти на Химераса.

— И ты вышел?!

— Далеко не сразу. Сегодня я встретился с ним впервые. Я прошел испытание, купив особняк и организовав в нем место для тайной сходки его сошек. Мне пришлось немало поработать, чтобы получить возможность войти в круг его доверенных лиц.

— Ты знал, что в особняке была тайная лаборатория?

— Да, меня посветили в эти детали.

— Как понимаю, в основном ты работал с Вильгельминой.

— Насколько знаю, у нее тоже не было выбора, — помрачнел Корнелиус. — Она намекала, что Химерас держит ее на крючке. Ей приходится делать то, что он велит. Мы оба играли свои роли.

Я открыла рот, чтобы отпустить язвительное замечание, но Корнелиус поднял руку и помотал головой:

— Эрика, это был мой долг. У таких людей, как я, порой нет другого пути. Приходится не думать о своих интересах, чтобы добиться цели. Вильгельмина не закоренелая злодейка. Хотя моральные принципы у нее весьма расплывчатые.

— Хватит! Не хочу больше слышать о ней.

Но он упорно продолжал:

— Не буду лукавить: поступи такой приказ, я бы женился на ней без колебаний. Я бы сделал все, чтобы приблизиться к Химерасу. Вильгельмина не привлекала меня. Я не был увлечен ей. Она была моим заданием. Любовниками мы стать не успели. Хотя проводили немало времени вместе.

— Как я могу тебе верить!

— Да, пожалуй, не можешь.

— Почему ты сразу не рассказал мне обо всем? Почему не предупредил? Мне пришлось смотреть, как ты... как она...

— Я не мог рассказать тебе, — он произнес эти слова тяжело, с напором, и я поняла: да, не мог. — Даже сейчас, разговаривая с тобой, я разглашаю служебную тайну.

Я промолчала. Мне были понятны его мотивы, но легче от этого не было.

— Приезд Вильгельмины был внезапным. Он расстроил многие мои планы. Лишь на приеме я сумел послать тебе записку — просил о встрече в уединенном месте. Но записку ты не получила, потому что ринулась очертя голову вести самостоятельное расследование.

— Я вам все испортила, верно?

— Ты спасла Ланзо.

— При этом практически указав на него преступникам...

— Тут нет твоей вины. Ты выполняла свой долг. Была хорошей, равнодушной учительницей. Даже я не верил, что Химерас решит использовать детей с зачатками дара. Хотя допускал такую возможность.

— Почему ты так стремился выставить меня из города?

— Потому что поначалу ты была для меня неизвестной величиной. Приезд Одаренной в город всполошил не только меня, но и других подельников Химераса. Я не знал, на чьей ты стороне, кто тебя послал. Ко мне были приставлены соглядатаи. Ты могла оказаться одним из них. Химерас не играет вслепую. Меня постоянно проверяли. И тебя тоже. Своим покровительством я защищал тебя, как мог. Те, кто следил за мной, считали, что я приглядываюсь к тебе с той же целью, с какой они приглядывались к тебе. А именно чтобы понять, можно ли тебя использовать.

— Ты сблизился со мной только поэтому?

— Конечно, нет! Эрика... я действительно потерял голову от тебя. И наделал при этом много ошибок, потому что... потому что поддался чувствам. В первую же нашу встречу я почувствовал к тебе глубокий личный интерес. И я не мог с ним справиться, хоть и пытался. Это тоже меня беспокоило. Потом... я старался держать тебя под присмотром, но это не всегда удавалось.

Я упрямо сжала губы и отвернулась.

Он положил трубку на стол и хрустнул пальцами, потом выругался вполголоса.

— Эрика, я понимаю твой гнев. Но и ты попробуй понять.

— Где сейчас твоя дочь? — перебила я его. — Она находилась под присмотром Алисии. Алисия — подруга Вильгельмины!

— Да, подруга. Но с бандитами не связана. Что, впрочем, не мешало исполнять ей роль шпионки. И толковой гувернантки.

— Ты допустил, чтобы твоя дочь общалась с преступниками!

— Отошли я Регину, она была бы в большей опасности. Если Химерас хочет заполучить в свое подчинение человека, он не гнушается использовать близких ему людей. Мне было нужно держать ее рядом с собой.

Я посмотрела на Корнелиуса и увидела, как сжались его губы, и поняла, в каком напряжении он жил эти месяцы... зная, что опасность грозит не только ему, но и его дочери.

— Вчера вечером я отправил Регину в Шваленберг с надежным человеком. Потому что был уверен, что сегодня все закончится. Мы схватим Химераса с поличным и перекроем поток преступлений. Но все пошло наперекосяк. В первую очередь потому что он решил ограбить Северо-западный экспресс именно сегодня. Это тоже стало для нас неожиданностью. Первоначально он собирался проверить ограбление в другом месте и позже, но внезапно изменил свои планы. Я не знал, куда увезли Ланзо и как именно его собираются использовать. Если бы не ты, он мог погибнуть.

— Где сейчас горожане, которых Химерас взял в заложники?

— Все временно задержаны. Бургомистра Флегга ждет тюрьма. Как и некоторых других его приспешников. Вероятно, Анвила тоже.

— А директор Степпель?

— Он ни при чем.

— Рада слышать... — пробормотала я.

— Скоро рассвет. Тебя отвезут в Крипвуд. Выспишься, а завтра с тобой будут говорить дознаватели. Мне тоже предстоит немало работы.

С минуту мы смотрели друг на друга. Теперь, когда мне было известно все, я не чувствовала себя спокойной и удовлетворенной. Мне было холодно и печально, и казалось, что между мной и сидящим напротив мужчиной пролегла глубокая, неодолимая пропасть.

Это был незнакомый мне, чужой человек, со своей непонятной, сложной жизнью и планами.

Нас ненадолго свели обстоятельства. Но не успели сблизить настолько, чтобы мы продолжили путь вместе.

События, что заполнили последние сутки, изменили многое. В первую очередь, мое отношение к Корнелиусу. Возможно, он и правда был увлечен мной... хотелось бы в это верить. Но его долг и его служба всегда были и будут для него на первом месте.

Мне обидно? Нет. Я понимаю людей, полностью посвятивших себя одной цели.

Но мне больно. Больно от воспоминания о боли, которую я испытала, когда увидела его с другой женщиной. Навсегда ушло доверие. Разум говорил: верь! Но сердце не желало верить и продолжало опасаться новой боли.

Я встала. Встал и Корнелиус.

— Ты не собираешься уехать с Хантом в столицу? — спросил он.

— Нет. Учебный год только начался. Я не брошу учеников. Уеду летом, когда директор найдет замену.

— Эрика... давай попробуем начать сначала.

Я посмотрела ему в глаза и покачала головой.

— Не думаю, что нам по пути. Я поняла, что не готова к отношениям с тобой... с кем угодно, если на то пошло. Мне лучше оставаться одной. Прости.

Корнелиус стремительно шагнул ко мне, но в этот момент его окликнули от входа и сообщили, что дрезина ждет на путях, и если госпожа Верден хочет попасть домой, ей лучше поторопиться.

Я отвернулась и поспешила к дверям. От усталости и недостатка сна голова моя была легкая и пустая, но в ней эхом отдавались слова, которые я только что сказала Корнелиусу. Они заставляли меня невыносимо страдать.

Что ж, верные решения не даются легко. За них часто приходится платить сердечной болью.

Эпилог

Новый бургомистр Крипвуда

Семь месяцев спустя...

— До свидания, госпожа Верден! — хором сказали Магда и Ада, подхватили сумки с учебниками и поспешили в коридор, где их ждали подруги.

— Не забудьте заглянуть к кроликам! — крикнула я на прощание. — Хруста нужно отсадить от Пончика, они опять подрались!

Девочки задержались в дверях, переглянулись.

— Можно, мы завтра это сделаем? — попросила Магда ноющим голоском. — Мы сейчас идем в гости к Регине. Она обещала запрячь в тележку пони. Вы знаете, что его теперь по-другому зовут?

— И как же? — улыбнулась я.

— Бон-бон!

Услышав имя питомца, в класс заглянула Регина и строго сказала:

— Девочки, сначала рассадим кроликов. Бон-бон подождет.

Ее подруги вздохнули, но спорить не стали. Девочки ушли, а я принялась вытирать с доски. Поднялась меловая пыль, я звонко чихнула.

— Будь здорова, — негромко произнес Корнелиус, заходя в класс. — Как прошел день?

Я поспешно обернулась.

— Спасибо, хорошо, — ответила я, чувствуя, как подпрыгнуло мое сердце. — Регина сейчас рассаживает кроликов. Скоро придет, — предупредила я. — Подожди ее в классе.

— Хорошо. У нас будет время поговорить наедине, — он прикрыл дверь и подошел ко мне, но разговор начинать не спешил. Молча смотрел, как я продолжаю усердно возить по доске тряпкой. От его взгляда стало жарко затылку.

— Ты вернулся из столицы сегодня утром или вчера вечером? — спросила я, упорно глядя на грязные разводы на доске.

— Утренним поездом. Что случилось новенького за эти три дня, пока меня не было?

— Пришло письмо от Ланзо! — я повернулась и начала рассказывать: — Пишет, что скучает по дому и считает дни до каникул. Всего неделя осталась! Хотя ему нравится учиться в столице. Но он огорчается, что его пока не учат пользоваться даром. И не будут еще несколько лет. Зимой в его класс пришел новый мальчик, у него сильный дар проявился совсем рано, как у Ланзо, в восемь лет. Теперь Ланзо не самый младший в классе.

— Признаться, я по-прежнему считаю особую подготовку таких детей плохой идеей, — покачал головой Корнелиус.

— Знаю, — я отмахнулась тряпкой. — Но школа при академии Одаренных не дает особой подготовки. Там лишь присматривают за выдающимися детьми, создают для них подходящие условия.

— Будем надеяться, что это принесет пользу, а не вред.

— Ты ужасный пессимист.

— Я реалист. Какие еще новости?

— Велли опять сбежал в лес, — посетовала я. — Анвил предложил повесить на него свежеизобретенный радиоприбор для отслеживания, но сначала кабана нужно поймать. У него завелась подружка. Лесная кабаниха. Не знаю, вернется ли он в этот раз.

— Вернется, да еще не один. Будет у тебя целое стадо поросят.

— Не надо мне такого счастья, — улыбнулась я. — Корнелиус, есть последняя новость... самая важная.

Я положила тряпку на стол, сцепила руки, не зная, как начать.

— Написали из Департамента образования. Мне предстоит принять важное решение. Ты должен узнать о нем первым и сказать, что ты об этом думаешь.

Корнелиус нахмурился.

— Видно, дело серьезное, раз ты обеспокоена моим мнением.

— Оно всегда было для меня важно! Но теперь мне нужен твой совет как главного попечителя школы. Департамент так или иначе свяжется с тобой. Я просто его опередила.

— В чем дело?

— Степпель подал прошение об отставке по состоянию здоровья. Мне предложили занять пост директора этой школы, — выпалила я на одном дыхании.

— А, вот оно что! — сказал Корнелиус с облегчением. — Ну, это не новость. Признаться, я этого ожидал.

— Ты поддержишь мою кандидатуру?

— Несомненно. Кто еще, как не ты? За год ты показала себя талантливой учительницей. У тебя мало опыта, но есть неплохое образование. Твои статьи об уездных школах в «Вестнике педагогики» вызвали большой резонанс! — он лукаво добавил: — Хоть и не такой большой, как рассказы в «Вестнике оккультизма» о легендах здешних мест.

— От педагогических статей пользы будет побольше.

— Разумеется! Ты могла бы сделать карьеру учительницы в столице. Но педагоги-энтузиасты куда нужнее в провинции. Не госпожу же Лотар ставить на место директора! Как понимаю, ты не откажешься. Что меня только радует. Но твой дядя будет разочарован.

— Я еще думаю... — пробормотала я.

— Попробую подтолкнуть твои мысли в нужном направлении. У меня тоже есть важная новость. — Корнелиус сделал короткую паузу, словно собираясь с мыслями. — Я не рассказал тебе, зачем ездил в столицу. Дело в том, что мне тоже поступило одно предложение.

— Признаться, мне не понравилось, что ты уехал без объяснений. Полагаю, ездил встречаться со своим бывшим начальством. Тебе предложили вернуться на старую службу. И начать новое дело, верно? Ты за него берешься? Будешь дальше искать Химераса? — задавая последние вопросы, я не смогла скрыть горечь в голосе.

— Нет. С этим покончено. Я говорил это тебе уже не раз, и говорю вновь. Предложение было от другого ведомства. Меня хотят назначить бургомистром Крипвуда.

Я ахнула.

— Корнелиус, ты останешься здесь навсегда? Займешь кресло бургомистра?

— Кто еще, как не состоятельный промышленник, знающий этот городок вдоль и поперек? — усмехнулся он.

— Это замечательно! — сказала я с энтузиазмом. — Я очень рада за тебя.

— А я рад, что ты рада за меня... Давай-ка перейдем к другому вопросу. В какой раз я его задаю? Кажется, в четвертый.

Корнелиус сунул руку в карман пиджака, вытащил бархатную коробочку, открыл крышку. Я со вздохом посмотрела на хорошо знакомое кольцо.

— Ты выйдешь за меня замуж? — спросил Корнелиус обыденным тоном.

— В пятый, — поправила я его, изнемогая от волнения. — Ты задаешь этот вопрос в пятый раз. В последний, если я откажу?

— Нет, конечно. Буду предлагать тебе руку и сердце, пока ты не согласишься. Эрика... — его голос стал умоляющим. — Я люблю тебя. Я готов ждать, сколько потребуется. Но прошу, не заставляй меня ждать слишком долго. Неужели я еще не заслужил твоего доверия?

— Да, но... Корнелиус, понимаешь, я пережила немало разочарований и поэтому...

Я не успела договорить, потому что Корнелиус досадливо мотнул головой, положил коробочку на стол, обнял меня и поцеловал.

От неожиданности я сдавленно ахнула и положила ему руки на плечи, чтобы оттолкнуть. И при этом обильно испачкала мелом черную ткань его пиджака.

Мышцы на его руках напряглись — он ни за что не желал отпускать меня. Только на миг оторвался от моих губ и сказал с упреком:

— Твое упрямство переходит все границы. Неужели я так и не заслужил доверия за эти месяцы? Все еще боишься, что я тебя разочарую? Мне обидно это слышать. Ради тебя я согласился стать бургомистром.

— Ах, ради меня?! Не нужны мне такие жертвы, господин Роберваль!

— Ладно, не только ради тебя. Я не прочь попробовать себя в новой роли. Ты не хочешь быть женой бургомистра провинциального города? Хочешь вернуться в столицу?

— Я останусь здесь и стану директрисой!

— Прекрасно. Заодно получишь сановитого мужа. Вместе мы изменим Крипвуд.

Я фыркнула и сделала еще одну попытку освободиться.

Но Корнелиус опять поцеловал меня, и больше я не вырывалась.

— Этот муж будет любить тебя и никогда не предаст. И очень постарается не разочаровать свою жену... — прошептал он между поцелуями, на которые я отвечала с пылом. — Эрика, ты выйдешь за меня? Пожалуйста, скажи «да».

Дверь скрипнула и в класс ввалились девчонки.

— Госпожа Верден, а Хруст опять... ой!

Магда прыснула, Ада ойкнула, Корнелиус поспешно отпустил меня. Регина свела брови и сурово посмотрела на нас. Несомненно, в этот момент будущий бургомистр Крипвуда и будущая директриса выглядели, как нашкодившие детишки.

Регина решительно взяла подруг за руки и вытолкнула в коридор, крепко закрыв за собой дверь.

— Никому ни слова, поняли? — донесся ее голос. — Дело серьезное. Папа делает предложение госпоже Верден.

— Она будет твоей мачехой? — спросила Магда смущенно. — В сказках мачехи всегда злые!

— Вот ты дурочка! Это же не сказка! — презрительно ответила Регина. — Когда госпожа Верден выйдет за папу и переедет в наш дом, ему придется согласиться, чтобы Вельзевул тоже жил с нами. Здорово, правда? Он такой лапочка, душка-кабанчик! Ладно, идем ко мне! Папа сейчас не сможет нас отвезти...

Детские голоса удалились и затихли. Мы с Корнелиусом переглянулись. Мои щеки пылали.

— Я жду ответа на свой вопрос, — напомнил Корнелиус сурово.

— Мой ответ — «да», — выдохнула я и зажмурилась от волнения.

Ничего не происходило. Стояла гробовая тишина.

Я открыла глаза.

Корнелиус смотрел на меня довольно хмуро. Сунул руки в карманы и покачал головой.

Я оторопела. Вот так он отреагировал на мое согласие, которого долго добивался?!

— Наконец, ты сказала «да», — произнес он странным тоном. — Но мне бы хотелось услышать еще кое-что.

— Что же?

— Те слова, которые ты мне пока не говорила.

Я вспыхнула от смятения. Облизала пересохшие губы.

А потом шагнула к нему, обняла его за шею и прошептала:

— Я люблю тебя.

Он коротко вздохнул, как будто не верил, что когда-нибудь услышит от меня эти три слова. Но как только я их произнесла, остальные полились легко:

— Корнелиус, я люблю тебя, и это навсегда. Правда. Люблю с первой нашей встречи. Ты думал, я капризничала все эти месяцы? Нет! Я боялась. Боялась доверять. Боялась стать зависимой. Боялась любить. Прости. Но знаешь... сегодня утром решила: если ты больше не придешь ко мне с предложением руки и сердца, в пятый раз его сделаю я. Но не успела.

Корнелиус все еще молчал, но его сердце билось напротив моего сильными, частыми толчками.

Я поднялась на цыпочки и поцеловала его. И еще раз, и еще.

Потом слегка отодвинулась и погладила его щеку, и упрямый подбородок. Откинула голову, чтобы лучше видеть его лицо.

— Я трусиха, правда?

Корнелиус перехватил мои руки, крепко сжал запястья, внимательно посмотрел на меня смеющимися и любящими глазами и сказал серьезно:

— Ты самая храбрая и честная девушка на свете. Прости, Эрика, я немного оторопел. Никак не могу поверить своему счастью.

— Мое согласие принято?

— Безусловно.

И он поспешил подтвердить свои слова поцелуем.